

Наталья Будур

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ

ЖИВАЯ ИСТОРИЯ

ВИКИНГОВ • IX — XI ВЕКА

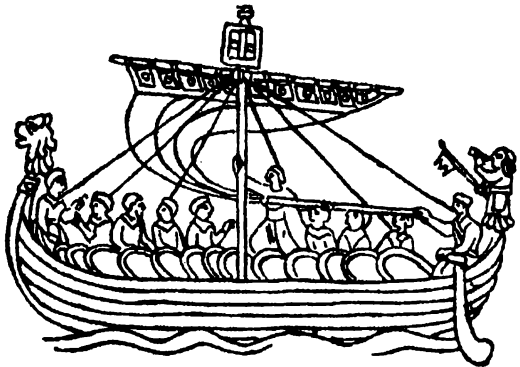

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

ПОВСЕДНЕВНАЯ

Наталья Будур

МОСКВА

ЖИЗНЬ ВИКИНГОВ IX — XI ВЕКА

УДК 94(368)“520.1”
ББК 63.3(4)4
Б 90

Scan By Vitautus

*Серийное оформление
Сергея ЛЮБАЕВА*

ISBN 978-5-235-03002-2

© Будур Н., 2007
© Издательство АО «Молодая гвардия»,
художественное оформление, 2007

В последние годы практически во всех странах Европы и в США необыкновенно вырос интерес к эпохе викингов, материальной и духовной культуре древних скандинавов. Создаются исторические общества, занимающиеся реконструкцией жизни той далекой поры, издаются целые серии, посвященные этим славным героям древности, известным искателям приключений. Не стала исключением и наша страна.

У человека XXI века есть целый ряд стереотипов как о самих викингах, так и о их повседневной жизни. Многие из этих стереотипов легко развенчать. Но откуда же берутся сведения о тех давних временах и на какие источники опираются историки в своих изысканиях?

К сожалению, до нас дошло не так много свидетельств, на основании которых исследователи и пытаются реконструировать повседневную жизнь эпохи викингов.

Все наши знания о тех далеких временах основаны на следующих письменных источниках.

1. «Старшая Эдда» — сборник мифологических и героических песен, сохранившийся в единственном списке — «Королевском кодексе», найденном в Исландии в 1643 году.

2. «Младшая Эдда» — своеобразные правила поэзии и пересказ древнескандинавской мифологии, принадлежащие скальду Снорри Стурлусону (1178—1241).

3. Саги — как королевские, так и родовые. Саги — это рассказы о том, что

происходило в Исландии и других северных странах в период с X по XIII век.

4. Скальдическая поэзия — это поэзия древних скандинавов, основная особенность которой заключается в том, что она подразумевает личное авторство поэта-скальда. При этом авторство в скальдических стихах осознавалось только в отношении формы, но не содержания. Содержание всегда истинно, зато форма — крайне запутана.

5. Рунические надписи — сохранившиеся надписи на камнях, надгробиях, бытовых предметах.

6. Рунические поэмы — поэмы Средних веков, описывающие свойства отдельных рунических знаков.

Поскольку большая часть этих литературных памятников широкому кругу читателей известна не очень хорошо, то мы считаем оправданным приводить в нашей книге большие цитаты из древнескандинавской литературы, ибо без них невозможно понимание жизни древних людей Севера.

При оценке вышеуказанных источников исследователи часто сталкиваются с определенными трудностями, ибо вряд ли современному человеку возможно до конца понять скандинавов эпохи раннего Средневековья, так как он не в состоянии отказаться от свойственных ему представлений, а тем самым и от известной модернизации прошлого.

Модернизация прошлого вообще очень опасна, ибо в результате ее прошлое-то от нас и ускользает. Мы часто не в состоянии понять значение древних памятников культуры, литературы, искусства.

Современные люди грешат известной самоуверенностью и снисходительно смотрят на достижения Античности и Средних веков. Имеем ли мы на это право?

Как, например, можно объяснить тот факт, что чем древнее астрономические данные, тем они точнее?

Например, Млечный Путь, по Фалесу и Анаксимену, состоит из звезд, каждая из которых является миром, содержащим солнце и планеты, и эти миры размещены в огромном космосе. Лукреций пишет о единообразии падения тел в пустоте и создает концепцию бесконечного пространства, наполненного бесконечным числом миров.

Мы считаем, что закон земного притяжения открыл Ньютон, а тем не менее Пифагор учил закону притяжения, обратному квадрату расстояния.

И не только в астрономии древние были ничуть не глупее современного человека. Так, водолазный колокол упоминается еще в средневековом «Романе об Александре Македонском».

А в другой средневековой рукописи — немецкой поэме «Соломон и Мальроф» — есть рисунок самой настоящей подводной лодки из меди.

Вспомним знаменитые работы Леонардо да Винчи.

В 1729 году была опубликована книга «Гифантия» Ги де ла Роша, в которой описаны принципы не только черно-белой фотографии, но и цветной.

Вместо пенициллина все в те же Средние века употреблялись повязки с сыром «рокфор», а многие мази прекрасно лечили от ожогов и быстро восстанавливали поврежденные участки кожи.

Как это ни невероятно, но галлы владели особым секретом производства ткани, известной под названием «пилема»; — льняной или шерстяной ткани, обработанной некими кислотами, которые противостояли железу клинку и действию огня.

А знаменитая дамасская сталь, рецепты которой привезли в Европу из крестовых походов рыцари?

До сих пор мы не можем разгадать тайны пирамид.

Как, например, объяснить тот факт, что высота пирамиды Хеопса — это расстояние от Земли до Солнца, поделенное на один миллиард? Или то, что при строительстве пирамид учитывались точный расчет продолжительности солнечного года, радиуса и веса Земли, астрономический закон прецессии равноденствий, величина градуса долготы, действительное направление на север?

Вес пирамиды — 6 миллионов 500 тысяч тонн. Блоки до 12 тонн весом каждый пригнаны друг к другу с точностью до полмиллиметра. Каким образом египтяне, владевшие только техникой деревянных клиньев, вбиваемых в трещины скалы, и имевшие в своем распоряжении только каменные молотки и медные пилы, могли поднять такие камни? И как эти блоки были вообще доставлены к месту строительства? И почему внутри пирамиды археологи не обнаружили нигде ни малейшего следа от копти факелов, которыми должны были бы пользоваться строители — ведь не могли же они строить в полной темноте?

Таких загадок великое множество.

Большая их часть не разгадана до сих пор.

Судя по всему, не поняты и секреты рун, и секреты построения военных крепостей викингов, и их невероятные успехи в мореплавании, которые тоже являются великой тайной.

Вряд ли можно предположить, что древние скандинавы верили в кривые значки только потому, что они им нравились. Мы убеждены в том, что если бы руны — тайные и могучие знаки — не являли верившим в них своей силы, то никто бы в них и не верил.

Вполне возможно, что именно своей верой и внутренней энергией верующие и «заряжали» руны, которые в ответ творили чудеса, но это уже наше чисто субъективное предположение.

С точки зрения современного человека было бы глупо утверждать, что в древних цивилизациях не было научных знаний или они стояли на уровень ниже нашей цивилизации.

Умершие цивилизации, в чьем существовании многие — в том числе и серьезные ученые — сейчас не сомневаются, обладали поразительными знаниями.

Корни мировоззрения древних этносов лежат в их мифах. С ними тесно связана вся жизнь этих народов. И лишь зная мифы викингов, можно говорить о их мире — как духовном, так и вполне реальном. Именно поэтому в приложениях мы даем краткий пересказ основных северных мифов.

Однако наш современник может постараться понять, чем отличаются его представления от представлений человека другой эпохи, и не оспаривать эти различия, а просто принять их.

И тогда удивительный мир викингов, их обычаев и нравов, поэзии и эддических сказаний покажется вам безграничным.

Книга, которую вы держите в руках, — попытка приоткрыть дверь в мир викингов, попытка представить себе жизнь, которую вели люди на Севере больше десяти веков назад.

Счастливого плавания на викингских драккарах!

ПОХОДЫ ВИКИНГОВ И ИХ ПУТЕШЕСТВИЯ ПО МИРУ

Походы викингов — это, по сути дела, скандинавская экспансия в другие страны, которая была прямым продолжением изменений, происходивших в северном обществе.

Однако, в отличие от других народов и племен, норманны никогда не переселялись компактной массой, целым народом: в дружине каждого вождя или конунга находились люди из всех стран Севера — и шведы, и датчане, и норвежцы.

В научной литературе часто пишут, что викинги в направлениях своей «деятельности» «специализировались» по национальностям: норвежцы заселяли острова Северного океана и нападали на Шотландию и Ирландию, тогда как датчане предпринимали набеги на Британию и Францию, а шведы двинулись «восточным путем», который через территорию славянских государств привел их к границам Византийской империи. Однако это не совсем верно. Между варягами, или восточными норманнами, находились, например, и датчане, а между западными норманнами — шведы. Последних, то есть шведов, было много и между первыми норвежскими обитателями Исландии, и особенно между датчанами, нападавшими на Британию.

Невозможно различить народности, из которых состояли норманнские дружины. Викингов можно лишь

«Обозначить» географическим названием «норманны» — люди Севера.

Как же они понимали друг друга, говоря на разных языках?

Дело в том, что до сегодняшнего дня датчане, шведы и норвежцы легко понимают друг друга. Исландский и фарерский языки очень отличаются от континентальных скандинавских языков. Это легко объясняется тем, что эти два языка остановились («заморозились», как говорят лингвисты) на более ранней стадии своего развития.

Исландцы не видят разницы между языком саг и современным языком и являются, наверное, единственным народом в мире, который легко читает литературные произведения раннего Средневековья на языке оригинала*.

В эпоху же викингов существовал один общий язык — древнесеверный. Вплоть до позднего Средневековья скандинавские языки, в которых уже начали возникать свои особенности, продолжали называть в Европе «языком данов».

Именно поэтому нет ничего удивительного в том, что норвеги, свеи, даны и исландцы прекрасно понимали друг друга в своих многочисленных поездках и викингских походах.

Что же побудило северян внезапно сняться с места и начать «носиться» по миру? Причин тут много.

---

* В результате постоянного обращения исландцев к своим истокам саги и сейчас не менее популярны, чем в Средние века. Каждый день в самый «прайм-тайм» на радио читают в течение 15 минут какую-нибудь сагу, а затем еще в течение 15 минут обсуждают ее.

Значение этих древних литературных произведений для исландской культуры столь велико, что многие забавные истории и анекдоты связаны именно с сагами. Одна из самых лучших — история о свирепом таксисте, которого как-то в праздничный вечер остановили четверо студентов. Поскольку на многие мили такси было одно, водитель решил проверить, достойны ли молодые люди его услуг. А потому он объявил, что посадит их только, если они процитируют ему на память начало «Саги о Ньяле». К счастью, один из студентов знал первые строки саги, и таксист отвез молодых людей домой. Трудно себе представить какую-нибудь другую страну, в которой таксист мог так озадачить студентов, а молодые люди — успешно справиться с трудным заданием.

Прежде всего, на Севере Европы было мало пригодных к обработке земель. Всякое расширение старого хозяйства и основание нового были связаны здесь с тяжелым трудом выкорчевывания, выжигания, осушения и очистки земель от камней. На бедной земле могло прокормиться мало народа.

Вторым мотивом был торговый расчет. Неправильно считать викингов лишь грубыми и жестокими захватчиками, которые прежде всего стремились уничтожить и ограбить захватываемые ими территории. В VIII—IX веках торговые связи Скандинавии с континентальной Европой и Востоком приобрели большое значение и были достаточно цивилизованными. Викинги, наряду со славянскими и греческими купцами, поддерживали торговые отношения между Европой и Востоком, они были своего рода миссионерами и посредниками, развивавшими торговлю между разными странами. Именно поиски новых путей на Восток и привели варягов, выходцев прежде всего из Швеции, на Русь, а затем к хазарам, далее на Каспий и в Багдадский халифат и, наконец, в Иран.

Третьей «движущей силой» викингов было стремление добыть себе власть в морских походах. Во власти и «добром имени», в признании собственных достоинств и обретении воинской славы были заинтересованы прежде всего представители знатных родов. К середине I тысячелетия в Скандинавии уже сложились племенные союзы под предводительством выборных вождей — *конунгов*, — которые сражались между собой за власть и территории. Естественно, что эти местные князья хотели упрочить свое положение, сделать свои «должности» не выборными, а передающимися по наследству. А для этого им были нужны деньги и уважение (слава). И то и другое они могли завоевать в военных походах.

Само понятие «походы викингов» ученые трактуют по-разному, а именно:

нападение на другие страны как разрозненных дружин, так и объединенных военных формирований с целью грабежа и занятия территорий для последующего их заселения (пиратство);

походы больших дружин под предводительством знатных военачальников — *хёвдингов* или даже скандинавских королей-*конунгов* — с целью установления власти над захваченными территориями с последующим сбором дани;

мирная колонизация земель, и самым ярким примером тут, вне всякого сомнения, является заселение Исландии;

морская торговля и основание торговых поселений в других странах;

наемничество — служба в дружинах заморских королей, например в императорской гвардии Византии.

Очень часто «типы» походов викингов плавно переходили один в другой — например, пиратство и морская торговля. Один и тот же человек в разное время и при разных обстоятельствах выступал в разных ипостасях. Он мог быть одновременно храбрым пиратом и очень хитрым и умелым купцом.

Не стоит думать, что все до одного северяне отправлялись в морские походы. Большая часть населения Скандинавии той эпохи вела мирный и «обывательский» образ жизни. Простой скандинав, обычный человек эпохи викингов, мирно существовал в своей усадьбе, и бурные события его совершенно не касались. Он спокойно трудился, чтобы добыть пропитание себе и своей семье, и даже не думал о походах и завоеваниях. И любые рассказы о набеггах, сражениях, захватах и поражениях слушались в крестьянских усадьбах в те далекие времена так же, как сейчас дети слушают увлекательные и не имеющие никакого отношения к настоящей жизни сказки. Но даже у простых людей жажда новых знаний была столь сильна, а желание развлечься столь непреодолимо, что возвратившиеся из походов викинги становились желанными гостями в любой усадьбе на долгие зимние месяцы.

«Отправляющиеся в походы норманны» — так еще называют викингов — всегда были хорошо организованы. Во главе их экспедиций, как правило, стояли знатные люди, а вот рядовым дружинником мог стать любой свободный человек. Торговлей занимались как знатные вожди — хёвдинги и конунги, так и простолю-

дины. В походы их влекли жажда наживы, желание посмотреть мир, если уж представилась такая возможность, а часто и авантюрный характер. Искатели приключений были и есть во все времена.

Успеху походов викингов способствовали не только «общий» язык, но и превосходное мореходное искусство — впоследствии превзойденное лишь ганзейцами*, да и то лишь отчасти, — и внезапность нападений.

Не менее важное значение для успеха викингов имела и феодальная раздробленность на западе, и племенная разобщенность на востоке Европы, которая была практически открыта для захватчиков. Северянам хватило ума, хитрости, знаний и сноровки воспользоваться незащищенностью богатых соседей.

Некоторые историки считают, что в эпоху викингов в Скандинавии сложилось особое «варварское общество», развитие которого происходило вне известных классовых формаций. Существует и иное мнение: на Севере сложилось общество переходного периода от родового строя к феодальному, для обозначения которого применимо выражение «военная демократия».

Что же значит само слово «викинг» (древнеисландское *vikingr*)?

Ученые сих пор не дали однозначного ответа на этот вопрос.

Современники называли викингов пиратами. Надо сказать, что в этом нет ничего удивительного: если человека грабят, захватывают в плен и продают в рабство, то вряд ли он будет испытывать по отношению к завоевателю добрые чувства. Поэтому «пират» — одно из самых мягких определений, которым обиженный мог наградить своего обидчика. Викинги были прирожденными воинами и неутомимыми искателями приключений. Они сеяли смерть везде, где появлялись. Они грабили, захватывали в плен людей и проливали реки крови. Исключения из правил тоже встречались. Так,

---

* Ганза — союз торговых городов — Гамбурга, Бремена, Кельна, Гданьска, Риги и других во главе с Любеком, окончательно сформировавшийся к 1367—1370 годам. Целью Ганзы была активная посредническая торговля между востоком, западом и севером Европы по Балтийскому и Северному морям.

исландец Альвир Детолюб получил свое прозвище за то, что, как говорится в одной из саг, «запретил своим людям подбрасывать детей в воздух и ловить их на копья, как было принято у викингов». «Началась ужасная резня, — свидетельствует хронист, описывая нападение викингов на Англию. — Точно волки набросились на стадо, к которому они подкрались, не замеченные пастухами. Как нападают эти хищники на овец и баранов и рвут их в клочья, так и эти варвары неистово устремились на толпу бедных христиан».

На основании письменных (рунические надписи) и устных (саги) источников можно предположить, что в самую эпоху викингов слово «викинг» было скорее ругательным и, в любом случае, имело негативную окраску, ибо означало кровожадного и охочего до золота и серебра пирата, что, в общем, как мы уже говорили выше, и не удивительно.

Некоторые исследователи считали, что это слово произошло от области Норвегии Вик, другие — от слова «vik» — «бухта», третьи — от глагола «vikja» — «поворачиваться, отклоняться, уходить в поход». Последняя теория в настоящее время считается наиболее убедительной. По этой гипотезе, викингом называется тот, кто отправился в морской поход, покинул родину.

За пределами Скандинавии викингов называли «язычниками», «норманнами», «людьми с Севера», «данами», «аскеманнами». На Руси викингов именовали «варягами».

Началом эпохи викингов историки называют 793 год — год нападения викингов на остров Линдисфарне в северо-восточной Англии и разграбления первого английского монастыря — Святого Кутберта.

Что касается завершения эпохи викингов, то годом ее окончания принято считать 1042-й, год смерти последнего скандинавского короля в Англии, короля Хардакнута.

Северяне появляются одновременно в Ирландии и Англии, во всех частях Западной Европы, в Исландии, Гренландии и Америке, на берегах Ледовитого океана, где они открыли, как гласит легенда, близ Белого моря далекую Бьярмию, в Восточной Европе, в Византии и

даже в мусульманских государствах, прилегавших к Каспийскому морю.

Ни одной приморской стране не было от викингов пощады. Ирландия и Шотландия претерпели от них столько же, сколько и Англия и Франция. «Послал всемогущий Бог толпы свирепых язычников — данов, норвегов, готов и свеев; они опустошают грешную землю Англии от одного берега до другого, убивают народ и скот и не щадят ни женщин, ни детей», — записано об этом времени в одной из англосаксонских хроник. Летописцу вторит арабский купец Ибн Мискавейх: викинги — «крепкие, сильные воины. Они никогда не отступают, а убивают сами. Или убивают их. Захватывая город, они жестоко грабят его, а если жители отказываются подчиниться, то из ножен выхватываются мечи, со свистом рассекающие воздух и убивающие непокорных».

Если верить известиям хронистов, то в Ирландии норманны появились в 747 году. «Море выплеснуло на берега Ирландии потоки пришельцев, захлестнувшие деревни, монастыри, крепости и города», — читаем в ирландской хронике.

Но лишь в следующем веке они попытались перейти от роли береговых разбойников к роли завоевателей. Их главные усилия были направлены на восточное побережье острова, где Дублин издавна являлся средоточием их поселений, затем на южную береговую полосу. Во второй половине века мы находим норвежские королевства в Уотерфорде и Лимерике.

Положение этих королевств всегда было непрочным. Несмотря на то, что, по известиям ирландских летописцев, кельтские вожди не раз воевали в рядах норманнов, население островов, которое к этому времени уже все перешло в христианство, было, благодаря своей вере, более сплочено, чем завоеватели. На севере, в «тылу» ирландских норманнов, жили шотландские пикты, не раз наносившие им тяжелые поражения, а к западу — датчане Англии, или англосаксы, с которыми они боролись в союзе с кельтским населением западного побережья Англии.

Проследить перипетии этой борьбы невозможно.

В течение 50 лет Дублин и Уотерфорд раз двадцать переходят из одних рук в другие. Завоеватели одерживали верх в те минуты, когда на время прекращались вторжения в Англию или Францию и незанятые норманны отправлялись в Ирландию искать приключений, которых нельзя было найти в другом месте. Мы нередко встречаем в ирландских хрониках имя какого-нибудь норманнского вождя, который за несколько лет перед тем упоминается в англосаксонских или франкских хрониках.

Однако мало-помалу норманны Англии и Франции стали «оседлыми» и перестали доставлять подкрепления ирландским «коллегам». С другой стороны, открытие Исландии дало новое направление норвежской эмиграции. Норвежские королевства Ирландии пришли в упадок, а их население начало «кельтизироваться». Из хроник мы видим, как короли таких колоний были обращаемы в христианство ирландскими монахами и женились на дочерях вождей кланов. С течением времени здесь осталась лишь тонкая полоска скандинавских поселений вдоль восточного побережья, уцелевшая до тех пор, пока на острове не появились нормандцы.

На Англию викинги регулярно нападали в 835—865 годах. Иногда к берегу одновременно приставали до 350 датских драккаров — боевых кораблей норманнов. Разорению подвергались Корнуолл, Эксетер, Винчестер, Кентербери и, наконец, Лондон. До 851 года викинги не остаются на зимовку в Англии, а поздней осенью возвращаются домой, увозя добычу. Некоторое время не решаются они проникнуть вглубь страны и не уходят от берега дальше, чем на 15 километров.

В Англии, как впоследствии и в других странах, викинги старались запугать местное население, огнем и мечом зверски подавляя малейшее сопротивление. Широко применяли они изуверские ритуальные казни — например, в 867 году король Нортумбрии Элла принял смерть от «кровавого орла» — ему живому разрезали спину, загнули наружу через образовавшуюся рану несколько ребер и вынули легкие. В поздних источниках

подобное изуверство называется ритуалом во славу веховного бога Одина.

Немногие западные правители могли оказать достойное сопротивление «неистовым норманнам» — историки называют лишь трех королей, которые были способны организовать оборону своих государств. В Галлии это были императоры Карл Великий*, который сформировал флотилию для защиты своих берегов, и Карл Лысый**, который хотел преградить или перегородить реки укрепленными мостами, а в Англии — Альфред Великий (около 849—890). Во всех остальных случаях после нескольких жестоких набегов викингов-язычников христианские правители не оказывали грабителям никакого сопротивления и избавлялись от них испытанным во все времена способом — откупались.

Группы островов, лежащие к северу от Великобритании, издавна были известны шотландским и ирландским кельтам, но, по-видимому, мало населены. Когда в VIII веке туда пришли норманны, все население этих островов состояло из ирландских монахов. Точно так же обстояло дело в Исландии. Ирландец Дикиуилий рассказывает в своей хронике, что монахи прибыли на эти острова незадолго до нашествия скандинавов и покинули их тотчас после того, как начались вторжения.

Таким образом, заселение этих архипелагов и Исландии новыми пришельцами не встретило никаких препятствий. В 861 году норвежец Наддог открыл Исландию, а в 878 году началась ее колонизация, продолжавшаяся около 50 лет. Большинство колонистов являлись норвежцами, покинувшими свою родину, чтобы не подчиняться владычеству могущественных королей.

---

* *Карл Великий* (742—814) — франкский король с 768 года, император с 800 года. По его имени стала называться династия Каролингов. Карл — один из величайших правителей Средневековья, который сумел расширить и укрепить свое государство, сделать его процветающим. Могучий властитель, одержавший крупные победы, он был прославляем современниками и потомками. Представлен и в героическом эпосе Средневековья.

** *Карл II Лысый* (823—877) — король из династии Каролингов.

Итак, Исландия сделалась второй Норвегией. По образу последней она представляла собой, как пишут историки, федерацию изолированных усадеб и хуторов, расположенных в глубине фьордов и долин острова. Старые нравы, традиции и саги сохранились здесь практически в первозданном виде, и преимущественно по ним мы можем судить о состоянии Скандинавии до принятия христианства*.

Северо-западная оконечность Исландии и восточный берег Гренландии расположены очень близко друг от друга. Достаточно было какому-нибудь норвежскому судну, шедшему в Исландию, быть несколько отнесенным бурей или течением, чтобы его экипаж мог заметить над горизонтом снежные вершины Гренландии.

Уже в 870 году некто Гунбьёрн** увидел острова, лежащие у Гренландского берега. Веком позже, в 980 году, Аре Марсон был прибит бурей к стране, которую он назвал Великой Ирландией, или Страной белых людей. Эти белые люди говорили по-кельтски. Наконец, исландец Эйрик Рыжий, идя вдоль западного берега острова, достиг новой земли, заселенной карликами — *скрелингами*, — вероятно, эскимосами, и назвал ее Гренландией — Зеленой землей.

Название мало соответствовало облику страны, покрытой льдами, и ученые полагают, что название «Зеленая земля» было своеобразным рекламным ходом с целью привлечения новых поселенцев. Как бы то ни было, западное побережье Гренландии сделалось исландской колонией и пробыло таковой до XIV века. В XV веке, как предполагают, колония была истреблена черной смертью — чумой.

История норманнских поселений в Америке еще более загадочна, чем история гренландских колоний.

Исландец Бьёрн Хериульфсон, плывя из Исландии в Гренландию и будучи отброшенным северным ветром

---

* Повседневной жизни Исландии посвящена отдельная глава этой книги.

** Все имена и географические названия даются автором в соответствии с традицией перевода на русский язык родовых и королевских саг.

к югу, заметил слева по борту незнакомые берега. Его открытие сильно взволновало гренландцев и исландцев, и один из сыновей Эйрика Рыжего, Лейв, решил отправиться в ту страну.

Выйдя из Гренландии и плывя на юго-восток, он вскоре достиг этих берегов. Они были голы и скалисты, почему Лейв, впоследствии прозванный Счастливым, и назвал эту землю Страной утесов, или Каменной страной; это был, по всей вероятности, Лабрадор. Далее, на юге путешественники увидели другую страну, плоскую и лесистую, которую они назвали Лесной страной — Маркланд, а еще южнее — новую землю, в которой и решили перезимовать.

Они построили себе здесь крепкий дом, но зима оказалась менее суровой, чем они ожидали. Климат был настолько мягок, что рос виноград, поэтому они дали этой стране название *Винланд* — Виноградная страна. Долгое время думали, что эта Страна вина соответствует побережью Массачусетса, где некоторые развалины атрибутировались как постройки норманнов. Теперь же установлено, что Винланд лежал не южнее Новой Шотландии.

Около 1002 года один гренландец по имени Торфинн Карлсефни задумал основать колонию в Винланде. Он отправился туда с 60 мужчинами и несколькими женщинами, нашел берег, открытый Лейвом Счастливым, и вскоре встретил здесь новых скрелингов, сходных с гренландскими. Некоторое время пришельцы жили в мире с ними, но затем вспыхнула война, и гренландцы вынуждены были оставить Винланд, проведя там почти два года.

Так что основные успехи викингов заключались все-таки не в открытии новых земель, а в молниеносном завоевании Европы.

Впервые на берега континентальной Европы викинги «явились» еще при жизни великого императора Карла Великого. «Предвижу, сколько зла наделают эти люди моими преемникам и их подданным...» Эти слова Карла Великого, сказанные им во время одного из появлений викингов у берегов Южной Франции, оказались пророческими.

Первым в 810 году во Фрисландию прибыл со своим флотом в 200 судов датский конунг Готфрид, который ограбил все прибрежные острова, сжег город Гронинген, разбил войско фризов и обложил их данью.

При наследниках Карла Великого «короли морей» вторгаются в бывшие его владения.

В 840 году после 26-летнего тревожного царствования умер сын Карла Великого, король Людовик Благочестивый (778—840). Он был воистину благочестив и получил свое прозвище за приверженность к монашескому аскетизму и Церкви, но, как часто бывает с такими людьми, слаб характером и слишком добр. Он не мог правильно распорядиться своим государством, своей империей, унаследованной от отца. Его сыновья начали борьбу за власть еще при жизни отца, не стесняясь угрожать даже ему самому, а уж после смерти короля Людовика стали открыто враждовать между собой.

25 июня 841 года братья сошлись в битве при Фонтене в Бургундии. В том кровопролитном бою пали лучшие воины Франции. Страну стало некому защитить от набегов викингов. И их корабли вошли в Сену и Луару. Руан был razорен, знаменитые монастыри разграблены, монахи перебиты, а ценности и святыни расхищены, большая часть населения взята в плен и продана в рабство.

Набеги викингов на земли Франции повторялись почти ежегодно, и воинам с Севера удалось даже разграбить Париж.

Сохранились французские хроники, которые рассказывают, что около 850 года несколько кораблей викингов под предводительством Гастинга появились у стен Нанта. Все попытки населения защититься или спрятаться в церкви Святого Петра оказались бесполезны, и город был предан огню и мечу. После одержанной победы викинги разбили лагерь неподалеку от города и надолго остались там, совершая регулярные набеги на города и монастыри по всей Франции.

Затем они уплыли в Испанию, но, потерпев там неудачу, вернулись обратно и разграбили Париж. Король Карл Лысый был вынужден бежать в монастырь Сен-

Дени. Франции грозила гибель, и лишь непривычный климат и, как пишет хронист, «употребление в пищу незрелых плодов», которые привели к серьезным болезням и диарее, вынудили викингов отправить к королю послов с требованием выплатить дань, после чего они обещали вернуться к себе на Север. Французы заплатили громадную сумму серебром, и норманны убрались восвояси...

Но через короткое время викинги, отвезя добычу домой, вернулись. С ними явились новые дружины северян. Корабли норманнов входили в реки Эмс, Рейн, Маас, Шельду, Сену и Луару. Они контролировали все водные пути от Эльбы до Пиренеев. Речные устья северяне, искусные в военном деле, перегораживали каменными стенами с небольшими проходами в них для своих судов.

Особенный ущерб был причинен Фрисландии. Викинги захватили город Дорестада, в котором находился королевский монетный двор, ограбили город Нимвеген и обложили население соседних областей данью. Вся страна между реками Рейном и Ваалом подверглась их нападениям.

Тогда король Карл Лысый, сын Людовика Благочестивого, которому при разделе досталась большая часть современной Франции, обратился за помощью к своему старшему брату Лотарю, который наследовал отцу в достоинстве римского императора и получил владения от Альп до берегов Немецкого моря*. Лотарь обещал помощь в борьбе с северянами, но Карл был так напуган, что еще до выступления брата даровал викингам землю, впоследствии получившую название Нормандия.

Несмотря на объединенные усилия Карла и Лотаря, северные пираты находились на Сене до 853 года. Только летом этого года они покидают эту реку, прихватив с собой награбленное добро и великое множество рабов, и направляются в Луару. Там викинги захватывают город Нант, укрепляются в нем и уже оттуда предпри-

---

* По имени одного из наследников Лотаря этой стране впоследствии было дано название Лотарингия.

нимают грабительские вылазки. Они предают огню и мечу города Анже и Леманс и подходят к Туру, который им, однако, захватить не удастся. Но северяне не теряются — и грабят очередной монастырь. Непокорный же Тур они все-таки берут приступом спустя шесть месяцев.

Много городов, монастырей и селений грабят и громят викинги на протяжении 853—855 годов, несмотря на сопротивление Карла Лысого, которому иногда даже удастся одержать над отдельными дружинами северян победу.

В 856 году, чтобы хоть как-то остановить захватчиков, король решает собрать с подданных выкуп. Епископы, аббаты, графы, бароны, вельможи и сам король собирают колоссальную сумму и выплачивают викингам дань. После этого норманны отплывают из Франции в Средиземное море.

«Освоение» средиземноморских стран викинги начали еще в 827 году, когда впервые явились в Испанию. Они пристали к берегу в Галисии, показали при городе Вигоне и разграбили прибрежные селения. Но викинги получили достойный отпор: король Леонский* Рамиро разбил пришельцев и сжег 70 их боевых кораблей.

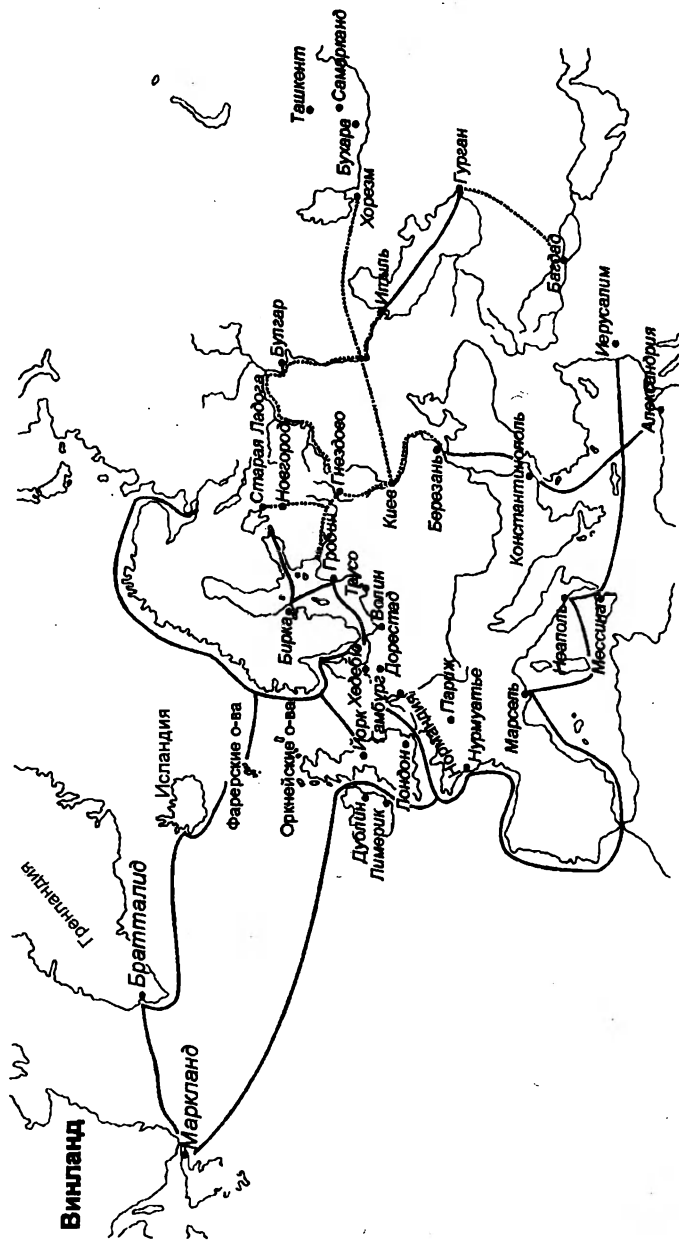
В 844 году викинги нападают на поселения на астурийском берегу, но вновь терпят неудачу. После неудачной тринадцатидневной осады Лиссабона они вынуждены вернуться на свои суда и отплыть в Андалусию, но по дороге продолжают грабить окрестные селения. Они входят в реку Гвадалквивир и осаждают богатый город Севилью.

Арабский флот в те времена был очень силен, и правители арабов были в состоянии защитить свои берега от нападений с Севера. Поэтому неверных в Севилье терпят недолго — большую часть викингов повесили на пальмах, а 200 отрубленных голов норвежцев арабский эмир отправил в качестве доказательства уничтожения маджус** союзникам в Северную Африку.

---

* Леон — средневековое королевство на севере Пиренейского полуострова.

** Арабские историки называли викингов огнепоклонниками, язычниками — маджус.

Походы викингов.

В 857 году норманны вновь появляются у берегов Галисии, которую успешно грабят. Но под натиском арабских войск викинги вынуждены вернуться на суда и продолжить свой путь далее. Грабя селения на берегах Испании и Португалии, северяне через Гибралтарский пролив вторгаются в Африку, грабят там несколько городов и плывут далее к Балеарским островам. Они грабят также острова Майорку и Менорку.

Оттуда предводитель викингов Гастинг предложил дружине двинуться на Рим. Предложение пришлось викингам по нраву, и они отправились в Италию, но по ошибке приняли за Рим укрепленный город Лунке, именуемый также Луна.

Жители этого города быстро вооружились, и Гастинг, поняв, что крепость взять силой не удастся, решил прибегнуть к хитрости. Он отправил в город посла, который сообщил епископу и графу, владельцу замка, что датский хёвдинг после долгих скитаний по морю болен и просит лишь одного — позволения купить еду и пиво в городе, а самого его окрестить.

Доверчивый епископ решил совершить обряд крещения, а горожане согласились торговать с викингами. Гастинга на щите принесли в городскую церковь, а после крещения отнесли обратно на корабль. Там он приказал воинам сообщить на следующий день о своей безвременной кончине и попросить у епископа разрешения похоронить его в церкви.

Викинги в точности выполнили приказание предводителя, и епископ, поверивший лживым клятвам и ослепленный богатыми дарами, которые якобы оставил церкви умерший Гастинг, разрешил предать останки викинга святой земле монастыря. Гастинга в полном боевом вооружении положили на носилки и понесли в город в сопровождении всей дружины. В воротах их встретили граф и епископ с монахами, и они все вместе направились к центру города в церковь. Там епископ стал отпевать Гастинга, а потом повелел положить в уже вырытую для него могилу.

Тут норманны с криками протеста бросились со всех сторон к епископу, а сам Гастинг соскочил с носилок и собственноручно зарубил и графа, и несчастно-

го доверчивого епископа. Через несколько часов город оказался в руках норманнов. Однако, когда Гастинг узнал, что это не Рим, он пришел в ярость и приказал нагрузить корабли награбленным добром, чтобы отправиться дальше — к берегам вождеденной Италии.

Но по пути викингам пришлось выдержать ужасную бурю, шквалистый ветер поломал все мачты и весла, изорвал паруса, и чтобы спасти себя и корабли, норманнам пришлось выбросить за борт и добычу, и красавиц-рабынь.

В 859 году одна из дружин Гастинга снова явилась в Испанию, ограбила несколько городов, доплыла до берегов Африки, где вновь бесчинствовала, а затем остановилась на зимовку на испанских берегах.

Ужас объял Францию, когда пришла весть о возвращении дружин Гастинга из Испании. Король созвал на совет своих баронов и рыцарей. В результате к Гастингу были посланы епископы и аббаты для переговоров.

Французы считали чудом, что их делегации удалось уговорить грозного и воинственного Гастинга принять христианство. Викинг, заставлявший трепетать страну, явился на аудиенцию к королю, выторговал на ней себе большую сумму денег и получил во владение французское графство Шартр, в котором и стал жить.

• • •

С тех пор европейские монархи старались всеми силами заполучить себе в вассалы страшных викингов.

Одновременно с разбойничьими походами и часто по тем же путям, как мы уже говорили выше, шла активная торговля. Скандинавы продавали в Западной Европе меха, в Восточной — оружие, но повсюду главным «товаром» было их воинское искусство. Они становились наемниками правителей Востока и Запада. Как в Англии они поступали на службу к Этельреду или Кнуту, так и в Азии, на Руси и Византии они составляли гвардию государей.

На свое жалованье норманны покупали ткани и ук-

рашения в Европе. В могилах IX—X веков археологами найдено множество статуэток и украшений из драгоценных металлов, многие из этих драгоценностей созданы в восточном стиле. В сагах часто упоминаются драгоценные материи Южной Франции. Скандинавские вожди издавна наряжались с такой роскошью, которая мало соответствует представлению западных летописцев о грубости северян.

Многие скандинавы привозили домой деньги, заработанные ими «за границей». В Скандинавии, в частности в Швеции, нашли огромное количество англосаксонских и византийских монет. Но вместе с этими деньгами найдены и другие, которые могли попасть на Север лишь в результате мирного обмена. Таковы венгерские, богемские, итальянские монеты, деньги из Хорасана, деньги багдадских Аббасидов.

Все эти иностранные монеты относятся к двум различным эпохам: одни, менее ценные, — ко времени до VI века, остальные — к IX и X векам. Монеты, чеканенные в промежутке между этими двумя эпохами, встречаются крайне редко. Отсюда можно сделать вывод, что южные пути, с VII века закрытые для скандинавов из-за вторжений различных племен, снова открылись для них в IX веке.

Товары, которые шведы и другие скандинавские купцы предлагали на чужбине, можно разделить на восемь групп:

пушнина, шкуры и кожи;

продукты сельского хозяйства и лесного промысла, прежде всего мед и воск;

морские продукты, в том числе рыба и моржовая кость;

сырье и орудия труда;

предметы домашнего обихода и утварь;

рабы;

украшения, предметы гигиены и ухода за телом, в том числе костяные и деревянные гребни, пинцеты, палочки из серебра для «чистки» ушей (так называемые копоушки), притирания, масла и мази, а также краска для глаз;

оружие.

Саги наполнены рассказами о людях, прозванных *хольмгардцами* и *бьярмаландцами*, по их путешествиям в Хольмгард и Бьярмаланд* (Бьярмию). Другие, по словам саг, ездили по торговым делам то в Англию, то в Дублин в Ирландии, куда торговые поездки были обыкновенны, то в Рудоборг в Валланде (Руан во Франции); иногда вели прибыльную торговлю с саамами (лопарями) в Финнмарке, которым привозили сало и масло, любимые предметы торговли этого народа, и в обмен получали оленин кожи, разные меха, птичьи перья, китовый ус и корабельный канат из моржовой и тюленьей кожи.

В Викене (побережье на севере от реки Готы, теперь Бохуслен) многие купцы, как датские, так и саксонские, проводили зиму и лето. Жители Викена и сами часто ездили для торговли в Англию, в землю саксов, во Фландрию и Данию. Они и готы очень роптали на распри между шведским конунгом Олавом Шётконунгом и норвежским королем Олавом Толстым, мешавшие торговым сношениям их подданных.

В Тунсберг в Норвегии приходили торговые кораб-

---

* Еще до открытия Гренландии и Америки, в то время как заселялась Исландия, викинги плавали в самые северные страны, располагавшиеся на берегах Ледовитого океана. Они старались подчинить своей власти племена саамов и лопарей, против которых предпринимали часто не только мирные, но и военные экспедиции. После подчинения саамов с них начали собирать дань — так называемый «финский побор», который вскоре перешел под контроль королевской власти. В состав дани входили куньи меха, меховая одежда, оленин и медвежий шкуры, птичье перо, китовый ус.

Страна сказочных богатств стала называться Бьярмией, и знаем мы о ней преимущественно из саг. Поскольку достоверных сведений о местоположении Бьярмии нет, то историками делались попытки «локализовать» эту страну во многих пунктах северной части Восточной Европы. Однако наибольшее число приверженцев — у теории расположения этой таинственной страны в нижнем течении Северной Двины.

Последняя поездка скандинавов в Бьярмию произошла в 1222 году. Во время этого путешествия, о котором есть сведения в исторических источниках, в Бьярмии были изрублены местными жителями все люди, находившиеся на торговом скандинавском корабле. Конунг Хакон послал в Бьярмию два военных корабля, экипажи которых огнем и мечом опустошили далекую северную страну. Вскоре после того прекратилось плавание скандинавов в Белом море.

ли из Саксонии и Дании, из Викена и северных границ Швеции.

Еще более развита была торговля в Халльсейри в Дании. По свидетельству исландских саг, там собиралось много торгового люда и велась обширная торговля на ярмарках, главных на Севере.

Торговые пункты на полуострове Сконе в Швеции также посещались кораблями разных народов. Особенно выделялся Лунд — богатый торговый город, обнесенный деревянными стенами, не всегда однако же защищавшими его от нападений викингов.

Корабли, приходившие из Сканера и Халльсейри в Норвегию, привозили пшеницу, солод и мед, а обратно везли рыбу. Жители Викена торговали в Гёталанде солью и сельдью. Корабли из Исландии привозили меха и сушеную рыбу. Норвежские и датские суда брали там рыбу, кожи, ворвань и меха, а привозили пшеницу, мед, вино и сукно. Валландские (франкские) мечи, о которых часто упоминается в сагах, были также предметом торговли, хотя оружие иностранной работы, вероятно, принадлежало к числу вещей, большей частью приобретаемых в походах. Рабы также продавались и покупались на больших рынках.

Немного говорят исландские саги о торговле на прибалтийских берегах. Вероятно, из Швеции везли меха, мед и воск, которые отправлялись русичами вниз по Днепру.

Жители городов, для которых торговля была основным занятием, были в то же время воинами, сами управляли судами, запасались оружием и нанимали дружину, потому что нередко им приходилось защищаться от нападений викингов. Так, мы знаем, что на торговые корабли, на которых епископ Ансгарий впервые приехал в Швецию, по дороге напали викинги, но купцы оказали им достойное сопротивление, что, впрочем, не спасло их от вторичного нападения норманнов, которое оказалось для последних удачным.

• • •

Побывали викинги и на Руси. Но вопрос о варягах принадлежит к наиболее спорным в русской историографии. Ученых привлекали легенды о призвании ва-

ряжских князей и вполне удовлетворительные объяснения скандинавского происхождения имен Рюрика и Трувора. Однако опровергнуть сообщение о призвании варягов на Русь оказалось вполне возможным. Тем не менее бессмысленно отрицать тот факт, что между скандинавами и русичами существовали тесные связи, следовательно, значение норманнского влияния на русскую историю вряд ли можно преуменьшить.

Походы викингов на Русь, начавшиеся в конце VIII века, первоначально были разбойничьими набегами, которые довольно трудно отделить от «торговых поездок». Те, кто отваживался отправиться в поход в Восточную Европу, могли захватить богатую добычу и покрыть свое имя неувядаемой славой.

«Въездными воротами» в славянские земли служили расположенные на северо-востоке Балтийского моря Ладожское озеро и река Волхов. Из Ладожского озера по системе рек можно было доплыть до Белозера, центра финского племени *весь* (современные вепсы), а также по реке Волхов добраться до озера Ильмень и Новгорода. Далее по речным системам бассейнов Ладожского озера и Ильменя нетрудно было доплыть до Верхней Волги и достичь державы *булгар* со столицей Великий Булгар. Волжский путь через Каспийское море вел далее в арабские страны Передней и Средней Азии, а по Нижнему Дону — в Черное море и Византию.

Плавание по рекам было очень опасным. В некоторых местах суда приходилось тащить по суше волоком или на катках, чтобы переправиться на другую реку или миновать опасные каменистые пороги.

«Повесть временных лет» очень подробно описывает круговорот торговых путей на Валдайской возвышенности:

«Когда же поляне жили отдельно по горам этим, тут был путь из Варяг в Греки и из Грек по Днепру, а в верховьях Днепра — волок до Ловоти, а по Ловоти можно войти в Ильмень, озеро великое. Из этого же озера вытекает Волхов и впадает в озеро великое Нево, и устье того озера впадает в море Варяжское. И по тому морю можно плыть до Рима, а от Рима можно приплыть по

тому же морю к Царьграду (Константинополь. — *Н. Б.*), а от Царьграда можно приплыть в Понт море (Черное море. — *Н. Б.*), в которое впадает Днепр река. Днепр же вытекает из Оковского леса и течет на юг, а Двина из того же леса течет и направляется на север и впадает в море Варяжское. Из того же леса течет Волга на восток и впадает семьюдесятью устьями в море Хвалиское (Каспийское море. — *Н. Б.*). Так и из Руси можно плыть по Волге в Болгары и в Хвалисы и дальше на восток пройти в удел Сима (Приуралье. — *Н. Б.*)».

По мере того как местное население училось обороняться от набегов норманнов, все большую роль начала играть мирная торговля. Одновременно с этим громадное значение для скандинавов имела возможность наняться на службу в дружину к русским князьям. Само слово «варяги» в древнескандинавском языке означало воинов-наемников.

Очень важными в то время считались и матримониальные связи русских князей с родами северных конунгов. Почти все известные нам князья были так или иначе связаны с Севером.

Например, дочь Ярослава Мудрого, Елизавету, выдали замуж за Харальда Сурового, который всеми силами домогался руки Эллисив (как называли в сагах русскую княжну) и ради нее отправился за богатством в Византию, нанялся на службу в императорскую варяжскую гвардию и даже отказался от трона базилиуса, который ему предложила императрица Зоя. Когда Харальд попросил у Зои разрешения оставить Константинополь, чтобы вернуться к своей Эллисив, разгневанная императрица заточила Харальда в тюрьму. Оттуда викингу чудом удалось бежать. Вскоре он очутился в Киеве, куда в течение всей службы в Константинополе отсылал деньги. Богатство его было столь велико, что Ярослав Мудрый почел за честь выдать за него замуж свою дочь. Эллисив Харальд посвятил свои стихи «Висы Радости», в которых сетовал на то, что девушка из Гардарики не чувствует к нему склонности.

Эта, пожалуй, самая романтическая любовная история эпохи викингов часто привлекала к себе внимание

известных писателей и поэтов, в том числе Константина Батюшкова и Алексея Толстого. Вот как, точно в соответствии с историческими источниками, пишет Алексей Константинович Толстой в «Царе Борисе» о весьма бурном десятилетии в жизни Харальда Сурового:

...Гаральд норвежский наш
Дочь Ярослава русского посватал.
Но не был он в ту пору знаменит
И получил отказ от Ярославны.
Тогда, в печали, бросился он в сечи,
В Сицилии рубился много лет,
И в Африке, и, наконец, вернулся
В град Киев он, победами богат
И несказанной славою, и Эльса
Гаральда полюбила.

Конунг Олав Трюггвасон, живший во второй половине X века, пострадал от рук язычников, захвативших его земли, и был вынужден отправиться к русскому князю Владимиру Святому. Именно на Руси ему приснился сон, после которого он стал ярым проповедником христианства, и именно на Руси пророчица (некоторые исследователи считают, что это была княгиня Ольга) предсказала ему «блестящее» будущее. Вот как это описывается в «Саге об Одде»:

«В то время правил в Гардарики конунг Вальдамар с великой славой. Так говорится, что его мать была пророчицей, и зовется это в книгах духом фитона, когда пророчествовали язычники. Много случилось так, как она говорила. И была она тогда в преклонном возрасте. Таков был их обычай, что в первый вечер йюля должны были приносить ее в кресло перед высоким сиденьем конунга. И раньше, чем люди начали пить, спрашивает конунг свою мать, не видит или не знает ли она какой-нибудь угрозы или урона, нависших над его государством, или приближение какого-нибудь немирья или опасности, или покушения кого-нибудь на его владения. Она отвечает: “Не вижу я ничего такого, сын мой, что, я знала бы, могло принести вред тебе или твоему государству, и равно и такого, что спугнуло бы твое счастье. И все же вижу я видение великое и прекрасное.

Родился в это время сын конунга в Нореге, и в этом году он будет воспитываться здесь в этой стране, и он станет знаменитым мужем и славным хёвдингом, и не причинит он никакого вреда твоему государству, напротив, он многое даст Вам. А затем он вернется в свою страну, пока он еще в молодом возрасте, и тогда завладеет он своим государством, на которое он имеет право по рождению, и будет он конунгом, и будет сиять ярким светом, и многим он будет спасителем в северной части мира. Но короткое время продержится его власть над Норегсвельди. Отнеси меня теперь прочь, поскольку я теперь не буду дальше говорить, и теперь уже довольно сказано»*.

Исландская сага также утверждает, что именно конунг Олав уговорил Владимира принять крещение.

Брачные и семейные связи русских князей свидетельствуют о могуществе средневековой Руси, к союзу с которой стремились сильные Скандинавские страны. Кроме того, такие связи позволяют историкам сделать вывод о том, что политические отношения Руси с северными странами в XI—XII веках были мирными и дружественными.

Но вернемся к легенде о призвании варягов на Русь, в основе которой лежит несколько источников.

Это — «Повесть временных лет» Нестора-летописца, сочинения исландского писателя и поэта Снорри Стурлусона и трактат византийского императора Константина Багрянородного.

В своей «Повести временных лет» (XII век) монах-летописец Нестор рассказывает о происхождении народа *русь*. У славян, живущих в Новгородской земле, варяги (так называли на Руси шведских викингов) собирали дань. В какой-то момент народ восстал против своих обидчиков и непомерных поборов и прогнал ненавистных варягов, но тогда в племенах славянских начались распри и междоусобицы. В конце концов новгородцы в 862 году вынуждены были вновь обратиться к варягам (народу *русь*, который жил за морем) с призывом вернуться и княжить у них. Слово

---

* Пер. Т. Н. Джаксон.

«русь» употребляется Нестором как название одного из племен варяжских. Он говорит, что были за морем германские народы: *русь, свеи, готы, англ*ы и другие. Выслушав послов, варяги (их было трое — три брата Рюрик, Синеус и Трувор) с родами своими и всей *русью* отправились на княжение в три города Новгородской земли. Вот от этих *варягов-руси* и пошла земля Русская, как считает Нестор.

Первичное значение слова «русь», вероятно, «дружина, войско, рать». Ученые считают, что на ранних этапах образования древнерусского государства слово «русь» стало обозначением нового слоя общества, который защищал Русскую землю. В дальнейшем слово утратило первоначальное значение и его начали использовать для обозначения самого государства*.

В ходе обсуждения норманнской теории было сказано много копий. Настоящее сражение развернулось в 1860-х годах по поводу сочинения Константина Багрянородного «Об управлении империей», написанного в X веке, в котором, в частности, упоминаются днепровские пороги. Их названия норманисты пытались вывести из исландского языка, то есть доказать, что славяне заимствовали их у древних скандинавов. Особенно прославились два днепровских порога — Геляндри и Варуфорос, — которые историк и писатель М. П. Погодин назвал «двумя столбами, которые всегда поддержат норманнство и выдержат какой угодно напор». Доказательства норманистов были столь схоластичны, что Н. А. Добролюбов не преминул написать по этому поводу следующее стихотворение «Два порога»:

Геляндри и Варуфорос — вот два мои столба!
На них мою теорию поставила судьба.
Порогов сих название так Лерберг объяснил,
Из языка норманнского, что спорить нету сил.
Конечно, автор греческий их мог и перевернуть;
Но мог, против обычая, и верно написать.

---

* Поскольку этимология слова «русь» не является предметом рассмотрения в данной книге, то интересующихся отсылаем к существующей обширной литературе по данному вопросу. См. библиографию в конце книги.

Геляндри хоть приводит он в числе славянских слов;
Но ясно — здесь ошибся он, не зная языков.

.....
Геляндри и Варуфорос — вот, так сказать, быки,
Об кои обобьете вы напрасно кулаки!

Самое интересное, что даже в среде норманистов, не было единого мнения по поводу национальности «призванных» варягов — были ли они шведами, датчанами или норвежцами. Татищев выдвинул теорию финского происхождения варягов, Эверс — хазарского, Иловайский — гуннского, Костомаров — литовского.

Научно обосновал происхождение Рюриковичей от славян С. А. Гедеонов. Произошло это в 1860—1870-е годы, во времена подъема национального самосознания и народнического движения.

• • •

Особый интерес представляет сравнение сюжетов летописи Нестора и скандинавских саг, который сделала историк Е. А. Рыдзевская.

В «Повести временных лет» Нестор рассказывает, что перед смертью князь Рюрик передал своего малолетнего наследника Игоря на воспитание Олегу, их родичу. Высказывались предположения, что Олег был дядей Игоря с материнской стороны.

Олег, желая сохранить верность данному слову, отправляется из своей столицы Новгорода в Киев, где правят дружинники Рюрика викинги (варяги) Аскольд и Дир. Проявив недюжинную хитрость и прикинувшись купцом, привезшим на продажу богатые и редкие товары, Олег выманивает из города правителей. Когда же Аскольд и Дир приходят на его корабли, Олег показывает им законного наследника — Игоря — и велит своим дружинникам убить, как он считает, узурпаторов власти малолетнего князя. Олег долго и успешно правит на Руси, в результате похода на Царьград заключает мирный договор с греками, возвращается на Русь — и встречается с волхвами. Далее следует история, которая была описана А. С. Пушкиным в «Песни о вещем Олеге». Волхв «кудесник, любимец богов» предсказывает Олегу смерть от любимого коня. И, несмотря на все

предпринятые князем меры предосторожности, он действительно принимает смерть от змеи, выползшей из черепа давно умершего коня.

Исследователи, занимающиеся изучением древнерусского язычества, обратили внимание на то, что конь и змея — символы смерти, ее «проводники» и предвестники. Недаром один из самых известных скальдов (поэтов) Эгиль Скаллаграмсон для «усиления» своего проклятия использовал также череп лошади. (Об этом мы расскажем подробнее в главе «Скальды, пророчицы и руны».)

Слово «волхв», название древнерусских жрецов, родственно слову «вёльва» — скандинавская провидица, прорицательница.

Но самое удивительное в легенде об Олеге — это ее соответствие древнеисландской «Саге об Одде Стреле». Одд не захотел почтить прорицательницу и запретил ей предсказывать ему судьбу. Пророчица не испугалась — ибо не боялась смертных. Она предсказала Одду долгую и славную жизнь, сказала, что совершит он великое множество подвигов, но примет смерть от змеи, которая выползет из черепа коня по имени Факси. Одд убивает коня, заваливает его каменными глыбами, а сверху насыпает огромный курган. Сам же уезжает из страны, долгое время путешествует, совершает подвиги, даже становится конунгом Гардарики (Руси), но в старости возвращается на свой родной хутор. Он видит неподалеку от дома громадный череп коня и не верит, что это череп его Факси. Как выясняется, напрасно. Когда Одд приподнимает череп копьём, из него выползает змея и жалит недоверчивого героя. Одд от укуса умирает.

Олег умер, его дело продолжил племянник Игорь. Он оказался не менее удачливым и хитроумным правителем. Но однажды он нарушил клятву, данную племени древлян, и отправился к ним вторично за данью. Древяне заявили, что он вел себя, как волк (а волками в Скандинавии называли преступников и изгоев), и убили его.

Тут в сказании появляется княгиня Ольга, одна из самых известных русских святых, которая в молодости была весьма воинственна.

Получив от древлян известие о смерти мужа — князя Игоря — и одновременно предложение восстановить мир в стране и стать женой их (древлянского) князя, Ольга делает вид, что принимает предложение. Она приглашает в гости послов, принимает их с почестями и сажает в ладью, которую на руках несут на ее двор. Тут надо знать об одной очень важной вещи — в кораблях в Скандинавии хоронили. Так что княгиня Ольга изначально давала древлянам понять, что за участь их ждет. Но наивные послы приняли с радостью оказанные им почести — и вскоре оказались в яме, которую вырыли во дворе княжеского терема. Княгиня, следуя законам кровной мести, приказала закопать послов живыми.

Но и тут коварная Ольга не успокаивается и вновь просит прислать сватов. Этих древлян она сжигает в бане. И в древнеисландских сагах часто описывается, как людей сжигали в их доме.

Затем княгиня отправляется в древлянские земли, посещает могилу погибшего мужа, а затем устраивает по нему тризну. На поминальный пир приглашаются пять тысяч древлян, которым даже в голову не приходит, что тризна та справляется не только по Игорю, но и по ним самим.

Ольга возвращается домой, собирает дружину и вновь отправляется к древлянам. Вместе с ней едет и малолетний сын Святослав, который первым начинает сечу, бросив в дружину противника копье. Копье в Скандинавии всегда было посвящено верховному богу Одину. Русская дружина разгромила древлянскую. Оставшиеся в живых древляне заперлись в городе, но Ольга и тут не успокоилась, а взяла с горожан дань по три голубя и три воробья со двора. Когда птицы были привезены, княгиня раздала их своим дружинникам и приказала к лапкам каждой птахи привязать горящую ветошь. Птицы, выпущенные на волю, рванулись к своим гнездам — и сожгли весь город.

Так Ольга отомстила за мужа.

Удивительная параллель обнаруживается в этой древнерусской легенде и древнескандинавской истории. Сигрид Гордая, шведская королева, жившая в X ве-

ке, поступила точно так же, как Ольга, со своими женихами. Сигрид была вдовой и правительницей больших и богатых земель. Как мы бы сейчас сказали, она была «завидной» невестой. Естественно, к ней стали свататься женихи. Однажды к Сигрид приехали русский князь (вероятно, один из сыновей Владимира Святого) и один из небогатых местных князей Норвегии. Женихи были приняты с почетом, и в их честь в большом зале устроили пир. Когда же женихи со своими дружинниками напились допьяна, Сигрид велела запереть палату и поджечь ее. Тех же воинов, которые выбирались наружу, она приказала рубить мечами. Королева сказала, что впредь неповадно будет мелким князьям свататься к королеве. С тех пор ее и прозвали Гордой.

Эти параллели в русских и скандинавских сказаниях явно показывают, как близки были по духу правители русской и скандинавских земель.

• • •

Норманны, вне всякого сомнения, сыграли большую роль в ранней русской истории, и основателями правящей на Руси династии были выходцы из Скандинавии. Известно, что князья-варяги пришли на Русь в сопровождении военной дружины, и в дальнейшем киевские правители продолжали опираться на варяжский военный корпус. Норманнские вожди водили в бой славянские дружины, из варягов состоял военный совет, варяги были ближайшими людьми киевских князей, они занимали важнейшие должности в государстве.

Однако данные топонимики свидетельствуют об относительной немногочисленности варягов на Руси.

Скандинавские вещи найдены в курганах в Киеве, Гнездове, Чернигове, Старой Ладогге и других местах. Ученые объясняют это тем, что варяжские наемники, служившие в дружинах русских князей, иногда получали от них в управление укрепленные пункты.

Полюдьё, особый вид «кормления» русских князей, является аналогией скандинавского кормления — *вейцле*.

В силу исторических процессов, происходивших в славянском обществе именно в эпоху викингов, дости-

жения славянами определенной ступени общественно-экономического и политического развития, а также благодаря стечению обстоятельств выходцам из Швеции удалось захватить власть в Новгороде, а затем в Киеве. Шведы-норманны были просто включены в процессы формирования русского государства.

Местные феодальные общества к моменту призвания норманнов на Русь прошли достаточно долгий путь в своем собственном развитии, процесс образования государства к моменту появления на Руси викингов уже начался. Кроме того, северяне были малочисленны и не могли стать организующим началом. Активным элементом они становились, лишь включаясь в уже существовавшую систему общественных отношений, а вследствие этого быстро ассимилировались.

Интересно, что в славянских, в том числе и в русском, языках можно встретить целый ряд скандинавских заимствований. Приведем лишь один пример: слово «ларь», обозначающее сундук, оказывается, пришло к нам из древнескандинавского языка. И таких слов в нашем языке великое множество!

Но не в одну соседнюю Русь — Гардарики, — ко двору русских князей, ездили храбрые скандинавы. Добрались они и до Константинополя — Миклагарда северных саг.

• • •

Еще Константин Великий в первой половине IV века составил 40-тысячный отряд из готов, живших в союзе и дружбе с ним. Они назывались *союзниками* потому, что служили в императорской армии не по обязанности, как его подданные, и не по принуждению, как покоренный народ, но по условию союзного договора. С того времени у всех императоров вошло в обыкновение набирать воинов-иностранцев.

Греческие императоры не доверяли охранникам из своего народа, боялись их предательства и интриг. Вместе с армянами, персами, франками и другими народами, служившими греческим императорам, византийские писатели X и последующих веков упоминают об особенном отряде *вэрингов, секиры носящих варваров* из Туле, далекой земли на берегах Северного океа-

на. В северных сагах эти люди носят имя *Waeringer*, означающее воинов, вступивших в службу иноземных государей для защиты их государства и их самих*.

Вэрингами, или *варягами*, вероятно, назывались сначала дружины, пришедшие в славянскую землю со скандинавскими князьями и бывшие их дружиной. От славян, называвших норманнов вэрингами, перешло это имя к булгарам, а от них к арабам. Под тем же именем они стали известны в Византийской империи.

По словам византийских писателей XII века, эти вэринги долгое время находились на службе императоров и с самого начала были их телохранителями и охраняли императорский дворец и сокровища короны. Такое почетное преимущество перед армянами, персами, франками и другими иноземными войсками они получили за неподкупную верность, исполинский рост и храбрость.

В 1081 году греческий полководец Алексей Комнин восстал против императора Никифора Вотаниата и привлек на свою сторону войско, которое признало его государем и пошло с ним к Константинополю. Но овладеть городом без трудной и долгой осады оказалось невозможно.

Через кесаря Иоанна, бывшего на его стороне, Алексей Комнин постарался разузнать о положении дел и состоянии боевого духа императорских войск в столице. Ему хотелось подкупить их. Кесарь не советовал обращаться с таким предложением «к варягам, варварам из Туле, носящим на плечах обоюдоострые секиры: упорнее всех они держатся своих старинных обычаев; славу нетленной верности, стяжание предков, варяги хранят как драгоценное наследство, завещанное им от-

---

* Название варягов происходит от древнего скандинавского, в старинных шведских законах встречающегося слова *vaeria* (*varja*, *varna*) — защищать, оборонять, или от *varda* (*garda*) — охранять, беречь; от этого *varda*, по другому произношению *garda*, происходит, вероятно, и слово *Gardingi*, означающее в древних вестготских законах королевских телохранителей, отсюда *Garde* — гвардия. Предполагают происхождение имени варягов от англосаксонского *vaere* — в значении союза и договора. «Варяг», по мнению ученых, всего правильнее перевести как «союзник, человек, живущий в мире и союзе с другими».

цами; они никогда не нарушают ее; нечего и говорить с ними об измене, потому что преимущественно за верность они и выбраны в императорское охранительное войско».

Кесарь советовал Алексею начать тайные переговоры с германцами, которых подкупить не стоило никакого труда. Переговоры имели успех, и измена расчистила Алексею путь в город.

Никифор Палеолог, один из высших сановников империи, поспешил с этой вестью к Вотаниату и просил отдать под его начальство варваров из Туле, говоря, что с ними он выгонит врага из столицы. Но дряхлый Вотаниат не решился на такие крайние меры, а начал переговоры, которые прошли неудачно, и ему не оставалось ничего иного, как отречься от престола. Анна Комнина, составившая жизнеописание своего отца, полагает, что Вотаниат сохранил бы престол, если бы послушался совета Палеолога.

Когда же Алексей стал императором, варяги поклялись ему в верности, какую всегда мог ожидать от них глава империи.

Вскоре Алексей выступил в поход для оказания помощи Диррахию, который был осажден войсками герцога Апулии, Роберта Гискара. В этом походе были с Алексеем и варяги.

Император решил дать неприятелю сражение, велел варягам спешиться и плотным строем идти во главе войска. Роберт Гискар рассчитывал легко разбить войско греков и уничтожить Алексея. Он поручил Амицету, одному из своих военачальников, истребить прежде всего дружину варягов. Амицет двинулся вперед с сильным отрядом пехоты и конницы.

Варяги, которым на греческой земле довелось помериться силой со своими северными братьями, основавшими государства на Сицилии*, сражались так, что ра-

---

* Ролло, или Хрольф Пешеход, основал на территории современной Франции герцогство Нормандское, а сам стал его правителем. История Нормандии в X веке является хрестоматийным примером очень быстрой ассимиляции скандинавов, которые на протяжении всего лишь одного столетия утратили свой родной язык, перестали

зорвали ряды противника и обратили Амицета в бегство. Увлечшись преследованием, они далеко отошли от войска греков. Это заметил Роберт Гискар и в ту же минуту стремительно отрезал их от главного войска. Измотанные только что закончившимся сражением, они были смяты превосходящими силами неприятеля, однако продолжали сражаться, пока еще могли держать мечи в руках. Немногим из них посчастливилось укрыться в ближайшей церкви. Варяги взобрались на ее кровлю, но воины Гискара подожгли храм, и все уцелевшие от меча северяне сгорели. Греческое войско было разбито, и Алексей бежал.

Во всех походах, в которых император принимал личное участие, варяги всегда окружали его и защищали знамя империи.

Когда же он находился в столице, варяги стояли на страже при большом императорском дворце и у дверей дворцовых комнат. Они охраняли императорские сокровища и регалии, которые находились в особенной комнате большого дворца, называемой «вестиарион» — буквально «одеждохранилище», — вместе с драгоценными платьями, короной и казной империи.

При восшествии на престол новый государь отправлялся из дворца в церковь для венчания и миропомазания от патриарха империи. Когда же он потом шел к алтарю для приобщения Святых Таин, его окружали с обеих сторон варяги и 100 благородных юношей.

Варяги провожали государя во всех его путешествиях. Когда приезжал он в укрепленный город, им вручались ключи от городских ворот на все время пребывания императора в городе.

В день Иоанна Крестителя государь посещал Петровский монастырь, а на Сретение с торжественным крест-

---

называть детей скандинавскими именами и постепенно превратились из викингов во французских рыцарей.

Тем не менее потомки викингов, став французами, не утратили боевого и свирепого духа своей северной родины. Именно этим боевым настроением историки объясняют агрессивную политику Нормандии, военную колонизацию ею Сицилии, образование там Сицилийского королевства и завоевание Англии, которое осуществил в 1066 году потомок Ролло, Вильгельм Завоеватель.

ным ходом шел во Влахернскую церковь. Во время таких торжественных церемоний рядом с императором находился предводитель варяжской дружины, который именовался *Akolutbos* — спутник, неразлучный с государем.

На Рождество Христово, которое праздновалось с особенным величием, варяги стояли в церкви у столбов и ступеней престола, держа секиры в руках до самого появления императора, после чего клали их себе на плечи.

В Вербное воскресенье они принимали участие в расхищении богато украшенной галереи, которая устраивалась между императорскими комнатами и церковью и после торжества отдавалась придворным. В тот же день у государя бывал прием. После высших сановников империи и придворных, поочередно приносящих поздравления императору, входили к нему варяги, желали ему долгой жизни на своем родном языке и при том взмахивали секирами и скрещивали их со страшным стуком. С такой же торжественностью обедал император в праздники Пасхи и Пятидесятницы, и тогда варягам посылались кушанья с его стола на золотых и серебряных блюдах.

Из произведений византийских писателей мы знаем, что греки очень завидовали дикарям, которые «не говорили, а скорее плевали слова из уст, и для слуха которых греческий язык походил на дикое эхо военных песен». С неудовольствием греки видели, что «эти варяги, по щедрости государя, получают столько денег и драгоценностей, сколько прилично было бы иметь лучшим людям из благороднейших народов».

Варяги, возвращавшиеся домой после службы в Византии, рассказывали, что после смерти императора они могли ходить по всем комнатам его дворца, в которых хранились его сокровища, и имели право брать себе все, что могли унести на себе в память о своей службе при покойном государе.

Один исландец, Болли Боллесон, прослуживший многие годы варягом в Миклагарде и считавшийся самым храбрым и лучшим из них, по возвращении в Исландию привез с собой много разных сокровищ и дра-

гоценностей, вел себя очень прилично — так, как полагалось по правилам этикета в Византии, одевался в меха и пурпур, подаренные ему императором в Миклагарде. На голове он носил золотой шлем, в руках — короткий иноземный меч, на бедре — красный щит, украшенный портретом в золотой оправе. Все оружие его было позолочено. И товарищи его одевались в пурпур и имели позолоченные седла. Куда ни приходили они, везде обращали на себя внимание пышным убранством.

• • •

Возвратившись домой, викинги много рассказывали о своих походах и о том, что доводилось им видеть в чужом краю. Они были источником знаний и новостей. Слушая их рассказы, молодые норманны загорались желанием посмотреть на мир и себя показать. «Тот кажется для меня не слишком сведущим, кто не знает никакой другой страны, кроме Исландии», — говорил уже упоминавшийся нами выше Болли Боллесон своему зятю, Снорри Годи, а Стурлауг Старфсон говорил своему отцу, Ингольфу: «Не много будут говорить о нас, если не побываем мы у других народов».

Сигурд Свинья сказал своему пасынку Олаву Толстому (будущему Олаву Святому) после возвращения последнего из десятилетнего путешествия: «Теперь ты сделался опытным в боях и узнал обычаи иноземных вождей».

Не набравшись опыта в морских походах, не завоевав славы и уважения, приличных вождю, сыновья конунгов и ярлов не могли рассчитывать на высокое положение в своей стране. Кроме того, доходы конунга, приносимые его хозяйством и усадьбами, были ничтожны, в то время когда королевств насчитывалось множество и все они являлись небольшими. Всякий король хотел жить прилично своему положению, а потому все старались иметь в своей дружине известных храбрецов. Конунгам было просто необходимо отправляться на войну за богатством, чтоб содержать пышный и знатный двор и дорогами подарками снискать себе имя и славу правителей щедрых и сильных множеством друзей.

Благодаря морским набегам хёвдинг Эрлинг Скьяльгсон в Норвегии мог содержать многочисленный двор, хотя Олав Толстый и отнял у него часть леннов, данных ему Олавом Трюггвасоном. Другой известный викинг, Свейн Аслеифарсон, обыкновенно уходил в морской поход с весны до Иванова дня (праздника летнего солнцестояния) и называл это весенним набегом. Затем он жил дома до уборки хлеба, а там опять уходил в поход до зимы и называл это осенним набегом.

Берега самой Скандинавии также подвергались нападениям викингов. Шведские аскеманны опустошали датские и соседние берега, норвежские и датские отплачивали шведским той же монетой.

В одной из саг рассказывается, как Сокке, великий викинг, прибыл в норвежский Халогаланд (Холугаланн) на небольшой остров Ульфей. «Здесь, — сказал он своим дружинникам, — мы получим славную добычу, потому что хозяин этой усадьбы очень богат. Выжжем же здесь все огнем и мечом. Заберем себе все самое ценное, а усадьбу со всеми ее обитателями сожжем». Хозяин усадьбы, на которого напали, спросил вождя викингов, за что он так обходится с ним. «Мы, викинги, — отвечал Сокке, — не спрашиваем за что, если хотим иметь чью-нибудь жизнь и имущество».

Викинги так богатели после счастливых набегов, что могли распоряжаться целой флотилией захваченных кораблей и не боялись вступать в битвы с самим конунгом и его дружиной. Нередко викингам случалось и побеждать в таких сражениях.

При встрече с торговыми судами, или, вернее, при захвате таких кораблей, викинги предлагали купцам либо отправиться на берег и оставить судно со всеми товарами им, либо ждать неминуемой смерти.

Очень часто, поджидая добычу, викинги скрывались в заливах среди шхер и буквально сваливались на головы несчастных жертв.

Однако морские разбойники предпочитали не грабеж из-за угла, а честный и жестокий бой. Тем более что победы над другими викингам, особенно известными «пиратами», приносили также и выгоду: захваченная до-

быча часто оказывалась просто фантастической. Получалось по русской пословице: «вор у вора дубинку украл».

После летней жизни, исполненной разных приключений на море, викинги обыкновенно возвращались к осени домой, проводили зиму на своих или отцовских дворах. Многие искали себе жилище на зиму у славных королей, которые с охотой приближали к себе известных воинов, принимали их с радушием и уважением, давали им у себя приют, за что получали их дружбу.

Но, как мы уже не раз подчеркивали, викинги являлись не только грабителями и пиратами. Торговля и основание новых государств и городов, служба в войсках правителей других земель были не менее важны в их жизни.

Само состояние «викинг», по мнению ученых, было для воинов с Севера временным. В походах и поездках они проводили совсем немного времени — в основном в молодые годы, а потом начинали обустривать свою жизнь в Скандинавии.

А как же жили викинги дома?

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УСТРОЙСТВО

Государственное устройство у древних скандинавов было иным, нежели у их «ровесников» в Европе.

Когда франки, алеманны, бургунды, лангобарды и готы после долгой войны наконец одержали победы над Римской империей, они с жадностью кинулись на добычу и разделили ее между собой. Им достались не только невозделанные земли, но и богатейшие угодья, населенные миллионами жителей, которые стояли гораздо выше своих победителей по уровню материального и культурного развития.

Победители разделили покоренную страну по принятому у них обычаю: каждый получил назначенный участок земли и определенное имущество. Самым богатым стал король, вожди получили меньший куш.

Остготы и лангобарды взяли третью часть всей собственности в Италии и оставили прочее римлянам. В странах, где поселились бургунды и вестготы, местные жители, прежние подданные Рима, должны были уступить им две трети обработанной земли, половину лесов, садов и домов и третью часть рабов. Как поступали франки, достоверно неизвестно.

Участок земли, полученный каждым при таких разделах, назывался *allod*, или *allodium*, что буквально означало «по жребию доставшаяся земля». Это была соб-

ственность, приобретенная огнем и мечом, часть добычи, на которую ее владелец получал полное право — как личное, так и наследственное. Обязанностью владельцев аллодов было защищать свои наделы от угрожавшей им опасности.

Германские же племена жили в диких местах Севера и вели кочевой образ жизни. У них не было ни определенного участка земли, ни постоянного права поземельной собственности, потому что они переходили со стадами из одних мест в другие.

Эти кочевники были не только скотоводами, но и хорошими воинами, потому что жизнь вынуждала их постоянно защищаться от нападений.

Римские писатели замечали, что военные дружины древних германцев составлялись по родственным связям и что всякий отряд состоял из сотни воинов, если воинский порядок требовал какого-либо разделения войска. Естественно, что в каждый отдельный отряд собирались воины-родственники. Вместе переносившие труды и нужды, они остались неразлучными, когда поменяли кочевую жизнь на оседлую в стране, избранной для поселения. Эти военные отряды постепенно превратились в мирные общины, в которых силу применяли только для защиты своей земли, собственности и прав.

От таких общин и происходит первоначальное разделение Скандинавии на *хундары*, или *херады*, или *хирды*: так назывались участки земли, занятые поселившимся «отрядом». Но так как эти отряды сначала состояли из сотни или более членов, ставших владельцами усадеб, то и участок земли, заселенный каждым отрядом, получил название *херада* (от *haer* — сотня), или *хундара*. Херад сделался маленьким государством.

Религия составляла главную связь между этими местными «княжествами». Понятие о племенном божестве стало связующим для членов общества и еще больше усилилось, когда общее поклонение такому божеству стало проходить в определенном месте: совершалось с торжественными обрядами в общенародном храме, когда в честь бога отправлялись празднества, в которых принимал участие весь народ.

Древние скандинавы не были повелителями покоренных народов и не тотчас сделались владельцами возделанных полей и усадеб.

Древние саги говорят, что готы при первом их появлении на территории современной Скандинавии должны были выдержать жестокую войну с племенами более дикими и варварскими, чем они сами, и что в то время земли в стране были совершенно необработанные. Потом пришли свеоны и мирно поселились подле готов, своих соплеменников.

В борьбе с дикой природой, когда необходимо было каждому члену общества принимать участие в обработке земли и добыче куска хлеба и дичи на суше и рыбы в море, когда ежедневно речь шла о выживании, скандинавы стали закаленными людьми, которые жили по определенным правилам и законам.

Жизнь любого традиционного варварского общества подчинялась раз и навсегда установленным канонам.

Право и мораль в нем совпадали или были очень близки, ибо опирались не на одну только систему наказаний, но и на нравственные и религиозные убеждения, преступить которые было совершенно невозможно. Недаром человека, совершившего преступление, называли *объявленным вне закона*, и это означало, что он не только лишался всех прав, но и исключался из числа людей вообще. Его можно было убить как дикого зверя и не понести за это никакого наказания.

Заметим, что само слово «lag» в древнесеверном языке означало «право, закон» и одновременно «то, что положено; уложение». То же самое можно сказать и о слове «rettr», которое, помимо «закона», значило еще и «правильный, справедливый».

Больше всего в древнем обществе скандинавов ценились равенство, смелость и независимость.

Король имел не более земли, чем мог обработать сам, при участии родичей и домочадцев. Обширность королевских дворов, возникших благодаря такому подходу, была соразмерна нуждам королевского содержания. Других источников доходов в распоряжении короля не было, потому что он управлял людьми свободными, а не покоренными рабами и данниками.

При первом поселении скандинавов на Севере и спустя многие столетия после, пока находились еще обширные пустоши и большие леса, никому не принадлежавшие, всякий имел неограниченное право присваивать и возделывать столько необработанной земли, сколько находил нужным.

В древних скандинавских законах говорится, что всякий, желавший поселиться на общей земле в тех местах, которые отводились для полей и лугов, должен был сложить три копны сена, поставить дом о четырех углах и обойти с двумя свидетелями взятую и так отмеченную землю.

В законах также оговаривались и всевозможные спорные случаи. Так, в уппландском законе читаем: «Человек приезжает на дикую или на общественную землю и старается расчистить ее; когда он удалится, другой, явившись на это место, также может сдирать кору с деревьев и рубить приметы на них, а вокруг очищенной уже земли построить загородь и службы. Если опять явится первый и скажет: “Зачем ты занял место, которое я очистил?” — “Нет, — ответит другой, — я очистил его, а не ты, я содрал кожу с деревьев и вырезал свои клейма на них”. Право остается за тем, кто поставил загороды и жилище, а тот, кто первый очищал землю, потерял понапрасну труды».

Лесные уголья в ширину равнялись луговым, но длина определялась пространством, какое новый владелец, во время зимнего солнцестояния, мог объехать с рассвета до полудня. Потом он должен был нарубить воз бревен и опять воротиться домой.

Земля, таким образом присвоенная скандинавами и обработанная их семьей, была их собственностью и называлась *одалем*. Возделанная и вспаханная предками, она составляла владение их потомков: они сами защищали ее и потому считали себя независимыми владельцами ее; ни в каких обстоятельствах не признавали над нею ничью власть и, вероятно, оттого не платили никаких налогов, кроме личных, принятых по доброй воле. По всей вероятности, в древности не было поземельных податей, а налоги собирались просто с каждой усадьбы.

Долгое время в Скандинавии сохранялся пережиток патриархально-родового строя в виде больших семей, но постепенно он теряет свое значение. Скандинавы начинают жить преимущественно малыми семьями. Самым распространенным типом поселений становится хуторской. Пахотные земли вокруг хутора ограждались и наследовались главой семьи. Постепенно складывается скандинавская соседская община, которая просуществовала до XIX века.

Odalbond, хозяин усадьбы, или *бонд*, жил на своем дворе, как король, и не зависел ни от кого. В древних законах он носит название отца семейства (*дротта*), землевладельца (*йорда-дротта*), повелителя своих женщин (*лёнар-дротта*) и господина своих рабов (*лавардера*). Над своими домочадцами, работниками и слугами власть его была неограниченна. Ему одному принадлежало право голоса на общих народных собраниях — *тингах*. В земельных спорах он имел право быть свидетелем как против короля, так и его дружины. Свидетельства людей, не имевших собственной земли, считались недействительными в делах земле-владения.

Мы знаем, что общество викингов делилось на *знатных людей* (по родовой принадлежности или по «служебному» положению), *свободных людей* и *треллей* — рабов.

Однако свободные люди также пользовались разными правами. Самыми уважаемыми среди них были бонды. Люди, не владевшие землей, а состоявшие на службе и содержании короля, не имели права голоса в делах, касающихся ситуации в стране, поскольку считалось, что вверять судьбу государства и его населения людям, которым нечего терять, или зависимым от других, по крайней мере глупо и недальновидно.

В Гёталанде был закон, что если сын землевладельца дурно распоряжается отцовской недвижимостью и продает весь двор или свою часть в нем, то лишается, вместе с родными, всяких наследственных прав и в правах уравнивается лишь с чужеземцем. Его сыновья опять получают право наследства не прежде, чем наживут собственности на три марки.

Вообще безземельные люди носили презрительное название *сидящих на голой земле*. Люди же, владеющие большими усадьбами и громадными земельными наделами, уважительно именовались *отличными*, или *могучими*, *бондами*. Такие могучие бонды больше всех выставляли людей для дружин конунгов. Так, в «Саге о Сверрире» рассказывается о двенадцати могучих бондах, которые выставили войско в сто человек.

Именно у них были рабы — *трелли*, которые делали всю работу по дому и во дворе, *домашняя челядь*, или *работники*, вместе с хозяином обрабатывавшие землю, ходившие на охоту и рыбную ловлю или отправлявшиеся в морские набеги. Кроме того, часть земли бонд отдавал в аренду, то есть у него работали *арендаторы*.

Бонды того времени являлись хорошими землевладельцами, исправными хозяевами и прекрасными воинами. Они составляли независимое сословие, считавшее свободу высшим благом и единственным достоинством. Они были верными друзьями и страшными врагами.

В обществе викингов очень сильны были родственные связи. Каждый член рода держал ответ за честь семьи, и оскорбление, нанесенное одному родичу, становилось оскорблением целого рода. Этот порядок стал единственным способом защиты в то время, когда законы не давали еще достаточной уверенности членам обществам, и многое зависело от личной храбрости и мужества.

В норманнском обществе существовала традиция отдавать сыновей на воспитание родичам — чтобы из них получились настоящие викинги. Позднее эта традиция была продолжена и в рыцарском обществе — когда сына рыцаря отправляли послужить пажом к знатному и благородному барону.

• • •

Отличительной чертой государственного устройства в Скандинавии стало, как мы уже говорили, разделение на херады.

Херад являлся гражданским союзом, заключенным, по общему согласию различных землевладельцев, для охранения взаимного спокойствия и для защиты собственности и личной безопасности.

Херады были разделены на *корабельные общины — шипслагги*. Поскольку далеко не все в истории Средних веков нам известно, то ученые так и не могут однозначно ответить, сколько, например, шипслаггов соотояло в одном хирде, или хераде. Эта загадка, похожая на смешную скороговорку, вероятно, так и останется неразрешимой.

Дворы, принадлежавшие к шипслаггу, обязывались содержать наготове корабль со всеми его принадлежностями и снабжать его людьми и пропитанием на случай предоставления судна в распоряжение короля или для защиты страны от врагов.

Сначала в каждом округе составлялись свои законы, но с течением времени возникла необходимость в едином своде законов, что и было сделано.

Для соблюдения доброго порядка во всех делах херады подразделялись на меньшие части — *четверти*, в которых дела разбирал *четвертной судья*.

Если в херад приходил королевский приказ, или было совершено убийство, или находились другие важные дела, тогда вырезали стрелу, наносили на нее руны и посылали ее «по кругу» между бондами для приглашения их на тинг. Эта стрела должна была идти *прямо вперед*, а не назад: так, если она приходила в деревню с востока, то продолжала путь на запад; если же «являлась» с юга, то отправлялась к северу.

Все бонды обязаны были передавать ее дальше, кроме вдов, не имевших сыновей старше 15 лет, и бедняков, живущих в лесу. Закон налагал денежную пеню на того, кто не передаст стрелу далее или испортит ее.

Все дела решались сообща на *тинге* — общенародном собрании, вече.

Тинги часто «соединялись» с ярмарками и праздниками. На великом февральском празднике в Упсале во время общего тинга происходила и ярмарка, продолжавшаяся целую неделю. Торговля была меновая; если же товары не отвечали одни другим в цене, то разница

доплачивалась серебром и золотом по весу. Для этой цели употреблялись разной величины золотые и серебряные перстни или пластинки, разрезаемые по мере надобности*.

Собирали как местные тинги, так и общие. Если нарушитель спокойствия объявлялся вне закона на тинге херада, то решение суда было действенным лишь в пределе хирда.

Во время тинга наступало *время мира*** . Человека нельзя было ни ударить, ни оскорбить. Законы оговаривают штрафы за любое нарушение спокойствия во время тинга: например, в случае, если человека схватили за волосы или ударили кулаком. Особые штрафы налагались за удар палкой или обухом топора.

Существовала даже формула, после произнесения которой прибывшего на тинг человека, даже подозреваемого в совершении серьезного преступления, нельзя было «трогать». В «Саге о Греттире» приводится такая стихотворная клятва мира. Вот начало этой клятвы:

Провозглашаю мир
Между всеми людьми,
А перво-наперво
Между сидящими здесь мужем по имени Гест
И всеми годи и добрыми бондами,
Всеми, кто может держать оружие,
И всеми-всеми окрестными жителями
Здесь, на Цаплином Тинге,
Кто б они ни были
И откуда б они ни пришли, —
Всеми, кто назван
И кто не назван.
Обещаем мир,
Полный и нерушимый,
Чужанину, который назвался Гестом,

---

* В начале эпохи викингов появляются особые весы со складным коромыслом и стандартизированные гири: побольше — сферические с двумя плоскими сторонами — и поменьше — многогранные. Точки и другие знаки показывали их вес. Подобные весы и гири были не скандинавским и даже не европейским изобретением, а пришли в Европу из исламского мира.

** Подобное же *время мира* наступало и в другие, оговоренные законом, сроки. Так, по шведскому закону «Гуталаг», любой человек был неприкосновенен во время праздников и за полмесяца до всеобщего сева.

Для игрищ, веселий
И ратоборства,
Покуда он здесь
Или путь держит к дому,
Посуху иль по морю,
Землею иль водою.
Да будет мир ему
Везде и всюду,
Пока он, целый и невредимый,
Домой не вернется*.

На *альтинге*, собрании всей страны, председательствовал выборный *лагман*, на котором в сомнительных судебных случаях и при неудовлетворительности древних законов лежала обязанность соблюдать и защищать правду. Его приговоры и решения в спорных случаях, прочитанные народу, составляли дополнения к законам и употреблялись в будущем при подобных же обстоятельствах.

Но и на местных тингах были тоже свои лагманы, которые охраняли и толковали законы. Лагман являлся высшим представителем области, от имени народа он отвечал королю или ярлу, когда они посещали область. Все повиновались ему.

В лагманы выбирали богатых и умных бондов, смелых и храбрых, независимых и почитающих законы страны. Эта должность часто переходила от отца к сыну, а в некоторых семействах она была наследственной.

• • •

Первым человеком в стране во времена викингов считался *конунг* — король, за исключением Исландии, где все решалось на вече — *тинге*, и Оркнейских островах, где главным был *ярл* — королевский наместник. Однако оркнейские ярлы подчинялись норвежским конунгам. Вообще понятие «ярл» наиболее характерно для Норвегии, где большой властью обладали ярлы области Трённелаг (Трёндалёг) — так называемые ярлы Ладе (от названия их усадьбы). Ярлы подчинялись конунгу.

---

* Пер. О. А. Смирницкой.

Конунгом мог стать человек, родственники которого по материнской или отцовской линии были королями. Причем неважно, законным или незаконным сыном считался очередной претендент. Само слово «*konungr*» означает «сын знатного человека» или «человек из рода богов».

Но молодому человеку из рода конунгов, даже несмотря на поддержку знатных семей и отсутствие других соперников, было недостаточно объявить себя правителем страны. Его обязательно должны были «утвердить» на общем собрании — тинге — и принести клятву на верность. А конунг, со своей стороны, должен был обещать следовать законам.

Конунг одновременно выполнял и обязанности жреца — *годи*.

Он, как глава страны, обладал высшей судебной властью в стране, он рассматривал самые запутанные тяжбы и выносил по ним решения.

Кроме того, он осуществлял, как мы бы сейчас сказали, командование военными силами своего государства, являлся его верховным главнокомандующим. Его обязанностью была защита берегов страны и ее внутренней территории от набегов извне и сохранение там спокойствия и безопасности. Короли объявляли войну и собирали дружины. Именно от решения конунга зависело отправление или не отправление войска в поход.

Король наказывал преступников. В истории известны случаи, когда конунги самолично сжигали дома злодеев.

После смерти конунга его власть переходила к вновь избранному королю.

Однако младшие сыновья королей часто основывали небольшие государства, вырубая леса и устраивая там свои усадьбы и поселения. Оттого возникало великое множество малых королевств. Эти мелкие короли имели полную королевскую власть, собирали дань, созывали тинги, вели войну и наследовали свои королевства по прямому колену от отца к сыну. Однако все они подчинялись власти верховного короля страны.

Конунг имел некоторое количество своих собственных усадеб и, кроме того, получал содержание с хо-

зайств своих подданных, которые платили ему дань. Дань постепенно переросла в поземельный налог.

Помимо выплаты дани бонды должны были приглашать короля на «кормление» — *вейцле*. Это означало, что конунг с дружиной путешествовал по усадьбам своих подданных и на месте потреблял, то есть съедал и выпивал, причитающиеся ему продукты — так называемую «съестную подать». Немного странная, на наш взгляд, система, не правда ли? Но она была оправдана самим строем жизни в эпоху викингов. При том уровне развития общества королю было гораздо проще самому приехать с дружиной к тому месту, где находилась «съестная подать», чем перевозить припасы по стране. Одновременно с «кормлением» конунг, разъезжая по стране, мог осуществлять контроль над выполнением законов и производить «инспекцию» подвластных ему территорий.

Однако не следует думать, что король в любое время мог приехать и «объесть» своих бондов. Вовсе нет: законы строго оговаривали время и частоту появления конунга с дружиной в той или иной местности. Так что ни о каком самоволии короля говорить не приходится. Оговаривалось даже количество воинов, которых правитель мог прихватить с собой, отправляясь на кормление. Когда оно превышало определенную цифру, то сокращалось число дней пребывания конунга в гостях. Так, когда норвежский конунг Олав Толстый прибыл в одну усадьбу со 100 дружинниками вместо оговоренных законом 70, то ему было «позволено» оставаться там не три ночи, как предписывал обычай, а всего одну.

Другой важной для государства податью была военная, когда каждая усадьба должна была поставлять воинов в полном вооружении для походов в другие страны или для защиты собственной территории. Если же король не объявлял похода, а оставался дома, то, в соответствии с законом, подданные должны были платить ему налог, возмещающий добычу, которую конунг мог привезти из похода. Такой налог носил смешное имя «*храмого ледунга*», или «*храмого похода*», ибо собирался в такое время, когда походы *храмали*, то есть не происходили вообще.

Королю также платилась некоторая часть виры — как «гаранту» соблюдения законов в стране и общей безопасности.

В случае смерти человека, у которого не было наследников, его имущество также переходило к конунгу. Это было так называемое *«мертвое наследство»*.

На эти доходы и дани, собираемые с покоренных государств, и содержались семья и дружина короля, приносились жертвы языческим богам от имени всего народа и оплачивались прочие государственные нужды.

Дворы королей представляли собой в то время настоящие военные училища. Сыновья богатых бондов и просто свободные молодые люди старались поступать в королевский хирд для обучения военному искусству и снискания славы.

Согласно положению, которое семья юноши занимала в хераде, ей отводились места на скамье за королевским столом. Чем ближе к королевскому месту, тем более почета.

Все воины получали содержание при дворе короля, ездили с ним в его усадьбы, гостили у бондов, имели долю в военной добыче. За подвиги король награждал их оружием, дорогими платьями и золотыми обручьями и мог даже подарить корабль.

Сам королевский двор можно назвать военным отрядом. Достоверно неизвестно количество дружинников конунга, но, вероятно, их было не более тысячи. В случае необходимости дополнительных воинов и корабля поставлял шипслаг. Нередко в королевской дружине встречались иноземцы.

В областях, наиболее подверженных нападениям врагов, для предотвращения набегов и обеспечения достойной обороны назначались особые люди. На содержание их отводилась определенная часть средств, полученных от сбора налогов.

Воевали все — и короли, и бонды, и свободные люди, не имевшие земли в собственности. Все они ходили в морские походы, то есть были викингами.

Викинги привозили домой столько пленных, сколько могло поместиться на их кораблях: рабов везли с южного и восточного берегов Балтийского моря, из

Англии, Шотландии, Ирландии, Германии и Франции, даже из отдаленной Испании привозили пленных мужчин, женщин и детей всех сословий, монахов и священников, юношей и девиц знатного рода, дочерей ярлов и королей.

Рабами становились пленники, захваченные в военных походах.

Дети рабов находились в рабском состоянии, как и их отцы. Эти рожденные дома рабы, с детства обученные работам в усадьбе, имели пред другими особенное преимущество и назывались *воспитанниками*, потому что получили воспитание в доме господина.

В законах обговаривались все «способы», по которым новорожденный ребенок становился рабом. Иногда законы в разных Скандинавских странах и даже областях различались. Так, в Норвегии, если свободная женщина рожала от раба ребенка, она тоже становилась рабыней. Быть сыном рабыни считалось самым ужасным позором. А в Швеции младенец, у которого отец или мать были свободными людьми, тоже становился свободным. Признавали также свободными детей, приживаемых свободнорожденным с рабыней, но во избежание споров в будущем о положении этих детей отец должен был объявить их своими на тинге. Кроме того, если рабыня была не его, а другого свободного человека, отец ребенка должен был возместить хозяину матери ребенка убытки, понесенные им из-за неспособности рабыни к работе во время беременности. А также отец должен был уплатить издержки на воспитание ребенка, находившегося какое-то время после своего рождения в доме господина. Но эти свободные люди, происходя по отцу или матери от рабов, не имели того положения, каким пользовались свободнорожденные, у которых и оба родителя были свободными людьми.

Свободные также могли стать рабами, если не заплатили долги или если опозорили себя низким и бесчестным преступлением, которое мог совершить только раб. Должники, не имевшие возможности уплатить долг каким-нибудь другим образом, делались рабами их заимодавцев до тех пор, пока не рассчитаются работой или если их родичи не внесут за них деньги.

Воры становились рабами обкраденного ими, если не могли возместить ему причиненный ущерб и выплатить государству полагающуюся по закону денежную пеню.

Иногда в рабство продавал, или, вернее, передавал, себя сам человек. Случалось это из-за бедности, голода во время неурожайных годов, а иногда даже из-за ненависти к родным, поскольку претендовать на имущество раба имел право лишь его хозяин, а не родня. Такие люди назывались *даровыми рабами* и были всеми презираемы, потому что скандинавы считали, что лишь подлый и низкий человек мог добровольно отказаться от свободы. За убийство дармовых рабов платилось всего лишь 3 марки, каждая в 1 лот весом, между тем как за убийство других рабов полагалась пеня от 3 до 4 марок, а за рожденных дома рабов — 8 таких марок.

Рабов называли *людьми с несчастной судьбой*, потому что считали, что удача от таких членов общества отвернулась раз и навсегда.

Рабы выполняли самую тяжелую работу в усадьбе или работы, унижительные для свободных людей: они пасли стада, рубили дрова, жгли уголь, добывали соль.

Служанки-рабыни занимались домашними делами. По известиям саг, их исключительные занятия состояли в том, чтобы молоть муку и печь хлебы.

Самые способные и лучшие из рабов, особенно рожденные на господском дворе, становились надзирателями за другими рабами, главными скотниками и даже иногда получали половину дохода от управляемого ими дела. Они назывались *раздавальщиками*, потому что раздавали работу и пищу другим рабам.

Хозяин имел неограниченную власть над рабом. Даже в конце XIII века, когда уже утвердилось христианство, хозяин усадьбы или хутора, его жена и дети могли убивать раба или поступать с ним по собственному усмотрению. Законы говорили, что за этот проступок с них не взимается никакого штрафа.

Законы также предписывали, чтобы раб, как лошадь, покупался при посреднике и свидетелях, и если продавец утаивал его недостатки, то обязан был в течение месяца после сделки вознаградить покупателя за все убытки, понесенные им при этой покупке.

Рабов дарили, отдавали вместо денег за пени и вообще поступали с ними, как со всяким другим имуществом.

Раб должен был жениться только с согласия своего господина и потом числился женатым, но дети, прижитые в таких браках, принадлежали не родителям, а их хозяевам. Раб не пользовался властью отца, а брак его не имел того же значения, что браки свободных людей. Женатый раб в законах называется не супругом, а *наложником*, то есть *тем, кто живет с наложницей*.

Даже на волю раб не мог себя выкупить сам, поскольку его имущество считалось собственностью господина. В шведских законах говорится, что, если раба хотели выкупить его родственники, они должны были присягнуть, что вносят выкуп из своего имущества. В случае, если они расплачивались имуществом выкупаемого, господин присваивал его себе как собственность.

С другой стороны, у бесправного раба практически не было и никаких обязательств по отношению к обществу. Так, кроме некоторых оговоренных в законе случаев, раб не мог выступать свидетелем в суде.

Однако когда мать в родах и ее новорожденное дитя умирали и возникал вопрос, кто из них умер прежде, судом принималось во внимание и свидетельство раба. Так же поступали и когда муж, жена и дети утопали все вместе или были сожжены с их домом. По некоторым шведским законам рабыня могла быть свидетельницей на суде, который разбирал вопрос, живым ли родился ребенок. Если домашнее животное причиняло смерть другому такому же или было укушено собакой, то в таких случаях пастух-раб становился законным свидетелем.

Рабы не имели права носить оружие, их не охраняли законы, которые существовали для свободных людей. О человеке, который обращал другого человека в рабство, говорили, что он отнимает у последнего личный мир и безопасность.

Ответственность за поступки раба нес не он сам, а его господин.

Если раб убьет свободного, то, как гласят древние законы, он не называется убийцей его: пеню платит гос-

подин. Если раб убьет такого же раба, как он сам, вира взыскивается с того, кому принадлежит убийца.

За убийство свободного человека, совершенное рабом, взыскивается большая вира с его господина, которого также обязывают выдать раба. Если же раб-убийца бежал, то его хозяин платит дополнительную виру.

За удар, рану или побои, причиненные чужому рабу, в пользу его господина взыскивается та сумма, в какую оценена была жизнь раба.

Если же хозяин раба отказывается платить за совершенное им преступление и предлагает выдать преступника для казни, какую назначит обиженный, тогда раба в дубовом ошейнике вешают на столбе у двора господина: повешенный должен был оставаться там до тех пор, пока не отгниет ошейник. За срезку этого дубового ошейника взимался громадный штраф. Как полагают историки, столь жестокое наказание для хозяина (смердящий труп его раба) было избрано для того, чтобы отучить владельцев треллей «отлынивать» от выполнения обязательств по проступкам их рабов.

Само слово «трелль» считалось одним из самых обидных ругательств. Всякий, назвавший так свободного, подвергался одинаковому наказанию с виновным в содомском грехе.

Смерть от руки раба считалась самой позорной.

В сагах часто говорится, что душа раба уже видна при первом взгляде на его лицо. Сама жизнь рабов, полное их бесправие и абсолютная униженность должны были до такой степени уязвлять и разрушать душу, что человек постепенно мог потерять все свои лучшие качества. Трусость, вероломство, леность считались отличительными свойствами рабов. Когда в одной из песен «Старшей Эдды» королю Гуннару принесли сердце раба Гьялле, он сразу увидел, что это сердце труса — так оно дрожало от страха.

На Севере держали не более рабов, чем было нужно для полевых работ и других занятий. Золото и серебро, земля и рабы, звериные рога и постель считаются в шведских законах главными ценностями бондов.

Однако с рабами никогда не обращались жестоко без нужды.

Законы обязывали хозяев заботиться о воспитании детей рабов. Если господин хотел доказать свои права на раба, рожденного в его доме, то должен был принять присягу и подтвердить ее клятвой свидетелей и 12 посторонних лиц, что этот раб на его дворе родился, питался молоком матери, покрыт был одеждой и лежал в колыбели.

На всяких пирах, в торжественных случаях, например при жертвоприношениях, сговорах, свадьбах, поминках, скандинавы не обделяли угощением и рабов. Известен даже случай, когда рабы, пируя на зимнем празднике, по оплошности дали убежать пленникам.

За рукоприкладство по отношению к рабу во время пира взыскивалась такая же цена, как и за рукоприкладство по отношению к свободному человеку.

Добрые господа не только позволяли рабам иметь собственные сбережения, но и позволяли выкупаться на волю трудовыми деньгами.

У Эрлинга Скъяльгсона, знатного и сильного норвежского бонда, в усадьбе постоянно работало не менее тридцати рабов. Он назначал им поденную работу, а после окончания ее, в остальное время, вечером и ночью, они могли работать на себя. Эрлинг даже дал им землю для посева хлеба. Доходы, получаемые с продажи зерна, он также оставил треллям. А спустя некоторое время назначил цену, за которую они могли выкупить сами себя из рабства. Многие выкупились уже на первый или на другой год, и все, имевшие даже небольшую удачу в делах, освободили себя на третий год. На вырученные деньги Эрлинг купил новых рабов. Но вольноотпущенников он тоже оставил и принимал к себе наемными работниками: одних послал ловить сельдей, других охотиться; некоторые вырубали леса, обработали землю и поставили там себе дворы. Так он помог многим.

После рассказа об Эрлинге становится понятно, почему в сагах часто встречаются сообщения о привязанности рабов к господам. Многие трелли получали свободу за верность, способность к самопожертвованию, спасение хозяина и прочие подвиги.

Когда хозяин или кто-нибудь другой, с его согласия выпускавший на волю раба, решал объявить об этом

публично, он брал трелля с собою на тинг, *объявлял его мир и безопасность*, принимал раба в свое семейство и тем самым слагал с себя ответственность перед обществом за его поступки. После того вольноотпущенник мог быть истцом и ответчиком и приносить присягу.

Однако раб не полностью освобождался от своего хозяина, который должен был за ним приглядывать, и сохранял некоторую зависимость от прежнего господина.

Если же трелль оказывался неблагодарным или непочтительным к господину, то в наказание опять становился рабом. В одном из законов перечисляются преступления, за которые вольноотпущенник снова обращался в рабство: если он поступал неприязненно с прежним господином, соединялся с его врагами, свидетельствовал против него перед судом для чужих выгод, не доказывал ему свое уважение и преданность.

Даже сын вольноотпущенника, в случае проступка против прежнего господина или его детей, присуждался к вторичной уплате выкупа за свою свободу.

Скандинавы считали также, что вольноотпущенник, не умевший пользоваться или прилично распорядиться домашним хозяйством, не мог быть хорошим гражданином.

Отпущенники вообще составляли низший «разряд» свободных людей, поскольку в обществе того времени полагали, что переход от рабства к свободе должен быть постепенным, оттого-то дети отпущенников имели больше прав, чем их отцы.

В сагах встречается только один пример, когда рабы стали представлять опасность для свободных людей. У Ауна Старого был раб по имени Тунни, которому господин безгранично доверял и сделал его хранителем сокровищ. После смерти Ауна его сын, Эгиль конунг, снова стал обращаться с Тунни, как с рабом. Тогда Тунни бежал из усадьбы, прихватив с собой драгоценности покойного Ауна, и сколотил шайку преступников из таких же рабов. Они нападали на хутора, убивали и грабили. Эгиль решил было убить Тунни, но раб оказался проворнее и сам чуть не убил его. Тунни еще семь раз пытался убить хозяина, пока Эгиль, наконец, не

уехал в Данию к королю Фроди Смелому и только с его помощью одолел и убил Тунни.

Свободные люди называются в законах *людьми, имевшими право носить оружие, или честными людьми*. Как рожденные с правами, полагавшимися свободным людям, они назывались *свободнорожденными* или *имеющими родню*. Вольноотпущенники, составлявшие «прослойку» между свободными и рабами, назывались *получившими свободу*, а рабы — *людьми без удачи*. Лица, имевшие высокое или княжеское достоинство, назывались *почетные люди*. В числе их первым был король, почему и сан его назывался *высочайшим*. Почетные звания носили и ярлы, и даже епископы, со времени их появления в стране. Все прочие, как бы ни были знатны или богаты, даже королевские сыновья, пока не получили титула конунга, и сыновья ярлов, если не занимали отцовской должности, причислялись к людям, не имевшим высокого звания.

Скандинавы очень дорожили высоким происхождением и считали высочайшей честью и удачей быть потомками знаменитого семейства. Все, у кого в родне были знатные и сильные люди, назывались *знатного рода*. Сыновей ярлов называли *рожденными от ярла*. Но эти высокие звания не давали их обладателям никаких преимуществ перед другими свободными людьми: на всех лежали одинаковые обязанности по отношению к обществу и государству, а сыновья ярлов становились ярлами благодаря собственным заслугам или королевской милости. Потомки людей знатного рода должны были своим поведением и подвигами способствовать упрочению семейной славы.

В древности было много сильных семейств как среди знатных родов, так и среди бондов. Однако различие в значении и положении постепенно привело к государственному неравенству. Некоторые семейства получили особенное влияние в государстве: так образовалось родовое дворянство. Однако расслоение общества произошло уже во времена рыцарства.

В эпоху викингов государства на собственных территориях ими только создавались, а *аристократическая анархия* раннего Средневековья уступала место *монархии европейского* типа, опиравшейся на Церковь.

В эпоху викингов датчане занимали Скандинавский Сконе (Сконе) и прилегающие к нему острова. На севере, на Скандинавском полуострове, готы занимали одноименную область. Шведы были оттеснены на восточное побережье и в Страну озер.

О королях, правивших этими народами, мы почти ничего не знаем. Правда, легенда сохранила имена некоторых из них, но не донесла до нас описания их подвигов. Ивар Видфамме, прозвище которого буквально значит Широкие объятия, царствовал будто бы в легендарные времена над всеми странами Севера, включая и Англию. Все его владения унаследовал сначала его внук, Харальд Хильдитанн, затем его счастливый соперник Сигурд Кольцо. Ясно, что легенда перенесла на этих племенных вождей некоторые черты из истории Кнута (Кнуда или Канута) Великого.

Другие лица более реальны. Таков, например, Рагнар Лодброг, о котором упоминают и саги, и англосаксонские хроники. Подлинная же история, и то лишь южной оконечности Скандинавского полуострова, начинается только с появления франков на нижней Эльбе.

Франкские летописцы впервые упоминают о датчанах в связи с историей саксонских войн. Видукинд несколько раз отправлялся в Ютландию (Йотланд) искать помощи. Франки проникали туда по его стопам и обложили данью некоторых датских вождей. В следующем веке немецкие короли возобновляют эти экспедиции, но единственным результатом их усилий является успешное распространение христианства. В X веке основываются подвластные гамбургской кафедре епископства Шлезвиг, Орхус и Оденсе, и датские короли принимают христианство.

В Дании около 935 года появился правитель, который смог объединить раздробленную страну. Это был конунг Горм Старый, основатель династии, пережив-

шей все Средневековье. Он сделал своей столицей датский город Йеллинг. Но «отцом» датского государства считается Харальд Синезубый (940—985), сын Горма. Около 970 года он установил протекторат над Южной Норвегией, но датское владычество в Норвегии продлилось недолго. Харальд же начал обращение данов в христианство, но процесс этот был завершен лишь к первой трети XI века.

Сын Харальда Синезубого Свейн Вилобородый (985—1014) известен прежде всего своими викингскими походами и военной реорганизацией датского государства. Ко времени его правления относится строительство больших круглых лагерей по подготовке викингов. Он одерживает ряд побед над норвежцами, шведами, вендами и облагает англосаксонское королевство Этельреда *датской податью*.

В 1014 году ему наследовал его сын Кнут. Именно благодаря военным преобразованиям Свейна стало возможно полное торжество Кнута Великого (Могучего или Старого) над англами. Конунг Кнут почти не бывал в Дании, предпочитая жить в Англии, тем не менее он имел в родной стране столицу — город Лунд на полуострове Сконе (Сканей). Там находился монетный дом с английскими работниками, и там же жил епископ.

При его воцарении из 800 тысяч датчан христианство исповедовали, по преданию, лишь 40 тысяч. Он смог окрестить датчан почти поголовно. Кроме того, Кнут предпринял попытку прекратить частные войны, призвал в Данию множество англосаксонских священников, ремесленников и архитекторов и пытался сделать из своей страны вторую Англию. Влияние англосаксонской цивилизации не ограничилось одной Данией. Удачные войны Кнута в Швеции и Норвегии распространили ее достижения по всему Северу.

После смерти Кнута, последовавшей в 1026 году, его обширная держава распалась. Норвегия, которую он одно время покорил, отделилась без всякой борьбы. Англия в 1042 году перешла к англосаксу Эдуарду Исповеднику, а в 1047 году, после смерти Магнуса Норвежского, внука Кнута Великого, прекратилась древняя династия *Скьельдунгов*, которые вели свой род от Оди-

на. Свейн Эстридсен, племянник Кнута Великого, положил начало новой династии *Эстридсенов*. Именно при нем в Дании появилась постоянная столица.

Свейн Эстридсен получил власть по окончании тридцатилетней смуты, вспыхнувшей после смерти Кнута в 1035 году. Он и завершил формирование датской монархии. Конунг Свейн основал столицу в городе Роскилле, где чеканили монету, завязал дипломатические отношения с Западной Европой, принял у себя немецкого священника Адама Бременского и предоставил миру первые достоверные сведения о Скандинавии. Он реорганизовал епископат так, что все датское королевство оказалось разделено на 9 епархий. Свейн переписывался с папой Григорием VII, что создавало ему, как мы бы сейчас сказали, «хороший имидж».

В 1095 году Лунд становится резиденцией архиепископа, юрисдикция которого простирается на весь Север. Духовенство в это время уже достаточно могущественно, чтобы вступить в открытую борьбу с королем.

Что касается внешней политики, то датские короли пользуются мирными «перерывами», когда на время прекращаются войны и вторжения вендов, чтобы предпринять все новые и новые попытки вернуть себе Англию.

С Вальдемара Великого (1137—1182) начинается новый период завоеваний, обращенных на Восток; он овладевает Арконой, святилищем вендов на острове Рюгене (Руяна), Юлином на острове Волин. Легенда приписывает ему основание Данцига и перенесение датской резиденции из Роскилле в Копенгаген, откуда было удобнее охранять новые датские владения.

Что же касается Шведского королевства, то оно образовалось позже всех других скандинавских государств. Первые более или менее достоверные известия изображают Швецию разделенной на две большие части, которые до конца Средних веков сохраняют своего рода автономию. Это — собственно Швеция (Свеаланд), область озер, и, к югу, — Гёталанд или Гютия. Сканий (Сконе) и Галланд принадлежали Дании, Бохуслен на западе — Норвегии; на севере кочевали одни лапландцы.

В какую эпоху соединились Свеаланд и Гёталанд — мы не можем сказать. Воспоминание о тех временах, когда Гёталанд вел отдельное существование, еще живет в исландских сагах и в англосаксонской легенде о Беовульфе, короле Гёталанда, жившем, по преданию, в VIII веке. Как бы то ни было, когда Ансгарий посетил Швецию (836), Гёталанд не имел отдельного короля. Зато на соединенном престоле Швеции и Готии короли часто сменялись. В течение нескольких лет Ансгарий видел трех королев: Бьёрна, Энунда и Олава. Так как трое позднейших королев из династии *Инглингов* носят те же имена, то можно думать, что короли, которых знал Ансгарий, также принадлежали к этой династии.

История возвышения Инглингов известна нам лишь по преданиям, в которых рассказывается о войнах мелких королев с более могущественным королем древней Упсалы (Уппсалы), главного святилища Одина в Швеции. В них же говорится и о походах в Страну эстов и Англию, благодаря которым в конце X века образовалась обширная северная (Шведская) держава под властью Эйрика Победоносного.

Достоверная история Швеции начинается лишь с воцарения сына Эйрика, Улофа Шётконунга (Олава Шведского). В 1008 году в Вестерьётланде он принял христианство вместе с большей частью своего народа. Он привез в Швецию англосаксонских монетчиков. На первых монетах, отчеканенных в Швеции, красуется его изображение. Он является и королем-просветителем, и королем-воином. Он воюет с Норвегией, завоевывает ее вместе с Данией, но вскоре теряет.

Его потомки сохраняли престол несколько долее века. Весь тот период наполнен гражданскими войнами; быть может, они были вместе с тем и религиозными войнами.

Как бы то ни было, в царствование Сверкера Старшего (1130—1156) христианство окончательно утверждается в стране. Основывается множество новых епископств, в том числе и в Упсале. По просьбе короля святой Бернард посылает в Швецию монахов основать здесь первые монастыри. Швеция становится христианской страной и готовится, в свою очередь, выступить в крестовый поход против восточных язычников.

Гражданские войны, вспыхнувшие после смерти Сверкера, несколько замедлили это завоевательное движение. Гёталанд и Свеаланд отделяются друг от друга. Сын Сверкера царствует в Готланде, тогда как жители Свеаданда выбирают себе в короли Эйрика, «доброго и богатого бонда», как характеризуют его хроники.

Эйрик (1156—1160) правит так же, как правил Сверкер. Его прозвали Святым и Законодателем, и он, подобно Сверкеру, распространяет христианство.

После его смерти снова начинаются междоусобия.

С 1160 по 1250 год все попытки объединить страну не давали положительного результата из-за непрекращающегося соперничества двух династий — Стейнкилей и Сверкеров, представители которых все время чередовались на шведском престоле. Настоящая столица (Стокгольм) и централизованная «администрация» появились в Швеции лишь в середине XIII века.

Дания и Швеция с самого начала были государствами с более или менее точно определенными границами, с центрами, указанными географическим положением каждого из государств: столица Дании лежала на берегу Сунда Швеции — на берегу озера Меларен.

Напротив, Норвегия в те далекие времена занимала огромную территорию, гораздо большую, чем занимает она в настоящее время. На севере ее границы доходили до Бьярмии, до берегов Белого моря; на юге — простиралась почти до датского Сконе.

Объединять эту обширную страну начал в IX веке конунг Харальд Прекраснополосый (ум. ок. 940).

Он сверг множество мелких конунгов (в том числе, по преданию, и Ролло, основавшего затем Нормандское герцогство) и завоевал Исландию, Фарерские и Шетландские, Оркадские и Гебридские острова, часть Шотландии и Ирландии и остров Мэн.

Этот конунг умер около 933 года, оставив престол своему сыну Эйрику Кровавая Секира, выросшему при дворе англосаксонского короля Этельстана.

Законы Харальда были первой попыткой вывести королевский род из-под общего для всех норвежцев закона о наследстве. До Харальда недвижимое имуще-

ство конунга считалось *одалем* — усадьбой, которая должна была быть разделена между наследниками-сыновьями в определенных пропорциях. Харальд, установив единовластие, отдал страну в управление своему сыну.

К сожалению, сыновья Харальда Прекрасноволосого не продолжили его начинания. Они стали бороться друг с другом, а самому талантливому и знаменитому из них — Эйрику Кровавая Секира — была уготована судьба лишь правителя Йорка в Англии.

Другой сын Харальда, Хакон Добрый после вступления на престол стал обращать своих подданных в христианство. На народном собрании в Тронхейме он объявил, что все норвежцы должны принять крещение, поститься в пятницу и соблюдать воскресенье. Народ возроптал, вспыхнули мятежи, англосаксонские священники были убиты, и Хакон Добрый умер в 960 году, потерпев в своих начинаниях полную неудачу.

Слава просветителя Норвегии досталась другому потомку Харальда Прекрасноволосого, Олаву Трюггвасону (ок. 995—1000). Посетив в Новгороде князя Владимира, побывав затем и в государствах Западной Европы, он около 995 года вернулся в Норвегию, обратил в христианство все население южной части страны, но погиб в войне с датчанами.

Крещение Норвегии завершил его сын Олав, известный в истории под именем знаменитого викинга Олава Харальдссона (Толстого). После смерти он был канонизирован христианской Церковью и получил имя Олава Святого (1016—1030). Он объединил Норвегию и крестил ее. Сам он был обращен в новую веру в Руане на обратном пути из своего самого крупного похода.

История Норвегии в XI и XII веках представляет лишь запутанную вереницу войн: то шведы и датчане, соединяясь, делят между собой Норвегию, то норвежцы завоевывают Оркнейские острова, нападают на Ирландию и вторгаются в Шотландию, правда без особых успехов.

Одной из замечательнейших экспедиций этого рода был крестовый поход короля Сигурда Крестоносца (1103—1130) в 1183 году. Выйдя из Тронхейма с 60 ко-

раблями, он отправился на зимовку в Англию, где был хорошо принят королем Генрихом I (1100—1135). Из Англии Сигурд отправился в Галисию, поддержал графа Португальского против мавров, попутно разграбив Лиссабон. Некоторое время он провел на Балеарских островах, погостил в Сицилии у норманнского герцога Рожера, затем отправился в Святую землю, взял Сидон и вскоре после того вернулся на Север через Константинополь, где получил богатые подарки от императора, и Германию. Крестовый поход, продолжавшийся три года, был настоящим походом викинга, с той разницей, что на этот раз норвежцы грабили почти исключительно мусульман.

В продолжение этого времени Норвегия процветала, а ее столица Тронхейм считалась большим городом. По свидетельству Адама Бременского, город был украшен церквями и посещался огромным количеством людей. Действительно, церкви играли большую роль в усилении благоденствия Тронхейма, ибо в одной из них покоилось тело короля-мученика, святого Олава, к раке которого ежедневно стекались паломники со всего христианского мира.

Другими крупными городами в Скандинавии того времени были Хедебю в Ютландии (Йотланде), южнее города Шлезвиг, Бирка в Швеции на озере Меларен и Скирингсаль в Южной Норвегии на западном берегу Осло-фьорда.

Хедебю являлся самым крупным из трех городов и важным торговым узлом на пути с балтийского побережья Ютландии на западное ее побережье. Название его буквально означает «город язычников». В Хедебю была удобная гавань с причальными мостками, а сам город защищал со стороны суши полукруглый вал из земли и дерева около 1300 метров длиной и высотой до 11 метров. Город планомерно строился вдоль реки, пересекавшей территорию Хедебю с запада на восток, и от нее были сразу же отведены каналы. Улицы с деревянными настилами располагались под прямым углом к реке или параллельно ей. Каждая улица представляла собой череду огороженных четырехугольных усадеб. Археологи установили, что горожане занимались гон-

чарным делом и выработкой железа из болотной руды, ткачеством и работой по кости, чеканкой монет и производством стекла, изготовлением бронзовых украшений и филиграни. Город несколько раз переходил из рук в руки — им попеременно владели даны и шведы, а около 1050 года Хедебю разграбил и практически уничтожил норвежский конунг Харальд Суровый (1046—1066).

Другим большим городом эпохи викингов был шведский город Бирка. Он стоял на пути «из варяг в греки» на небольшом острове Бьёркё на озере Меларен в 30 километрах от современного Стокгольма. В городе находилось три гавани, но все они замерзали зимой. Тем не менее торговля шла и в суровое время года — купцы везли товары к кораблям по льду. В ходе раскопок были найдены специальные топоры для рубки льда, обувь с шипами для передвижения по льду и костяные коньки. В эпоху викингов уровень воды поднимался на пять метров выше сегодняшнего, и суда могли выходить из Бирки к Балтийскому морю через систему рек и каналов.

Бирка также была защищена от нападения с суши полукруглым земляным валом. На юге городские усадьбы примыкали к скалистому плато, на которое было не так-то просто взобраться. Адам Бременский писал: «Бирка часто подвергается нападениям морских разбойников. И когда жители горда не могут защититься от негодяев оружием, они прибегают к хитрости. Они преграждают вход в гавань, в которую часто наведываются разбойники, на расстоянии 100 или более стадий* большими нагромождениями камней, которых не видно под водой. Вход в гавань становится равно опасен для разбойников и для самих жителей».

И Бирка, и Хедебю были основаны около 800 года. Но свое существование Бирка прекратила раньше Хедебю — предположительно в последней четверти X века. Причины ее исчезновения неизвестны. После Бирки самым крупным торговым узлом на Балтике становится шведский остров Готланд.

---

* Один стадий равен приблизительно 200 метрам.

Норвежский город Скирингсаль, который был «отрыт» археологами на месте поселка Каупанг во внутренней части Осло-фьорда, также имел гавань и через него шел путь из Хедебю и Бирки на запад.

Ученые называют Скирингсаль не настоящим городом, а его эмбрионом, «городской туманностью», которая при определенных обстоятельствах могла «сгуститься» в настоящий город. Однако этого по ряду причин не произошло.

На смену Хедебю, Бирке и Скирингсалью явились другие города, игравшие активную роль в северной торговле, — Сигтуна, Шлезвиг, Волин, Новгород, Гданьск, Гамбург.

МОРАЛЬ И НОРМЫ ПОВЕДЕНИЯ

Мы уже говорили о воинской доблести викингов и их представлениях о чести. Теперь самое время поговорить об этом и о других нормах поведения подробнее.

Норманны действительно всегда были благородны и честны в бою. Доброе имя и слава являлись целью всей жизни викинга, который боялся не столько смерти, сколько обвинения в трусости. В сагах часто говорится: «Слава о человеке живет всего дольше». А в «Речах Высокого» из «Старшей Эдды» сказано: «одно... вечно бессмертно: умершего слава».

Нарушение клятвы или обета верности и тем более сознательное предательство считались для людей той эпохи страшными грехами, которые влияли и на репутацию потомков труса и предателя. Викинги, выражаясь высоким стилем, боялись запятнать свою честь.

Обман считался страшным преступлением. А ложь — одним из самых недостойных деяний для свободного человека. Лжеца казнили точно так же, как и клятвопреступника: в водах подземной реки в скандинавском языческом аду их ждала смерть от утопления, которая повторялась до бесконечности. Действительно, страшная участь — тонуть и никак не захлебнуться и не избавиться от ужаса смертной агонии!

Люди в те времена настолько были честны и благо-

родны, что при заключении договора или клятвы в залог не требовали ничего, кроме честного слова и крепкого рукопожатия.

Распри и раздоры нередко оканчивались тем, что один из соперников отдавался в руки другого, предоставляя ему право назначить себе наказание.

Так поступил Торкель сын Амунди, убивший Эйнара Кривой Рот, брата ярла Торфинна. Несмотря на то, что конунг Олав, как об этом рассказывается в «Саге об Олаве Святом», помирил Торкеля и Торфинна, Торкель пришел к ярлу, «склонил свою голову ему на колени и сказал, что может делать с ним все, что захочет». Ярл удивился и отвечал, что конунг помирил их. На что Торкель заметил, что не может уехать из страны, не заручившись поддержкой Торфинна. Ярл оценил такой поступок, назначил виру за брата и, как и просил его Торкель, назначил свои условия. С тех пор между ярлом и Торкелем воцарилась дружба.

Суровые и часто без меры жестокие в бою — но в бою открытом! — викинги никогда не могли посмеяться над незнакомым человеком. Считалось, что у насмешника рано или поздно вырвет язык тролль*. За насмешки вызывали на поединок.

Не меньше осуждалась и вспыльчивость, ибо она свидетельствовала об отсутствии выдержки и хладнокровия. Но также считалось «дурным тоном» раздражать вспыльчивых. Была даже пословица: «Кто поумнее, тот и уступит!»

Мстить сразу после убийства родича или друга считалось делом постыдным. Чем дольше человек выжидал удобного случая для мести, то есть чем меньше он находился в состоянии аффекта, тем большую выдержку он проявлял и тем лучше исполнял свой долг. В «Саге о Греттире» говорится: «Только раб мстит сразу, а трус — никогда!»

В современном обществе существует пословица: «В доме повешенного не говорят о веревке». Этот прин-

---

* Тролль — сверхъестественное существо, которое живет в горах, лесу или под землей, охраняя свои несметные сокровища, и предстает в обличье карлика или великана.

ции свято соблюдался и скандинавами в те далекие времена. Они никогда не обсуждали с человеком его несчастий, а если уж и заговаривали об этом, то только с целью предложения помощи.

Не менее позорным делом, чем трусость, было и воровство. Интересно, что люди той эпохи четко разграничивали воровство и грабеж. Викинги занимались грабежом — но делали это открыто и никогда не скрывали своего имени и не закрывали лица. Они вели себя благородно и были честными грабителями — во всяком случае, сами они считали именно так. А вот воровство было делом постыдным, ибо совершалось втихую и выдавало в совершившем его человеке лукавство, трусость и низость. Исландец Хёрд, как о том рассказывается в «Саге о Хёрде и островитянах», очень сердился, что названный его брат, Гейр, воровал. «По мне, — сказал он, — лучше уж грабить, когда ничего другого не остается» — и заплатил выкуп хозяину украденного быка и за его убитых исподтишка людей, и за само животное.

Итак, викинги должны были быть мужественными, смелыми, неустрашимыми и говорить и действовать в открытую. Кроме того, они были обязаны заботиться о своих товарищах, семье и отчизне.

Они не хотели покидать своих друзей и честных противников даже после смерти. Долгом выживших на полях сражений воинов считалась забота о погребении павших с обеих сторон, какой бы смертью они ни умерли.

Норманны боялись расстаться с жизнью вне поля боя — не совершив подвига, который остался бы в памяти поколений. Ибо умерших на полях сражений валькирии — девы битв, — в соответствии с представлениями того времени, относили в чертоги верховного бога Одина, а умершие в мирное время отправлялись в подземное царство богини Хель.

В те времена было абсолютно невозможно заставить человека принять решение под действием грубой силы, ибо люди предпочитали смерть бесчестию. Кто хотел добиться желаемого результата, тот должен был склонить человека на свою сторону путем разумных доводов.

Героическая этика древних германцев считала смерть достойнее и желаннее, чем бесславное и бессильное существование, тем более что переход в мир иной не означал полного уничтожения человека, а совершенный достойным образом, то есть, как мы уже говорили выше, на поле брани, гарантировал умершему достойное же существование в Вальгалле. Кроме того, умерший продолжал жить в приумноженной им родовой славе и памяти потомков, в названном его именем мальчике*.

Особым бесчестьем считалась для воина смерть от старости. В «Саге о Греттире» рассказывается о смелом Асмунде из Скалы, который умер от старости, что позволило его недругу насмеяться над ним и сказать: «Незавидная выпала доля воину: он задохся, как собака, в печном дыму». Объясняется такое отношение к старости очень просто: смысл жизни в мире викингов понимался как служение роду, соблюдение его чести и умножение его славы. Человек калечный, больной, слабоумный или старый оказывался малоценным членом общества, потому что не мог служить его основным целям.

«Смерть на соломе» — так еще называлась в сагах смерть от старости или от болезни, ибо умершего, по обычаю, перекладывали на пол, на расстеленную там солому. Умершие от старости попадали не в Вальгаллу, а в мрачное царство великанши Хель. Поэтому, чтобы отправиться в палаты Одина, где пируют павшие воины, старые викинги просили проткнуть себя копьем, а в более позднее время копьем протыкали трупы. В «Саге об Инглингах» говорится, что, когда Один умирал от болезни в старости, «он велел пометить себя острием копья и присвоил себе всех умерших от оружия», и отныне так делали все, кто хотел «посвятить себя Одину».

Свидетельства о ритуальных убийствах стариков и больных есть во многих источниках, в частности в «Войне с готами» Прокопия Кесарийского. Он пишет о германском племени герулов: «У них не полагалось

---

* Согласно обычаю, ребенка, родившегося после смерти отца, называли по отцу, если отец был жив — по деду или ближайшему прославленному родственнику мужского пола. Считалось, что «удача» умершего переходит к новорожденному.

продлить жизнь стариков или больных, но всякий раз, как кого-нибудь из них поражала болезнь или старость, он обязательно должен был просить своих родственников возможно скорее устранить его из числа живых. Тогда его родные, навалив большую и высокую кучу дров и положив этого человека на самый ее верх, посылают к нему кого-либо из эрулов, но только не родственника, вооруженного ножом. Полагается, чтобы убийца этого человека не был ему родственником. Когда убийца их родича возвращается к ним, они тотчас же поджигают всю кучу дров, начиная с самого низу, когда костер потухнет, они, собрав кости, тотчас же предают их земле»^{*}.

В основе ритуальных убийств лежат не только «духовные» причины, но и побудительные мотивы чисто практического свойства: в древнем обществе есть возможность прокормить строго определенное количество членов рода.

Однако не стоит думать, что для норманнов старость была лишь достойна осуждения. Почтенный возраст в эпической литературе ассоциируется с мудростью, и Один всегда изображается стариком.

В сагах также встречаются примеры трогательной заботы о стариках, что было совершенно обычным делом. Так, в «Саге о людях из Лаксдаля» говорится, что «Торарин был человек смелый и всеми любимый, и жил он у своего тестя Торстейна, потому что Торстейн уже приближался к концу своей жизни и нуждался в их заботах».

Подобные «разногласия» в источниках позволяют исследователям сделать вывод о том, что в повседневной жизни норманнов забота о наиболее слабых членах общества постоянно имела место, но была сугубо частным делом.

В сагах есть указания на истинно глубокие и трагические чувства, хотя и считается, что древнескандинавские литературные памятники лишены описания эмоций. Приведем лишь два рассказа о горе людей «эпохи саг»:

1. «Еще рассказывают, что когда Бадвара хоронили, Эгиль, сын его, был одет так: чулки плотно облегли его

---

^{*} Пер. С. Кондратьева.

ноги, на нем была красная матерчатая одежда, узкая в верхней части и зашнурованная сбоку. И люди рассказывают, что он так глубоко вздохнул, что одежда на нем лопнула и чулки тоже».

2. «Однажды Сигват проходил через деревню и услышал, как некий муж громко оплакивал свою умершую жену, бил себя в грудь и рвал на себе одежду, рыдал, говоря, что охотно умер бы сам».

• • •

В сообществах викингов особыми узами бывали связаны побратимы. Юноши, выросшие вместе, или воины, испытавшие друг друга в сражениях, часто совершали обряд побратимства. Они заключали нерушимый союз.

Обряд побратимства происходил в торжественной обстановке и с соблюдением определенных ритуалов.

Этот обряд состоял в том, что нужно было пройти под полосой дерна, отделенной от земли и «подвешенной на копьях» с вырезанными на них рунами — древними магическими письменами.

Вот как этот обряд описан в «Саге о Гисли»: «Вот идут они на самую середку косы и вырезают длинный пласт дерна, так, что оба края его соединяются с землей, ставят под него копьа с тайными знаками такой длины, что стоя как раз можно достать рукой до того места, где наконечник крепится к древку. Им, Торгриму, Гисли, Торкелю и Вестейну, надо было, всем четверым, пройти под дерном. Потом они пускают себе кровь, так что она течет, смешиваясь, в землю, выкопанную из-под дерна, и перемешивают все это, кровь и землю. А потом опускаются все на колени и клянутся мстить друг за друга, как брат за брата, и призывают в свидетели всех богов»^{*}.

Мы видим, что, пройдя под своеобразной «аркой», побратимы приносили клятву верности, призвав в свидетели богов, и смешивали на земле кровь из надразов на кисти. Затем названные братья вставляли на колени и

---

^{*} Пер. О. А. Смирницкой.

прикасались к смешанной с кровью земле, а потом, встав с колен, обменивались рукопожатием

Побратимы давали клятву верности навек. Они обещали друг другу всегда прийти на помощь и защитить названного брата в бою и мирной жизни. Окончив же ратные труды, они всегда старались жить по соседству, всячески помогая друг другу.

В случае гибели одного названного брата второй всегда обязывался поддерживать его семью — и самое главное, всегда мстил за убийство побратима.

Названное братство было союзом людей, давших взаимную клятву во всех жизненных обстоятельствах и опасностях защищать друг друга, никогда не ссориться и не поддаваться на подстрекательства окружающих. Вместе отправлялись они в морские походы, в схватках с неприятелями ставили рядом свои корабли; если же оба находились на одном корабле, то один всегда становился впереди, возле мачты, где происходила самая жаркая битва.

Однако иногда в сагах встречаются и примеры коварного поведения названных братьев. Так, в «Саге о людях из Лаксдала» рассказывается о побратимах Болли сыне Торлака и Кьяртане сыне Олава из Исландии. Не удалось им сохранить своей дружбы — и во многом благодаря жене Болли, угрожавшей разводом мужу. Болли решился на вероломство, хотя Кьяртан говорил всем, что «Болли, его названный брат, никогда не покусится на его жизнь». Тем не менее вместе с другими исландцами он напал на побратима, и было их пятеро против двоих. Когда же Болли напал на Кьяртана, сказал тот ему: «Теперь ты, родич, сдаётся мне, собираешься совершить низкий поступок. Но я не пойду на подлость и лучше приму от тебя смерть, чем убью тебя», — и с теми словами отбросил прочь оружие. Ничего не сказал ему Болли, нанес смертельный удар безоружному. Но тут же раскаялся в содеянном, подхватил Кьяртана и положил его голову себе на колени. Так Кьяртан и умер в объятиях Болли. После его смерти Болли объявил, как полагалось то по закону, о совершенном им убийстве.

Такие преступления против законов братства редко встречаются в сагах: они считались делом неслыханным.

Подобно дружбе, и ненависть норманнов была неистовой. Всякий, дороживший уважением других, не мог хладнокровно сносить обиды или оставлять без отмщения смерть друга либо родственника. Немного мужества и мало утешения ожидали от того, кто никогда не видел крови. «Никогда не видел ты человеческой крови» — было позорным упреком для мужчины. Даже в детских играх не уважали мальчиков, не убивших хотя бы одного зверя.

Иногда даже во время детских игр происходили смертоубийства. Так случилось со знаменитым скальдом Эгилем Скаллаgrimсоном. На двенадцатом году жизни «Эгиль был очень силен в борьбе, вспыльчив и горяч, и все отцы просили своих сыновей уступать ему в спорах». Как-то той зимой была многолюдная игра в мяч на поле у реки Хвиты. Эгиль приехал на игры вместе со своим родичем Тордом сыном Грани. Эгилю пришлось играть против своего одноклассника — мальчика по имени Грим сын Хегга, который во время игры оказался сильнее Эгиля. Когда Эгиль попытался стукнуть Грима, последний поколотил обидчика да еще прибавил, что еще больше задаст задире, если тот не научится хорошо себя вести. Эгиль обиделся, но смолчал, зато пошел к Торду сыну Грани и рассказал ему, что произошло. Торд дал Эгилю секиру, которую держал в руках. Вместе они пошли туда, где играли мальчишки. Эгиль подбежал к Гриму и рассек ему голову. Грим умер на месте. Когда же они вернулись домой, то отец Эгиля, Скаллаgrim, был им недоволен, зато мать сказала, что из ее сына вырастет отличный викинг и что надо ему дать боевой корабль, как только он немного подрастет. Через год отец во время игры убил Торда сына Грани, но Эгиль сумел отомстить ему и убил управляющего усадьбой отца, которого тот очень любил.

Вспышки горячности в детях нравились родителям больше слабой боязливости, не предвещавшей никаких храбрых подвигов. Обыкновенно говорили: «Лучше бейся с врагами, а не будь труслив!» «Храбрым не станет стареющий воин, коль в детстве был трусом», — говорится в «Старшей Эдде».

Отомстивший за друга и брата, северянин всегда оставял в ране убитого врага свой меч или копье, ибо

оружие в то время было своеобразной визитной карточкой человека, по которой его всегда было легко опознать.

Викинги столь ценили храбрость, силу и мужество противников, что нередко враги, не смогшие одолеть друг друга в бою, становились названными братьями*.

Обычным явлением в Скандинавии в те времена была кровавая месть. Часто убивали не самого убийцу, а его наиболее уважаемого родича. Кровь могла быть смыта только кровью. Не отомстивший за убитого оставался навек опозоренным. Сыновья не могли собрать поминки, не потребовав мести за отца.

В обычае было сожжение врага в его доме. Об этом часто рассказывается в сагах. Самая известная из таких саг — «Сага о Ньяле». Однако когда мстители искали преступника в доме, то приказывали удалиться оттуда женщинам и детям: нападение на безоружных и беззащитных считалось делом постыдным. Тем не менее, когда домочадцы отказывались оставить своего мужа и отца в беде и покинуть дом, ничто уже более не мешало пришедшим сжечь их вместе с мужчинами-воинами.

Обвинение в убийстве беззащитных было оскорбительным. Так, в «Саге о Греттире» рассказывается, что, когда Греттир, высокорослый и сильный исландец, услышал, что ярл Свейн бежал из Норвегии, а к власти пришел конунг Олав Харальдссон, он решил отправиться в плавание к берегам Норвегии в надежде снискать у конунга почет и славу не хуже прочих. Когда он на торговом корабле прибыл на север Норвегии, то ночью разыгралась буря и путешественники с трудом причалили к берегу. Торговые люди, бывшие на корабле, погибли от холода. На другой стороне бухты они увидели огонь и попросили Греттира, чтобы он, как человек сильный и искусный, переплыл через бухту и достал огня. Он исполнил просьбу, переплыв пролив в надетом на голое тело плаще, подпоясанном лыком, и сермяжных штанах. Когда он вышел на берег, то плащ

---

* Ритуал побратимства, то есть прохождение под пластами дерна, обладал, по мнению скандинавов, такой священной силой, что мог выполнять функцию очистительной присяги.

так заледенел и встал колом, что Греттир стал казаться прямо великаном. Когда Греттир вошел в дом, то находившиеся там люди очень испугались и стали бросать в него горящими головнями, и огонь распространился по всему залу. Схватив горящую головню, исландец ушел к своим спутникам. Они похвалили его отвагу. Когда же на другой день они узнали, что дом на берегу бухты сгорел, а на пепелище валяется много человеческих костей, то обвинили Греттира в том, что это он сжег дом с находившимися в нем людьми. Торговые люди прогнали его и стали везде распространять о нем дурные слухи. Тогда Греттир понял, что дела его плохи, и отправился к конунгу Олаву, чтобы просить у него защиты.

Сила против силы и удар за удар были житейскими правилами норманнов. Они могли вырезать «красного орла»* на спине врага, но совершить насилие над слабым или умертвить его считалось постыдным.

В обществе викингов месть индивидуальная превращалась в родственную месть на протяжении нескольких поколений — своеобразную вендетту.

Однако сам процесс объявления убийства и преследования убийцы родичами покойного строго «регламентировался». Жизнь родового общества была достаточно скудной и тяжелой, и потеря каждого человека ощутимо сказывалась на благосостоянии усадьбы или семьи. В Скандинавии природные условия были очень суровы, жизнь проходила на грани выживания, а потому общество просто не могло себе позволить кровавой резни своих членов. Отсюда — регулирование законом преступлений и наказаний.

Совершивший убийство должен был сразу же отправиться на двор ближайшей усадьбы и прилюдно объявить об этом. Если же в ближайшем доме жили родичи убитого, то убийца должен был прийти до следующего двора и сделать свое признание там.

Наследство убитого считалось «резервным фондом» для отмщения убийце.

* Это делалось, как уже говорилось, следующим образом: возле становой кости вонзали меч в тело, отрезали все ребра до самых бедер, выгибали их наружу и вынимали легкие.

Тем не менее убийство могло быть смыто не только кровью, но и выплатой *виры* — выкупа. Часто дело улаживалось простой сделкой. Сумма выкупа регулировалась законом.

Кроме того, закон стремился развести убийцу и родичей убитого, чтобы дать им время «остынуть». Когда об убийстве было объявлено и дело собирались рассмотреть на тинге или альтинге, то убийца должен был оставить свою усадьбу и отправиться «в ссылку», то есть уйти в малонаселенную местность — в горы или в лес. С ним обязаны были бежать отец, сын и брат. Уходили они в изгнание на сорок ночей.

По прошествии года убийца мог вернуться в родную усадьбу и без опаски, что его настигнет рука мстящих за убитого родичей, отправиться на тинг и предложить там выплатить виру. Если выкуп казался семье убитого неприемлемым по тем или иным причинам, то дело оставляли без «рассмотрения» до следующего тинга. Убийца на другой год повторял свое предложение и поступал так три раза в три года.

Но в случае отказа семьи убитого принять виру убийца, с момента первого же их несогласия, оказывался в смертельной опасности — его объявляли вне закона, и он должен был вновь удалиться из дома.

Вира являлась довольно заманчивым предложением для землевладельцев, ибо хоть как-то восполняла нанесенный хозяйству урон, вызванный потерей работника и кормильца, однако принятию денежного возмещения мешали понятия о чести и достоинстве викингов, ибо они считали бесчестьем брать деньги за пролитую кровь родича. Для них самым важным было не запятнать семейную честь. Они считали, что если отомстить за убийство, а не взять деньги, то это будет хорошим уроком другим потенциальным убийцам и заставит их задуматься о своих планах, ибо всегда легче заплатить за совершенный проступок деньги, а не отдавать собственную жизнь.

Уважая это чувство долга и понятие о чести, закон объявлял принявшего виру чистым от бесчестья. Помимо этого, преступник с двенадцатью родичами должен был в присутствии свидетелей объявить, что сам

бы также удовлетворился выплатой выкупа в подобной ситуации. Такая клятва называлась *клятвой равенства* и лишала преступника и его родню возможности издеваться над семьей убитого и обвинять их в трусости. Обиженная сторона, в свою очередь, приносила *клятву примирения* и уже не могла преследовать убийцу.

Денежные выкупы существовали в разных «видах». Некоторые из них убийца сам выплачивал ближайшему родственнику убитого, а некоторые собирались всей семьей убийцы и таким же образом распределялись между родичами убитого.

Если же убийца или семья убитого чувствовали себя в опасности и после примирения, то они имели полное право, в соответствии с законом, требовать, чтобы, когда родичи одного семейства приходят в гости или по делам к представителям другого рода, с обеих сторон давались заложники для обеспечения мира.

Нас не могут не поражать «кровавые» изображения событий, которые героями сказаний воспринимались как само собой разумеющиеся и законные — вспомним хотя бы убийства из «Песни о Нибелунгах», из сказания о кузнеце Виланде (Вёлунде) или из героических песен «Старшей Эдды». Но было бы ошибочно считать подобные убийства проявлением жестокости или особенной жажды крови людей того времени. Заметим, что подобные деяния, как правило, не сопровождаются мучительством, пытками умерщвляемого или надругательством над его трупом.

У древних скандинавов вообще не было понятия «убийство как таковое», а существовали разные «уровни» убийства — открытое убийство, убийство из долга чести, убийство в бою.

Существовали даже два слова для обозначения убийства.

Словом *mórd* называлось «*позорное убийство*», то есть убийство, о котором совершивший его либо не сообщил окружающим, либо оно состояло в том, что был убит спящий, либо оно было совершено ночью, либо"еще каким-либо другим неподобающим образом.

А слово *víg* обозначало *убийство в бою* или «открытое убийство», о котором совершивший его сообщал немедленно, не далее чем у третьего дома, и, таким образом, мог быть преследуем по закону или заплатить виру (выкуп) родичам убитого.

Само по себе убийство далеко не всегда являлось злом, очень часто оно было необходимой защитой, ибо в обществе того времени не существовало тюрем и полиции, и люди были вынуждены сами заботиться о собственной безопасности.

Описания смерти или убийства в героических сказаниях и других произведениях средневековой литературы часто могут звучать для современного человека не просто удивительно, но и трагикомично, как, например, это описано в древнеисландской «Саге о Ньяле». Во время битвы у Коля Эгильссона была отрублена нога у бедра, «он стоял некоторое время на другой ноге и смотрел на обрубок своей ноги. Тогда Кольскегг сказал: “Нечего смотреть. Так оно и есть: ноги нет”. И Коль упал мертвым на землю».

Такое изображение, по словам М. И. Стеблин-Каменского, прежде всего отображает героический идеал поведения воина, а не действительность, и веру в то, что и после смерти человек продолжает существовать, только уже в загробном мире.

• • •

Законы северянами строго соблюдались. В них они видели залог собственной безопасности и безопасности своей семьи и хозяйства. Для соблюдения доброго порядка в областях страны находились специальные судьи, которые в случае нарушения закона немедленно созывали тинг или передавали дело на альтинг. В каждой четверти, на которые делился хирд, был *четвертной судья*. А все четвертные судьи починались судье области — *лагману*, который всегда был одним из самых уважаемых людей в стране.

Человек, объявленный вне закона на местном собрании, мог немедленно «обжаловать» решение на «вышестоящем» тинге. Кроме того, он считался объяв-

ленным виновным только в пределах той области, где проходило собрание.

Словом, у людей эпохи викингов была возможность подавать кассационные жалобы и добиваться признания своей правоты в судебном порядке. Невероятно, но факт: строго регламентированное общество морских разбойников было истинно демократическим!

С течением времени в каждой области возникали собственные законы, которые, естественно, строго соблюдались. Управление каждой области такими своими «родными» правилами и законами, которые основывались на обычаях и традициях северных народов, всячески поддерживалось самими гражданами.

Законам должны были подчиняться все — даже короли. И в случае невыполнения конунгом законов страны к нему могли быть применены те же «штрафные санкции» и наказания, что и к обычному гражданину. Хотя конунг и был первым человеком в стране, тем не менее он не обладал неограниченной властью. В одном из сводов законов записано: «Если конунг убьет человека в его доме, то всем в стране посылается боевая стрела и все должны пуститься по следу конунга и убить его».

• • •

Древние норманны верили во всемогущую судьбу, властвующую над богами и миром по ее неизменным уставам. Никакая сила, никакой разум не могли ей противиться. Каждый из воинов древнего Севера своим образом действий и мыслей выражал то убеждение, что все происходит по законам судьбы, какие бы ни встречались препятствия. «Я не считаю того за невозможное, если так определила судьба», — говорит Харальд Прекрасноволосый Ингемунду Торстейнсону, когда он открывает королю предсказание ворожеи, что он, Ингемунд, в свое время покинет свою усадьбу в Норвегии и поедет в Исландию. «Никто, — прибавил король, — не избегнет участи, назначенной роком».

В сагах и песнях часто встречаются такие утверждения: «Ни к чему не приведет сопротивление судьбе»; «Никто дальше не пойдет, если судьба не захочет»; «Определение судьбы хоть не скоро придет, но никогда не минует»; «Своей судьбы не избежнешь»; «Никому нет прибыли сражаться с роком». Как пел умирающий Орвар Одд:

Никак я не скрою
От храброго мужа,
Что пользы не будет
В боренье с судьбою!

Урд, Верданди и Скульд (Судьба, Становление и Долг) — три всеведущие девы, называемые *норнами* и живущие в чертогах Одина под сенью ясеня Иггдрасиль. Они «располагали участью» всех вещей и назначали людям срок жизни. Их определения были неизбежны. Скульд, младшая из норн, с валькириями Гунной и Ротой, посылалась Одином во все сражения, чтобы избирать воинов, которые будут убиты: кого не выбрали эти девы, срок того еще не пришел, потому что «всем урочное время дано».

Были еще и другие норны, присутствовавшие при рождении младенца, чтобы назначить ему время жизни: одни — из рода богов (*асов*), другие — из рода *светлых альвов*, а третьи — из рода *темных альвов*. Они являлись младенцу при его рождении, назначали ему *судьбу*, потом не разлучались с ним и охраняли его; почему саги и называют их *фюльгья* — спутниками. У разных людей и норны разные: сильные, даровитые и знатные имели сильных духов-спутников; но чем менее отличался человек происхождением и способностями, чем ограниченнее был круг его действий, тем бессильнее были его фюльгьи.

Предчувствия, сны и другие знамения считались средствами, с помощью которых боги сообщали людям свою волю и предопределяли судьбу человека. Всякое важное событие в сагах предвосхищается знаменательными сновидениями. Если норманну грезилась умершие родные, он верил, что это их души; если являлась женщина, птица или другое животное, то это была

фюльгья человека, приходившая, чтобы предостеречь его или возвестить будущее.

В архаических культурах внешний мир и его обитатели мыслятся потенциально враждебными человеку, и нарушение хрупкого равновесия «своего» и «чужого» миров расцениваются чаще всего как вмешательство злых сил из мира иного.

С другой стороны, человек и сам может спровоцировать эту агрессию умышленным или неосторожным проступком.

В обществе, где все поведение людей строго регламентировано, где поступают только так, как делали всегда, из поколения в поколение, любое нарушение или отклонение от принятых норм поведения, особенно если речь идет о неправильном выполнении обрядов или о клятвопреступлении, вреде родичам или предательстве интересов рода, чревато тяжелыми последствиями для всего коллектива, ибо открывает «границу» между «своим» и «чужим» мирами, вносит хаос в их отношения и соответственно делает мир людей уязвимым для враждебных сил.

Запреты даны «свыше», и люди просто принимают их как некую данность, как установленный издавна, испокон веков порядок вещей. Это традиция, которая лежит в основе всей культуры архаического общества.

В сагах часто встречается формула «у него не было удачи» или «он был неудачник». Фактически вся «Сага о Греттире» построена на том, что он неудачник и гибель его неминуема. В данном случае речь идет вовсе не о современном понятии «удача — неудача», а о смысловом «поле», в которое включены такие категории, как сила жизни, сила счастья и потенциальная удача. Об «удаче» в сагах говорится не только в отношении конкретного человека, но и целого рода. Человек теряет свою удачу, как только нарушает связи с «коллективом», преступает границу тех норм поведения, которые приняты в обществе, а потому он обречен на гибель. Он оставался один на один с враждебными силами Иного мира и был совершенно беззащитен. Именно такой человек мог легко стать жертвой колдовства, то есть добычей вредоносных сил из мира чу-

жого. Как правило, такой человек рано или поздно погибал — от ран ли, от болезни, от колдовства. Чтобы противостоять колдовству и стать вновь здоровым душой и телом, необходимо было вернуть удачу, для чего и свершались различные магические ритуалы.

Но судьба в представлении викингов — не безликий рок, а в некотором смысле внутреннее предназначение человека. Человек должен проявить свою волю, не оставаться пассивным. Ее даже можно передать другому. В наибольшей степени удача присуща конунгу. Независимо от его личных качеств она обеспечивала процветание стране и благополучие подданным. Удача конунга материализуется в его подарках — кольца, запястьях, оружии, и потому герои саг старались не расставаться с ними, ее можно передать и словами, как это делает конунг Олав Святой, говоря своим дружинникам: «Не сомневайтесь, я буду всей душой с вами, если это сможет вам помочь, и пусть моя удача будет со всеми вами».

Благословения и добрые желания считались особенно важными для успеха в предприятии. Напротив, проклятия, ругательства и угрозы предвещали несчастье. К числу нехороших примет принадлежала также обмолвка в разговоре.

Древние скандинавы вообще думали, что слова, произнесенные однажды, непременно исполнятся.

• • •

Итак, викинги жили по строго, раз и навсегда, определенным законам, нарушение которых было чревато гибелью всего общества, ибо влекло за собой хаос и беззаконие.

Подобные правила существовали и в частной жизни каждого члена общества, даже в таком личном деле, как семья и брак.

СЕМЬЯ И БРАК

Женщина во времена викингов пользовалась особым уважением и обладала особыми правами. Вряд ли можно говорить о некоей феминизации общества древних скандинавов, хотя многие современные «гендерные» исследователи говорят, что знаменитая скандинавская независимость женщин уходит корнями как раз в эпоху викингов.

Правильность поведения и красота женщины были для викингов особенно приятны, если соединялись со здоровым умом, с чувством собственного достоинства и твердым духом. Скандинавы верили, что у мужественных женщин будут такие же дети. Знаменитый конунг Рагнар Лодброк говорил: «Я выбрал для своих сыновей такую мать, которая передала им свое бесстрашие». Во многом внимание мужчин к таким неженским качествам матерей своих будущих детей объяснялось тем, что жители Севера надолго покидали свои усадьбы, отправляясь в дальние походы, и воспитывать будущих воинов приходилось женщинам.

Но и девушки внимательно выбирали себе женихов. Для них было важно, чтобы будущий муж проявил себя на поле брани, доказал свою храбрость и честность в бою. Причем молодость часто считалась недостатком жениха. Так, в одной саге норвежская королева Ингибьёрг, делая выбор между двумя претендентами на свою

руку, отдает предпочтение пожилому конунгу Геттрику и отказывается красивому и молодому конунгу Олаву. Она сравнивает их с двумя деревьями: одно уже дало прекрасные плоды, а другое едва выпустило весенние листочки. «Глупо, — прибавляет она, — выбирать неясное будущее». Рёгнвальд ярл, склоняя Ингигерд, дочь Олава Шётконунга, выйти замуж за норвежского конунга Олава Толстого (Святого), много рассказывал ей про его подвиги и славу и о том, как за одно утро он взял в плен пятерых конунгов, «лишил их власти и присвоил их владения».

Оставшиеся дома и никогда не ходившие в военные походы мужчины, будучи даже богатыми и красивыми, никогда не пользовались у знатных и гордых девиц успехом.

Необходимым условием брака было равенство брачующихся сторон. Астрид, сестра конунга Олава сына Трюггви, хотела подождать еще несколько лет другого брака, но не выходить за человека без «почетного звания».

Точно так же отвечала жениху Рагнхильд, дочь конунга Магнуса Великого, когда дядя, конунг Харальд Суровый, обручил ее с Хаконом сыном Ивара. «Часто приходится мне чувствовать, что нет больше на свете моего отца, конунга Магнуса! — сказала она. — Особенно же чувствую я это теперь, когда сделал мне предложение простой бонд, хоть и хорош он собой и искусен во всем. Будь жив конунг Магнус, не отдал бы он меня за меньшего по званию человека, чем конунг! Так что трудно ожидать, что пожелаю я выйти замуж за человека невысокого рода».

Когда же оба жениха, о которых мы рассказали выше, получили отказ, они поняли, что есть единственный способ жениться на гордячках — стать ярлами. И если Олав Толстый сам даровал будущему родичу высокое звание, принудив Астрид пойти за него замуж, то Хакон получил от конунга Харальда Сурового отказ, ибо в стране был уже один ярл, и уплыл в Данию, где стал «ведать защитой страны от викингов». Он прославился в боях и через некоторое время вернулся в Норвегию. В то время умер старый ярл, и конунг Харальд

даровал Хакону звание ярла и выдал за него замуж Рагнхильд, ибо теперь Хакон стал обладать и высоким званием, и воинской славой.

Итак, равенство положения, воинская доблесть и высокое звание были желательными, если не необходимыми, условиями брака. Разница же в положении могла стать причиной развода. Прежде всего таким поводом стремились воспользоваться мужчины знатного рода. В сагах есть много примеров, когда конунг или ярл, влюбившись в знатную женщину, решал развестись со своей женой, не столь высокого происхождения. Очень часто именно происхождение было основной причиной окончательного решения. Так, в сагах рассказывается, что конунг Рагнар Лодброг хотел развестись с Кракой, дочерью норвежского бонда, чтобы жениться на Ингибьёрге, дочери шведского конунга, но, когда Крака открыла ему, что она дочь славного героя, Сигурда Победителя Дракона, и настоящее имя ее Аслауг, Лодброг оставил ее у себя и не поминал больше об Ингибьёрге.

Девушки, имевшие отца и братьев, не могли решить свою судьбу сами. Порядочная дочь всегда предоставляла отцу и старшему брату право выбора себе мужа.

Однако редко когда родичи неволили девиц и в большинстве случаев старались прислушиваться к их мнению. Хозяином в доме и старшим в семье всегда был отец. Его слушались не только дочери, но и сыновья, какими бы знатными воинами они ни были.

Независимыми были только вдовы, не имевшие отцов, и девушки-сироты. Они имели право собственного согласия на брак, и, в соответствии с законами, сын не мог выдавать мать замуж против ее воли. Но даже вторичные браки вдовых дочерей, воротившихся в отеческий дом, если отец их был еще жив, зависели исключительно от него.

Только отец мог выдавать дочь замуж. После его смерти, если у него были наследники, это право переходило к его шестнадцатилетнему сыну, который выдавал замуж также и сестер. Только за неимением сына мать имела право выбирать дочери мужа.

Впрочем, если двадцатилетняя девушка два раза напрасно просила позволения своего опекуна выйти

замуж, то могла сама обручиться с третьим женихом, посоветовавшись наперед с кем-нибудь из родных, прилично ли для нее это супружество.

Когда же отцы (или опекуны) принуждали своих дочерей, то ничего хорошего из этого не выходило. Об одном таком случае рассказывается в «Саге о Ньяле». У исландца Хаскульда была дочь Хальльгерд Длинноногая. Она отличалась красотой и учтивостью, но нрава была тяжелого и вспыльчивого. Хаскульд не спросил согласия дочери на брак, потому что побыстрее хотел выдать ее замуж за богача Торвальда. Гордая Хальльгерд возмутилась, ибо почувствовала себя «выданной за первого встречного». Однако отец был неумолим. Он сказал Хальльгерд: «Я не буду менять из-за тебя и твоего глупого честолюбия свои планы. Я решаю, а не ты, раз нет между нами согласия». Хальльгерд смирилась и вышла замуж за Торвальда. Однако счастья этот брак новобрачному не принес. Не прошло и полгода, как она смогла сделать так, что Торвальд был убит ее воспитателем.

Жених должен был обратиться к отцу невесты и передать ему предложение. Отправляясь свататься, жених одевался в свое лучшее платье. Свататься никогда не ездили в одиночестве, а только с отцом или ближайшим родственником.

Когда предложение было сделано и принято благосклонно, начинали договариваться о брачных условиях. Жених объявлял, сколько имения назначает будущей жене: это называлось «женским даром». Также он назначал «дружеский дар» (выкуп за жену) будущему тестю, а отец невесты, со своей стороны, выделял дочери приданое, которое было ей вознаграждением за потерю прав на отцовское наследство. Дары и приданое давались золотом, серебром, рабами, домашней утварью и скотом. Усадьба никогда не делилась, и дочери никогда не давался ее «кусок». Делалось это для сохранения в целости и сохранности земельного участка семьи.

«Женский дар» и приданое считались собственностью жены. В случае смерти мужа или развода с ним она была единственной и полноправной хозяйкой этого своего движимого имущества. После смерти женщины дары переходили в собственность мужа и детей, а если

женщина умирала бездетной, то ее ближайшим родственникам.

Такой *свадебный договор*, который назывался «*покупкой невесты*», аналог современного брачного контракта, по своей сути был настоящей торговой сделкой, потому что по его условиям дочь семейства поступала в собственность мужа. Договор заключался только в присутствии родных с обеих сторон.

После заключения договора переходили к *обряду обручения*, во время которого соединяли руки жениха и невесты. Знаком совершения помолвки был молот Тора, который клался на колени сидящей невесты, чью голову закрывали покрывалом.

Именно обряд обручения позволил Тору в одной из песен «Старшей Эдды» вернуть себе похищенный великаном Трюмом молот Мьёлльнир. Великан спрятал молот в глубинах земли и соглашался вернуть его только в обмен на красавицу Фрейю, которую он хотел взять себе в жены.

Собрались на совет все великие асы,
И богини все также пришли на совет.
Сообща совещались могучие боги,
Как оружие Тора обратно достать?

Хеймдалль молвил слово, из асов белейший,
Он грядущее ведал, подобно ванам:
«Пусть Тор под покровом предстанет брачным,
Ожерельем Брисингов* шею украсит.

У пояса пусть ключи забренчат,
И с колен ниспадает женское платье.
Пусть ценных камней на груди будет много,
И невесты убор на голове у него».

Тор возразил, из асов сильнейший:
«Бабою будут звать меня боги,
Если в женское платье я наряжусь!»

Молвил слово Локи, Лаувеи сын:
«Полно Тор, перестань! Не болтай ты пустого!

---

* Ожерелье Брисингов — знаменитое золотое ожерелье Фрейи, которое подарили ей подземные карлы Брисинги, предупредив, что оно принесет много несчастий асам. С этим ожерельем связано несколько мифов (см. пересказ в приложениях).

Скоро йотуны наши края завоюют,
Если Мьёлльнира мы возвратить не сумеем!»

И украсили Тора покровом брачным
И Брисингов ожерельем широким.

У пояса связка ключей забренчала,
Складки женской одежды с колен ниспадали.
На груди засверкали блестящие камни,
И невесты убор на главе его был.

И молвил Локи, Лаувеи сын:
«Наряжусь я служанкой, тебя провожу я,
Вдвоем мы отправимся к йотунам в край».

Привели из ограды козлов круторогих*,
В колесницы впрягли их для быстрого бега.
Рушились горы, земля загоралась,
Ярый Громовник в Ётунхейм ехал.

И воскликнул Трюм, исполинов властитель:
«Собирайтесь вы, турсы, и скамьи готовьте!
Асы прислали мне Фрейю в невесты,
Ньорда дочь из Ноатуна.

Черных волов мне во двор здесь приводят,
Коров золоторогих, Трюму на радость.
Богат серебром я, богат ожерельями,
Лишь Фрейи одной мне еще не хватало».

Вечер настал, пировали турсы,
Брагою щедро гостей угощали.
Быка съел муж Сив** и восемь лососей,
И сласти все, что для жен припасли.
И выпил Громовник три бочки меда.

Вымолвил Трюм, исполинов властитель:
«Кто в жизни видел столь прожорливых жен?
Не видел я век, чтоб невеста так ела
И меду так много умела бы выпить!»

Сидела при Фрейе служанка разумная,
И турсу служанка ответила живо:
«Целых восемь ведь дней Фрейя вовсе не ела —
Так страстно стремилась в край Трюма она!»

К невесте подвинулся Трюм — целоваться,
Но, раздвинув покров, отпрянул он в страхе:

---

* Тор ездит в колеснице, запряженной двумя козлами.

** Муж Сив — Тор.

«С чего горят очи Фрейи так грозно?
Кажется, словно в них пламя пылает!»

Сидела при Фрейе служанка разумная,
И турсу служанка ответила живо:
«Целых восемь ночей Фрейя глаз не смыкала —
Так страстно стремилась в край Трюма она!»

Явилась тут у Трюма сестра престарелая
И требовать стала от Фрейи дары:
«С своих рук подари ты запястья мне красные,
Ими заслужишь ты милость золовки,
Милость золовки и ласку ее».

Вымолвил Трюм, исполинов властитель:
«Пусть Мьёлльнир скорей принесут для обряда,
Положим его на колени невесте —
Во имя Вар* освятит наш союз».

Сердце у Тора в груди засмеялось,
Как только увидел Громовник свой молот.
И прежде всех умертвил он Трюма,
Потом и гостей всех, родичей йотуна.

Убил и старуху он, Трюма сестру,
Что выпросила у невесты запястья.
Смерть вместо золота старой досталась,
Вместо подарка — удар молотка.

Так добыл Громовник свой молот обратно**.

Брак, совершенный без помолвки, назывался *поспешным* и *слабым* и считался незаконным. Всякая законная жена должна быть, по старинному выражению, *куплена дарами*, или, по словам вестготского закона, *даром и словам*, то есть быть выданной замуж с согласия отца и совета родных по предварительному соглашению. Она называлась *брачной и законной женой*, а дети ее становились *законнорожденными* и имели преимущественное право на усадьбу и имущество отца.

Девушка, вышедшая замуж без обряда, сманенная, похищенная или военнопленная, считалась *наложницей*, каким бы ни было ее происхождение, и дети, прижитые в таком браке, назывались *незаконнорожденными*. Когда ярл Рёгнвальд уехал в Норвегию вместе с

* Вар — богиня обетов.

** Пер. С. Свириденко.

Астрид, дочь Улофа Шётконунга, и без ведома отца обручил ее с Олавом Толстым, Улоф Шётконунг так и не признал этот брак законным и говорил, что ярл отдал его дочь «толстяку в наложницы».

Добрачные отношения с девицами не приветствовались. Так, конунг Харальд Прекрасноволосый, восплавав страстью к красивой дочери финна Сваси, пожелал в первую же ночь после знакомства возлечь с ней. Отец строго ответил королю, что тот может получить его дочь только после обмена брачными клятвами. Нарушение этого правила считалось тяжелой обидой не только невесте, но и всем ее родичам.

Если же во время путешествия сопровождавшему жену друга или чужую невесту викингу приходилось спать с ней на одной кровати, то древний обычай требовал, чтобы они клали между собой меч или доску. Яркий пример такого правила мы находим в «Песне о Сигурде Победителе Дракона» в «Старшей Эдде». Сигурд, чтобы помочь другу жениться на воинственной Брюнхильд, принимает его обличье, на своем волшебном коне преодолевает огненную стену, окружающую жилище невесты, и проводит у Брюнхильд восемь ночей, но ночью на ложе между ними всегда лежал его обнаженный меч, выкованный карликом Регинотом. Этот же обычай мы находим и во время рыцарства. Так, обнаженный меч лежал на ложе между Тристаном и Изольдой. Историки считают, что средневековый культ Прекрасной Дамы и система рыцарского отношения к женщине возникли под влиянием христианства и прежде всего поклонения Деве Марии — именно из германских обычаев в области брака и семьи. Эти обычаи нашли у скандинавов эпохи викингов наибольшее и полное развитие.

Отец заботился о чести жены, сестры и дочери точно так же, как о своей собственной. Девичья честь и целомудрие были не только «лучшим украшением» девушки, но и непременным условием уважения со стороны сограждан и возможности хорошо и удачно выйти замуж.

Даже такой знак внимания со стороны кавалера, как легкий поцелуй, мог быть достаточным основанием,

чтобы отец девушки потребовал, в соответствии с законами того времени, взимания с шутника большого штрафа — и это при условии, что поцелуй произошел по взаимному согласию «сторон». Если же поцелуй был сорван юношей против желания девицы, то меры наказания ужесточались. И виновника могли приговорить даже к изгнанию с родины.

В древнешведском законе написано: «Если возьмешь женщину за руку, плати полмарки в случае жалобы ее, если возьмешь за руку — восемь марок, если за плечо — пять, за грудь — целый эйрир». Вот так скандинавы блюли честь своих сестер и дочерей. В законах были прописаны даже наказания за порванное платье или сорванную с головы повязку!

Древние законы Швеции называют падшую девушку *женщиной, зависящей от милосердия отца и матери*. Родители могли поступить с ней так, как считали нужным: или прощали ее, или лишали прав честной дочери.

В Скандинавии ранние браки не были в обыкновении. Конечно, случалось, что замуж выходили и пятнадцатилетние девушки, однако такие случаи были очень редки. Как мы уже говорили выше, девушки во времена викингов отличались гордостью и разумностью и предпочитали подождать хорошего жениха, даже если ждать приходилось долго. Как правило, замуж выходили не ранее двадцатилетнего возраста, а женились после достижения двадцати пяти, а чаще всего тридцати лет.

Случалось, что брак откладывался на долгие годы. Время отсрочки определялось при обручении: обыкновенно свадьбу откладывали на три года, в тех случаях, если невеста была очень молода или жених отправлялся в важное путешествие или морской поход. В таком случае девушка считалась *названной женой*.

Если жених не являлся по истечении оговоренного срока, невеста могла выйти за другого. Однако случалось, что жених задерживался долее определенного времени, невеста выходила замуж, и тут нежданно-негаданно являлся *нареченный муж*. Смыть оскорбление в таком случае могли либо кровью, либо выплатой виры. Особенно тяжелым оскорбление было, если *нареченная жена* выходила замуж за другого жениха до

окончания отсрочки. В таком случае молодого мужа ждала смерть, если только ему самому не удавалось первому убить *нареченного мужа*.

Однако за девушкой все-таки оставляли право изменить свое решение. В одном шведском законе позднейшего времени говорится, что если «чувство женщины переменится» после законного обручения, то она обязана возратить *обручальные дары* и заплатить 3 марки виры и, сверх того, для восстановления доброго имени жениха должна подтвердить в присутствии двенадцати мужчин, что «она не знает никакого порока или недостатка за женихом и его родней и не знала того во время его сватовства и обручения». Тот же закон имел силу и при нарушении обещания со стороны жениха, но в этом случае дары невесте назад не возвращались. Если законно обрученная невеста три раза в течение года отказывалась выходить замуж за своего жениха, то он собирал родных и брал ее силой, где бы ни нашел, но она считалась *законно взятой*, а не *похищенной*.

В те времена, когда похищение девиц и чужих невест принадлежало к числу великих подвигов, поездка обрученной невесты в дом жениха нередко становилась опасной. Поэтому жених обыкновенно посылал за ней вооруженную дружину друзей и родичей. Они должны были взять девушку под свою защиту и отвезти к супругу. Такая дружина называлась *дружиной невесты*. Возглавлял ее *дружка*. Когда *дружина невесты* прибывала в дом ее отца, то первым делом требовала от хозяина *гарантий мира и безопасности*. После полученных гарантий приехавшие посланцы жениха отдавали хозяину усадьбы оружие и седла, которые запирались в особом помещении. Дружка вместо жениха принимал приданое невесты. После нескольких дней пиршеств дружина невесты вместе с ней, ее отцом и близкими родными ехала в дом жениха, где и справлялась свадьба. Вечером невеста торжественно провожалась на брачное ложе. На другой день, в вознаграждение за девственность, жених делал ей подарок, называвшийся *утренний дар*.

С этого утра невеста становилась законной женой и хозяйкой усадьбы. Ей передавалась связка ключей от всех строений. Связка всегда находилась у хозяйки, и только она, полновластная правительница в усадьбе, решала все хозяйственные вопросы: в ее ведении были заготовка провианта и приготовление еды, стирка и уборка, починка платья, тканье и вязание. Именно она отдавала приказы служанкам, работникам и рабам.

В древнескандинавском языке были специальные слова, которыми обозначались права и обязанности хозяйки усадьбы: это *«заведывание» ключами и домом, или внутреннее управление усадьбой*. Существовал еще и особый правовой термин — *внешнее управление домом*. Но это уже было обязанностью хозяина.

Именно мужчина, хозяин усадьбы, решал вопросы покупок и продаж чего бы то ни было, поездок к родным и на тинги, вопросы замужества дочерей и женитьбы сыновей. Поскольку родовые связи были очень сильны в те далекие времена, то женщина всегда стремилась поддерживать связь со своими родичами и очень часто в спорных вопросах принимала сторону отца и братьев. Поэтому муж старался не особенно часто отпускать жену к отцу. Кроме того, жена без спроса не могла оставаться у своих родных более назначенного мужем срока.

Муж мог наказывать жену так, как хотел. Однако он рисковал, в случае нанесения жене тяжелого оскорбления, столкнуться с ее родичами, у которых было законное право вмешиваться в ее жизнь в случае необходимости. Если у жены были на то серьезные основания, она могла обратиться за помощью к отцу или старшему брату и всегда получала ее. Неверного мужа или мужа, избившего жену, в лучшем случае могли призвать к ответу на тинге, а в худшем — убить.

С женщинами находили постыдным не только драться, но и даже браниться. Оправданием «колотушек» могло служить только беспутство жены.

Женщины во времена викингов умели бороться за свои права и не боялись показаться смешными или нелепыми в глазах окружающих. Так, в «Саге о Ньяле» рассказывается об Унн дочери Мёрда, которая не боялась

признаться отцу (а впоследствии вынести дело о разводе на всеобщее обсуждение) в том, что ее муж «не может быть ей мужем, и нет ей от него никакого прока, как от мужчины, хотя во всем прочем он не отличается от других».

Женщины викингов были не только хранительницами очага, но также древних обычаев и традиций, а часто и семейной чести. В сагах есть великое множество примеров, когда именно женщины подстрекали своих мужей отомстить за поруганную честь рода кровью и не брать виру — презренный металл.

Женщины, в случае необходимости, готовы были сами возглавить дружину и вмешаться в «боевые действия», принимая самые неожиданные решения.

Так, в «Саге о Греттире» рассказывается, что однажды хозяева хуторов в Исландии, которые ограбил Греттир, схватили его и решили повесить. Проезжавшая мимо Торбьёрг, хозяйка с Озерного Фьорда, была, как говорит сага, «женщиной недюжинной и большой мудрости». Она решила вмешаться в творившееся, по ее мнению, бесчинство, ибо не гоже было «людишкам» без особого рода вешать такого знатного человека, как Греттир, хоть и была бы ему такая казнь «по заслугам». Однако отпустить просто так Греттира она не захотела, а потому потребовала от него клятвы «не бесчинствовать более на Ледовом Фьорде» и «не мстить никому из тех, кто участвовал в нападении» на него. Когда Греттир дал ей такую клятву, тогда Торбьёрг освободила его и пригласила погостить у нее в усадьбе до приезда мужа. Это, как говорит сага, «очень прославило ее по всей округе». Но подобный поступок вовсе не обрадовал ее мужа Вермунда — и он потребовал от жены объяснений. «Я сделала так потому, что было у меня на то много причин, — отвечала ему Торбьёрг. — И первое, что тебе будет больше почета, раз у тебя жена на такое отважилась. Кроме того, Хрефна, родственница Греттира, того бы хотела, чтобы я не допустила убить его. А третье, что и сам он великий герой во многом». Вермунд остался доволен объяснением жены и отвечал ей: «Все ты мудрая женщина, и прими от меня благодарность».

Женщина пользовалась многими правами в обществе. Она могла унаследовать права вождя общины и при этом могла оставить себе «должность» жреца местного храма. Так, в одной из саг рассказывается о женщине по имени Стейнвёр, которая была жрицей в храме и содержала его на собственные пожертвования и пожертвования прихожан.

Женщина могла владеть собственностью и управлять ею. Она могла наследовать землю не только после смерти мужа, но и после смерти детей, у которых не было иных близких наследников. В некоторых областях Скандинавии дочь могла претендовать на наследство родителей наряду с сыновьями. А мужчина мог считаться законным отпрыском королевского рода и претендовать на престол, если королевские предки были у него в роду только по материнской линии.

С женами викинги не только предпочитали не ссориться, но случалось и так, что были среди них «подкаблучники». В «Саге об Олаве Святом» рассказывается о Торберге сыне Арни, который согласился спрятать в своей усадьбе исландца Стейна сына Скафти против собственной воли, поскольку исландец был объявлен вне закона конунгом Олавом. Однако Торбергу пришлось укрывать преступника только потому, что так захотела его жена Рагнхильд, пригрозив, что если уедет Стейн, с ним уедет и она, и ее сын Эйстейн Тетерев. Укрывательство исландца было поставлено Торбергу в вину не только посторонними людьми, но и ближайшими родичами. А его брат Финн сказал, что «плохо, когда верховодит женщина и когда жена заставляет нарушать верность своему конунгу».

Жены древних скандинавов, как уже стало понятно, отличались суровым характером. Но они умели и любить — любить «до гробовой доски».

Уже стал хрестоматийным пример из «Саги о Ньяле» о верности жены Ньяля Бергторы. Когда сыновей Ньяля пришли сжечь в доме их недруги, то, в соответствии с кодексом чести викингов, самому Ньялю, уже очень пожилому человеку, и его жене было предложено покинуть дом, потому что «могли они погибнуть в огне безвинные». Но Ньяль отказался, потому что, по его

словам, был «человеком старым и едва ли смог бы когда-нибудь отомстить за своих сыновей, а жить с позором не хотел». Бергтора же просто сказала, что «была отдана Ньялю молодой и пообещала ему, что будет у них одна судьба», и предпочла сгореть заживо в доме с мужем и своими детьми и внуками.

Не чужда была женщинам тех далеких времен и ревность. Все в той же «Саге о Ньяле», которую считают одной из самых известных, рассказывается об исландце по имени Хрут. Он зимовал со своим кораблем в Норвегии у конунга Харальда Серая Шкура и стал жить с матерью конунга Гуннхильд, которая была известна своим умением колдовать. Когда же Хрут собрался вернуться в Исландию и жениться там, это вызвало у Гуннхильд вспышку ревности, и на прощание она обняла Хрута и подарила ему золотое обручье, сказав: «Если моя власть над тобой так велика, как я думаю, то ты не будешь иметь утехи в Исландии с девушкой, которая у тебя на уме. А с другими женщинами ты добьешься, чего хочешь». Так оно и вышло. Хрут не смог жить с женой. «Когда он приходит ко мне, — жаловалась она, — плоть его так велика, что он не может иметь утехи со мной, и, хотя мы оба всячески стараемся, ничего не получается». В результате они развелись. Надо сказать, что колдовство Гуннхильд было направленным, а месть необыкновенно изощренной: с другими женщинами, кроме жены, у Хрута все получалось.

Не менее сильной бывала и любовь мужчин. В «Саге о Гуннлауге Змеином Языке» приводится рассказ о великой любви Гуннлауга и Хельги, которая была обманом выдана замуж за Хравна, который любил ее не меньше Гуннлауга. Он даже пошел на бесчестный поступок и поступил низко, исподтишка нанеся ему смертельную рану лишь потому, что не мог «уступить ему Хельгу Красавицу». После смерти Гуннлауга и Хравна Хельга была отдана отцом замуж за Торкеля, человека богатого и достойного, кроме того, хорошего скальда. Он также очень любил ее и, когда Хельга умерла у него на руках, бросив последний взгляд на подаренный Гуннлаугом плащ, сочинил такую вису:

Умерла сегодня
Добрая жена моя.
На руках у мужа
Богу жизнь вручила.
Без нее в живых мне
Тяжело остаться*.

В обществе того времени, как мы уже говорили выше, были разрешены и разводы. Поводом для развода могло быть как недовольство мужа женой, так и наоборот. Однако причины для развода должны были приводиться сторонами очень серьезные.

Если муж отсылал жену домой к ее родным без объяснения причин, то он наносил им смертельную обиду и, кроме того, должен был вернуть приданое жены и обручальные дары, а также все сделанные любимым человеком и им самим жене подарки во время брака.

О расторжении брака надо было объявить в присутствии свидетелей у супружеской кровати, потом у главных дверей дома и, наконец, на тинге.

Жена не могла взять с собой при разводе имущество, если совершила преступление или заслужила гнев мужа — например прелюбодеянием. Замужняя женщина, уличенная в этом преступлении, немедленно теряла все свои права и изгонялась из дома в том, в чем была. По предписанию одного закона того времени, «муж должен привести неверную жену к порогу, сорвать с нее плащ и, отрезав у ней половину одежд сзади, вытолкнуть за дверь».

Жены также могли требовать развода. Однако если они покидали дом мужа без достаточной причины, то не могли требовать вернуть им приданое и дары. Мужья могли принудить таких жен вернуться.

В одной саге рассказывается, как Хельги, дочь исландца Торадда, в отсутствие мужа Торгильса ушла от него к отцу, так как ей не нравилось жить с мужем, который был намного старше ее. Когда Торгильс вернулся домой и узнал об отъезде жены, он вооружился и поспешно отправился в усадьбу тестя. Он вошел в дом в полном вооружении и, не говоря ни слова, взял Хельги

---

* Пер. М. И. Стеблин-Каменского.

за руку и увел с собой. Скафти, брат Хельги, хотел было со своими людьми гнаться за ним, как за похитителем сестры, но Торрадд сказал ему: «Торгильс взял ему принадлежащее, и потому я запрещаю его преследовать». И Торгильс удержал жену у себя силой. Однажды, когда они сидели на дворе, по двору петух гонялся за курицей и бил ее. Курица отчаянно кудахтала. «Видишь ли эту картинку?» — спросил Торгильс Хельги. «Что ж это значит?» — спросила она. «То же самое может случиться с тобой», — отвечал Торгильс. Тут уж пришлось Хельги умерить свою гордыню, и с тех пор они жили хорошо друг с другом.

Но если муж отказывал жене в необходимом, не заботился о ней и детях, дурно обходился с ней, обижал ее родных или из трусости не хотел помочь им защититься от врагов или исполнить долг чести, то жена имела законные причины искать развода с таким мужем.

В сагах есть много примеров, когда жены разводились с мужьями или угрожали возвратить им ключи, если они не помогали их родным в беде или не защищали честь рода. Бездействие, трусость и невыполнение клятвы почитались ужасным грехом и очень веской причиной для развода.

В «Саге о Хёрде и островитянах» есть рассказ об исландке Торбьёрг, объявившей на тинге, что она погубит всякого, кто убьет ее брата, Хёрда, хотя ее муж, Индриди, принадлежал к числу злейших его врагов.

Хёрд не отличался мягкостью характера и особой добротой к сестре. Он даже хотел сжечь усадьбу Индриди и его самого. Он предложил сестре покинуть дом, но она отказалась, сказав, что навсегда останется с мужем. Когда же островитяне и Хёрд притащили к дому вязанки дров, Индриди и его людям, благодаря вещему сну Торбьёрг и заранее подведенному к дому ручью, удалось погасить огонь. Но Хёрд и тут не успокоился и вместе с другими отвел от дома ручей. Его сестру и ее мужа спасло лишь прибытие подмоги. Однако Торбьёрг по-прежнему продолжала защищать брата и объявила во всеуслышание, что будет за него мстить.

Хёрд вскоре убит был Торстейном Золотая Пуговица. Индриди, который тоже участвовал в той битве, вернулся домой и в присутствии свидетелей рассказал о смерти зятя жене. Торбьёрг узнала, что брата ее убили ударом в спину, когда он был безоружен. Вечером, когда супруги отправились спать, Торбьёрг попыталась зарезать в постели мужа, но тому удалось перехватить нож и при этом сильно поранить руку. Индриди спросил жену, что надо сделать, чтобы она простила его. Торбьёрг потребовала у него головы Торстейна, в противном случае угрожая разводом. На другой день Индриди убил его и принес голову жене. Но Торбьёрг согласилась помириться с мужем и быть ему всегда верной женой еще при одном условии: она пожелала взять к себе в дом жену и детей убитого брата. Муж позволил это, и все хвалили поступок Торбьёрг, говоря, что она честная женщина.

Кроме того, разводиться «без проблем» жёны могли еще и в случае, если супруг обнищал и не мог содержать семью, причинил жене вред или нанес смертельную обиду, а также, если муж вел себя недостойно — например носил женскую одежду. Кроме того, жена имела право потребовать развода, если после свадьбы муж отказывался передать ей ключи.

Разведенные супруги могли вступать во вторичный брак. Если же смерть расторгала брак, оставшийся в живых супруг имел полную свободу вступать в новый союз. Многоженство не было в обычае, однако не считалось нарушением святости брака, если муж имел много наложниц.

Скандинавы очень любили женщин, и конунги и другие знатные люди часто имели большое количество *наложниц*. Немецкий епископ Адам Бременский даже с негодованием писал, что шведы в соответствии со своим достатком могли иметь не одну, а несколько жен. Однако историки полагают, что речь шла не о законных супругах, а о наложницах или рабынях.

Девушки-рабыни сопровождали дружины норманнов в походах и торговых поездках. Они не только прислуживали своим господам, но использовались и для любовных утех. Кроме того, их основная ценность

заклучалась в том, что они были товаром, который можно было продать на Востоке намного выгоднее, чем меха или моржовую кость.

Арабский купец Ибн Фадлан, повстречавший «русов» (свеев) на Волге, писал: «Они прибывают из своей страны и строят на берегу реки большие дома из дерева, и собираются в таком доме по десять или двадцать человек, и у каждого — своя скамья, и с ними девушки — восторг для купцов. И вот один из них сочетается со своей девушкой, а товарищ его смотрит на него. Иногда же соединяются многие из них в таком положении один против другого».

Рожденные от таких связей дети считались незаконными, однако в случае необходимости или по желанию отца могли наследовать его имущество и даже усадьбу.

Многих *незаконнорожденных детей* ждала незавидная участь: по повелению хозяина усадьбы, который часто и был их отцом, их могли утопить или отнести в лес на съедение диким животным. В одной из саг читаем: «Когда Исландия была еще совсем языческой, существовал такой обычай, что люди, которые были бедны и имели большую семью, уносили своих детей в пустынное место и оставляли там». Такой обычай существовал и в других Скандинавских странах.

Очень часто рабы, относившие детей в лес, выбрав место, близкое к какому-нибудь жилью или большой дороге, клали их между камней или в дуплах деревьях, стараясь сохранить младенцам жизнь — и часто преуспевали в этом, ибо случалось, что такие дети, оставшись в живых, бывали заботливо воспитаны теми, кто находил их.

Детей, как тогда говорили, «бросали», если семья, по причине крайней бедности, не могла прокормить ребенка, если младенец был незаконнорожденным, что могло нанести бесчестье семейству, или мать которого по какой-нибудь причине не была любима отцом, или если их рождению предшествовали вещие сны, предвещавшие несчастья и беды, которые придут в семью с новорожденным.

Так, в «Саге о Гуннлауге Змеином Языке» рассказывается о рождении у Торстейна красавицы-дочери Хель-

ги. Незадолго до ее рождения отцу приснился сон, который, будучи истолкован одним мудрым норвежцем, гласил, что к Хельге будут свататься два знатных человека, будут биться друг с другом из-за нее и оба погибнут в этой битве. Отец принял решение «бросить» девочку, но мать сохранила ей жизнь, тайком отправив к своей родственнице. Предсказание сбылось — и в свое время из-за Хельги действительно сразились двое знатных людей и оба пали в той битве.

Языческий *обычай «выноса» детей* продержался в Исландии еще некоторое время после официального принятия там христианства альгингом в 1000 году. В «Саге об Олаве Святом» рассказывается, что «Олав конунг подробно расспрашивал о том, как христианство соблюдается в Исландии. Он считал, что оно там плохо соблюдается, раз законы там разрешают есть конину, выносить детей и делать многое другое, что противоречит христианской вере и что делали язычники».

Однако выносить детей в более поздние времена разрешалось только бедным семьям.

В «Саге о Виги» X века говорится, что во время чрезвычайно жестокой зимы местный священник предложил пожертвовать храму денег, младенцев «вынести», а стариков убить — в силу сложившихся невыносимых обстоятельств жизни и реальной угрозы для сильных членов общества умереть.

После принятия христианства законы всех Скандинавских государств особо «оговорили» системы штрафов за умерщвление ребенка и сам процесс признания ребенка мертвым. Так, в шведском законе «Гуталаг» указывается, что каждая роженица должна заранее указать своим родным, где она собирается рожать. В случае гибели ребенка свидетели должны подтвердить, что он умер своей смертью. А вообще, говорит закон, следует вскармливать каждого ребенка, а «не выбрасывать его».

Новорожденного клали в доме на пол, и никто не смел поднять его до тех пор, пока отец не решал, бросить его или принять в семейство. В последнем случае его поднимали с земли и относили к отцу, который

брал его на руки, обливал водой и давал ему имя. Это называлось *носить детей к отцу*.

Само имя служило оберегом, было олицетворенным, значимым и обладало большой силой. Вспомним хотя бы общеизвестный факт, что русский народ считал непозволительным называть черта его же собственным именем — особенно в определенные дни, — чтобы не накликать беду, чтобы нечистый не услышал и не явился на зов.

«Я утверждаю, — писал известный ученый А. Ф. Лосев, — что сила имени в теперешней жизни, несмотря на ее полное удаление от живой религии, нисколько не уменьшилась. Мы перестали силою имени творить чудеса, но мы не перестали силою имени завоевывать умы и сердца, объединять ради определенных сил тех, кто раньше им сопротивлялся: и это — ничуть не меньшая магия, чем та, о которой теперь читают только в учебниках». И далее: «То, что имя есть жизнь, что только в слове мы общаемся с людьми и природой, что только в имени обоснована вся глубочайшая природа социальности всех во всех бесконечных формах ее проявления, это все отвергать — значит, впадать не только в антисоциальное одиночество, но и вообще в античеловеческое, в антиразумное одиночество, в сумасшествие. Человек, для которого нет имени, для которого имя только простой звук, а не только предметы в их смысловой явленности, этот человек глух и нем, и живет он в глухонемой действительности. Если слово не действительно и имя не реально, не есть фактор самой действительности, наконец, не есть сама социальная (в широчайшем смысле этого понятия) действительность, тогда существует только тьма и безумие, и копошатся в этой тьме только такие же темные и безумные, глухонемые чудовища. Однако мир не таков».

Общеизвестно, что имена различных народов являются одной из важных составляющих народного духа и всегда преисполнены глубокого смысла. В древности имя значило столь много и обладало столь великой силой, что назваться именем другого человека значило нанести ему вред. В Древней Руси великие князья, при-

няв христианское имя после крещения, скрывали его от окружающих, опасаясь ворожбы*.

Конечно, кто-то может возразить, что имена русские не имеют ни малейшего отношения к именам древнескандинавским — и будет совершенно не прав, ибо любое имя в любом языке, а уж тем более в столь давние времена, когда люди стремились оградить себя от таинственных и магических сил природы, было олицетворенным и несло в себе определенную информацию, служило оберегом**.

В семье древних скандинавов ребенку, прежде всего мальчику-наследнику, старались дать родовое имя чаще всего в честь умершего предка, чтобы новорожденный сразу после появления на свет мог войти в мир рода. Родовое имя связывало ребенка с историей семьи и передавало эту связь в будущее. Поэтому неудивительно, когда в ребенке начинали видеть родича, в честь которого он назван. В «Саге об Эгиле» говорится: «У Скаллагрима и Беры было очень много детей, но все они вначале умирали. Потом у них родился сын, и его облили водой и назвали Торольвом. Он рано стал высок ростом и очень хорош собой. Все как один говорили, что он очень похож на Торольва сына Квельдульва, по которому он был назван».

В «Саге о Сверрире» Олав Святой называет конунга во сне Магнусом, тем самым как бы принимая в свой род и благословляя, потому что имя Магнус значит «Великий» и «принадлежало» многим знаменитым коро-

---

* Память народная связала определенные черты характера отдельных людей с именами, отметив наиболее яркие их проявления в метких высказываниях. Реестр таких характеристик сохранился в фольклорных произведениях русского народа: *Постоянная дама Варвара, / Великое ябедство Елена, / Толста да проста Афросинья, / Хороший голос Домна, / Взглянет — утешит Арина, / Обещает не солгать Софья, / С поволокой глаза Василиса, / Наглая спесь Маримьяна, / Песни спеть Дарья, / Худое соврать Агафья, / Промолвит — накормит Марина, / Черные глаза Ульяна.*

** Такое отношение к именам сохранилось и в христианстве. Священник П. А. Флоренский писал: «Имя — тончайшая плоть, посредством которой объявляется духовная сущность... Поэзия, письменная и изустная, держится на именах... Имена распределяются в народном сознании на группы. Если священник даст крещаемому имя преподобного, это обещает ему счастливую жизнь. А если имя мученика, — и жизнь сойдет за одно сплошное мучение...»

лям, в том числе сыну и наследнику Олава Святого Магнуса Доброму.

Обливание водой было древним обрядом, во время которого ребенок посвящался богам. С этой минуты на него смотрели, как на вступившего в родство. Убить такое дитя считалось преступлением.

В отсутствие отца, а иногда и при нем, обязанность обливания и назначения имени ребенку принимал на себя другой; для того обыкновенно избирали значительных и богатых людей; так, по крайней мере, было у знатных. Этот обряд полагал начало самым тесным взаимным отношениям между восприемниками и их крестниками и обязывал их к взаимной дружбе и приязни.

Когда у детей прорезывались зубы, отцы обыкновенно делали им подарки — рабов или какие-нибудь драгоценные вещи. Эти подарки назывались *зубной скот*.

До 15 лет дети жили в полной свободе и проводили время с другими своими сверстниками в занятиях, свойственных их возрасту: дочери учились у матерей ткать, шить и другим женским рукоделиям, а сыновья занимались военными упражнениями. Нигде не упоминается в сагах, чтобы отцы жестоко наказывали сыновей, однако в случае сильного гнева они прогоняли их из своих домов.

Детей часто отдавали на воспитание умным и рассудительным друзьям или родичам. Если кто хотел другому оказать свое уважение и приязнь или еще теснее сойтись с ним, то обыкновенно вызывался взять его сына на воспитание и в знак того, что принимал все отцовские обязанности, сажал ребенка к себе на колени, почему взятые на воспитание дети и назывались в старину *сидящими на коленях*.

Отдавали детей (прежде всего сыновей) на воспитание в дома мудрых людей вдовы и отцы-викинги, которые сами не могли воспитывать сыновей. Если у мальчиков не было родных отцов, воспитатели должны были награждать их имуществом и устраивать их счастье. Так, Ньяль смог «достать» названному сыну не только выгодную невесту, но и должность судьи в Исландии. Погубить приемыша или причинить ему какой-нибудь вред почиталось низким делом.

СКАНДИНАВСКАЯ УСАДЬБА И ЕЕ ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ

Естественная среда, в которой жили скандинавы (прежде всего гористая местность и малые «лоскутки» пригодной для пахоты земли), определила характер их поселений. В Норвегии и Швеции преобладали хутора — отдельные усадьбы, которые часто были расположены на большом расстоянии друг от друга.

Жители их холодными и снежными зимами подчас не могли поддерживать постоянных связей даже с соседними хуторами, не то что с родичами, жившими далеко от них. В равнинных областях Норвегии и Швеции, а также в равнинной Дании уже в раннем Средневековье возникали деревни.

Вплоть до IX века в Скандинавии на хуторах существовала большая патриархальная семья. Большой семьей было легче обрабатывать землю и заниматься скотоводством.

Вместе с родителями жили не только малолетние дети, но и семьи взрослых сыновей. Жили они все в одном доме. Длина таких домов достигала иногда более 30 метров.

Усадьба бонда была неделима. Ее называли *одалем*, а самого владельца усадьбы *одальманом*. Слово «одаль» означало не только землю и усадьбу, но и «родину».

Хозяева усадеб особенно заботились о том, чтобы ни единого клочка их земли не перешло во владение в

чужие руки. Сохранение земли было залогом силы семейства и, следовательно, мощи государства в целом. Отсюда тщательно прописанные в законах требования о том, что земля не может переходить от одного рода к другому.

Владельцу земли запрещалось продавать усадьбу и прилегающие к ней угодья чужим людям. Сначала хозяин земли должен был предложить купить ее своим родичам как близким, так и самым дальним, а уж затем, если абсолютно все родичи оказывались «некредитоспособными», могли продать ее чужаку. При этом за семьей, исконно владевшей землей, оставалось право выкупа. Поэтому дочь не имела права наследования при наличии в семье сына.

Благодаря таким строгим законам сословие бондов в Скандинавии, пожалуй, одной из немногих частей Европы, смогло остаться независимым даже во времена феодализма. В странах, где не было предписаний подобных тем, какие существовали в северных государствах, прежние земли единичных хозяев выкупались более богатыми согражданами и постепенно превращались в обширные поместья с великолепными дворцами, принадлежавшими одному человеку или семье, а прежние хозяева становились бедными крестьянами, зависимыми от своих господ.

Усадьба для викингов и их современников была микромиром, средоточием всех жизненных интересов. Человек и усадьба связывались неразрывными узами. За пределами усадьбы лежал враждебный мир, населенный злыми существами, от которых могли защитить духи-покровители усадьбы. В честь последних устраивались празднества и приносились жертвы. Поклонялись и животным — коням и быкам. Во время празднеств ели конину и пили конскую кровь. Детородный член жеребца служил амулетом, приносящим плодородие.

Вместе с хозяевами в усадьбе жили рабы и слуги, а в усадьбах богатых людей — и их дружинники.

Некоторые хозяева выделяли своим рабам небольшие участки земли и снабжали их «сельскохозяйственным инвентарем».

В усадьбах норманнов, помимо земледелия, занимались ловлей рыбы, разведением скота, а также охотой.

Саги упоминают о ловле сельди у южных берегов Норвегии. В Северном море ловили китов и моржей.

Но самыми главными занятиями были земледелие и скотоводство, поэтому даже имущество норманнов называлось просто *скот*. Оттар, живший на самом севере Норвегии, в Халогаланде, рассказывал королю Альфреду, что хотя он и из главных людей в том краю, однако ж, кроме 600 дворовых оленей, имеет не более 20 коров да столько же овец и свиней с лошадьми, на которых пашет. Отзыв Оттара о своем стаде как о незначительном показывает, что вообще у бондов, а особенно у зажиточных людей, были стада гораздо многочисленнее. Летом обыкновенно выводили скот на отдаленные выгоны в горы или на дальние луга — *сетеры*.

На полях сеяли ячмень, овес и рожь. Пшеница в сагах упоминается редко, да и то как предмет торговли.

Выращивали в усадьбах и лен. В середине зимы (около зимних праздников) конунгам платили подать льном: каждая хозяйка должна была дать королю *мочку непряденого льна*, то есть столько, сколько сможет захватить большим и средним пальцем*.

Благодаря археологическим раскопкам мы знаем, как выглядели усадьбы в средневековой Скандинавии.

В то время королевский двор мало чем отличался от усадеб богатых людей — в основном лишь размерами домов.

---

* Пригодной для земледелия и свободной земли с течением времени становилось все меньше, и по этой причине, особенно в неуроходы, случались годы голодные. Тогда особенно резко возрастала цена на хлеб. В «Круте Земном» рассказывается, что в первые годы правления Инглингов случились три неурожайных года подряд. И тогда в Упсале были приготовлены великие жертвоприношения. В первую осень принесли в жертву вола, но и другой год был не лучше. Второй осенью в жертву принесли уже людей, но на следующее лето неурожай был еще больше. На третью осень множество шведов сошлось на празднике в Упсалу. Вожди держали совет и решили, что король их, Домальди, стал причиной невзгод, а потому постановили принести его в жертву. Они напали на него, убили и окропили троны богов его кровью.

Главным отличием усадеб конунгов и ярлов, а также богатых людей было наличие либо дополнительной комнаты для приема гостей, либо специально построенной залы — *палаты*.

Зала походила устройством на обыкновенный дом, только была красивее и пышнее. Стены убирались цветными щитами, шлемами, кольчугами, что придавало палатам «воинственный вид», либо украшались искусной резьбой, либо завешивались дорогими гобеленами. Лавки покрывались блестящими, нередко дорогими, «заграничными» *полавочниками*. Не только на креслах, но и на лавках лежали великолепные подушки.

Такие палаты достигали больших размеров. Когда богатые люди приглашали к себе королей во время их путешествий, эти знатные гости не только умещались в комнатах со всей, нередко многочисленной, свитой, но в таких случаях обыкновенно сзывались на пир и все значительные люди в округе.

В залах во время пиров горел *продольный огонь*, потому что очаговую яму в таких помещениях устраивали во всю их длину. Такие большие очаги были нужны на пирах, потому что через огонь — для очищения — обязательно проносились рога или кубки.

Между столпами, подпиравшими потолок, помещались места для сна, или гостевые кровати. Но на больших дворах строили особенные дома для ночлега гостей. Такова опочивальня, куда был приведен Харальд Гренландец, когда Сигрид Гордая пригласила его на пир. Упоминают саги также об опочивальнях, которые устраивались под кровлей.

Одной из самых известных сохранившихся до наших дней викингских усадеб считается хутор Стенг в Исландии, прозванный также «исландскими Помпеями», поскольку он был похоронен под слоем пепла и лавы в 1104 году во время извержения вулкана Геклы. Люди, к счастью, успели покинуть усадьбу.

В Норвегии, Дании и Швеции жилища строили из дерева, а вот в Исландии и Гренландии, где не было так много лесов, дома складывали из камня и дерна. Строевые целиком из камня появились не ранее 1000 года, да и то это были церкви.

Все усадьбы огораживали. В центре располагался главный дом, а вокруг — строения поменьше: дома для рабов, амбары, мастерские, клетки для хранения припасов.

Главным строением в усадьбе считался так называемый «*длинный дом*» (как правило, длиной около 17 и шириной около 6 метров), в котором располагался *центральный зал*. Это было большое помещение с земляным полом и длинным очагом посередине. Иногда в домах бывали и печи круглой или овальной формы. Дым от очага и печи распространялся по жилью и отравлял воздух, ибо проветривать дома, особенно зимой, было трудно, если вообще возможно.

Дом при строительстве строго ориентировали по сторонам света: обе длинные стены его были обращены к югу и северу.

В дом вели два главных входа в коротких стенах: один — с восточной стороны, другой — с западной. Первый предназначался для хозяйки и назывался *женские двери*, последний — для хозяина и мужчин, он назывался *мужскими дверями* и считался главным.

Первоначально бревна, из которых делали стены, зарывали в землю. Срок существования таких домов был не слишком продолжительным — через 20 или 30 лет строения требовали полной реконструкции. Внутри также ставили столбы, на которые опиралась крыша. С течением времени столбы перестали зарывать в землю, стены начали укреплять на фундаменте, а внутренние опоры крыши вынесли наружу, «опоясав» дома ажурной «верандой».

Крыши покрывали тесом, древесной корой и дерном. Наружные стены обмазывали дегтем для лучшего предохранения от влияний воздуха. Иногда обносили дома оградой.

К жилой постройке обычно пристраивалась конюшня, однако к концу эпохи викингов главный дом стал представлять собой обособленное строение.

Дома, особенно в богатых усадьбах, часто украшали богатой резьбой и красили в яркие цвета. Входные двери также украшались резьбой или оковывались железными полосами. И в домах, и в подсобных строениях

на дверях всегда ставили замки из дерева или железа. Скандинавскими законами особо предусматривалось тяжелое наказание за взлом чужой собственности. Человек же, хранящий ключи, а чаще всего это была хозяйка усадьбы, пользовался особым уважением домохозяев.

Внутри в домах было темно, поскольку архитектура предусматривала только небольшие слуховые окна в верхней части стен, которые часто закрывали — тепло тщательно сохраняли в доме. Свет давали масляные лампы.

По длинным стенам дома из угла в угол шел ряд лавок, называвшихся *длинными*. Лавка у южной стены считалась главной и называлась *почетной*; в середине ее находились высокие кресла хозяина. Лавка с другой стороны, шедшая по северной стене, называлась *низшей*, или *северной*. В середине ее также было высокое кресло, которое называлось *противоположное место*: оно располагалось напротив хозяйского, было почетнейшим и предназначалось для самого знатного или уважаемого гостя. И хозяйское, и почетное сиденья были несколько выше лавок и с обеих сторон отделялись от них спинками и двумя большими столбами — *кресловыми столбами*, — считавшимися святыней дома. Норманны верили, что в этих столбах обитают духи, которые охраняют покой в доме. При переселении в Исландию и другие места язычники брали с собой эти священные столбы и при приближении к острову бросали их в море. Куда приплывали эти столбы — там и высаживались на берег переселенцы.

Лавки ладили широкими, так что можно было положить на сиденье за собой меч и щит. Люди сидели на таких своеобразных нарах-лавках на корточках или поджав ноги.

Перед лавками стояли столы. Но за лавками помещались еще и кровати со ступеньками. В богатых домах эти кровати устраивались в глубине комнаты и могли затворяться дверями, словно шкафы. Это были своего рода альковы. В них спали гости.

Во многих домах вместо западных дверей устраивали особенную лавку, за которой располагалась супру-

жеская постель хозяина и хозяйки. Она называлась *закрытой кроватью*, потому что располагалась в алькове и закрывалась. Лавка перед закрытой кроватью называлась *поперечной*. На ней также находилось почетное место. По обе стороны от лавки ставили небольшие чуланы для хранения еды.

По всему периметру дома шли полки, на которых расставлялась посуда. В обычные дни на стенах висели лишь щиты и оружие, а на пирах стены украшали коврами и шкурами. В некоторых областях Швеции до позднейшего времени у крестьян сохранился старинный обычай *завешивать*, а не оклеивать, стены комнат обоями в большие праздники, особенно в Рождество. Шведский историк Вестердаль в своем описании обычаев шведских крестьян сообщает следующее: «В сумерки Рождественского сочельника хозяйка с дочерью или работницей обвешивают переднюю стену перед столом, а также и другую, длинной разрисованной тканью, изображающей Рождество Спасителя, трех волхвов, брак в Кане Галилейской или что-нибудь в этом роде».

Саги и песни рассказывают о пуховых постелях и кроватях, которые завешивались тонкими занавесами, покрывались дорогим бельем и светло-синими, искусно вытканными одеялами.

Из мебели в домах, как мы уже говорили, находились два *высоких сиденья* — хозяина и гостя — и отдельно стоящие вдоль стен сундуки и лари с имуществом. Сундуки запирались на висячие замки.

В крыше имелось отверстие для выхода дыма, а под стрехой часто прорубались небольшие бойницы для света. Отверстия в стенах и потолке могли закрываться *затворками* из прозрачной кожи.

Кроме голой земли другого пола не знали, и этот пол устилался соломой.

Помимо главного дома в усадьбе имелись и хозяйственные строения, где хранились съестные припасы и нужные в хозяйстве вещи и инвентарь. В Норвегии такие постройки называются в наши дни *stabur* — *избушки на столбах*. Они предназначены для хранения при-

пасов. В некоторых местах Швеции и Норвегии их называют *столбовыми избами*.

Можно было увидеть в норманнской усадьбе и двухэтажные хозяйственные постройки: нижний этаж служил кладовой для разной провизии, в верхнем же, куда поднимались по лестнице, стены были увешаны платьем, вдоль стен также стояли сундуки с платьем, гобеленами, одеялами и другими вещами. Эта верхняя комната считалась второй по значимости в усадьбе после залы длинного дома. В ней спали молодые в первую брачную ночь, там же ночевали иноземцы, там хранились лучшие вещи.

Короли, ярлы и лагманы имели еще особое строение для бесед, где совещались со своими людьми и гостями, желавшими поговорить с ними о каких-нибудь важных делах.

Такие залы, как, впрочем, и залы в больших усадьбах, а также столбы высоких сидений, как говорят саги, часто были украшены резьбой необыкновенного мастерства и красоты. Олав сын Хаскульда, за страсть к щегольству прозванный Павлином, построил у себя в усадьбе в Исландии в X веке такие огромные палаты для гостей, каких не видали прежде: все стены и потолок были украшены резьбой, изображавшей сцены из северной мифологии. «Резьба эта, — говорит «Сага о людях из Лаксдаля», — была так искусна, что, по общему мнению, нельзя бы было так хорошо убрать комнату гобеленами».

Один исландский скальд, Ульв Уггасон, воспел эту резьбу. Его песнь называлась «*Húsdrápa*» — «Песнь о палатах», или «Домовая драпа». До нас дошло несколько отрывков из нее, из которых видно, что одна часть резьбы была посвящена похоронам Бальдра и шествию богов к его костру; другая — борьбе Тора со змеем Ёрмунгандом и исполином Имиром; третья — бою Хеймдалля и Локи за ожерелье Брисингов.

По свидетельству Арнгрима Йонссона, исландского ученого XVI века, в его время можно было еще видеть резьбу по дереву Торда Греды, великого художника X столетия: она украшала балки и стены его дома. Легенды о мастерских произведениях этого человека еще

в XVIII столетии ходили по Исландии: на балках различных старинных спален находили ровные и широкие следы его резца. Рассказывали, в одном из домов он вырезал на балке самого себя верхом на лошади.

Другой исландец, Торкель Хаук, велел у себя над постелью и креслами вырезать свои подвиги в чужих краях, битвы с драконами и викингами.

Есть много других указаний в сагах, что в древности было принято украшать резьбой стены домов, ножки скамеек и столбики кроватей: на них вырезались боги, герои и мифологические сюжеты.

Из саг также можно понять, что в усадьбах богатых людей строили отдельно стоящие *кухни*. Впрочем, слово «кухня» употреблялось вообще для обозначения строений с очагом или для таких, которые были одновременно и кухней, и столовой.

Кроме этих и других строений: кухни, пивоварни, пекарни, дворовой для рабов и разных служб, конюшен для лошадей, скотного двора, хлебных амбаров, саги часто упоминают о *земляном доме*, тайном подземном жилище, связанном подземными ходами, с одной стороны, с главным домом, с другой — с ближним лесом или берегом реки. В этом подземном жилище прятали драгоценности, спасались и сами в случае нужды или укрывали своих друзей. Ученые предполагают, что именно в таком подземном убежище спряталась королева Астрид, мать Олава Трюггвасона, когда, скрываясь от королевы Гуннхильд, пришла к отцу своему Эйрику в Опрастадир.

Для женщин в усадьбе строили особый дом, где хозяйка с дочерьми и прислугой занимались работой. Однако очень часто ткацкий стан стоял в главном доме.

Женщины ткали сукно и гобелены, а также занимались вышивкой.

Знатные северянки были очень искусны в деле вышивания. Даже в мифах и преданиях часто описывается, как их героини сидят и вышивают по сукну золотом славные деяния своих мужей и братьев.

Брюнхильд вышивала по сукну золотом славные дела Сигурда: убийство Фафнира, похищение клада и смерть Регина. С ней соперничала в рукоделии дочь ко-

роля Гьюки, прекрасная Гудрун. Вместе с Торой дочерью Хакона она ткала ковры, на которых были изображены подвиги и игры героев, вышивала по ткани корабли Сигмунда в минуту их отплытия от берега, Сигара и Сиггейра в южном краю. Она сама говорит о том в песне Эдды:

Пять дней я спускалась
по горным склонам,
пока не увидела
Хальва палаты.

Прожила я у Торы
семь полугодий,
у дочери Хакона
в датской земле.
Шитьем золотым
меня забавляла,
вышивая палаты
и витязей датских.

Вышили с ней мы
конунгов подвиги,
были на тканях
воины князя,
щиты червленые,
гуннов воители
с мечами и в шлемах
княжья дружина;

по морю струги
Сигмунда плыли —
драконьи морды
и штевни резные;
вышили мы,
как бились на юге
Сигар и Сиггейр
на острове Фьоне*.

В древних сагах также иногда упоминаются гобелены, привозимые викингами и купцами из чужих краев. Таким образом, понятно, что среди ковров, украшавших стены храмов и жилищ норманнов, были и «иностранные».

---

* Пер. А. Корсуна.

Но в Скандинавии хватало и своих рукодельниц. Три дочери Рагнара Лодброга вышили славное знамя, потерянное норманнами в великом походе в Англию во второй половине IX века.

Такое же знамя очень искусной работы получил от матери Сигурд, ярл Оркнейских островов; на нем был вышит ворон, распускавший крылья для полета, когда знамя надувалось ветром. По словам матери Сигурда, она употребила все свое искусство на эту работу. Как свидетельствует сага, когда предстоящая битва должна была закончиться победой, стяг развевался, хотя бы и не было ветра, а вот когда дружине грозило поражение, то, несмотря на сильный ветер, полотнище даже не шевелилось.

Итак, гобелены украшали комнаты во время торжественных собраний. На таких пирах столы покрывались сукном, на которое ставились тарелки и блюда. У простых людей кушанья клались перед гостями прямо на стол.

Свежая и сушеная рыба, жареное, вареное и вяленое мясо занимали главное место в обеде скандинавов. Копченая и ветчина принадлежали к числу лакомств.

Молоко, свежее и кислое, служило обыкновенным питьем, но особенно любимым напитком было пиво. Из молока умели готовить сыр и масло.

Пшеницу возили в житницы и там обмолачивали, потом мололи муку (исключительное занятие служанок) и сушили проращенное зерно для солода. Из муки варили кашу и пекли хлебы, из солода готовили пиво и, с прибавкой сотов, делали мед, пенный напиток, пользовавшийся особым уважением на пирах. Упоминается в сагах род меда, приправленного разными травами: он так и назывался *травный мед*, был очень хмелен и крепок. В числе товаров, привозимых на Север, хотя и встречается иногда вино и из жизнеописания святого Ансгария видно, что оно имелось в Бирке, однако ж его употребление было ограниченным.

Овощи в те времена еще не выращивали, и лишь в конце эпохи викингов стали употреблять в еду капусту. В шведских законах даже была особая статья, устанавливавшая штраф вору капусты с огорода или из дома.

Обедали и ужинали скандинавы в полдень и вечером. Опаздывать или вообще не приходиться к общей трапезе считалось большим проступком. В одной из саг убийце родственника хозяина дома говорят: «Сейчас же уходи из нашего дома. На тебе две вины: одна — убийство, а другая — опоздание к обеду; ты никогда не приходил к столу вместе с другими».

За обедом пили мало, за ужином — неумеренно.

Готовили еду на открытом огне над очагом либо в закрытых печах. Из саг известно, что в земле выкапывали яму и выкладывали ее стены досками или камнями и закладывали туда мясо или рыбу. Затем раскаляли на огне большие камни и бросали их на мясо, а саму яму при этом накрывали досками и присыпали землей, чтобы дольше сохранялось тепло.

Женщины и мужчины ели за разными столами, за исключением свадеб.

Руки скандинавы мыли до и после еды — ведь ели они пальцами. Вилки в те времена были еще неизвестны, лишь жареное мясо накалывалось неким приспособлением, наподобие современного шампура, а суп ели ложками из дерева или кости.

В английских хрониках встречаются сообщения о том, что викинги были необыкновенно чистоплотными людьми и любили часто мыться. И это действительно так. В скандинавской усадьбе обязательно была баня, в которой по субботам мылись. В скандинавских языках само слово «суббота» означает «банный день».

Английский хронист пишет о том, что викинги пользовались успехом у дам, так как мылись по субботам, содержали в чистоте и порядке волосы и были нарядно одеты. Особенное внимание дам к скандинавам неизменно вызывало зависть и раздражение у англов, что, впрочем, неудивительно.

Тем не менее встречаются и исторические свидетельства противоположного свойства — так, араб Ибн Фадлан описал, как при встрече с викингами видел, что моются (умываются) они целой дружиной в одной лохани, которую подносит девушка-рабыня. История Средних веков полна противоречий, и ученым остается

ся лишь внимательно относиться к разным свидетельствам и документам и тщательно собирать их.

Отхожие места строились во дворе позади главного дома по несколько «сидений» в ряд. Сиденье, вырезанное из куска дерева, клали на землю или ведро. На хуторах, расположенных у моря, отхожие места ставили поближе к воде.

Строились в усадьбах и *землянки* — углубленные в грунт куполообразные сооружения, сложенные из земли и дерна. Надо особо оговорить, что землянки считаются обычным типом строений для большинства районов Скандинавии и существовали от 400 года и до самого конца эпохи викингов.

Землянки отличались большими размерами, и крыши их обычно подпирались двумя столбами. Такие земляные дома легко было строить, зимой они сохраняли тепло, а летом — прохладу.

На местах больших тингов, кроме землянок, строились так называемые *шатры* — небольшие домики для ночлега на все время праздников, тингов и ярмарок. Так, по крайней мере, было в Исландии, а вероятно и в Швеции, особенно во время Упсальского тинга. Об исландских шатрах известно, что некоторые из них, прежде всего принадлежавшие знатным и богатым людям, были велики и просторны. Поэтому тинг походил на небольшой городок.

В усадьбах много трудились. В сагах часто рассказывается, что все работы по хозяйству распределялись между живущими на хуторе людьми: домочадцами, рабами и вольноотпущенниками. Одни работали в поле или в лесу, другие ловили рыбу, третьи занимались другими работами. Дети вождей и других значительных людей, когда находились дома, также принимали участие в домашних работах. Сыновья Ингемунда Торстейнсона разделяли между собой работы так, что четверо из них ловили рыбу, а пятый занимался другим делом, потому что «в то время было в обыкновении, — прибавляет сага, — чтобы дети знатных отцов всегда были заняты чем-нибудь». Гудмунд Сильный в Исландии находил приятным для себя принимать сыновей знатных лиц и держать их некоторое время на своем

дворе; с ними обходились хорошо, за столом сажали их возле хозяина; но они должны были выполнять все работы, встречавшиеся во дворе.

К числу таких занятий принадлежало кузнечное и плотницкое дело, также столярное и другие, необходимые для ведения хозяйства. Древние скандинавы были не только земледельцами и воинами, но они знали всякое мастерство и разные работы. Храфн Свенбьёрнсон, который в Исландии считался вторым Вёлундом, также слыл прекрасным скальдом и хорошим лекарем, отлично знал законы и умел произносить речи. Конунг Олав Толстый (Святой) также был очень искусен в кузнечном деле, а помимо него, и в плотницком. Сверх того, он хорошо мог оценить как свою работу, так и чужую, и тотчас замечал недостатки, что очень ценили его друзья.

Тут надо особо оговорить, что искусство кузнеца в древней Скандинавии считалось магическим. Власть над огнем и магия металла обеспечивали кузнецам репутацию могущественных колдунов. Присутствие кузнецов в инициационных обществах (мужских союзах) было зафиксировано еще у древних германцев.

Попробуем проанализировать с точки зрения колдовского искусства кузнеца отрывок из «Саги об Эгиле»:

«Скаллаgrim был искусный кузнец. У него было много болотной руды. Он велел построить кузницу у моря, далеко от Борга, на мысе, который называется Рауварнес. Скаллаgrimу показалось удобным, что там поблизости был лес. Но он не нашел там такого камня, который ему показался бы достаточно твердым и ровным, чтобы ковать на нем железо. Там на берегу нет камней, а повсюду мелкий песок. И вот однажды вечером, когда другие люди легли спать, Скаллаgrim вышел на берег, столкнул в море лодку с восемью скамьями для гребцов, которая у него была, и поплыл на ней к островам посредине фьорда — Мидфьордарейар. Там он опустил за борт якорный камень, а потом бросился в воду, нырнул, поднял со дна большой камень и положил его в лодку. После этого он сам взобрался в нее и вернулся на берег. Там он перенес камень к кузнице, положил перед дверями и позже ковал на нем железо. Этот камень лежит там

до сих пор, и около него много шлака. Видно, что по камню много били и что он обточен прибором и не похож на другие камни, которые можно найти в том месте. Теперь его не поднять и вчетвером.

Скаллаgrim занялся кузнечным делом очень усердно, а работники его жаловались и считали, что им приходится слишком рано вставать.

Тогда Скаллаgrim сказал такую вису:

Кузнецу подняться
Надо утром рано.
К пламени мехами
Ветер будет позван.
Звонко по железу
Молот мой грохочет,
А мехи, как волки,
Воя, кличут бурю»*.

Для нас прежде всего интересно, что выбор камня происходит вечером, когда у прекрасного скальда, знатока рунической магии Скаллагрима, которого считали берсерком и оборотнем, прибывает сила. Кроме того, он как будто ведом некой силой, которая указывает ему, где именно надо остановиться посреди фьорда и где именно лежит под водой камень.

Кузня Скаллагрима, как и многие другие кузни, стояла на отшибе — в месте, удобном для совершения магических обрядов.

Исследователи отмечают, что между кузнецами и шаманами возникал симбиоз, как это, вероятно, и было в случае со Скаллагримом. Отдельные черты «магии металлов» в сочетании с тайнами шаманов сохранились и в известном древнегерманском мифе о кузнеце Вёлунде. М. Элиаде указывал, что «тайны металлов» напоминают нам те профессиональные секреты, которые передаются в ходе посвящения в шаманы. В обоих случаях мы имеем дело с практикой эзотерического характера.

Но вернемся в усадьбу викинга.

В те времена, как мы уже говорили, нередко от одного хутора до другого надо было ехать не только не-

* Пер. С. С. Масловой-Лошанской.

сколько часов, но и дней. Однако люди всегда в оговоренное время собирались на тинги, ярмарки и жертвоприношения.

Кроме того, в домах всегда с удовольствием принимали гостей. Прием усталых странников и хорошее к ним отношение были обязательны. Вот что говорится об этом в «Речах Высокого»:

Дающим привет!
Гость появился!
Где место найдет он?
Торопится тот,
кто хотел бы скорей
у огня отогреться.

Дорог огонь тому,
кто с дороги,
чьи застыли колени;
в еде и одежде
нуждается странник
в горных краях.

Гостю вода
нужна и ручник,
приглашенье учтивое,
надо приветливо
речь повести
и выслушать гостя*.

Примеры противоположных поступков были настолько исключительны, что таких хозяев причисляли к троллям. Вот как пел Свипдагр в «Песни о Фьельсвинне», возвращаясь из дальнего пути, в досаде на то, что Фьельсвинн не хотел впускать его в жилище Мэнглод:

Что это за троль?
Стоя перед домом,
Он не предлагает
Страннику приюта!
Жизнь твоя бесславна,
Урод ты бесчестный!

---

* Пер. А. Корсуна.

ПИРЫ И УВЕСЕЛЕНИЯ

Скандинавы, как и другие народы древности, довольно часто проводили «свободное» время в пирах и празднествах.

Пирыв устраивались во время весенних и зимних праздников, в дни жертвоприношений, после возвращения из морских походов и когда рождался ребенок или справлялась свадьба.

Иногда в округе устраивался пир «в складчину», то есть хозяева усадеб «складывались» яствами и напитками и сходились в назначенное время попить и повеселиться. «Для мужчин веселье, — говорится в одной саге, — когда они пируют большим обществом». Кроме того, хозяева усадеб и знатные люди давали пиры, когда конунг объезжал страну.

Во времена викингов общие собрания, или пиры, назывались просто «пиво», по основному напитку, употребляемому на них.

Но когда мы обнаруживаем в новых христианских законах запись о том, что под угрозой большого штрафа хозяева каждой большой усадьбы обязаны собрать гостей на пир не менее трех раз в год, нам становится понятно, что закон этот ставит своей целью вовсе не сохранение языческих обычаев.

Совершенно очевидно, что пиры нужны были людям для общения, часто общения религиозного. Пиво

же (или мед) в эпоху викингов было естественной частью религии. Мед являлся даже не «украшением» обрядов и не средством утоления жажды, а предметом самого настоящего культа.

Во всех религиях жертвоприношения еды и питья являются неотъемлемой частью культового ритуала. И совершенно естественно, что в «примитивных» религиях жертвоприношениям уделялось больше внимания, чем в поздние времена.

На стол подавали самые лучшие кушанья, какие были в доме: мясо, рыбу, хорошее крепкое пиво*.

На длинном столе, возле которого стояли лавки, водружали блюда с едой; на другом, поменьше, ставили рога и кубки с медом и пивом. Все было выметено, вычищено; зал празднично убран.

На «высоком» месте у южной стены дома сидел сам хозяин; напротив него — самый знатный гость. Гости садились по достоинству и значению: чем ближе к хозяину, тем почетнее. У южной стены места были почетнее, чем у северной. В отдельном помещении или в стороне от «мужского» стола сидели женщины. Самая знатная располагалась в середине; прочие по сторонам ее и так же по достоинству: чем большее значение имел в обществе муж, тем лучшее место отводилось жене. Порядок рассаживания соблюдался строго, и из-за мест за столом выходили между гостями даже громкие споры, кончавшиеся смертельной враждой.

Однако случалось, что женщины и мужчины садились попарно и даже пили из одного кубка. Такой обычай был у «мирных» северян, викинги же никогда не ели вместе с женщинами.

В усадьбах конунгов и ярлов, а также богатых людей дружинники и работники делились на так называемые

---

* Еда времен викингов очень популярна в современной Скандинавии. Практически во всех скандинавских столицах есть рестораны, специализирующиеся на викингской кухне, где вам предложат самые экстравагантные блюда: например, вы можете отведать бычьи яйца, моченные в простокваше, или кровяной пудинг, или оставленное на несколько месяцев в земле мясо акулы, или квашеные тюленьи плавники, или выдержанную под гнетом рыбу.

«*столовые команды*», когда за определенным столом сидела определенная группа людей.

На свадьбах почетное место во главе стола занимала невеста, другое, также почетное, — тесть, третье — жених, каждого окружали близкие родственники.

Принимать и угощать гостей должны были особые люди. Вокруг стола ходили слуги с наполненными водой чашами и полотенцами в руках, чтобы гости в любой момент могли вымыть руки и умыться: в те времена еще не было вилок и ели руками. Кубки (рога) обыкновенно наливали и подносили женщины, напоминая валькирий, угощающих павших воинов в Вальгалле.

Обычно перед каждым человеком ставили его порцию, но часто блюдо подавалось на всех. То же самое происходило и с напитками.

Иногда в палаты мед приносился в больших чанах, откуда пирующие сами могли зачерпывать его.

Обычаев было много. Прежде всего, существовало *питье в одиночку*. Гость в этом случае пил из только ему одному предназначенного кубка или рога. Из кубка могли пить двое — двое мужчин или мужчина с женщиной. Это называлось *питьем вдвоем*. Была еще *круговая*, когда чаша обходила по кругу весь стол. Викинги всегда садились за отдельный стол и пили только все вместе из одной чаши. Нарушитель правил поведения на пиру выпивал *кубок наказания* или *рог опоздавшего*.

Хозяева в качестве шутки не брезговали подстроить так, что гости опаздывали, и тогда, на потеху собравшимся, им приходилось пить «рог опоздавшего».

Дружинники Харальда Прекрасноволосого, любившие повеселиться, один раз подкупили звонаря, и тот позвонил на службу раньше обычного времени. В результате многие в церковь опоздали, и вечером им поднесли «рога опоздавших».

Пили на всех больших «сборищах» и пирах. Играть свадьбу, собирать поминки на древнескандинавском языке называлось «*пить свадьбу*», «*пить поминки*».

На подобных сборищах германцев потреблялось невиданное количество пива. Тацит пишет, что у германских народов не считается зазорным пить день и ночь напролет. Довольно часто пиры заканчивались

перебранками, и в ход шло оружие. Даже такие серьезные дела, как покупка и продажа усадьбы, помолвка и обсуждение приданого, выбор конунга и выплата виры, всегда обсуждались за пиршественным столом. Напитки развязывали людям языки, по образному выражению Тацита, и именно поэтому на пирах говорилась правда в лицо — вне зависимости от общественного положения говорящего.

К слову сказать, именно Тацит писал о том, что германцы теряют разум, когда пьют, и обретают его, когда трезвеют. Для примерного римлянина подобное «злоупотребление» пивом должно было выглядеть весьма отталкивающе. И поэтому его вовсе не удивляло, что в конце пира в споре побеждал тот, кто лучше владел оружием. А германцам пива всегда было мало.

Неутолимая жажда викингов хорошо известна и другим историкам. Осенью норманны неизменно устремлялись в страны, где рос виноград, и подгадывали всегда так, что время их нападения приходилось на праздник сбора урожая, сопровождавшийся обильным возлиянием. Виноградари уже знали об этом и стремились спрятать вино подальше от ненасытных викингов.

Когда в 865 году норманны захватили земли по берегам Сены, они специально отрядили дружину в 200 воинов за вином в Париж. Но ничего не смогли найти и там.

В 869 году герцог Бретани заключил мирный договор с викингами на Луаре. По этому договору за ним признавалось право собирать виноград в своих землях в Анжу, но при этом его подданные должны были платить дань скандинавам в натуральном виде — вином, чтобы норманны оставили их земли в покое.

В норвежских письменных документах вино фигурирует неоднократно. В воображении жителей средневекового Севера даже возникла некая Виноградная страна, где рос дикий виноград. Страну так и называли — Страна винограда, или Страна вина. Многообещающее название заманило в эту таинственную землю не один десяток искателей приключений, но все они были горько разочарованы.

Торхалл, отправившийся в одно из таких путешествий в Винланд, даже сложил следующую вису:

Хёвдинг обещал мне
Море вина в той стране,
Но земля та была неприветлива,
И на берегах ее возникли
Тора воители злые.
И стыжусь я признаться —
Ни капли вина
Не попало мне в горло.

В дар северным конунгам властители других земель часто посылали вино. Они знали, что подобное подношение будет с радостью принято.

О «пьянстве» северян во времена саг сохранились противоречивые мнения. Например, Адам Бременский писал, что норвежцы «знают меру в еде и питье». А датские пилигримы, посетившие в 1191 году некоторые норвежские города, утверждали, что «в городе Тунсберге необыкновенно гостеприимные и добрые жители... которые ничего не жалеют для своих гостей, но излишняя их приверженность к питью мешает беседе и часто приятный вечер заканчивается кровопролитием...». О жизни же в самом городе датчане отзывались следующим образом: «...на улицах никогда нельзя быть уверенным в собственной безопасности, ибо в любой момент даже самые добропорядочные горожане под воздействием пива готовы схватиться за оружие и пролить кровь своих сограждан... Незнающее удержу пьянство приводит к тому, что даже хозяева и гости, знакомые и незнакомые люди вступают в битву, часто заканчивающуюся смертоубийством. Причем часто жертвами их оказываются ни в чем неповинные люди...» Эти весьма мрачные описания городов сделаны, вне всякого сомнения, во времена уличных сражений в Бергене между командами кораблей и бергенцами.

В древние времена люди прекрасно отдавали себе отчет, насколько опасно злоупотребление пивом и медом. Достаточно вспомнить строфы из «Речей Высокого», одной из песен «Старшей Эдды»:

Лучший запас в дорогу для странника —
Смысла запас и ума.
А всех хуже тот делает, кто, до ухода
Пива напившись, пустится в путь.

Пользы для смертных от пенного пива
Меньше, чем многие мнят.
Чем больше ты выпьешь, тем меньше ты можешь
Собственным духом владеть.

Птица забвенья парит над пирами:
Разум у пьющего крадет она.
Перья той птицы меня осеняли,
Когда я у Гэннлод сидел.

Был опьянен, отуманен был хмелем
В доме у мудрого Фйáлара я.
Всех тот счастливей, кто с ясным рассудком
С пира прибудет к себе*.

Один в «Речах Высокого» выступает мудрым советчиком: пей мед, но знай меру, будь осторожен, но не трусь, будь мудр, но не умничай.

Заботливый отец в «Королевском зеркале» дает приблизительно те же самые советы сыну: «Избегай неумеренного пьянства, драк... игры и посещения шлюх... Где бы ты ни был, не напивайся допьяна, ибо может случиться, что призовут тебя в этот миг свидетельствовать в суде. И можешь ты в это время оказаться замешан в грязные дела, а выбраться из этого положения не сможешь, ибо рассудок твой окажется замутнен».

Речь конунга Сверрира (ум. 1202) к жителям Бергена с призывом ограничить пьянство также очень известна, особенно в части, касающейся заморских напитков.

Хотя справедливости ради заметим, что подобное злоупотребление питием и неумеренность в еде были в те времена типичны не только для Севера. Письменные источники говорят то же самое о положении дел в Англии и Франции: до нас дошли многочисленные свидетельства о злоупотреблениях пивом и вином в обществе и пламенные речи королей с призывами прекратить пьянство и обжорство.

---

* Пер. С. Свириденко.

Речь конунга Сверрира ни в коей мере нельзя считать показателем того, что в Норвегии больше пьянствовали или что король был более «сознателен», чем в других странах. Это была речь короля Божьей милостью, а не только по праву рождения, правителя нового — христианского — времени, который стремился навести порядок в раздробленной и раздираемой на части претендентами на престол стране. Это была речь политика, который думал о будущем всей страны больше, чем о собственном величии или славе. Эта была речь политика, которого собственная жизнь волновала меньше, чем судьба и вопрос существования государства.

Но не таков был его противник — Магнус Эрлингсон, основной жизненный принцип которого выражал девиз «Стать конунгом во что бы то ни стало». Он хотел быть королем по старым законам, хотел распоряжаться по собственному усмотрению судьбами других людей, хотел сидеть во главе стола и получать по первому желанию все блага жизни.

Конунг Сверрир утверждал, что из семи смертных грехов самый ужасный — невоздержанность в еде и питье. Поэтому не следует позволять себе лишнее на пирах, ибо «пьянство служит причиной ссор и разлада с друзьями, туманит рассудок и портит здоровье, и — что не менее важно для христианина — человек легко совершит смертный грех, когда будет не в состоянии контролировать свои поступки...».

По предложению епископа Эйнштейна и с согласия ярлов и хёвдингов был принят закон, по которому «надлежало являться на тинг в трезвом состоянии и поститься во все время тинга. Кто же нарушит этот закон и будет уделять еде и питью более внимания, чем происходящему на тинге, дело того в этом году разбираться не будет... Кроме того, на тинг запрещается привозить пиво, как для собственных нужд, так и для продажи». Если же пиво все-таки будет привезено на тинг, то выливать его не следует, а следует разделить между всеми собравшимися.

В XIII веке король также решил ограничить употребление пива, особенно на свадьбах и поминках. «Те поминки, — говорится в законе, — что устраиваются по

стране, совершаются более для услаждения живых, чем для поминовения душ усопших»...

Но подобные законы почти не имели влияния на граждан, ибо по всей Норвегии на свадьбах и поминках присутствовали страждущие, чью жажду было во все не просто утолить, и пиво на таких собраниях лилось рекой по-прежнему. Продолжали пить и в тавернах, и на королевском дворе, в городах и на хуторах. Пили и церковники. Когда в монастыри приезжали посланцы от епископа, то в отчетах их регулярно появлялись записи о злоупотреблениях и непомерном аппетите настоятеля и братии...

В сагах неоднократно подчеркивается, что одним из великих искусств во времена викингов было умение пить. В знаменитой древнеисландской «Саге об Эгиле» говорится, что Эгиль был первым во всем — в том числе и на пиру. О слепом короле Рёреке сообщается, что он мог на пиру перепить любого и спаивал всех, кто сидел подле него, но, добавляется затем, сам обычно пил мало. В «Саге об Олаве Тихом» из «Круга Земного» конунг Олав назван «мужем рослым и статным. Все говорят, что не было мужа более красивого или видного, чем он. У него были красивые и золотистые, как шелк, волосы, пышущее здоровьем тело, очень красивые глаза и соразмерное сложение. Он был обычно немногословен и не любил говорить на тингах, но был не прочь попить и за пивом был разговорчив и приветлив»*.

Одним из признаков помешательства конунга в древнеисландской «Саге о Сигурде» считается его поведение во время употребления пива: «Говорится, что конунг Сигурд бывал неразговорчив, когда пил пиво, и тяжкая нападала на него немочь. Не слушал он, что говорят ему люди... И не было решения в делах, с которыми к нему обращались, когда держал он в руках рог с пивом». Когда посещал он свои усадьбы, то рано отправлялся в постель, в то время как сын его Магнус продолжал долго сидеть за пиршественным столом.

Ярл Эрлинг из «Саги о Сверрире» более интересовался содержимым рога с пивом, чем делами собствен-

---

* Пер. М. И. Стеблин-Каменского.

ной дружины. Сын его тоже любил пиво и мед, а вот сам конунг Сверрир был человеком непьющим.

О воинах Магнуса, что вышли против него в сражении при Илувеллире, конунг Сверрир сказал в речи к своему войску: «Вам надо испытать свои мечи, вспарывая наполненные медом брюха людей из Вика. У нас очень хорошее войско, и нам есть за что сражаться. А их превосходство им не пригодится. Большинство их людей больше годятся в дружки на свадьбе, чем в дружинники, и больше привыкли к пьянству, чем к войне»*.

Инги сын Барда прослыл «спокойным и уравновешенным человеком, был он незаносчив и доброжелателен, особенно со своими людьми. Он... не любил больших сборищ и потому не пил пива и меда, что было не по нраву многим из его воинов, которым хотелось бывать на пирах, где говорились громкие слова и лилось пиво».

Совершенно другим человеком представляется ярл Кнут, умерший в 1261 году, вскоре после свадьбы Магнуса сына Хакона: «Он был величественным и приятным на вид, добрым и щедрым, высокого роста, но слишком любил пить, и именно пиво стало причиной его болезни». Ярл Кнут — единственный человек, о котором в сагах говорится, что он умер из-за неумеренного питья.

Во времена викингов самым обычным делом было просиживать за пиршественным столом ночь напролет. Лишь в XIII веке, после христианизации Норвегии, излишняя любовь к пиву и меду стала порицаться. В законах появляются наказания, которым подвергаются пьяницы, но пиры по-прежнему устраиваются по всей стране.

У древних скандинавов также существовала поговорка: «Если входит пиво, уходит рассудок», а в одной саге говорится: «Часто человек в пьяном виде говорит много безумного, чего никак не исполнить ему, когда протрезвеет».

Заботливое угощение гостей составляло требование древнего гостеприимства. Еда и питье за столом всегда посвящались какому-то богу перед началом трапезы — например Одину, Тору или Фрейру, а после

---

* Пер. М. И. Стеблин-Каменского.

принятия христианства — Иисусу Христу, Деве Марии или святому Олаву. Это подтверждает и тот факт, что во времена саг большие пиры были приурочены именно к религиозным празднествам.

Но, как бы много пива ни потреблялось в Норвегии эпохи викингов, совершенно неверно утверждение, что в те времена пенный напиток в усадьбах был обычным и привычным питьем на каждый день.

Саги почти ничего не сообщают нам о «простой» жизни. Речь в них идет прежде всего о знатных и родовитых людях, о пирах и празднествах, об особенно важных событиях и битвах. Рассказчики саг считают своим долгом подчеркнуть необыкновенный размах пира или важность происходящего.

События каждого дня были известны всем, и упоминать о них не имело смысла. И если внимательно вчитаться в саги, то легко можно прийти к выводу, что у простых людей в повседневной жизни не было привычки пить крепкие напитки. Да и в богатых усадьбах пиво пили тоже не каждый день. В одной из песен «Старшей Эдды» (не входящей в основной корпус), «Песне о Риге», говорится следующее:

Дальше шел Риг по дороге широкой.
Прибыл к хоромам с дверями на полдень
Незапертыми; кольцо было в двери.
В дом он вошел; пол соломой был заслан.

Рядом сидели там Мать и Отец,
Ласково в очи друг другу смотрели.
Муж тетиву себе прочную вил,
Стрелы точил, лук резьбой украшал.

Мать улыбалась, любясь собою,
Платье свое, рукава оправляла,
Пояс, повязку, — с монистой на шее,
В длинной одежде с узорами синими.
(Брови блестящее, груди светлее,
Шея блее холодного снега.)

Странник хозяев учил уму-разуму,
Риг в середине жилища сидел,
Слева и справа уселись супруги.

Скатерть с разводами вынула Мать,
Стол она тонкою тканью накрыла.

После блинов принесла она плоских —
Белых, пшеничных, на стол их поставила.

Полные были блюда еще поданы,
Посеребренные, — стол весь заставлен —
Мясом и салом, и птицею жареной;
Чаши с вином серебром все горели.
Пили; болтали; час поздний настал*.

Таковы были правила приличия, и именно такие блюда подавали на стол: у богатых потчевали гостя птицей, салом и вином, а в бедных домах приходилось довольствоваться мясом и пивом.

Во времена Харальда Прекрасноволосого вошло в обычай потчевать медом, и даже сам конунг в одной из вис жалуется на излишнее пристрастие своих дружинников к этому напитку. В саге говорится, что, когда люди были созваны на пир и был наварен мед, конунг сказал про себя:

Столпились здесь ратники,
Старики седые,
До меда охотники,
Куда вас так много?*

Даже при дворе Сигурда Свины не было в обычае подавать хмельные напитки каждый день. Когда Олав Харальдссон вернулся с дружиной домой из викингского похода, конунг Сигурд кормил их «через день рыбой и молоком, а через день — мясом и пивом».

И когда англы рассказывали своему епископу Уильяму, что в Норвегии никому не получить иного напитка, кроме как смешанного с водой пива, они были ближе к истине, чем скальд, что сочинил вису о «полной вина чаше» и «струях пенного пива, что ласково горло щекочут».

Несомненно, что в Средние века пиво играло более важную роль, чем в наши дни, но вряд ли его значение было столь велико, как мы это иногда себе представляем.

---

* Пер. С. Свириденко.

** Пер. О. А. Смирницкой.

Ордерик Виталис писал, что жители Норвегии «в изобилии обеспечены рыбой, дикой птицей и мясом всевозможных диких зверей». Ни о какой излишней приверженности к питью и еде он не упоминает. Наоборот, по его словам, норвежцы «преисполнены уважения к святой христианской вере и внимательно относятся к своим христианским обязанностям».

Квирини пишет, что на острове Рёст жители едят в основном рыбу, которую готовят с маслом и разными специями и которая очень вкусна. Иногда они потребляют в пищу говядину и пьют молоко. Много употребляют кислого молока, что итальянцам, впрочем, вовсе не пришлось по вкусу. Изредка пьют пиво. Среди яств, которые подавались гостям на прощальном обеде, пиво не упоминается, однако говорится, что по прибытии их на остров пиво было предложено итальянцам священником, «немецким монахом».

Во время поездки по Норвегии Квирини и его спутникам приходилось бывать во многих усадьбах, «лучше и похуже», и там им давали хлеб, молоко, масло, сыр и громадное количество кислого молока. Изредка доводилось им жить в лучших условиях — *migliore alloggiamento*, — где им подавались в избытке пиво, мясо и прочее, чего им хотелось.

Немец Бёхайм в своих путевых заметках 1450 года говорит об условиях жизни приблизительно то же самое.

Из письменных свидетельств более позднего времени мы узнаём много интересного об употреблении пива — вряд ли эти обычаи могли особенно измениться со времен викингов.

В те времена пиво варили прежде всего для каких-то важных и праздничных событий: на Рождество, свадьбы и рождения детей, поминки, праздник середины лета. В таких случаях варилось очень много пива, и пили гости и хозяева без всякой меры.

Варка пива — как и другие важные события человеческой жизни — происходила по определенным канонам, была своеобразным ритуалом, основной целью которого являлось удержать злых духов вдали от драгоценного напитка. Есть и другие причины тому, с нашей точки зрения, «злоупотреблению» пивом, которое на-

блюдалось в Средние века. И это не только и не столько разные уровни жизни, и даже не ритуальная значимость пенного напитка. Пиво было необходимой составной частью питания викингов.

Нетрудно заметить, что в исторических источниках постоянно упоминаются сочетания «рыба и молоко», «мясо и пиво». И иногда мы встречаем «птица и вино». Мясо редко подавалось свежеприготовленным, его чаще всего ели соленым или сушеным. До сих пор это сочетание соленого мяса и пива встречается в меню скандинавских ресторанов и кафе.

Люди с хорошим достатком могли позволить себе постоянно пить пиво к соленой еде. Остальным же приходилось довольствоваться молоком, а пиво пить только по праздникам.

Поэтому нам вряд ли, исходя из современных представлений о еде и питье, удастся правильно оценить ситуацию с потреблением пива в эпоху викингов. Пристрастие к этому напитку в столь давние времена объясняется большим количеством потребляемой соли — прежде всего в мясе и *флатбрёде*^{*}.

Кроме того, пиво «удовлетворяло» и определенные социальные запросы общества — его подавали в качестве особого приветственного напитка гостям и на пирах, и на религиозных собраниях.

Надо оговориться, что обычное пиво, сваренное дома, не было каким-то особенно вкусным напитком. Совсем иное дело — медовое пиво, или мед, которое варили в королевской усадьбе.

Но самым ценным и самым вкусным считалось вино. Его подавали только в исключительно торжественных случаях.

Подтверждение этой градации «пиво — мед — вино» мы находим и в легенде об Олаве Святом. Однажды конунг проделал большой путь верхом и очень захотел пить. Он приказал дать ему воду, а епископа попросил освятить ее. Епископ освятил. Тогда конунг взял рог с напитком, посмотрел в него и сказал: «Не хочу я во время поста пить пива». В рог налили другую жидкость, и

---

* Высушенные плоские ломти хлеба.

епископ вновь освятил ее. Конунг взял рог и сказал: «Еще менее хочу я во время поста пить мед». Рог снова наполнили, и епископ вновь освятил его. Тогда конунг воскликнул: «И уж совсем большим грехом будет пить вино». На что епископ отвечал: «Он, Тот, Кто имеет право разрешать, позволяет тебе выпить этот напиток». Тогда только смог конунг утолить жажду.

Несомненно, это всего лишь легенда, но исторические источники говорят об употреблении пива, меда и вина то же самое.

А вот к чему может привести неправильное распределение меда и пива между гостями и дружинниками, как о том рассказывается в «Саге о Сверрире»:

«Магнус конунг собирался провести Рождество в Бьергюне. Дружинники должны были пировать в большой дружинной палате, а гости — в палате Сунневы. Гости были недовольны тем, что дружинники пьют мед, а они пиво.

На пятый день Рождества, когда гости перепились, они взялись за оружие, пошли к палате конунга и хотели взломать дверь. Поняв, что происходит, конунг бросился к двери, чтобы остановить их. Но Бард Щит, его раб, опередив его, выбежал в сени и был сразу же убит. После этого конунг вернулся назад, и дружинники захлопнули дверь. Но гости взломали ее. Тогда бросились к двери те, кто в тот день стоял на страже, так как только у них было оружие. Некоторые брали печные камни и бросали их в сени. Когда горожане и работники Магнуса конунга и лендрманнов поняли, что происходит, они схватились за оружие и пошли к дружинной палате. Тут гости отступили. Но многие были ранены»*.

Вино проникло в Скандинавские страны благодаря христианизации. Вино на Севере в эпоху викингов особой популярностью не пользовалось.

Тем не менее норманнам были известны многие сорта вин — испанские, французские и итальянские. Последние были так хороши, что «изготовители не продают их в другие земли, и чтобы попробовать их,

---

* Пер. М. И. Стеблин-Каменского.

надо отправиться в ту благословенную страну», как пишет Олаус Магнус.

Большинство норманнов знали, что вино возбуждает и одновременно лишает твердости руку, а потому стремились быть с ним поосторожнее.

На пир созывали громадное количество гостей. Чем больше приходило людей, тем больше славы и почета доставалось хозяину. В сагах есть указания, что на пиры иногда собиралось до тысячи (или даже более) гостей. Для таких пышных торжеств строили специальные помещения — залы. В одной саге говорится, что в Исландии на поминки, собранные сыновьями Хьяльти, сошлось 1200 гостей. Поскольку это случилось в Исландии, то чтобы построить зал для приема такого множества гостей, из Норвегии на кораблях привезли строевой лес.

Пиры обыкновенно продолжались много дней. Прощаясь, хозяева делали гостям подарки — как считалось, *в отплату за беспокойство в дороге* и на память.

В «Саге о Стурлунгах» рассказывается о «порядке проведения» таких пиров.

«Два исландца — Торгильс Бодвардсон и Берг — были приглашены на Рождество к Брюнульву из Квале в Согне и отправились туда вместе с Эйриком и Гейрмундом. Их ожидал хороший прием и богатое угощение. У Брюнульва варил пиво человек по имени Бьёрн. И Торгильс сказал ему, что Бьёрн жалеет пива. Бьёрн и сам выпил в тот вечер много пива, а потому они поругались. Берг пил мало, потому что был болен и не хотел пить больше, чем сам того желал. Торгильс же всегда пил много и терял голову, когда был пьян.

В день Нового года все выпили особенно много. А в конце пира гостям предложили вино. Рог ходил по кругу. И каждый мог пить столько, сколько хотел. А потом стали они пить по полному рогу каждый. И вскоре все они напились.

Тут Гейрмунд сказал, что наверняка в питье подмешали еще чего-нибудь, ибо слишком быстро гости потеряли голову. Тогда Бьёрн принес чашу с пивом, но Гейрмунд ударил по ней и вылил ее содержимое на

кравчего. Бьёрн обругал гостя и разбил ему нос до крови.

В это время Торгильс вскочил на ноги, схватил тяжелый рог, оправленный в серебро, и ударил им Бьёрна по спине между лопаток, так что тот упал на пол. Брюнульву это не понравилось, и он тоже схватился за оружие. Вскочили и его люди, и Эйрик.

Эйрик сказал: “Не стоит нам затевать этой ссоры, а лучше разойтись миром”.

На что Брюнульв отвечал: “Не привык я, чтобы били людей в моем доме”.

Тогда Арне, дружинник, заметил: “Есть у вас в Согне дурная привычка пить без меры, пока не потеряете вы весь свой разум... И будет лучше, если сейчас не будем мы говорить об этом деле, а отправимся спать, а утром обо всем договоримся”.

Это предложение пришлось всем по душе. И люди улеглись спать.

Наутро все протрезвели и пошли на службу в церковь, а затем вновь уселись за стол. Арне стал говорить о деле, и решено было, что стоит простить друг друга, ибо нет в той ссоре ничьей вины. Хозяин очень обрадовался этому решению, да и остальные были тоже довольны. После этой распри не было больше других, и все гости хорошо повеселились во время Рождества».

Из этого описания рождественских празднеств мы можем почерпнуть много полезной информации.

Люди пили пиво из костяных рогов, которые регулярно наполнялись прислужниками. Дорогие, оправленные в серебро и золото рога, чаши и другая драгоценная посуда имелась в каждой богатой усадьбе в громадных количествах.

Богатый человек Бьярне Аудунсон владел чашей на ножке, которая была подарена ему епископом, а также чашей, оправленной в серебро на позолоченной ножке, и еще одной позолоченной чашей.

Во времена викингов рога и чаши, как и многие другие любимые предметы — мечи, копья, щиты, имели свои собственные имена, производные от имени владельца или обозначающие свойства, которыми обладали сами.

Рога часто украшали руническими надписями. Руны имели охранительную силу и должны были защищать от порчи и яда. Такие магические знаки назывались «рунами пива». Вот как об этом говорится в «Речах Сигдривы»:

Руны пива
познай, чтоб обман
тебе не был страшен!
Нанеси их на рог,
на руке начертай,
руну Науд — на ногте.

Рог освяти,
опасайся коварства,
лук брось во влагу;
тогда знаю твердо,
что зельем волшебным
тебя не напоят*.

Гости за столом пили из рогов столько, сколько хотели. Однако часто случалось, что двое гостей — или несколько пар — пили одинаковое количество пива, чтобы узнать, кто кого перепьет.

Также было принято, чтобы все гости осушали чаши до дна, из-за чего часто возникали споры и даже смертоубийства.

Один из дружинников Харальда Прекрасноволосого Торир Англичанин, бывший купец, когда стал стар, пришел к конунгу и сказал ему, что не может более поспеть в осушении рогов и чаш за молодыми воинами, и попросил отпустить его домой, ибо сила его пошла на убыль. На что король отвечал, что Торир может остаться в дружине и не пить больше, чем ему самому захочется. Эта была большая честь для старика.

В «Законе Гулатинга» говорится, что человек находится в своей силе и может считаться здоровым до тех пор, пока может пить пиво на пирах, держаться в седле и вести разумные речи. Если он не может делать вышеперечисленного, то тогда наследники вправе требовать передачи его имущества им под опеку.

---

* Пер. А. Корсуна.

На пирах и за столом всегда должно было быть весело. «Мужество лучше отчаяния, веселье лучше скорби», — говорится в «Речах Фафнира» в «Старшей Эдде». «Отчего гости так скромны и молчаливы? — спрашивал в «Саге о Сигурде Крестоносце» норвежский конунг Эйнштейн, когда однажды все сидели за столом молча, потому что пиво было не хорошо. — На пиру, — продолжал он, — принято быть веселым; придумаем же какую-нибудь потеху и развеселимся. Приличнее всего, — сказал он брату, королю Сигурду, — начать это с нас, братьев».

В сагах редко описываются праздники и пиры без таких слов: «Не было там недостатка ни в веселье, ни в забавах, ни другом удовольствии».

На пирах, судя по древнескандинавским литературным источникам, слушали игру на арфе. В эпических песнях и мифах встречается упоминание о плясках на пирах. Особенно славился своей игрой на арфе эпический герой Гуннар.

Встречаются в сагах и упоминания о песнях. Так, рассказывается, что Сигурд Харальдссон во время поездки с дружиной в Викиен подъехал к одному двору и услышал приятный голос девушки, которая молола зерно на мельнице и пела. Он был так очарован услышанной песней, что решил остановиться, слез с коня и вошел на мельницу взглянуть на певицу.

Под пение, вероятно, танцевали. Так, есть описания нескольких танцев. Один из них состоял в обмене парами. Во время этого танца мужчины и женщины разделялись на две группы, каждая из которых поочередно пела свой куплет, а вот припев пели обе группы танцующих.

Есть также в древнескандинавских литературных источниках описание танца, известного под названием *ломание кольца*. Танцующие вставали в круг, которым «верховодил» один человек — «разламыватель кольца». По его знаку танцующие образовывали «ручечек» из пар и проходили под поднятые руки последней пары, а затем возвращались в конец «очереди».

Несомненно, существовали особые ритуальные танцы во время языческих праздников.

Вероятно, в глубокую древность корнями уходит танец с мечами, о котором говорит Олаус Магнус. Во время этого танца пляшущие сначала поднимали мечи в ножнах и поворачивались три раза кругом. Затем обнажали мечи, также поднимали их кверху, с легкостью и изяществом обращали их друг на друга, и в этой «битве» составляли шестиугольную фигуру, называемую розой, — и вдруг опять расходились и потом взмахивали мечами, образуя над головой каждого четырехугольную розу. Движения становились все быстрее, под музыку и песни клинки скрещивались с клинками, пока общий высокий прыжок назад не завершал танец.

Олаус Магнус прибавляет: «Не быв очевидцем, нельзя вообразить себе красоты и величавости этой пляски, когда видишь целое войско вооруженных людей, бодро идущих в бой, по указанию одного. Эта пляска исполнялась во время поста; целых восемь дней перед тем не делали ничего другого, как только заучивали ее; даже духовные лица принимали участие в пляске, потому что движения пляшущих были очень приличны».

Игра в шахматы и кости, как и шашки, также была известна в древности.

Но самым любимым развлечением древних скандинавов на пирах было слушать рассказы о подвигах и славных делах, саги и песни о замечательных событиях и великих людях.

На пирах также было принято давать обеты. Гость, поднимая кубок, обещал совершить какой-нибудь подвиг.

На тризне по Харальду Синезубому, которую справлял его сын конунг Свейн Вилобородый, приглашены были и йомсвикинги, у которых также умерли отцы. Свейн встал со своего места, поднял кубок в честь отца и дал обет, что не пройдет три года, как он пойдет походом на Англию и убьет конунга Адальрада (Этельреда) или прогонит его из страны. Этот кубок должны были пить все, кто присутствовал на пиру. Когда выпили еще несколько заздравных кубков, большой кубок был поднят ярлом Сигвальди, вождем йомсвикингов, который дал обет, что не минет трех лет, как он пойдет в Норвегию и убьет ярла Хакона или прогонит его из

страны. Торкель Высокий, брат ярла Сигвальди, дал обет последовать за ярлом в поход и храбро помогать ему. За Торкелем Буи Толстый, брат его, Сигурд, сын-вья Везете, начальника Борнхольма, также дали свои обеты. То же сделали многие другие викинги. На всем Севере такие обеты всегда давались зимой, перед весенним выступлением в походы.

К пиру, устраиваемому на Йуль (праздник середины зимы), закалывали самого большого борова, которого приносили в жертву Фрейру и Фрейе, посылающим изобилие. А накануне вечером приводили его в комнату: мужчины клали руки на его щетину и за *чащей воспоминания* обещались совершить какой-нибудь отважный подвиг.

Этот обычай сохранялся в Скандинавии до недавнего времени: и сейчас на Рождество там пекут большой пирог в виде свиньи, который называется «Рождественская свинья» и лежит он на столе все Святки. Но раньше после праздников его сушили и сберегали до весеннего посева. Половину его толкли в порошок, смешивали с овсом в корзинке или решете, из которого станут сеять, и давали есть лошадям, тащившим плуг. Другую же половину разделяли между работниками, которые сеяли и боронили.

Но вернемся на пиры викингов. Как бы ни были недуманны обеты, произносимые на пирах, когда головы шли кругом от крепкого меда, однако ж они исполнялись верно. Победив или умерев, но слово надо было сдержать.

На пирах также развлекались тем, что каждый или кто-то один из присутствующих показывал, каким особым даром он владеет.

Так, на пиру, данном шведом Раудом для Олава Толстого, или Святого, зашла речь о даровитости каждого: один говорил, что умеет отгадывать сны; другой — что по глазам человека узнает его нрав и поведение; третий — что во всей стране нет лука, которого бы он не мог натянуть; четвертый — что он не только стреляет метко, но также умеет бегать на лыжах и плавать; пятый — что, стоя с веслом в челноке, он может так же быстро подплыть к берегу, как судно на двадцати веслах; шестой — что гнев его никогда не пройдет, как бы долго ни за-

медлялось мщение; седьмой — что он никогда и ни в какой опасности не покидал короля. Сам же Олав хвалился, что, раз увидав человека и взглядевшись в него, он может узнать его после какого угодно времени. Епископ вменял себе в достоинство, что может отслужить 12 обеден, не имея надобности в служебнике, а Бьёрн Сталларе считал для себя славой, что говорил от имени короля на тинге, нимало не обращая внимания, полюбятся ли его речи кому бы то ни было. Сага прибавляет, что на том пиру все были очень довольны таким развлечением.

На пирах было еще принято равняться славой и ратными подвигами. Это называлось *мужскими перебранками*. Участие в таких спорах-похвальбах, как и в других развлечениях, принимали и короли.

О том, как происходили такие препирательства, рассказывается в «Саге о сыновьях Магнуса Голоногого». Там описывается спор между норвежскими конунгами Сигурдом Крестоносцем и его братом Эйстейном. Оба короля были одной зимой на пиру в Упплэнде. Там у каждого была своя усадьба, но так как эти дворы находились по соседству, то решили, что они пировать будут вместе в каждой из этих усадеб по очереди. Раз, когда гости сидели за столом молча, король Эйстейн предложил им затеять какую-нибудь потеху.

— Есть пиршественный обычай, — продолжал он, — выбирать человека, с кем бы можно было сравниться, и мы сделаем то же. Вижу я, что мне первому начинать эту забаву, и потому выбираю я тебя, брат, — сказал он Сигурду, — и буду тягаться с тобой, потому что мы равны своим происхождением, воспитанием и владениями.

Сигурд конунг отвечал ему:

— А помнишь, как я клал тебя на лопатки и запросто мог переломить тебе хребет, хоть ты был и старше меня годом?

Эйстейн конунг и говорит:

— Помню я, что ты неспособен был к такой игре, где нужна ловкость.

— Помнишь ли, — продолжал Сигурд, — как мы с тобой плавали? Бывало, я мог утопить тебя в любое время.

— Я, — возражал Эйстейн, — проплывал расстояние не меньше твоего и недурно нырял; притом умел бегать на коньках так хорошо, что не знаю никого, кто бы со мною равнялся в том, ну а ты был на льду, как ко-рова.

— Вождям пристало, — продолжал Сигурд, — искусно стрелять из лука: не думаю, чтобы ты натянул мой лук, хоть и упруешься в него коленками.

— Я не так силен в стрельбе, как ты, — отвечал Эйстейн, — однако ж в меткости нет меж нами большого различия; зато гораздо лучше тебя я бегаю на лыжах, а это считалось раньше хорошим искусством.

— Мне кажется, — возражал Сигурд, — очень важно и прилично вождю, предводителю войска отличаться от своих дружинников ростом и силой, владеть лучше всех оружием и быть заметным в толпе народа.

— Не менее славное качество, — отвечал Эйстейн, — иметь красивую наружность: это также делает заметным и пристало вождю. Я еще получше тебя знаю законы, а если дойдет до речей, так я гораздо красноречивее.

— Может быть, — сказал Сигурд, — ты и лучше моего знаешь крючкотворство, потому что у меня были другие важные дела; никто не оспаривает, что ты и красноречив, но многие говорят, что не всегда можно на тебя полагаться, что твои слова значат немного и что ты больше слушаешь тех, кто рядом с тобой, а это не по-королевски.

— Это оттого, — отвечал Эйстейн, — что, когда люди излагают мне свое дело, я прежде всего хочу, чтобы дело всякого просителя было решено, как ему лучше; потом приходит и противная сторона, и все улаживается к общему удовольствию; бывает, что я обещаю, чего просят у меня, потому что хочу, чтобы все были довольны; пожалуй, если бы я хотел, то мог бы наобещать всякого зла, как делаешь ты. Понятно, что тебя никто не упрекает в том, что не держишь ты слова.

— Все говорят, — возразил Сигурд, — что мой поход в заморские страны делает мне честь как правителю, а ты между тем сидел дома, как дочь своего отца.

— Ты тронул больное место, — отвечал Эйстейн, — не начал бы я этой речи, если бы мог не отвечать тебе. Больше похоже на то, что я снарядил тебя в дорогу, как сестру, когда ты еще и не думал собираться.

— Ты, — продолжал Сигурд, — наверное, слышал о многих моих сражениях в Серкланде: я победил во всех и добыл притом довольно сокровищ, каких никогда еще не бывало в этой стране; я повстречался с самыми знаменитыми правителями, а ты, кажется, все это время просидел дома.

Братья еще долго препирались в том же духе, и было видно, что оба они в ужасном гневе. Всякому хотелось быть выше другого.

Понятно, что на пирах неизбежно возникали ссоры. Выпив вина, люди теряли контроль над собой и говорили то, что не собирались говорить. Но месть откладывалась, как правило, до наступления ночи, когда поссорившиеся укладывались спать.

Тем не менее враждующие стороны изредка примирялись за рогом пива или меда.

Так было в 1181 году в Нидаросе*, когда баглеры и биркебейнеры сошлись вместе и в ожидании решения своих конунгов — Сверрира и Магнуса — устроили совместный пир.

Вот как об этом рассказывается в «Саге о Сверрире»:

«Люди Магнуса зашли в реку на нескольких стругах, а берестеники спустились к ним и послали за пивом в город. Они сидели вместе на крутом берегу реки, пили пиво и беседовали, потому что, хотя они и были в двух разных войсках, многие из них были родичами или свойственниками, или были раньше друзьями»**.

---

* Современный город Тронхейм, старая столица Норвегии.

** Пер. М. И. Стеблин-Каменского.

ВРАЧЕВАНИЕ РАН И МЕДИЦИНСКИЕ ПОЗНАНИЯ

Скандинавы были знакомы с медициной и умели врачевать раны. Им были ведомы и целительные свойства растений. Впрочем, во многих случаях люди того времени предпочитали обращаться к колдунам, поскольку считали, что болезнь приходит к человеку как кара за нарушение баланса между миром своим — миром людей — и миром чужим, то есть миром сверхъестественных сил.

Особенно искусными были древние скандинавы в лечении ран, что не удивительно: люди в те времена с самого раннего детства имели дело с оружием, воины получали тяжелые увечья в походах и битвах. В сагах встречаются рассказы об умелых целителях, которые обладали искусством ухода за ранеными.

Так, в «Саге об Олаве Святом» рассказывается о Тормоде Скальде Черные Брови, который получил смертельные раны в битве при Стиклистаде. После сечи он заходит в дом, где был открыт, как мы бы сейчас сказали, «полевой госпиталь». «Там было много тяжелораненых, и какая-то женщина перевязывала им раны. На земляном полу был разведен огонь, и она грела на нем воду для промывки ран. Тормод сел у дверей. Люди, которые ухаживали за ранеными, входили и выходили. Один из них, проходя мимо, повернулся к Тормоду, взглянул на него и сказал:

— Отчего ты такой бледный? Ты ранен? Почему не просишь, чтобы тебя подлечили?

Тогда Тормод сказал такую вису:

Мглист челом, куда мне
С румяным равняться —
На нас и не глянут —
Мужем Нанны кружев.

Сегодня я бледен
Неспроста, растратчик
Злата: много выжгло
Ран оружие данов.

Тормод встал, подошел к огню и постоял там некоторое время. Лекарка сказала ему:

— Эй ты! Пойди-ка принеси дров, которые лежат там снаружи у дверей.

Тормод вышел, принес охапку дров и бросил ее на пол. Тут лекарка посмотрела ему в лицо и сказала:

— Ужас, какой ты бледный! Что с тобой?

Тормод сказал:

Вот, страшит лещину
Брашен бледность наша,
Никого, хозяйка
Бус, не красят раны.

Знай, от мощной длани
Летели в нас стрелы.
Рядом с сердцем, чую,
Встал зубец железный.

Тогда лекарка сказала:

— Покажи-ка мне твои раны, я перевяжу их.

Он сел и сбросил с себя одежду. Осмотрев его, лекарка стала ощупывать рану в боку и почувствовала, что там застряло железо, но она не могла определить, как глубоко оно вошло. В каменном котле у нее варилась смесь лука с другими травами, и она давала эту смесь раненым, чтобы узнать, глубоки ли их раны: если рана оказывалась глубокой, то из нее чувствовался запах лука. Она дала этой смеси Тормоду и велела ему съесть. Он говорит:

— Унеси это, я не голоден.

Тогда она взяла клещи и хотела вытянуть железо. Но оно сидело крепко и мало выдалось наружу, так как рана распухла. Тогда Тормод сказал:

— Вырежи все вокруг железа, чтобы можно было ухватить его клещами, и дай их мне, я сам вытащу.

Она сделала, как он сказал. Тормод снял золотое обручье с руки, отдал лекарке и сказал, что она может делать с ним, что захочет.

— Это хороший подарок, — говорит он. — Олав конунг подарил мне это обручье сегодня утром.

После этого Тормод взял клещи и вытянул из раны наконечник стрелы. На его крючьях зацепились волокна сердца, одни красные, другие белые. Увидев их, Тормод сказал:

— Хорошо кормил нас конунг! Жир у меня даже в сердце.

Тут он упал навзничь мертвый»*.

Обратим внимание, что серьезность раны проверяли при помощи лука. Лук в древней Скандинавии вообще пользовался особым уважением, его считали оберегом, который может отвести болезни и колдовство (сравним с действием чеснока против вампиров в европейской традиции). В «Старшей Эдде» есть такие строки:

Рог освяти,
опасайся коварства,
лук брось во влагу;
тогда знаю твердо,
что зельем волшебным
тебя не напоят**.

Кроме того, на амулетах также часто встречается вырезанное рунами слово *laukar* — лук.

Верили также в возможность определять глубину раны по вкусу крови. Это видно из рассказа одного умного исландца Снорри Годи. Найдя после одного сражения большой кусок стусившейся крови, он поднял его, помял в руке, положил на язык и сказал: «Это кровь из глубокой раны уже умершего человека».

* Пер. Ю. К. Кузьменко, стихи в пер. О. А. Смирницкой.

** Пер. А. Корсуна.

Если верить известиям, попадающимся в сагах, скандинавы умели залечивать самые тяжелые раны, для чего употребляли мази и теплые припарки из лекарственных трав. Операции делались просто, искусно и без особенных приготовлений. Кроме ножа и щипцов, не знали никаких хирургических инструментов.

Очень большие раны зашивались. В одной саге конунг Хрольф спрашивал Торира Железный Щит, много ли получил он ран. «Не так, чтобы слишком много, — отвечал Торир, — но у меня такая царапина от твоего меча, что я нахожу себя гораздо неповоротливее против прежнего, однако ж не думаю, чтобы она была глубока». Конунг захотел осмотреть рану. Торир снял одежду, и все увидели, что живот у него был распорот и внутренности чудом держались у него внутри. «Ты ранен тяжело, — сказал король, — едва ли можно помочь тебе; однако ж внутренности не выпали; я найду лекарство и берусь вылечить тебя». Конунг обмыл рану, взял иголку с ниткой и сшил ее; потом приложил к ране пластырь, перевязал ее. Он ухаживал за больным, как только мог. Вскоре Торир выздоровел.

Особым умением врачевания ран славились женщины. Саги часто говорят о них как о хирургах, которые не только делали операции, но и выхаживали раненых в «послеоперационный период».

Считалось, что для проведения операций и ухода за больными были необходимы легкие и нежные руки.

Так, в «Саге о Магнусе Добром» рассказывается о том, как после великой битвы при Хлюрскогсхейде в Ютландии норвежцев и славян (вендов) в 1044 году конунг Магнус стал обходить поле боя. «Из войска конунга пало немного народа, хотя многие получили раны. После окончания битвы конунг Магнус приказал перевязывать раны своим людям, но лекарей в войске оказалось меньше, чем требовалось. Тогда конунг пошел к тем, которые показались ему пригодными, и ощупал им руки. Он брал их ладони и гладил их, и так он выбрал двенадцать человек с самыми мягкими руками и сказал им, чтоб они перевязывали раны. И хотя никто из них прежде не делал перевязок, все они стали превосходными лекарями. Среди них было два исландца: Тор-

кель сын Гейра из Вересков и Атли, отец Барда Черного из Долины Тюленьей реки. От них вели свой род многие лекари».

Есть «Сага о Храфне сыне Свейнбьёрна», который приходился родичем одному из упомянутых выше исландцев. В ней рассказывается о многих случаях врачебного искусства Храфна из Арнефьорда. Одного больного, у которого распухли голова, живот, руки и ноги, он излечил тем, что выжег ему на груди, голове и между пальцами крестообразные рубцы. Не прошло и полугода, как больной выздоровел. Потом просила его помощи какая-то женщина: она была близка к отчаянию от сильного давления в груди. Храфн отворил ей кровь из руки, и больная поправилась. Сумасшедший, которого едва могли удерживать несколько человек, вновь обрел рассудок, когда Храфн выжег ему несколько рубцов на голове. Другой больной страдал каменной болезнью; Храфн начал пользоваться его, но больному стало хуже: все тело опухло. Некоторые умные люди приглашены были на совет — консилиум. Посоветовавшись с ними, Храфн решился на операцию: велел больному лечь, отыскал, где находится у него камень, подвинул его с места, сколько было можно, и принял предосторожности, чтобы он не скрылся опять, потом сделал разрез и вынул два камня. Наконец перевязал рану и приложил к ней пластырь. Больной выздоровел. За это, как и за другие лечения, Храфн не взял денег.

Иногда медицинские представления были откровенно фантастичны. Так, считалось, что у храброго человека сердце меньше, чем у труса, потому что в большом сердце больше крови, а она поселяет робость в людях.

Один исландец по имени Торгейр сын Хавара слыл на всем острове за бесстрашного человека. В «Саге о Греттире» говорится, что жили три храбреца и все они были люди большого мужества, вот только Тормод боялся Бога, Греттир — темноты, а Торгейр — ничего не боялся. Когда он умер, осмотрели из любопытства его сердце; нашли, что оно очень невелико. По замечанию сочинителя саги, тем подтвердилось мнение сведущих людей, выдаваемое ими за истинное, что Торгейр сын Хавара был настоящим храбрецом.

Исследования и наблюдения привели северян к открытию, что в теле человека 214 костей, 30 зубов и 315 жил. Думали, что гнев человека имеет начало в желчи, крепость сил — в сердце, память — в мозге, смелость — в легких, смех — в селезенке, вожделение — в печени, как о том рассказывается в «Саге о побратимах».

Саги донесли до нас много примеров того, что викинги лечили, накладывая руки на больные части тела или погладив их. Так Олав Толстый (Святой) избавил одного мальчика от опасного нарыва на шее, а другого — от сильной боли в боку. «В руках короля, — говорит сага, — жила такая же исцеляющая сила, какую приписывают людям, имевшим особенную способность в этом искусстве; о таких говорили, что у них добрые руки».

Весьма распространенным заболеванием в эпоху викингов был ревматизм.

Кроме того, у многих скандинавов в то время наблюдались проблемы с зубами, однако совсем другие, чем у современных людей. Кариесом страдали немногие, зато зубов люди лишались постепенно из-за твердой и грубой пищи.

Выше мы уже говорили, что болезнь считалась викингами проявлением «мести» потустороннего мира, которая наступала после неправильного, с точки зрения общих правил поведения коллектива, поступка человека. В «Старшей Эдде» говорится: «Если телом ты здоров, / то здоровье, а также жизнь / у тебя без порока».

Объяснение болезни колдовством людей — одно из наиболее распространенных и устойчивых в сагах и других произведениях древнескандинавской литературы, если не считать рассказов о ранениях в боях и на поединках. Напускать такую болезнь могли прежде всего колдуны и колдуньи, а также люди, владеющие магией. Вылечить от «насланной» болезни могли тоже только колдуны, поэтому часто «врачевание» и «колдовство» практически приравниваются друг к другу, ибо всякое лечение в архаическом обществе обязательно включает в себя ряд магических актов, рассматриваемых как необходимое условие для восстано-

ния исходного благополучия, телесного и душевного здоровья пострадавшего*.

Мы уже говорили выше о вёльвах, владевших всеми видами скандинавской магии. Но были во времена викингов и другие, очень сильные колдуны. Это — лопа-ри, саамы, жившие на самом севере Скандинавского полуострова. Их колдовство считалось особенно зло-вредным. В «Круге Земном» рассказывается о сыне ко-нунга Харальда Прекрасноволосого. Эйрик женился на девушке по имени Гуннхильд, которую родители от-правили на север Норвегии в Финнмарк к двум силь-ным колдунам-саамам поучиться у них волшебю. Эти колдуны превосходили всех своей хитростью и ковар-ством и были столь злобными, что, если рассердятся, «земля вертится под их взглядом, и попадетя им на глаза что-либо живое, то сразу же падает замертво».

После распространения христианства в Норвегии лапландское колдовство, как и любое другое колдовское искусство, преследовалось и каралось смертной казнью.

В сагах колдуны заговаривают оружие или другую вещь, при помощи которой насылается болезнь или наносится смертельная рана. Вещи, принадлежащие колдунам, лучше вообще не брать в руки, чтобы не ри-сковать собственной жизнью и здоровьем.

Особенно был опасен посох вёльвы, троекратным ударом которого по щеке можно, например, отнять или, наоборот, вернуть память.

Многие лекарки, о которых мы писали выше, зна-вшие искусство врачевания, при случае могли и навре-дить. Им были ведомы руны, которые из «целебных» при необходимости могли стать и «насылающими бо-лезнь». В «Старшей Эдде» есть такие строки:

Целебные руны
для врачеванья
ты должен познать;
на стволе, что ветви
клонит к востоку,
вырежи их**.

---

* Подробнее см. об этом книгу Ю. Е. Арнаутовой «Колдуны и святые».

** Пер. А. Корсуна.

По скандинавским источникам, колдуны в те далекие времена на Севере, как, впрочем, и по всему миру, не гнушались насылать на страну или «избранные» хутора эпидемии. Для их предотвращения необходимо было ликвидировать источник колдовства. Во время эпидемии падал скот и умирали люди. Бедствию, как правило, предшествовало явление живого мертвеца. Тот же, кто умирал первым, был либо колдуном, либо его жертвой.

В «Саге о людях с Песчаного Берега» рассказывается о случившейся на хуторе беде, которая началась со смерти пастуха. По мнению окружающих, во время своего пребывания в горах на пастбище он был околдован. Но доказательств тому колдовству никаких не было — до тех пор, пока через несколько дней после смерти пастух не стал по ночам являться людям. Те, кому он являлся, вскоре заболели и умирали, а в назначенное время сами выходили из могил. В результате вокруг хутора стали уже разгуливать толпы живых мертвецов, которые с каждым днем становились все многочисленнее. Избавиться от проклятых покойников смогли только после сожжения их тел.

В «Саге об Эйрике Рыжем» рассказывается тоже об одной эпидемии на хуторе в Гренландии, которая началась со смерти надсмотрщика по имени Гарди.

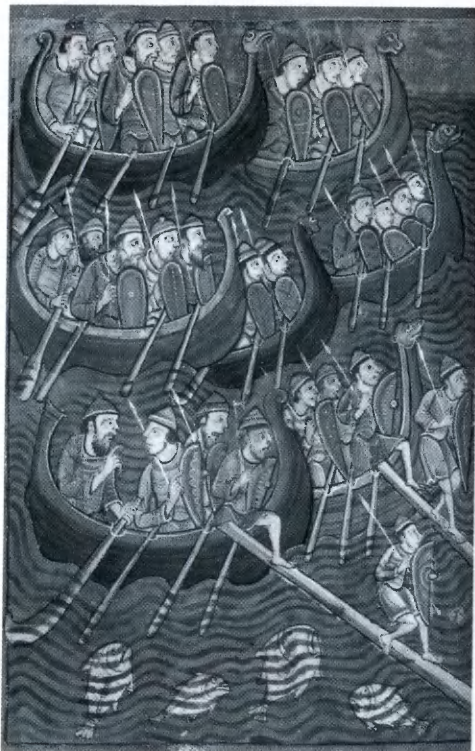
Однако не стоит думать, что абсолютно все эпидемии и болезни объяснялись в сагах колдовством. Древнескандинавские литературные источники содержат много сведений о самых реальных причинах болезней. Так, норманны во время длительных морских путешествий страдали от разных недугов, связанных с недостатком витаминов, в частности от цинги, которую даже называли «болезнью викингов». Ее лечили отваром из хвои.

Можно предположить, что эпидемии, которые саги объясняют появлением живых мертвецов, также были вызваны какими-то вполне материалистическими причинами — например, плохими продуктами или инфекцией.

Довольно часто в памятниках древнескандинавской словесности встречаются упоминания о дурном, тяже-

Варяг в Константинополе. Византийская мозаика. XI в.

Корабли викингов.
Иллюстрация
из средневековой
английской хроники.
XIII в.

Корабли викингов.
Иллюстрация
Э. Вереншёльда
к «Кругу Земному»
Снорри Стурлусона.
XIX в.

Памятник викингу
Хрольву Пешеходу
в Олесунде в Норвегии.

*О. Нордлиен. Викинг.
XIX в.*

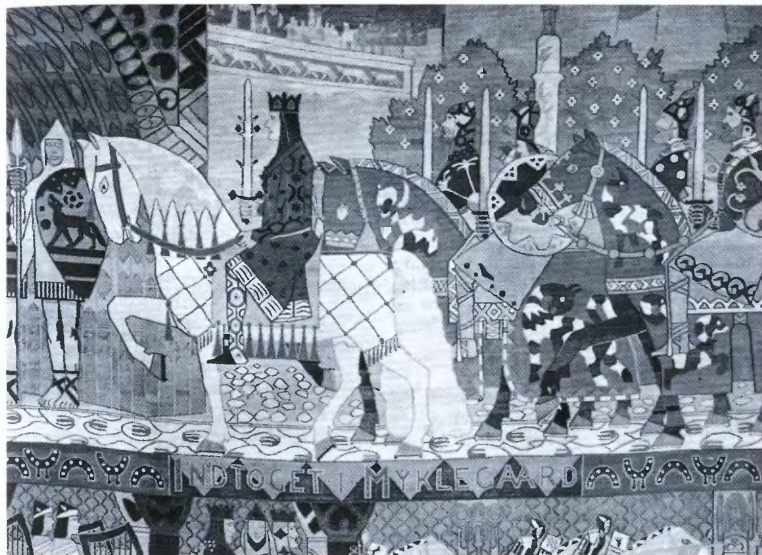
Византийская серебряная чашка из клада Дуне. Далхем, Готланд. XI в.

Предполагаемое изображение Елизаветы (Эллисив), жены Харальда Сурового и дочери Ярослава Мудрого. Часть ктиторской фрески Софийского собора в Киеве. XI в.

Х. Гюде. Корабль победителя. XIX в.

Въезд конунга Сигурда в Миклагард. Гобелен Ф. Хансен по рисунку Г. Мюнте. 1889 г.

П. Н. Арбо. Битва у Стамфордского моста. XIX в.

К. Крог. Лейв Эйрикссон открывает Америку. 1893 г.

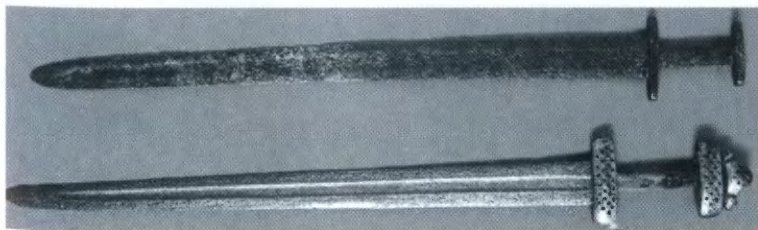
Завоевание Англии нормандцами в 1066 году.
Тобелен королевы Матильды из Байе. 1077 г.

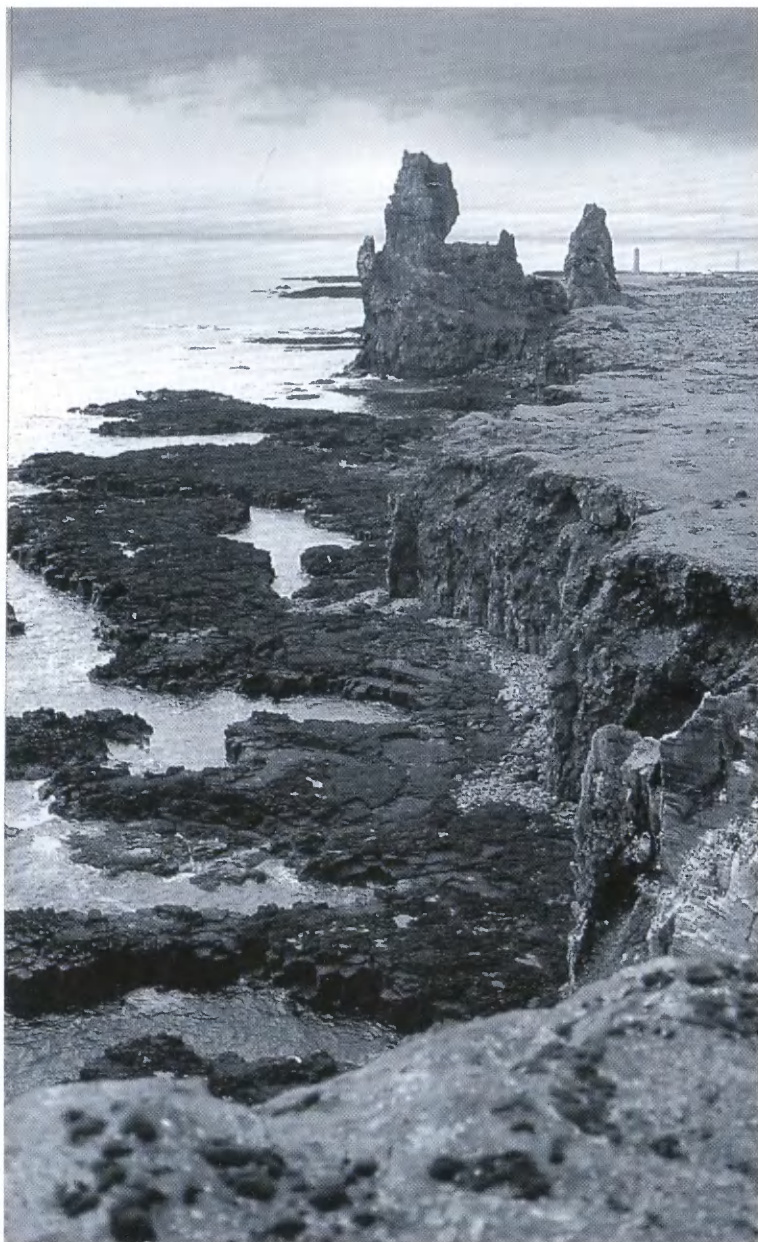

П. Н. Арбо. Последний викинг Олав Святой. XIX в.

Мечи викингов. IX—X вв.

Берег Исландии.

«Длинный» дом из крепости Фюркат. *Реконструкция. Дания.*

Альтинг в Исландии. XIX в.

«Купальня» Снорри Стурлусона в Исландии на хуторе Рейкхолт, часто упоминаемая в сагах. XIII в.

Хутор Стонг времен викингов в Исландии. Реконструкция.

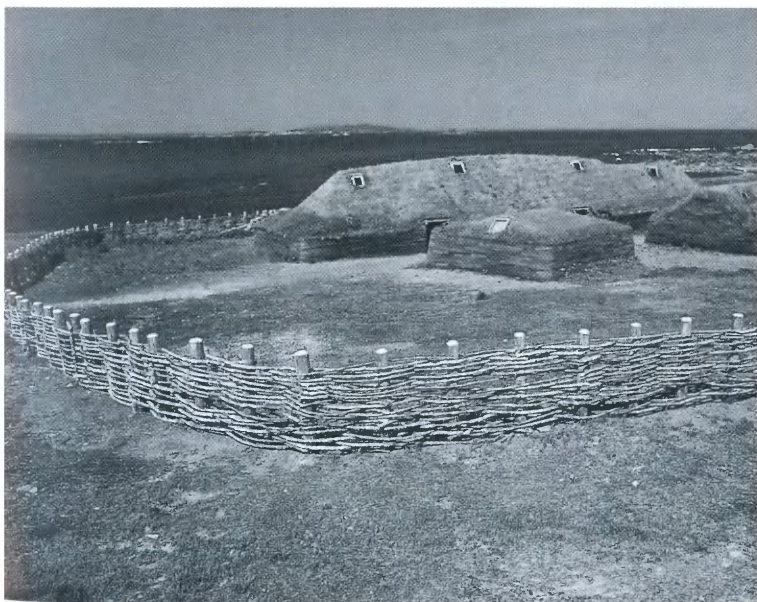

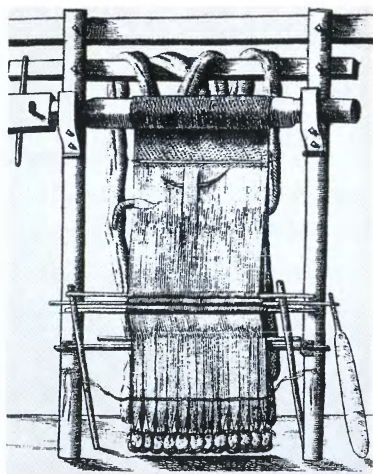
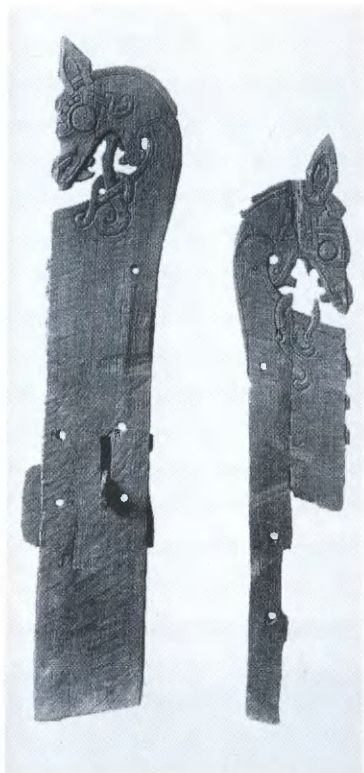

Главный или «длинный» дом на хуторе Стонг. *Реконструкция.*

Хутор викингов в Канаде. *Реконструкция. Ньюфаундленд.*

Ткацкий стан эпохи викингов.
Иллюстрация XVIII в.

Резные прикроватные столбы
из Гокстадского кургана. IX в.

Интерьер «длинного» дома
из крепости Треллеборг в Дании.
Реконструкция.

Хозяйственный инвентарь из Усебергского кургана. IX в.

Спальные места в «длинном» доме. Конунг Олав и Торарин.
Иллюстрация К. Крога к «Кругу Земному» Снорри Стурлусона. XIX в.

Бронзовая кольцевая фибула для крепления плаща с украшениями в виде голов викингов.

Копия мужской одежды из Бокстена. *Ролфсторп, Халланд. XIV в.*

Дубовый ящик с инструментами эпохи викингов. *Швеция.*

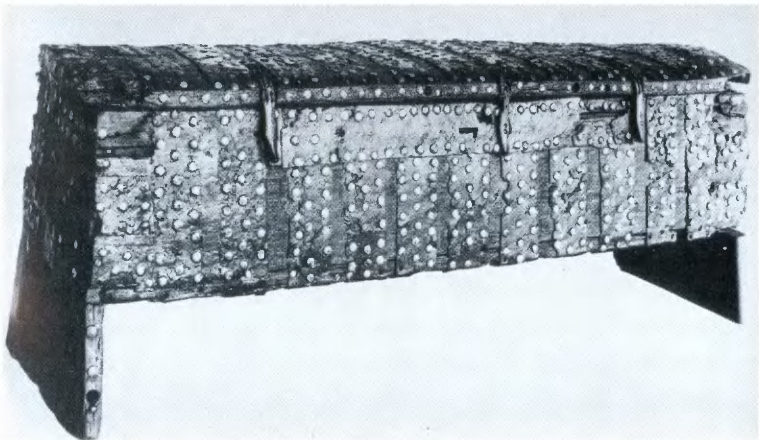

Подвеска,
изображающая
норвежскую
женщину эпохи
викингов.

Клад из Эриксторп.
Эдсхёг,
Эстерётланд. X в.

Сундук из Усебергского кургана. IX в.

Каменная дорога. Дания. X в.

лом взгляде, который может «испортить» человека. Такой взгляд и последующая за ним болезнь в русской традиции называется сглазом.

В одной из песен «Старшей Эдды» («Речах Высокого») даже дается такой совет:

Вверх не смотри,
вступая в сраженье,
не сглазил бы враг, —
воины часто
разум теряют*.

Как правило, таким взглядом обладают колдуны, ведьмы или знахарки. В «Речах Сигдривы» есть предостережение об опасности взгляда ведьмы:

Бдительный взор
каждому нужен,
где гневные бьются;
придорожные ведьмы
воинам тупят
смелость и меч**.

Помимо колдунов и ведьм «дурным» глазом, как полагали, обладали и некоторые люди, близкие к Иному миру и находившиеся в «дружбе» с темными силами. Это бездетные женщины и женщины в период менструации, люди с врожденными уродствами и нарушители общепринятых норм поведения, то есть убийцы, совершившие свое грязное дело «неправильным» образом, предатели, сексуальные извращенцы. Дурным взглядом обладали и люди, подверженные зависти.

Это чувство, как считали норманны, разрушало душу, толкало на дурные поступки. Такой человек был опасен. Впрочем, точно такого же мнения придерживается и русский народ, когда после общения с завистливым человеком рекомендует сплюнуть или произнести специальный заговор.

Как в русской, так и в германской традиции считалось, что сглаз может произойти из-за вмешательства низших мифологических существ — например, тем-

---

* Пер. А. Корсуна.

** Пер. А. Корсуна.

ных альвов, то есть представителей Иного, враждебного человеку, мира. Альвы также могут быть причиной и многих болезней.

Они, в соответствии с северной традицией, живут в земле, и люди часто называют их гномами или карлами. Совсем не похожи они на светлых альвов ни видом своим, ни повадками: светлые альвы прекраснее солнца, темные же альвы — чернее смолы. Карлики живут во мраке ночи. И стоит лишь лучу солнца пасть на них, как тут же превратятся они в мертвый камень. И много черных альвов погибло такой бесславной смертью.

Как все мифологические существа, они не всегда проявляют враждебность к человеку, поэтому в жизни от них ожидали не только вреда, но и помощи в разных делах, в частности при лечении болезней. Так, в «Саге о Кормаке» рассказывается о Торвальде, который был ранен. Рана его долго гноилась и все никак не заживала. Тогда он принес жертву жившим в холме альвам и выздоровел. Сигват Скальд во время поездки по Швеции попал на осеннее жертвоприношение альвам, которое справляли бонды. Такие обряды должны были «гарантировать» здоровье всем членам семьи.

Альвы могли насылать различного рода «прострелы», болезни суставов, глазные и кожные болезни, а также психические расстройства.

От болезни, несмотря на героические представления о том, что смерть на поле брани предпочтительнее «смерти на соломе», все-таки желали излечиться. В сагах постоянно повторяются волшебные сюжеты о целительном «камне жизни», который вытягивает из ран яд и заживляет их, о «траве жизни», благодаря которой срстаются разрубленные части тела.

Ученые также описывают существовавший в те времена обычай, правда, запрещаемый древненорвежскими законами, согласно которому женщины откусывали пальцы на ногах или руках новорожденных, чтобы продлить себе жизнь.

Большое внимание при диагностировании болезней в эпоху людей саг уделялось толкованию снов. По снам часто предсказывалась болезнь или понимали

причины ее возникновения. А часто сны рассматривали как предупреждение о грядущей смерти.

Так, в «Саге об Олаве Святом» говорится, что конунгу приснился сон, о котором он рассказал, что ему снилась высокая лестница и что он поднялся по ней так высоко, что перед ним открылись небеса, так высоко поднималась лестница.

«— Когда ты меня разбудил, я поднялся до самой высокой ступеньки.

Финн говорит:

— Мне твой сон не кажется таким хорошим. Боюсь, что он предвещает твою смерть, если только это не пустое сновидение».

Целительные народные ритуалы были весьма разнообразны.

Лечились, прежде всего обращаясь к природе, ибо верили в целительную силу земли, воды и огня, о чем повествуют саги и что, как отмечают исследователи, несомненно, связано с хтоническим культом. Когда хотели излечиться при помощи силы земли, вырезали полосу дерна, и больной голыми ногами наступал на нее, как бы умирая и переходя в объятия Матери Земли, а в следующее мгновение он сходил с дерна «заново рожденным». По завершении обряда болезнь должна пройти. В канун летнего солнцестояния прыгали через костер, сжигая в его пламени все болезни и приходя в мир «обновленными».

Особой целительной силой обладали кровь, пот и другие выделения человеческого тела, кровь и внутренности жертвенных животных. В крови содержалась сила жизни. Вытекающая из раны по капельке кровь лишала человека жизни и, падая на землю, делала его уязвимым, «нечистым». И во времена викингов, и в более позднюю эпоху считалось, что, испив чужой крови, можно омолодиться, приобрести новые силы и даже изменить судьбу. Поэтому кровь часто используется и в колдовстве, и при лечении.

В одной из песен «Старшей Эдды» («Песне о Хюндле») есть такие строки:

Взял силу земли он,
студеного моря
и силу кабаньей
жертвенной крови.

И такой «коктейль» из земли, соли и жертвенной крови защищает от злых сил.

Что же касается экскрементов и других мало приятных человеческих выделений, то им приписывали силу избавления от зловредных духов. Например, чтобы избавиться от живущих в кургане или холме рядом с усадьбой альвов, иногда было достаточно просто справиться там нужду.

Во все времена и во всех странах народная медицина лечила больных и раненых травами. Из них готовили отвары, делали припарки, ими окуривали больных и всё помещение, подвешивали над кроватью или зарывали под порогом, носили как обереги.

Норвежский исследователь И. Райхборн-Хьеннерюд высказал предположение о том, что на медицину викингов оказала большое влияние античная медицина — через ирландцев, англосаксов и походы викингов. Его исследования были проведены в 1930—1940-х годах, и до сих пор эта точка зрения остается общепризнанной. Тем не менее несомненно, что в обществе скандинавов были и собственные рецепты лечения травами.

Викинги лечили корой дуба диарею, а семя льна, смешанное с луком, повышало сексуальность. Паслен, девясил, мята применялись при болезнях, вызванных альвами, а тимьян, зверобой, лук-порей, как и луковицы чеснока и полынь, отгоняли всякую нечисть и лишали силы колдовские чары.

Практически все растения употреблялись викингами в «дело»: крапива, тысячелистник, подорожник, чистотел, рута, зверобой, белена, болиголов, волчий борец, можжевельник.

Отваром из исландского мха лечили туберкулез, кашель, можжевельник применяли при прерывании беременности, ревматизме и болях в желудке, из дягиля варили отвары для получения мочегонного эффекта.

При помощи чистотела избавлялись от бородавок, лечили и другие кожные заболевания, а также водянку и печень.

В те далекие времена травы собирали в определенные, обычно связанные с языческими празднествами

дни. Впрочем, так же делают и современные травницы, выбирая строго определенные, закрепленные в народной традиции, дни для своей «жатвы».

Многие отвары не столько лечили, сколько калечили. Судя по всему, в норманнском обществе женщины умели избавляться от греха тайной страсти. В отвары, прерывающие беременность, кроме упоминаемого можжевельника входили печеночница, лютик, полынь, спорынья (паразит ржи, ядовитый грибок).

Считалось также, что есть отвары, которые могут помочь женщине зачать ребенка, даже если в течение многих лет брака ей не удавалось родить. В «Саге об Олаве сыне Трюгтви» рассказывается о колдуне Эйвинде, который появился на свет благодаря ворожке финнов, хотя раньше у его отца и матери не было детей.

ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО

Корни мировоззрения древних народов отыскиваются в их мифах, с которыми тесно связана вся жизнь людей далекого прошлого. И лишь зная мифы викингов, можно говорить о их мире — как духовном, так и вполне реальном.

В мифах с самого начала их возникновения передавались представления об окружающей действительности и происхождении элементов внешнего мира, к которым постепенно присоединялись «биографические» сведения героев позднего времени. Постепенно первые роли начинали играть герои, а волшебные существа лишь помогали им.

Все эпические средневековые сказания, в том числе и древнескандинавские, рассказывают о распре и долге мести за убитых родичей. Долг этот обладает невероятной силой и побеждает в средневековом человеке все эгоистические чувства вплоть до страха смерти. Человеческая личность не изображается сама по себе, вне отношений с другими людьми, вне распри. Переживания описывались лишь в той мере, в какой они имели отношение к изображаемым событиям или действию.

В основе героических сказаний скандинавов и германцев лежат события эпохи Великого переселения народов, когда в 375 году погибло остготское царство Германариха, а в 437 году было разрушено гуннами

Аттилы Бургундское королевство. В 476 году Одоакр захватил власть в Риме (падение Западной Римской империи) и, в свою очередь, был побежден Теодорихом Великим, который вошел в германский эпос под именем Дитриха Бернского.

Эти трагические события стали также источником таких известных памятников средневековой литературы, как исландская «Сага о Вёльсунгах», норвежская «Сага о Тидрике» и немецкая «Песнь о Нибелунгах».

Мифы древних скандинавов, в которых нашли отражение их «взгляды на жизнь», содержатся в двух «Эддах» — «Старшей» и «Младшей», а также в сагах и скальдической поэзии.

«Старшая Эдда» — это сборник мифологических и героических песен, сохранившийся в единственном списке — «Королевском кодексе», найденном в Исландии в 1643 году исландским ученым Бриньольвом Свейссоном.

До недавнего времени этот пергамент хранился в Копенгагене, поскольку Исландия находилась в унии с Данией, и в прежние времена, в частности в XVII веке, туда было вывезено множество древних исландских рукописей. Исландцы считали, что рукописи являются их национальным достоянием. Они стали бороться за возвращение своих ценностей, после того как Исландия расторгла унию с Данией во время Второй мировой войны, когда Данию оккупировали фашисты. Однако датчане не спешили возвращать старые рукописи, поскольку сами собирались хранить это общескандинавское культурное наследие.

Переговоры по «рукописному вопросу» затянулись на долгие годы, ибо и манускрипты могут быть камнем преткновения в дипломатических отношениях. Но наконец было принято беспрецедентное решение — Дания возвращает рукописи. Решение это столь уникально потому, что в мировой истории вряд ли найдется еще другая колониальная держава, которая по собственной воле решит отдать захваченные богатства. В апреле 1971 года многие древнеисландские рукописи, по решению датского парламента, были переданы в Исландию, где в ее столице — Рейкьявике — был создан

Институт рукописей Исландии, целью которого является помощь в распространении знаний о языке исландского народа, его литературе и героическом прошлом. Вот такая поучительная история случилась в наше время со старыми рукописями.

«Эдду» условно делят на две части — на песни о богах, в которых содержатся сведения по мифологии, и песни о героях. Мифологическими считают первые девять песен и одиннадцатую.

Ранняя скандинавская поэзия тесно связана с языческими верованиями. Само искусство стихосложения считалось даром бога Одина, а язык поэзии был рожден легендами о богах и героях.

Один был верховным богом древних скандинавов. Образ этого божества, пожалуй, самый темный для истолкования среди всего древнескандинавского пантеона. Вне всякого сомнения, он выполнял и шаманские функции. Будучи богом мертвых, забирающий павших воинов в свои чертоги, он постоянно являлся людям и ходил среди них в образе старика в плаще и шляпе. «Сага об Инглингах» утверждает, что Один был первым конунгом в Великом Свитьоде, прародине скандинавов. Современные историки считают, что править он мог на рубеже I века до нашей эры и I века нашей эры.

Один был самым могущественным из богов, вместе с братьями он создал мир и первых людей. Один был богом войны, мудрости и колдовства. В палаты Одина Вальгаллу его боевые девы — валькирии, или выбирающие мертвых, — приносили павших на полях сражений воинов. Попасть в Вальгаллу было мечтой и целью каждого викинга.

Повесив себя на дереве (пригвоздив копьем), Один обрел величайшую мудрость и знание рун.

Многие из главных богов считаются сыновьями Одина. Самый известный из них — Тор, бог-громовержец, славящийся своим ростом и силой.

Тор был полностью положительным и великим героем. Он постоянно сражается с йотунами — великанами, которые угрожают богам и все время норовят сделать им гадости. Тор сокрушает йотунов ударами своего знаменитого молота Мьёлльнира (Удара молнии).

Этот молот становится священным символом язычества*. Ездил Тор на колеснице, запряженной козлами.

Другой сын Одина — Тюр, бог войны. У него одна рука, вторую он потерял, сунув ее «под залог» в пасть волка Фенрира.

Хеймдалль — страж богов. Он одинаково хорошо видит днем и ночью и слышит, как растет трава и шерсть у овец.

Но самый прекрасный из богов — светлый ликом Бальдр. Однако хитроумный Локи, самый коварный и сварливый из богов, становится виновником гибели Бальдра, за что боги жестоко мстят ему.

Все это боги-асы. Есть еще и боги-ваны. К «семейству» ванов принадлежит Ньорд, бог мореплавателей. Его дети — Фрейр и Фрейя — боги любви и плодородия, которых особенно любили и почитали древние скандинавы.

Боги ведут непрекращающуюся войну со своими врагами — йотунами, с которыми связан Мировой змей — Йормунгард, который, обвинив землю, держит в пасти собственный хвост.

Обо всем рассказывается в «Старшей Эдде».

Эддическая поэзия отличается тем, что авторство ее анонимно, форма ее относительно проста, а повествует она о богах и героях либо содержит в себе правила житейской мудрости.

Особенностями эддических песен являются их насыщенность действием, каждая песнь посвящена одному конкретному эпизоду из жизни богов или героев, и их предельная краткость.

Самой знаменитой песней «Старшей Эдды» считается «Прорицание вельвы», в которой дается картина мира от его сотворения до трагического конца — «гибели богов» — и нового возрождения мира. Боги создали мир, но сумели спасти его от сил хаоса, а потому рано или поздно, а вернее, в свое время, наступит закат, или

---

* Молоточки Тора в виде подвесок носили древние скандинавы — как мужчины, так и женщины. Самый красивый, по мнению искусствоведов, молоточек, выполненный в технике скани, найден в провинции Сконе, которая раньше принадлежала Дании, а теперь является частью Швеции.

сумерки, или гибель богов — Рагнарёк. Но и после страшной катастрофы, как прорицает вёльва, наступит новое возрождение мира:

И вот она видит:
время настало —
суша из моря
восстала зеленая,
воды текут,
орлан по-над ними
летает и рыбу
высматривает;

сходятся асы
на Идавёлль-поле,
о змее всесветном
ведут беседы,
о прошлых делах
вспоминают, о славных,
о древних рунах
громогласного бога;

они разыскали
среди усадьбы
в зеленых травах
золотые тавлеи,
в кои играли
в прежнее время;

не пахан, не сеян
хлеб уродится,
Бальдр воротится,
Хёд воротится —
в жилище Высокого
жить будут вместе...
Вещать мне еще или хватит?

Хёнир будет
гадать на жеребьях,
два сына двух братьев
в жилище ветра
жить будут вместе...
Вещать мне еще или хватит?

Дом она видит,
он ярче солнца
играет золотом,
построен на Гимли,
дружина достойных

в нем пребывает,
вечное счастье
им суждено...

И вот пришел он,
судья великий,
пришел всевластный
владыка мира...

И вот прилетает
темный дракон
с темных вершин,
Нидхётг, над полем
летающий, несет
мертвых под крыльями...
Хватит! Ей время исчезнуть...*

Есть в «Старшей Эдде» и песни общегерманского происхождения — например «Песнь о Вёлунде» и песни о Сигурде и Атли. Сказание это южногерманского происхождения и наиболее известно по немецкой «Песни о Нибелунгах».

«Сказание о Сигурде Победителе дракона» представляет собой также две очень известные песни «Старшей Эдды». Многое в поведении ее героев нам может быть непонятно. Одной из героинь этих сказаний является Гудрун, смелая и гордая женщина. Едва ли с точки зрения современного человека возможно объяснить, почему Гудрун беспощадно мстит за братьев, которые убили ее горячо любимого мужа. Вряд ли современный человек удовлетворится объяснением, которое являлось абсолютно полным для викинга: Гудрун руководствовалась правилами поведения своего общества, и узы кровного родства были для нее сильнее уз супружества. Но это факт. И именно с этой точки зрения современному человеку следует воспринимать древнюю литературу. Ни в коем случае нельзя называть Гудрун жестокой детоубийцей. Надо помнить, что несчастная мать вынуждена пойти на этот шаг, чтобы спасти честь своей семьи. Именно с точки зрения древнего общества и стоит читать древнюю «Эдду», а не оценивать ее как современную прозу.

---

* Пер. В. Тихомирова.

Вся древнесеверная литература подчинялась определенным правилам — как смысловым, так и композиционным. Правила поэзии и пересказ древнескандинавской мифологии содержатся в «Младшей Эдде», принадлежащей скальду и писателю Снорри Стурлусону (1178—1241). Помимо изложения мифов в «Младшей Эдде» есть множество стихотворных иллюстраций из «Старшей Эдды», отрывков скальдической поэзии и образцов стихотворных размеров, сочиненных самим Снорри.

До сих пор ученые не знают, что собственно значит слово «Эдда». По одной из версий, это производное от названия хутора Одди, на котором вырос Снорри Стурлусон. По другой — слово обозначает «древность». Третья же гипотеза возводит слово «Эдда» к древнеисландскому слову «odr», которым иногда обозначается сама поэзия.

Еще одним жанром древнесеверной литературы были саги — прозаические рассказы об истории Скандинавских стран. Слово «сага» означает «сказ», местный рассказ о запомнившихся событиях. Однако в Исландии местные саги вышли за пределы своей «родины» и распространились по всей Скандинавии. Теперь это — достояние всех скандинавов и мировой литературы.

В истории Исландии есть даже особый период — век саг, — который продолжался с 930 года, года установления народовластия, и до 1030 года. Именно в век саг произошло большинство событий, описанных в сагах. Это было время национального и культурного подъема, период процветания Исландии, заселения и освоения страны.

Саги существовали в устной традиции и передавались из поколения в поколение, пока не были записаны в XII—XIII веках.

В основе почти каждой саги лежит распря — кровавый конфликт, который постепенно вовлекает в колесо событий больше количество людей. Распри, по сути дела, были единственными стоящими событиями, о которых, по мнению исландцев, стоило писать, поскольку распри представляли серьезную угрозу существованию всего общества, и пресечь их было невозможно:

распря должна была исчерпать себя, то есть дело непременно заканчивалось мезтью.

Невозможно точно выяснить, насколько правдивы саги, но, по-видимому, главные герои саг и их действия все-таки историчны, ибо они часто упоминаются в других древнеисландских источниках, чья достоверность не вызывает сомнений.

«То сложившееся представление о сагах, как о скучном чтении для интеллектуалов, как о своеобразных фольклорных текстах, которое отпугивает читателя, совершенно ложно, — писала лауреат Нобелевской премии Сигрид Унсет. — Восприятие древней литературы — и в частности, народных баллад — романтиками всегда было связано с понятием “души народа”.

Саги не могли возникнуть ни в каком ином месте и обществе, кроме как в обществе свободных людей, которые с любовью обрабатывали свою землю. Но скудость этой земли заставляла их отправиться в Европу в качестве купцов, викингов, а под конец — пилигримов и учеников... То есть все саги в результате оказываются созданы самим духом Севера.

Некоторые из них записаны учеными людьми и большими художниками слова — например, самым известным из них — Снорри Стурлусоном. Другие созданы высокоодаренными людьми, которые смогли придать своим сочинениям черты высокого трагического пафоса или грубоватого юмора и буквально влюбить читателей в созданных ими великих личностей и вызывающих уважение героев. Третьи не так хороши.

В сагах много семейных историй и местных сказаний о сильных и влиятельных людях своего времени. Но передаваемые в устной традиции саги описывают не конкретных людей и не конкретные конфликты и трагедии, а типы и модели поведения.

Таков Скарпхедин, всегда находящийся во власти своей ярости, а в конце жизни — на краю нервного срыва, от которого его спасает только смерть. Такова и история любви Кьяртана к Гудрун из “Саги о людях из Лососьей долины” и рыцарской заботы о юной девушке, которую он взял в жены для того, чтобы причинить страдания Гудрун, жене своего брата. (Возникает чувст-

во, что этот брат, всегда “номер второй” из них двоих, все-таки более постоянен в любви и ненависти, чем блистательный Кьяртан.) Такова и история о Хёрде сыне Гримкеля*, прекрасном и храбром и, тем не менее, с некоторым тайным изъяном в душе, который и определяет его судьбу — он становится хёвдингом отбросов исландского общества, и не он управляет ими, а они им.

Все эти необыкновенно глубокие психологические описания и трагедии, которые невозможно предотвратить, совершенно очевидно взяты не из вечерних рассказов стариков и старух у огня в главном доме.

Как не из этого источника происходит и неотразимое очарование увлекательнейшего, с налетом цинизма и мягким юмором, рассказа о жадности и тщеславии, следующих друг за другом по пятам, который читаем в “Саге о побратимах”.

Исландские саги созданы благодаря встрече людей, живущих в очень тяжелых условиях, с культурным потоком, который в свое время был характерен для всей Европы.

Когда североевропейские страны приняли христианство, все изменилось. Молодые люди, принявшие новую веру и желавшие служить ей в качестве священников, должны были непременно изучить католические церковные книги и научиться пользоваться ими. Они отправлялись на обучение в Англию, или Италию, или Германию, или Францию. Так, знаменитый Сёмунд Мудрый** учился в Париже и в своей усадьбе в Исландии основал школу, в которую ходил и Снорри Стурлусон. Большое количество юношей, которые и не думали становиться священниками, посещали эти церковные или — позднее — монастырские школы. Первое время, естественно, они писали на латыни. (Самые древние норвежские предания и знаменитая датская хроника написаны на латыни.)».

Но истинной удачей для северных стран была *поздняя* христианизация, ибо произошла она в то время, когда все христианские европейские страны вдруг ста-

---

* Речь идет о «Саге о Хёрде и островитянах».

** Сёмунд Мудрый — один из самых ученых людей своего времени, ему приписывают один из вариантов «Старшей Эдды».

ли писать на своих родных языках и на этих же языках стали создавать национальные литературы.

А исландцы в те времена еще сохранили живые воспоминания о своем прошлом, о заселении Исландии, когда к ее берегам прибыли независимые представители норвежского народа. Эти мужественные люди оставили свою страну потому, что не захотели принять законов, навязанных королем, вместо тех норм и правил, которые они учредили сами и в которых учитывались понятия чести, справедливости и равноправия, — как это было принято у жителей Севера, сведущих в морских путешествиях, с незапамятных времен.

И полученные в латинских школах знания были употреблены для записи на пергаменте песен о северных богах и героях, научных трактатов и саг, в которых рассказывается обо всем на свете, начиная с истории северных стран, более или менее правдивых историй о прошлом, до совершенно сказочных и романтических историй общеевропейского «круга» — преданий о Мерлине* или легенды о Тристане и Изольде.

Самое замечательное в том, что исландские родовые саги живы до сих пор. Они — современницы французских и немецких рыцарских романов, и действие в них происходит в средневековом обществе, давно исчезнувшем, но страсти и конфликты, описываемые в сагах, типичны для людей всех времен, для самой человеческой природы.

Внутри обществ с разной структурой конфликт может выражаться по-разному, но в основе его всегда лежат одни и те же чувства и движущие силы человеческой души.

«Постоянно возникающий в сагах мотив — конфликт между желаниями и наклонностями человека и его убеждениями, между его совестью и моральными запретами общества, — писала С. Унсет. — Конфликт этот нельзя назвать типичным лишь для языческого общества викингов, ибо многие саги записаны монахами в исландских монастырях или в миру, но духовными лицами.

---

* Имеются в виду истории из цикла легенд о короле Артуре и рыцарях Круглого стола.

Северные народы серьезно относились к новой вере и особенно к ее “интеллектуальной” составляющей. Но они жили в обществе, чья структура и мораль продолжали оставаться “дохристианскими”. И основным постулатом этой морали была верность роду.

Современный человек может подумать, что это строго организованная система кровного родства, в которой неудачники и несчастные, старые и больные члены семьи находились под защитой и покровительством более могущественных родственников, в которой слава и известность одного члена становилась славой или известностью всего рода, — что эта система давала индивиду ощущение уверенности и постоянно возрастающей радости жизни.

Но саги описывают совсем иное.

Почти во всех без исключения сагах эта зависимость личности от законов рода приводит мужчину или женщину, чьи интересы были затронуты, к несчастью, или трагедии, или осмеянию.

Саги повествуют о вечном конфликте поколений — отцов и детей, — которые не понимают или презирают друг друга, о ссорах и против воли заключенных союзах между братьями или другими родичами, у которых нет ничего общего, кроме обязанности блюсти интересы семьи, о замужних женщинах, которые чувствуют себя в одинаковой степени обязанными хранить верность как мужу, так и отцу и братьям, и в ситуации, когда возникает распря между собственным родом женщины и родом ее мужа, ее положение оказывается трагическим.

Верность семье заставляет каждого ее члена принять участие в кровавых расправах, которые вовсе не являются признаком беззакония, но которые стали единственным способом осуществить возмездие в обществе, где очень хорошо разработаны механизмы принятия законов и вынесения решений суда, но не существует самой системы приведения вынесенного на тинге приговора в исполнение.

Человек, который выиграл дело, должен был сам выполнить решение суда, а для этого ему требовалась помощь всей семьи.

Этот долг по отношению к роду заставлял честного человека совершать множество поступков, с его точки зрения, абсолютно несправедливых, которые противоречили его новой христианской религии. И многие члены рода переживали душевные страдания, ибо не могли отказаться от выполнения своего долга перед семьей.

Постоянно повторяющийся мотив — выбор, встающий перед справедливым и миролюбивым человеком, главой рода и хёвдингом области, который мечтает лишь о выполнении законов в своем маленьком королевстве и пытается помочь всем зависящим от его решения завершить распрю мирным путем.

Но у него оказывается брат, или сын, или племянник — грубый или агрессивный, ворчун или сутяга, — который разъезжает по стране, оскорбляет и убивает всех, кто по тем или иным причинам вызвал его неудовольствие.

Добрый и миролюбивый родич пытается наставить его на путь истинный, переубедить и уговорить. Но он не может отказать задире в праве получить от рода поддержку, даже если ему самому приходится насиловать себя, совершая неправо дело и помогая виновному отомстить безвинному человеку.

Поскольку главным конфликтом в сагах является вечный конфликт между совестью индивида, с одной стороны, и законом и моралью общества, в котором он живет, — с другой; поскольку некоторые из саг рассказаны с таким мастерством, — я считаю, что именно замкнутое пространство и немногочисленность древнеисландского общества подчеркивают основные мотивы жизни человека, которые в не меньшей мере характерны и для нашего западного мира, построенного на принципах религиозного отношения к жизни, не важно какого — христианского или языческого».

Бывают как саги о простых людях, так и саги о королях. Последние объединены в еще одной книге Снорри Стурлусона — «Круге Земном», или «Хеймскрингле», — «обзоре истории» норвежских королей с мифических времен до современных автору дней. Каждому королю посвящена отдельная сага. Произведения выстроены в хронологическом порядке.

В истории Исландии и всей Скандинавии Снорри Стурлусон фигура очень заметная. Большинство современных людей он воспринимается прежде всего как скальд, но именно Снорри возглавлял одну из «партий», боровшихся за власть в Исландии, и даже фактически правил страной с 1220 по 1235 год.

Происходил Снорри из очень древнего и могущественного рода Стурлунгов. Он родился и вырос на хуторе Одди на юге Исландии в богатом семействе и получил прекрасное образование — естественно, по тем временам.

Снорри добился многого в жизни. Он дважды избирался законоговорителем и являлся одним из самых уважаемых людей в стране. Он был необыкновенно умелым посредником и жестоким политиком. Ему удалось улаживать многие конфликты, и именно его направили в 1218 году в Норвегию на переговоры с норвежскими хёвдингами и конунгом. Переговоры продлились два года и закончились вполне успешно: Снорри добился заключения мирного договора с Норвегией, которая как раз собиралась напасть на Исландию, чтобы отвоевать право норвежских купцов свободно там торговать. Да-да, не удивляйтесь: из-за купцов и торговых привилегий часто случались войны, ибо речь шла о самом главном для государей и стран — деньгах и капиталах. Снорри все уладил и вернулся в страну победителем.

Но не стоит думать, что Снорри был совершенно ангелоподобным политическим деятелем, да такое вряд ли вообще возможно. Человек самых разнообразных талантов, он оказался абсолютным «профаном» в военном деле и отличался алчностью и беспринципностью даже по отношению к своим близким родственникам. Ему ничего не стоило развестись с первой женой, чтобы заключить более выгодный с политической и «денежной» точки зрения брак. Своих дочерей он выдавал замуж только исходя из собственных интересов и нимало не интересовался их желаниями и сердечными склонностями.

И вместе с тем он был великим скальдом и писателем. Именно благодаря ему мы знаем многое о мифах

Севера, о стихосложении скальдов, об истории норвежских конунгов и об истории Скандинавии того периода в целом.

Жизнь свою Снорри закончил трагически.

Его племянник, Стурла Сигватсон, в 1235 году был назначен норвежским конунгом своим наместником. Стурла немедленно ринулся в бой, нарушил заключенное дядей соглашение и развязал гражданскую войну. Речь шла о подчинении Исландии норвежскому королю. В решающем сражении в 1238 году погибло много родственников Снорри. Сам же Стурлусон находился в это время в Норвегии и ничего не знал о происходящем в Исландии, ведь в те времена новости передавались и распространялись с большим опозданием.

Когда же Снорри все-таки узнал о гибели родичей, то немедленно отправился домой, нарушив приказ короля. И едва король узнал об этом, он тут же велел одному из своих людей в Исландии выслать непокорного скальда в Норвегию. Но этот человек конунга оказался бывшим зятем Снорри и, испытывая к нему самые злые чувства, вместо высылки тестя ворвался к нему в дом и убил великого историка и скальда.

В заключение рассказа о судьбе Снорри Стурлусона остается добавить, что Исландия все же была подчинена Норвегии в 1262 году, когда был заключен договор, по которому норвежский конунг отвечал за мир и порядок в стране, а исландцы, в свою очередь, обязались вечно платить ему налог.

Но вернемся к «Кругу Земному». Название это собранию саг о королях дал его первый издатель. Неизвестно, как именовалось это произведение в оригинале.

«Хеймскрингла» принадлежит к жанру «королевских саг», то есть древнеисландских саг, в которых рассказывается о событиях не в Исландии, а в тех Скандинавских странах, где, в отличие от Исландии, правили короли, и прежде всего — о событиях в Норвегии. Автор «Круга Земного» рассказывает историю королей очень сдержанно и даже отстраненно, не комментирует события, но те сами конкретизируются в действиях и словах отдельных лиц и изображаются очень живо и ярко.

Если в родовых сагах рассказывается история отдельного рода, хотя и очень полно, то в «Круте Земном» речь идет об истории государства, конунге и его правлении. И тем самым «королевская сага» приближается к истории в большей степени, чем сага родовая, поскольку история как наука предполагает выборочное описание действительности в наиболее полном ее охвате, а не рассказ, хотя бы и подробный, об одной отдельно взятой семье.

Другим жанром древнеисландской литературы являлась скальдическая поэзия*. Сочиняли ее, как явствует из названия, поэты-скальды.

Почти все дошедшие до нас скальдические висы — скальдические стихотворения — сохранились в виде вкрапления в саги — как родовые, так и королевские. Произошло так потому, что виса — это не текст в современном смысле этого слова, ибо она практически ничего не сообщает о конкретном событии. И если для слушателей скальда герои висы были легко узнаваемыми людьми**, а о событии не было необходимости сообщать всю информацию, но лишь часть ее, для воспроизведения картины целого, то для современного слушателя висы нуждаются в комментариях.

Именно поэтому при записи саг в XIII веке было необходимо объяснять, когда и в связи с каким событием была сочинена та или иная виса. В противном случае возникала опасность неправильного толкования строфы.

• • •

Произведения искусства древних скандинавов, дошедшие до нас, отличает глубокая связь между функционально обусловленной формой предмета и его богатым декоративным оформлением. Представления о реальном мире и природе у жителей Севера сливались

---

* О скальдах и их поэзии рассказывается в главе «Скальды, пророчицы и руны».

** Все события, о которых повествовалось в висе, происходили буквально «на глазах» слушателей, а потому о них не было нужды говорить особо.

с представлениями мифологическими, где миром правили асы.

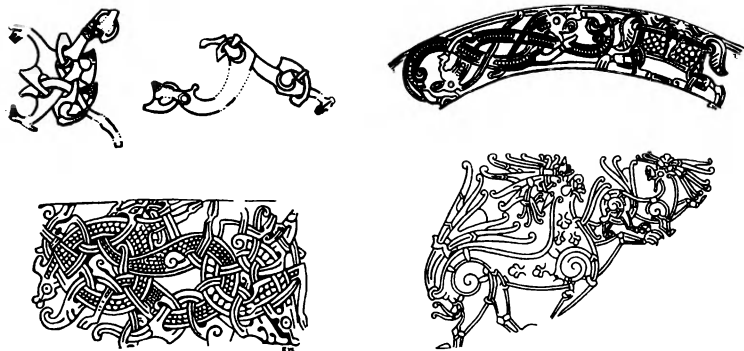
Образы богов воплощались в идолах, сделанных в человеческий рост и выше, но довольно часто находят и маленькие фигурки богов, вырезанные из камня или отлитые искусными мастерами-кузнецами. Возможно, они восходят к бронзовым статуэткам, впервые появившимся в первых веках нашей эры.

Особенно значимыми для искусствоведов, настоящим «подарком» для них, стали находки в курганах, прежде всего в Усебергском, где были обнаружены удивительные предметы и, как мы помним, корабль, украшенный деревянной резьбой великолепной работы. Эти находки дают возможность представить, какими удивительными мастерами были норманны и сколь прекрасно было их искусство. Этот так называемый усебергский «погребальный инвентарь», а именно — резные сани, кровать, повозка и многие другие вещи ученые считают неопровержимым доказательством высокого уровня развития искусства викингов.

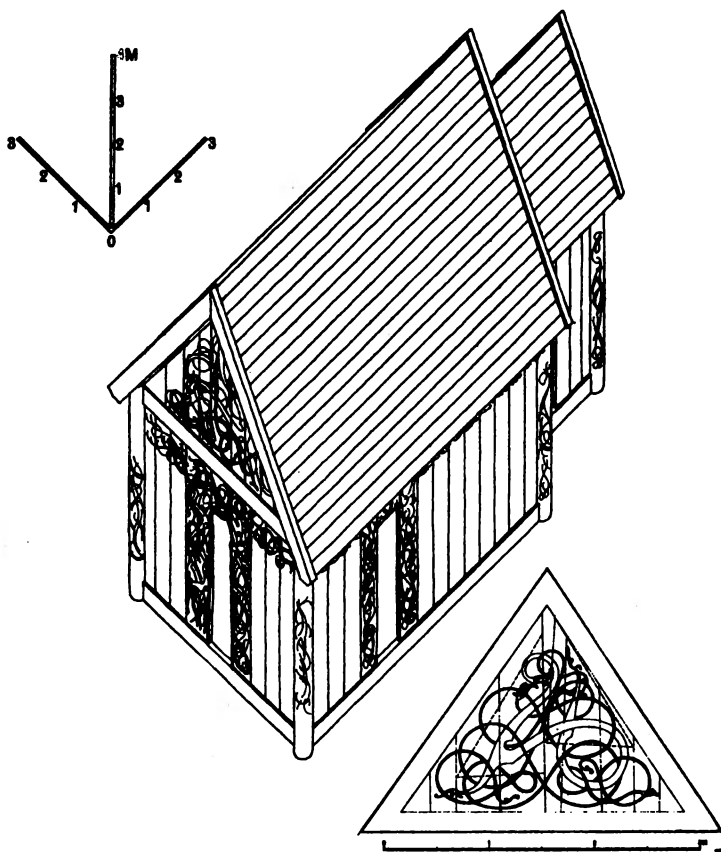
Искусствоведы неоднократно писали, что декоративное оформление предметов культа, домашнего обихода и оружия делалось не столько ради красоты как таковой, сколько из-за определенных религиозных и мировоззренческих убеждений. Рационалистические представления о природе сливались с представлениями мифическими, в которых миром управляли грозные и могущественные силы.

Богатой резьбой покрывались бытовые вещи, ювелирные изделия, оружие, боевые корабли и стены жилищ. Чаще всего украшенные резьбой вещи красились в какой-нибудь яркий цвет — белый, красный, черный, зеленый или коричневый.

Растительные мотивы, почерпнутые из франкского искусства, и образы «каролингского льва» в скандинавском искусстве эпохи викингов сливаются с характерным для него ленточным плетением и звериным орнаментом. Однако, несомненно, в искусстве норманнов прослеживаются и англосаксонское, и ирландско-шотландское, и кельтское влияния.

Декоративные стили времен викингов.

Реконструкция ставкирки из Урнеса. XII в.

В IX—X веках в скандинавской орнаментике появляются новые элементы западноевропейского искусства, а в позднем викингском стиле находят широкое распространение образы «большого зверя», полностью заполняющие своими сплетающимися драконьими телами плоскость изображения и вытесняющие звериный орнамент.

Вообще в Скандинавии до начала христианизации в орнаментике преобладали условные схематизированные образы, прежде всего зверя, змея и коня.

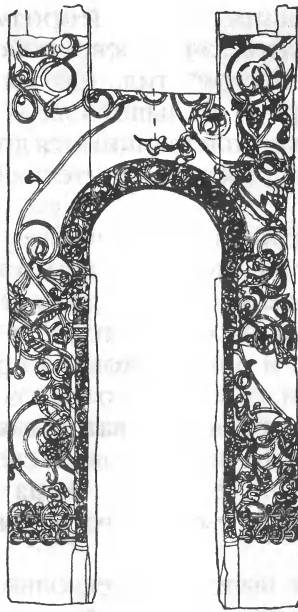
Иногда кажется, что викингские вещи так плотно покрыты резьбой и орнаментом, что рассмотреть его отдельные детали совершенно невозможно. Однако это не так. Чтобы расшифровать сложный звериный орнамент, следует начать с головы и следовать по изгибам тела зверя до конечностей. Тогда неожиданно вы увидите настоящего изогнутого в прыжке красавца-зверя.

Искусствоведы выделяют несколько стилей орнаментального искусства древних скандинавов. Это стиль Усеберга (по найденным в Усеберге вещам), стиль Борре (по находке в одном из курганов Норвегии), стиль Йеллинге (по находке в кургане в Дании).

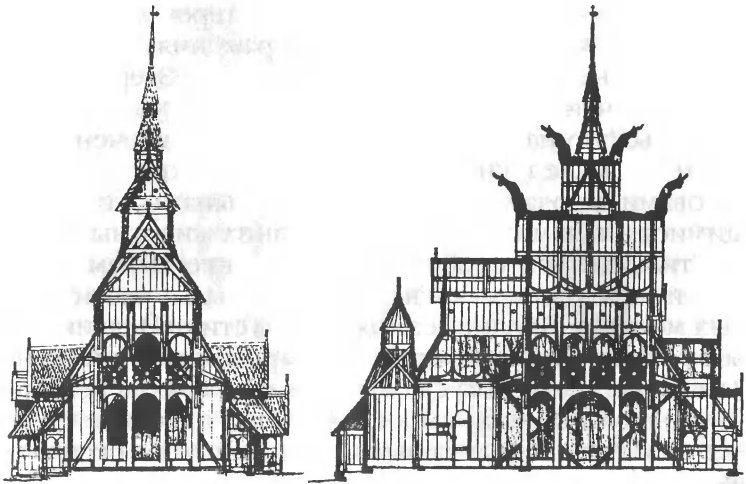
Для стиля Усеберга наиболее характерен «зверь хватающий», а для стиля Борре — изображения животных, обращенные головами к середине вещи. «Зверь хватающий» почти реалистичен и узнаваем. Фигуры показаны рельефно над плоской поверхностью и очень похожи на маленьких кошек с сильно повернутыми головами, мордами и туловищами, с лапами, сплетающимися с лапами и хвостами соседних животных.

Стиль Йеллинге характеризуется сплетением мощных и исполненных силы тел животных и растительных мотивов. Вполне возможно, что стили Йеллинге и Борре являются возрождением старых традиций скандинавского искусства с новыми западноевропейскими элементами. Из них «выросли» стили Рингерике и Урнес со змеевидными зверями, грациозными и бесплотными.

Отдельно выделяется и стиль рунических камней — с малым количеством рисунков, окрашенных в яркие

Резной портал ставкирки из Урнеса. XII в.

Реконструкция ставкирки из Согна. XIV в.

цвета, переплетающихся с памятными и сакральными надписями. Для этого стиля характерны извивающиеся лентообразные драконы и змеи.

Развиваясь от мотива «зверя хватающего» усебергской резьбы через звериные маски и вычурные формы животных стиля Борре (вторая половина IX—X век) и от более натуралистических переплетающихся тел драконов стиля Йеллинге (конец IX — начало XI века), звериный орнамент достигает вершины в порталах норвежских ставкирок — деревянных церквей.

В истории скандинавской средневековой архитектуры различают три типа церквей:

собор — прежде всего Нидаросский в Тронхейме, который построен по английским образчикам готической архитектуры в XII веке;

каменные церкви простых геометрических очертаний, состоявшие из двух приделов;

наконец, наиболее интересные по архитектуре деревянные (из вертикально установленных, а не горизонтально уложенных, как в русских деревянных церквях, бревен) церкви, порталы которых покрыты красивейшей резьбой — так называемые *ставкирки*.

Первые восемьсот деревянных церквей были построены в XI веке в честь (и в результате) победы христианства в стране. Тридцать из этих церквей сохранились.

Стены, как говорилось выше, сделаны из поставленных вертикально и пропитанных смолой бревен. Большие столбы вкапывались в землю на расстоянии двух метров друг от друга. Стволы покрупнее распиливались на толстые доски, которые крепились к бревнам горизонтально. Главными «врагами» церквей были время и гниль: зарытые в землю части бревен, несмотря на пропитку смолой, начинали гнить.

Туристы часто сравнивают эти норвежские христианские храмы с китайскими пагодами, и они, безусловно, правы: изогнутые крыши, мифологические персонажи, притаившиеся на фронтонах, замысловатые узоры на балках невольно наталкивают на такие сравнения.

На фасадах изображались не только сцены из библейской истории, но и из древнескандинавской языче-

ской мифологии, что свидетельствует о переплетении и мирном существовании в культуре конца эпохи викингов элементов язычества и христианства.

Окон в ставкирках нет. Свет проникает через небольшие вентиляционные отверстия в верхней части стен.

Первоначальная планировка ставкирок была очень простой: квадратный алтарь, прямоугольный неф и — в больших церквях — боковые приделы. Вертикальные столбы в центральной части служили для поддержания крыши.

Хотя ставкирки считаются скандинавским, вернее, норвежским «изобретением», некоторые ученые полагают, что впервые они «родились» в англосаксонской Британии. В подтверждение этой гипотезы приводят тот факт, что самая ранняя такая деревянная церковь существует в Гринстеде в Эссексе, а первые христианские священники прибыли в Норвегию из Англии и Ирландии.

ОДЕЖДА И УКРАШЕНИЯ

Викинги были в среднем на 10 сантиметров ниже современных людей. Рост мужчины составлял 172 сантиметра, а женщины — 158—160 сантиметров. Разумеется, отдельные личности могли быть значительно выше. Так, встречаются захоронения викингов, рост которых достигал 185 сантиметров. Кроме того, археологи доказали, что знатные люди в эпоху викингов были намного выше своих рабов, что объяснялось разным «качеством жизни» господ и слуг.

Изначально одежда обитавшего в северной части древней Скандинавии народа (мужчин и женщин) состояла из коротких меховых курток и штанов, мехового же головного убора и меховых сапог и перчаток.

Жившие на юге племена одевались, вероятно, по германскому образцу: в меховой плащ и куртку, сшитую из двух шкур. Для украшений пользовались янтарными бусами и зубами животных.

Оружие и посуду делали из кремня, костей, рога и тому подобного материала.

Одежду шили из домотканой материи, но иногда и из тканей, которые привозили викинги.

Женщины носили свободное платье-рубаху с длинными широкими рукавами, а сверху надевали верхнее платье-сарафан с незащитыми боками, бретели кото-

рого закреплялись на плечах парными фибулами-брошами, а на талии такой сарафан иногда перехватывался поясом.

В те времена еще не знали пуговиц и в качестве застежек использовали различные булавки, пряжки и броши. Во многих домах одежду каждое утро зашивали у ворота и рукавов.

На плечи обычно набрасывалась шаль, заколотая брошью. Среди норманнских женщин особенно были распространены скорлупообразные, кольцевидные и трехлепестковые фибулы. Основным материалом для ювелирных украшений эпохи викингов была бронза, нередко позолоченная и частично покрытая оловом или серебром. Золото — более редкий материал для «викингских» украшений.

Замужние женщины покрывали голову платком.

Мужчины одевались в короткую туннику, облегающие штаны, завязывающиеся при помощи тесемок на талии, и плащ, который закреплялся фибулой на правом плече, чтобы не стеснять движений в бою и иметь возможность в любой момент беспрепятственно обнажить меч. На талии носили кожаный ремень, часто с пряжкой и наконечником из металла.

На ногах у норманнов были башмаки из мягкой кожи, которые завязывались ремнями на икрах.

Платья скандинавов эпохи викингов — особенно парадные — отличались необыкновенной роскошью. Исландец Эгиль Скаллаgrimсон получил на праздник середины зимы в подарок от одного родственника шелковый плащ, доходивший ему до пят, весь вышитый золотом и сверху донизу усаженный золотыми пуговицами. Индриди, богатый бонд из Тронхейма, всякий раз, отправляясь к королю, Олаву сыну Трюггви, одевался в красное суконное платье; на правую руку надевал тяжеловесное золотое обручье, на голову — шелковую шапку, вытканную золотом и обитую цепочкой из того же металла.

Как рассказывается в «Саге о йомсвикангах», платье одного ярла ценилось в 20 марок золота. Только на его шляпе было на 10 марок золотого шитья. На судьбу этого ярла сделал набег викинг Буи Толстый и разгра-

бил дом, где хранились драгоценности ярла: он взял два ящика, набитых золотом, добытым в набегах.

Как мы уже знаем, женщина занимала особое положение в норманнском обществе. Она оставалась главным человеком в усадьбе, когда муж отправлялся в викингский поход. И символом власти хозяйки двора была связка ключей, которую носили на поясе.

В дохристианское время, то есть в эпоху викингов, носили платье из шерсти и льна. Сохранились образцы одежды этого периода из ткани, вырабатывавшейся из животного волоса и растительных волокон. Встречалась грубая ткань (*флоки*) и нарядная, называвшаяся *вадмал*, а также темнополосатая ткань *моренд*.

Благодаря морским походам викингов скандинавы познакомились с роскошными иностранными материями. Дорогие ткани привозились также из России.

Мужчины носили преимущественно серое, коричневое или черное платье с белой или зеленой обшивкой, а женщины предпочитали более яркое. В раскопках, относящихся ко времени до эпохи викингов, найдены: туникообразная куртка с длинными рукавами, штаны с пришитыми к ним чулками и нашитыми в верхней их части петлями для продевания в них пояса.

В шлезвигских и ютландских раскопках найдены еще: полукруглый плащ из похожей на плюш материи; держащаяся на наплечниках рубаха из грубой шерстяной ткани, спускающаяся ниже колен и опоясанная длинным кожаным ремнем, шерстяные бинты и полосы, служившие для обматывания ног, кожаные башмаки на шнурах и две шапки из грубой шерсти полукруглой и цилиндрической формы.

Из северных саг и песен, охватывающих период с XI по XIII век, мы узнаем о вошедшей тогда в употребление одежде. Костюм мужчин состоял из рубахи, штанов, различных курток и плащей, носков, чулок, башмаков и шляп. Довольно узкая рубаха (*myrta*), с коротким грудным разрезом и длинными рукавами, облегалась плотно шею, и ею ограничивались в домашнем обиходе. Шилась рубаха из полотна, а для конунгов и из шелковой материи; очень часто по краям делались всевозможные вышивки.

Штаны шились из полотна, сукна и мягкой кожи; поддерживались они поясом из кожи или из одинаковой со штанами материи. Длинные, зауженные книзу, штаны назывались *брокер*; с ними носили длинные носки и чулки. Башмаки состояли из куска кожи или шкуры, привязывавшегося к ноге ремнем.

В теплое время надевали куртки из шерстяной материи, в холодное время — из меха. Очень короткую, едва прикрывавшую бедра куртку носили представители среднего и низшего сословий.

В XI веке мужчины, подчиняясь общеевропейской моде, стали появляться в зашнурованных сбоку длинных куртках со шлейфами; длинные рукава этих курток привязывались посредством шнуров к плечам. Эти куртки шили из двухцветного сукна, рукава их отличались богатыми отделками. Опоясывались знатные люди широкими металлическими поясами из отдельных подвижных частей, украшенными пряжками, драгоценными камнями и зубами животных. На приделанной к такому поясу короткой цепочке висел нож или меч. На ноги надевались чулки с дорогими подвязками и доходившие до половины икр башмаки.

Плащи шили с капюшонами и длинными рукавами. С IX века они наглухо застегивались. К ним приделывалась часто маска из материи для защиты лица от холода.

Встречались также плащи, снабженные только прорезями для рук (*олта*), изготовлявшиеся из волчьей и медвежьей шкуры для походов. Были еще куртки с прикрывавшим шею воротником (надо полагать, из кожи), называвшиеся *биулфи* и также служившие только для походов.

Фалдонами назывались плащи из меха или шерсти, которые накидывались на плечи.

Рыбачий плащ, который натягивался через голову и походил на мешок, был с обеих сторон открыт и снабжен завязками.

В праздники носили плащи, изготовленные из тонкой шерстяной или шелковой материи и украшенные вышитыми бордюрами. Из шелка шили также плащи, застегивавшиеся на плече, причем и они украшались вышивкой или мехом.

Мужчины очень любили красиво одевать своих жен и дочерей согласно их достоинству и происхождению. Бывали отцы, находившие это столь важным, что, выдавая дочь замуж, заключали о том особенные условия, подобно исландцу Освивру. При обручении своей дочери Гудрун с Торвальдом сыном Халльдора он, в числе разных условий, выговорил для нее такое количество платьев, которое было и у других женщин равного с ней происхождения и состояния. Торвальд обещал невесте, что ни у одной женщины не будет таких прекрасных нарядов, как у нее. Гудрун же после свадьбы обнаружила такое усердие к собиранию нарядов, что не было драгоценности в западной четверти Исландии, которой не желала бы она иметь.

Головным убором всех скандинавов была низенькая, с широкими полями шляпа, скреплявшаяся узким ремешком под подбородком и изготовлявшаяся из кожи, меха или войлока. Руки прятали в холодную погоду в больших рукавицах.

Форма одежды низших сословий, несмотря на влияния моды, оставалась все той же, как и в языческие времена. Эта одежда состояла из куртки с капюшоном желтого или зеленого цвета, из полотняных штанов, зашнурованных у ступни (если не было чулок), широкополой шляпы и кожаных башмаков.

Лишь со времени влияния иноземцев на скандинавскую одежду костюм женщин стал отличаться от мужского. Появляется длинная, иногда даже со шлейфом, рубаха с большим вырезом. Женщины бедные шили такие рубахи из холста или полотна, а богатые, носившие их дома без верхнего одеяния, из шелка с роскошными вышивками по краям, причем вырез на груди прикрывался платком.

Верхнее платье, согласно германо-франкскому обычаю, плотно прилегало в верхней части тела, расходясь книзу широкими складками. Рукава были либо очень длинные, либо коротенькие. В талии платье стягивалось шнуром или кожаным поясом. На поясе женщины носили сумочку, ножи, ножницы и ключи.

Накидками служили женщинам мужские плащи, причем в суровую погоду голова прикрывалась капю-

шоном. Пользовались женщины такими же шляпами, башмаками и перчатками, как и мужчины.

Богатые женщины нередко еще носили нечто вроде головной повязки, покрывавшей заплетенные в косы волосы и состоявшей из цветных или вышитых золотом полотняных лент. Обвитые вокруг головы, эти ленты принимали форму то шара, то сахарной головы, то какую-либо иную фантастическую форму.

Мужчины носили длинные волосы и бороду. Только свободный мужчина и непорочная девушка носили распущенные по плечам волосы: у рабов и женщин дурного поведения они обрезались.

На Севере считались красивыми одни только белокурые волосы. Довольно терпимо (с точки зрения красоты) относились к каштановому цвету волос. Рыжие же волосы были у любимого народного бога Тора. Поэтому неудивительно, что многие короли и знатные люди называются в сагах рыжебородыми.

Но черные волосы считались безобразными. В сочетании со смуглой кожей и густой бородой они служили верными «признаками» колдуна или нечестного, подлого человека. Рабов обыкновенно представляли в литературе с черными волосами и смуглой кожей. Если же все-таки черноволосого человека считали красивым, в сагах это особо оговаривалось. Так, в одной саге говорится, что Сторвирк сын Старкада был прекрасен лицом, хоть и с черными волосами.

Мужчины, как мы уже говорили выше, носили длинные волосы, однако кудри почитались приличными только на голове женщин. Норвежский конунг Магнус Голоногий сын Олава Тихого имел мягкие, шелковистые волосы, падавшие ему на плечи. У викинга Броди черные волосы доходили до пояса. В конце XII века при дворах носили волосы не длиннее, как до мочки уха, гладко зачесанные; на лбу стригли их короче.

При описании красавиц никогда не забывают упомянуть длинные шелковистые волосы. Рагнар Лодброк, славный викинг, после смерти своей любимой жены Торы решил остаться вдовцом, вверил управление королевством своим сыновьям, а сам отправился в морской поход. В одно лето он прибыл в Норвегию и по-

слал своих людей на берег испечь хлеб. Они скоро вернулись назад с подгоревшим хлебом и извинялись перед королем, говоря, что повстречали красавицу и, взглядевшись на нее, не занялись, как следовало, делом. Это была Крака, очень красивая девушка; ее длинные волосы касались земли и блестели, как светлый шелк. Она стала супругой известного викинга. Не меньшей красавицей считалась исландка Халльгерд: несмотря на высокий рост, она могла покрывать всю себя длинными волосами.

Девушки ходили с распущенными волосами; невесты заплетали их в косы; замужние, как мы уже говорили, накрывали голову повязкой, покрывалом или шапочкой. При раскопках найдены узорчатые гребни, которыми, судя по всему, часто пользовались. Среди обнаруженных археологами предметов встречаются также ногтечистки, пинцеты, красивые тазы для умывания и зубочистки.

Есть также исторические свидетельства об использовании краски для глаз как мужчинами, так и женщинами.

Ибн Фадлан оставил в 922 году следующее описание увиденных им «русов» (шведов): «Я не видел людей с более совершенными телами, чем они. Они подобны пальмам, румяны, красивы. Они не носят ни курток, ни кафтанов, но мужчины носят плащ, которым прикрывают один свой бок, причем одна из рук выходит из плаща. У каждого мужа имеются секира, меч и нож. Мечи их плоские, с бороздками, франкские. И от края ногтей до шеи у них часто есть изображение деревьев, людей и разных других вещей (татуировка. — *Н. Б.*). А на груди женщин прикреплено кольцо (фибула. — *Н. Б.*) или из железа, или из меди, или из серебра, или из золота, в соответствии с богатством ее мужа. И у каждого кольца — коробочка. Некоторые женщины носят прикрепленный к кольцу нож. На шеях у них — несколько рядов бус из золота и серебра... Самое лучшее украшение у них — это зеленые бусы из керамики».

Как от дохристианского периода, так и от Средних веков остались всевозможные украшения, резко отличавшиеся как по работе, так и по красоте от украшений

других европейских народов. Вначале на них еще было заметно римское влияние, но затем (в эпоху викингов) они являются уже совершенно самостоятельными как по рисунку, так и по исполнению. Оба пола носили браслеты, перстни и серьги, шейные и головные обручи, цепочки, булавки, пояса и пряжки.

Очень распространены были также разнообразные подвески. Основными типами подвесок являлись языческие и христианские амулеты, самым популярным из которых считался молот (молоточек) Тора.

Украшения служили не только для «улучшения» своей внешности, но были и демонстрацией богатства семьи. Они имели простые формы и, как правило, соотносились с определенной весовой системой, чтобы легко было определить стоимость такого украшения. Иногда украшения разрубались пополам или на неравные части, чтобы расплатиться за услугу или товар. Конунги одаривали своих поэтов (скальдов) золотыми и серебряными обручьями за хвалебные песни.

Викинги часто носили подковообразные фибулы на правом плече как застежку для плаща. Однако постепенно такие фибулы становились способом хранения своего богатства. Некоторые образцы таких фибул, дошедшие до наших дней, могут весить до килограмма. Булавка для такой фибулы должна быть длиной до полуметра. Само собой разумеется, что носить такую булавку было невозможно, зато в качестве эквивалента богатства и денег она была просто незаменима!

Делались украшения того времени чаще всего из серебра. Тем не менее в кладах и захоронениях встречаются и золотые фибулы, обручья и гривны.

Самая красивая гривна из золота была обнаружена на острове Зеландия близ озера Тиссё. Во время весеннего сева она накрутилась на колесную ось сеялки. Это ожерелье было сплетено из толстых золотых нитей самой высокой пробы и весило (как выяснили археологи) 1900 граммов.

Русские гривны, которые тоже часто встречаются в Скандинавии, чаще всего использовались как средство оплаты, ибо имели, как правило, стандартный вес. Од-

новременно их часто закручивали в спирали и носили как обручья.

Красоту мужчины составляли высокий рост, широкие плечи, хорошо сложенное и тренированное тело, светлые живые глаза и белый цвет кожи. Кроме того, от мужчины требовалось соблюдение приличий в манерах и поступках. Дома он должен был быть гостеприимен, на пирах весел, на тинге красноречив, к друзьям щедр, готов на отпущение врагам, расположен помогать родне и друзьям, отнимать богатство у врагов, храбр и отважен в каких бы то ни было случаях. И еще он должен был хорошо управляться с оружием.

Боевой наряд скандинавов в прежние времена был довольно прост. Доспехом служила жесткая войлочная куртка, обшивавшаяся (по всей вероятности, в позднейшее уже время) металлическими кольцами и пластинками.

Шлемами пользовались сначала, как и у всех германских племен, только предводители. На одной из поясных пряжек нашли изображение шлема с забралом и шейным щитком. На другой такой пряжке (приписываемой периоду викингѳв) изображен шлем, украшенный двумя обращенными одна к другой птичьими головами, сидящими на длинных шеях.

Щит воинов древних времен был круглый или продолговатый.

В XII веке вошли в употребление кольчужные панцирные рубашки с капюшонами, штанами и перчатками.

Оружие было такое же, как и у других германских народов. Во-первых, характерный короткий, отточенный только с одной стороны, гибкий германский меч или длинный нож (длина лезвия — 44—76 сантиметров), называвшийся *скрамасакс* (или *сакс*); затем длинный, прямой, плоский и обоюдоострый меч (наследник древнеримского меча — *спаты*), топор, металлическое и колющее копья и лук со стрелами.

• • •

До XI столетия скандинавскую одежду носили и даны; впрочем, датчане отдавали предпочтение черной одежде; даже на больших празднествах знатные датчане появлялись в черном шелковом одеянии. Поэтому у

современных эпохе хронистов датчане называются всегда «черными». Позднее появилась и цветная одежда, и во время высадки данов в Англию на них видели белые и красные куртки.

Укрепившись в завоеванной стране и приняв христианство, датчане отказались от скандинавской одежды и облеклись в англосаксонскую.

Военным нарядом датчан был кожаный доспех, со вставленными внутрь металлическими пластинами, крепившимися к кожаному верху металлическими заклепками.

Высокий, полусферический шлем с металлическим наносником надевался на гладкий капюшон.

Почти всегда окрашенный в красный цвет щит был либо круглой, либо полулунной, фригийской формы. Вожди носили белые щиты с расписанными на них знаками-эмблемами. Эти красные, голубые, желтые и зеленые фигуры на щитах нельзя еще считать собственно гербами, но их можно рассматривать как первообразы таковых.

Оружием датчанам служили обоюдоострый меч, секира, двойной топор и лук со стрелами.

ХРОНОТОП ВИКИНГОВ

Время и пространство — определяющие параметры существования мира и основополагающие формы человеческого опыта. Отношения «время — пространство» в их неразрывной связи М. М. Бахтин называл «хронотопом».

В сознании викингов пространство и время выступали не в виде нейтральных координат, а в качестве могущественных таинственных сил, управляющих всеми вещами, жизнью людей и даже богов. Поэтому время, как и пространство, могло быть для средневековых людей добрым и злым, благоприятным для одних видов деятельности и враждебным для других.

Мир викингов, их жизненное пространство, делился на «свой» — освоенный, предсказуемый и понятный — и «чужой» — внешний, неосвоенный, непредсказуемый мир, в котором живут силы, с трудом или вовсе не подвластные человеку, — боги, другие мифологические существа и умершие предки. Человек в аграрном обществе еще не отделен от мира природы, и в модели его мира категории пространственные переплетаются с категориями социальными, а мир осознается как «совокупность дворов, населенных людьми, богами, великанами и карликами» (А. Я. Гуревич).

Свои знания о реальном комплексе знаний и представлений о мире, природе, географическом прост-

ранстве, существовавших у древних скандинавов, мы черпаем, как и прочие сведения, из саг и мифов.

Так, из саг известно, что первый вопрос, который задают новому человеку, — это его имя и место жительства. Упоминание в сагах любого лица, даже совершенно случайного персонажа, сопровождается указанием на его происхождение: чей он сын и откуда он родом. Это касается не только людей: в рассказах о богах и великанах всякий раз сообщается, где расположены их усадьбы и как они называются.

В основе всех этих сообщений лежит твердое убеждение в том, что и человек, и бог должны владеть усадьбой. Место жительства настолько прочно срослось с его обитателем, что одно не мыслится без другого. Полное имя человека состоит из его собственного имени и названия двора, в котором он живет.

Пространство в саге существенно отличается от пространства мифа, «чужого мира», в котором пространство существует как отдельные куски, из которых невозможно составить картину мира. Чаще всего такими «кусками» являются либо место какого-то действия, как, например, поле Вигрид, на котором боги должны сразиться со своими противниками, когда наступит конец света, либо чья-то усадьба. Однако местности, упоминаемые в мифах, никак не определены по отношению друг к другу и миру в целом. Очень часто в мифе нельзя понять, где находится та или иная усадьба богов. Так, Асгард, в соответствии с «Младшей Эддой» Снорри Стурлусона, находится не то на земле, не то на небе.

В сагах же, которые характеризуют прежде всего мир реальный, «свой» мир, пространство всегда цельно и «связано». Неопределенность нахождения того или иного географического объекта невозможна. В сагах всегда упоминаются реальные усадьбы, горы и долины, названия которых можно увидеть даже на карте современной Исландии.

Особо надо отметить замкнутость пространства для древних скандинавов, особенно исландцев. Скандинавия для них — это центр мира, вокруг которого расположены все остальные страны. Так, наречие «utan» обо-

значает одновременно и «снаружи», и «из Исландии (Норвегии, Дании, Швеции)».

Контраст Скандинавия — не Скандинавия находит свое отображение и в мифе (Мидгард — Срединный мир и Утгард — Внешний мир), и в противопоставлении в скандинавском праве двух категорий двора, земель — «в пределах ограды» (*innangardr*) и «за оградой» (*utangardr*).

Особенно наглядно этот контраст «свое — чужое» виден в Исландии. С особой замкнутостью локального пространства (универсума) для древних исландцев связана даже их ориентация внутри страны. Неоднократно исследователями указывалось на несовпадение частей света в Исландии и Европе. Простое объяснение этому странному на первый взгляд факту дал ученый Э. Хауген. Он установил, что в сагах присутствуют разные способы ориентации. Первый связан с описанием плаваний в открытом море, основан на достаточном точных наблюдениях звездного неба и отражает реальные направления по отношению к частям света. Обозначения *nordr*, *sudr*, *vestr* и *austr* совпадают в этой системе с реальными направлениями севера, юга, запада и востока. Совсем иначе обстоит дело с ориентацией на суше и при каботажных плаваниях. Здесь вступает в действие вторая, исторически сложившаяся система ориентации, связанная с традиционным делением Исландии на четверти. Направление движения определяется не относительно частей света, а относительно центров каждой из четвертей, как центров ориентации. Поэтому при поездке, например, из западной четверти Исландии в северную реальным было направление на северо-восток или, в некоторых случаях, на восток, но обозначалось направление всегда как северное, поскольку человек попадал в северную четверть.

Характерной чертой древнеисландской ориентации была и ее соотнесенность с морем, что также объясняется исторической традицией и самим географическим положением Скандинавии и особенно, опять же, Исландии. Исландия — островная страна, которая могла поддерживать до недавнего времени связь с внешним миром только по морю. Море, кроме того, —

источник жизни, ибо, по образному выражению Халдора Лакснесса, «нет бога, кроме рыбы». Именно поэтому древние исландцы так часто определяли свое местоположение и пребывание относительно моря.

Представления о мире как о замкнутом, локализованном универсуме подтверждают и топонимы — географические названия населенных пунктов. Реальные поселения скандинавов мыслились в виде центров, на периферии которых располагался остальной мир. Это видно из названий населенных пунктов: Срединный Мир, Двор, Главный Хутор.

Топонимы в Скандинавии очень описательны и дают истинное представление о местности, где происходили события. Так, точно соответствуют своим названиям и Речная Долина, и Ледниковая Река, и Озерная Река.

В древнескандинавской литературе мы не найдем «пейзажных зарисовок», так как любое описание природы невозможно до тех пор, пока человек не выделяет себя из нее. Однако можно получить представление о местностях Скандинавии, «расшифровав» топонимы. В сущности, как указывал М. И. Стеблин-Каменский, «эти названия и представляют собой архаичную форму пейзажа, так сказать, его зародыш». Конкретные географические сведения подтверждают истинность событий, описываемых в сагах.

Такие «говорящие» топонимы были (и остаются) неопровержимыми доказательствами истинности саг. Может быть, именно поэтому все научные издания саг (особенно исландские) содержат подробный топонимический комментарий*.

---

* Даже для современного человека знание топографии является доказательством истинности того события, о котором идет речь. Сравним у Достоевского: «Князь уже не возражал против визита и следовал послушно за генералом, чтобы не раздражать его, в твердой надежде, что генерал Соколов и все семейство мало-помалу испарятся как мираж и окажутся несуществующими... Но, к своему ужасу, он стал терять эту надежду: генерал взводил его по лестнице, как человек, действительно имеющий здесь знакомых, и поминутно вставлял биографические и топографические подробности, исполненные математической точности».

В Скандинавии Средних веков каждый топоним существовал не сам по себе, а был закреплен за определенным географическим объектом, и только за ним одним. Топоним и географический объект так тесно сливались, что становились неразделимым целым. В современной Исландии существует даже поговорка: «Четверть — от отца, четверть — от матери, четверть — от воспитания и четверть — от имени».

Однако топография в сагах характеризуется не только географическими координатами. Одновременно она служит смысловым сигналом, указывающим на дальнейший ход событий. «Просто» топография перерастает в «топографический рок» — предсказание судьбы посредством топонимов.

Одним из основных выражений «топографического рока» является четкая оппозиция *восток* — *запад*, несущая определенную смысловую и эмоциональную нагрузку: запад символизирует счастье и удачу, восток — изгнание и поражение.

Подобное противопоставление характерно не только для саг, но и для скандинавских мифов, и даже для русских любовных заговоров. Местонахождением злого, страшного и враждебного людям бывает в эддических мифах либо восточная, либо северная окраина. Так, когда Тор отправляется в обиталище великанов, то обычно оно — на востоке. Когда настанет конец света, великан Хрюм будет наступать с Востока. В мифе о Хрунгнире Тор возвращается из Ётунхейма (Страны великанов) с севера. Только о Сурте, существе, охраняющем жаркий Муспелльсхейм (Огненный мир), говорится, что, когда настанет конец света, он будет наступать с юга. Страны света — это, таким образом, не просто направления, а некие существа, наделенные качественными характеристиками, или даже живые существа. Так, Сурт — это, очевидно, юг — осознанный как существо, которое своим огненным мечом сожжет мир. Когда боги создали небо из черепа великана Имира, они укрепили его над землей и под четырьмя углами посадили карликов, которых звали Восточный, Западный, Северный и Южный. Следовательно, и в этом случае стороны света — это живые существа.

«Топографический рок», однако, не исчерпывается в сагах противопоставлением «запад — восток». Особую роль играет понятие «дорога», приобретающее в саге двойное значение (сравним с русским): дорога как физико-географический объект и дорога как жизненный путь.

• • •

В аграрном обществе время всегда определяется природными ритмами. Месяцы носят названия, указывающие на земледельческие и иные работы по хозяйству: например, май древние скандинавы называют «временем сбора яиц», июнь — «солнечным месяцем сеттера», октябрь — «месяцем убоя скота», декабрь — «месяцем баранов и случки скота».

Само слово «время» в древнегерманских языках обозначало времена года, периоды неопределенной, более или менее значительной длительности. И именно наполненность времени конкретными событиями определяла характер его протекания.

Поскольку люди эпохи Средних веков воспринимали время не как независимое понятие, а нечто осязаемое, то они считали, что на время можно влиять, как это делал, например, скандинавский конунг Аун, который продлевал себе жизнь, принося в жертву Одину своих сыновей.

Нормой и доблестью было поступать так, как поступали люди испокон веков. Поэтому жизнь человека в «традиционном» обществе представляла собой постоянное повторение поступков, ранее совершенных другими. И одним из способов исчисления времени был счет поколений. Определив принадлежность лица к тому или иному роду и перечислив его родичей в их временной последовательности, люди получали вполне удовлетворяющие их представления о ходе событий. Культ предков был непосредственно связан с отношением ко времени — ведь предок мог заново родиться, воплотившись в одном из своих потомков.

В известном смысле люди считали, что существует лишь настоящее время, включающее в себя настоящее

и будущее, ибо время циклично и прошлое регулярно повторяется, а значит, настоящее, будущее и прошлое расположены как бы в одной плоскости. И, следовательно, возвратиться в прошлое и изменить его тоже можно — при помощи магии. Будущее время — это одновременно и судьба.

Время для средневекового человека всегда конкретно и связано с жизнью общества. У норманнов не было необходимости знать точное до минуты время, вполне достаточно было видеть, например, положение солнца на небе. В одном из древних исландских судебных записано, что обсуждать дела на альтингге надо, когда солнце стоит в небе и освещает поле тинга. Судьи должны подняться на Скалу Закона, пока солнечные лучи падают на западную часть ущелья.

Расстояние часто определяется в мире людей прошлого временем — но весьма сообразно; числом дней плавания на корабле или передвижения по суше. И слово, которое позднее в современных языках стало означать единицу измерения «миля», в древнесеверном языке было не чем иным, как «путем между двумя стоянками».

Сам Один завещал приносить жертвы богам три раза в год — из чего ученые делают вывод о делении года древних скандинавов на три «отрезка». В начале зимы просили о хорошем урожае. В середине зимы молились о весеннем прорастании всходов. Летом приносили дары богам в надежде на победу в викингских походах.

Тацит также утверждает, что у германцев было только три времени года — весна, лето и зима. Однако в Исландии в законах X века речь идет о делении года на две половины — зиму и лето.

Некоторыми учеными высказывались предположения о делении года у германцев на шесть частей. Так, в эпоху викингов лето, вероятно, составляло всего два месяца — июнь и июль. Именно этот шестеричный год и делился на три части тремя же главными календарными праздниками.

Год начинался с зимы, ибо, в соответствии со скандинавской мифологией, тьма и холод были в начале мира,

инеистые великаны старше асов, а потому и зима считалась «первее» лета. К 300 дням в году прибавляли еще четыре дня, это составляет 364 дня. Это число делилось на 12 месяцев, или 52 недели; всякая неделя состояла из семи, а месяц — из тридцати дней, считая с четырьмя добавочными днями, или, как называли скандинавы, *ночами*, потому что как годы считались по ночам, так и дни.

Скандинавы замечали по ходу солнца, что лето все дальше «уходит» от весны, то есть не соответствует календарю. Происходило это из-за високосных годов. И тогда на одном из тингов в Исландии Торстейн Черный из Брейдафьорда предложил прибавить ко всякому седьмому лету по целой неделе и посмотреть, что будет. Предложение было принято: по совету лагмана Торкеля и других разумных людей определено было на будущее время считать год в 365 дней, а високосный, через три лета — четвертый, в 366. Но для сохранения годичного числа недель решили так расположить «прибавочные» дни в году, чтобы всякий седьмой (а если бы два високосных года пришлись в семь лет, то всякий шестой) имел 53 недели.

Зима начиналась с праздника, который неизменно назначался на первый четверг между 9 и 15 октября, и этот праздник продолжался три ночи. Ночь, которая открывала у языческих скандинавов веселое зимнее торжество, называлась *ястребиной или соколиной ночью*. Есть сведения, что в это время приносили в жертву ястребов. Это напоминает нам, что те же птицы считались священными у многих древних народов.

Второй праздник в году проходил через четыре месяца, он называется в «Саге об Олаве Святом» *днем «больших кровавых жертвоприношений в Упсале в месяц Гои (феврале)»*.

Третья часть года начиналась в первый четверг между 9 и 15 июня «*жертвоприношением ради мира и изобилия в году*».

Четверг избирался скандинавами не случайно, это был день недели, посвященный богу Тору (*torsdag*), первый и священный день семидневной недели викингов. Тор почитался не только как бог воинов, но и как хранитель законов и клятв.

Были у скандинавов и праздники летнего и зимнего солнцестояния.

Праздник середины зимы назывался *Йоль*, или *Йуль* (теперь в Скандинавских странах это слово обозначает Рождество). В эту ночь стирается грань между Иным миром и миром людей. Это время возобновления календарного цикла, когда открыты все миры и нечисть выходит к людям. В эту ночь надо быть особенно осторожным. Заметим, что подобное отношение к периоду после Рождества (Святкам) сохранилось и в более поздние годы. На Руси Святки были временем гаданий и волшбы, когда у бесов и прочих духов можно было выспросить о будущем.

Подобным колдовским временем Йуль был и во времена викинггов. В «Саге о Харальде Прекрасноволосом» рассказывается о том, как норвежский конунг X века Харальд ездил по всей стране по пирам (уже упоминавшаяся нами форма кормления «вейцле»). Во время пира на Йуль к конунгу подошел финн по имени Сваси. Финны, по мнению скандинавов, были очень сильны в колдовстве. Сваси предложил Харальду прийти к нему в дом, что конунг и сделал. Очугтившись в доме у колдуна, Харальд оказался во власти чар — *мороча* — его дочери Снефрид. Красавица поднесла норвежскому королю заговоренный кубок с медом — напиток любви, столь известный по кельтской легенде о Тристане и Изольде. Харальд женился на финке и забыл с ней о делах своей страны. Она родила ему четырех сыновей, но потом умерла. Однако и на смертном одре Снефрид продолжала властвовать над умом и сердцем конунга. И после смерти она была прекрасна так же, как и при жизни. Тлен не касался ее тела. Три года Харальд просидел у ложа любимой жены, не веря в ее смерть, пока один из хитроумных дружинников, безмерно преданный своему государю, не предложил переменить покрывало и подушки Снефрид. Лишь только тело было поднято с ложа, как по залу разлился отвратительный смрад. Тело решили, наконец, предать огню, как было принято в те времена. И когда языки пламени коснулись Снефрид, тело посинело и из него стали выскакивать разные гады. После сожжения колдуньи к Харальду вернулся разум.

Не менее колдовским временем считалось и *празднование середины лета* (в славянских странах известное как ночь на Ивана Купалу). Это традиционный праздник огня. В этот день — или вернее, ночь — принято было жечь костры, а с вершины холмов спускать вниз объятые пламенем колеса. И в современной Скандинавии каждое 25 июня повсеместно разжигаются большие костры.

Время дня скандинавы определяли по ходу солнца и его положению на небе. Небосклон разделялся на четыре главных и четыре побочных «сектора», каждый из которых назывался «осьмушкой», то есть восьмой частью. К главным, начиная с востока, причислялись восточная осьмушка, южная, западная и северная. Промежуточными осьмушками были юго-восточная, юго-западная, северо-западная и северо-восточная.

По этим восьми секторам небосклона день разделялся на восемь частей:

- 1) утро;
- 2) первая часть дня;
- 3) глубокий день и полдень;
- 4) последняя часть дня, или день, склоняющийся к западу, или последняя треть дня;
- 5) вечер;
- 6) первая часть ночи;
- 7) полночь;
- 8) вторая часть ночи.

Если соотнести измерение времени дня с современными часами, то первая осьмушка начиналась около половины пятого утра и продолжалась до половины восьмого, вторая — до половины одиннадцатого, третья — до половины второго пополудни, четвертая — до половины пятого, пятая — до половины восьмого, шестая — до половины одиннадцатого, седьмая — до половины второго ночи, восьмая — до половины пятого, когда начиналось утро. Каждая из этих восьми частей дня подразделялась также на две части, отчего получалось 16 «разделений» дневного времени:

- 1) солнце стояло посередине между северо-востоком и востоком: это было около половины пятого часа утра;

2) солнце было на востоке, что называлось *половина утра*, или *пора вставания*: это было около шести часов утра;

3) солнце стояло посредине между востоком и юго-востоком: это было около половины восьмого часа до полудня, с этой поры обыкновенно считали *начало дня*;

4) солнце на юго-востоке, около девяти часов до полудня;

5) солнце между юго-востоком и югом, около половины одиннадцатого до полудня;

6) солнце на юге, около двенадцати часов, или полдень;

7) солнце между югом и юго-западом, около половины второго пополудни;

8) солнце на юго-западе, около трех часов пополудни;

9) солнце между юго-западом и западом, около половины пятого часа пополудни;

10) солнце посредине запада, около шести часов пополудни, что называлось также *половина вечера*;

11) солнце посредине между западом и северо-западом, около половины восьмого пополудни; это называлось также *пора, когда ночь отделялась от вечера*, с этого часа начиналась ночь;

12) солнце на северо-западе, около девяти часов пополудни;

13) солнце посредине между северо-западом и севером, около половины одиннадцатого пополудни;

14) солнце на севере, около двенадцати часов ночи;

15) солнце между севером и северо-востоком, около половины второго после полуночи, что также называлось *ранняя пора*;

16) солнце на северо-востоке, с трех часов и до половины пятого после полуночи, когда кончалась ночь и наступал день. Летом называли также ту пору ночи, когда солнце с северо-запада через север обращалось к северо-востоку.

Вероятно, еще в языческое время существовали рунические календари для исчисления времен года и дней, на которые приходились тинги и праздники, а также *золотых чисел* (новолуния и полнолуния).

Скандинавы обращали большое внимание на небесные тела и замечали перемены в природе. Ориентируясь только на солнце, месяц и звезды, а также их движение по небу, они плавали в дальние края и редко ошибались в направлении. Даже когда застигали их бури и, как обыкновенно в таких случаях, заносили их в незнакомые моря, они без особого труда умели исправить ошибку и выбрать правильный маршрут.

Полагают, что 12 имен Одина (Всеотца), упоминаемых в прозаической «Младшей Эдде», и 12 небесных залов, воспетых в одной из песен «Старшей Эдды», указывают на ежегодное прохождение солнца через 12 созвездий зодиака. Это вполне вероятное предположение, поскольку готы знали названия 344 звезд.

В скандинавских сагах встречаются указания на то, что в те далекие времена умели предсказывать судьбу по звездам, то есть викинги были не только хорошими астрономами, но и знатными астрологами.

Около 1000 года жил в Исландии некто Одди сын Хельги, который благодаря знаниям предков и собственным наблюдениям прекрасно ориентировался в звездах, и его астрономическими указаниями руководствовались при составлении христианского календаря. Он прозван был Одди Звездочет. Другой исландец, Эйнар из Твера, брат Гудмунда Сильного, очень мало спал по ночам, потому что имел обыкновение смотреть на звезды и наблюдать их движение.

• • •

В «Круге Земном» Снорри Стурлусона изложены представления скандинавов о мире.

По их мнению, земля — это диск суши, который омывают воды Мирового океана. В этом океане лежит Мировой змей. Диск суши изрезан многочисленными морями. Средиземное и Черное моря делят мир на три континента — Азию (на Востоке), Европу (на западе) и Страну черных людей (на юге).

К северу от Черного моря, по словам Снорри Стурлусона, располагается «великая и холодная» страна — Швеция. Историки полагают, что Снорри подразуме-

вал под Швецией Древнюю Русь, ибо считал, что свеи (русы) «организовали» древнерусское государство. (И сегодня финны называют Швецию Руотси.) Есть и еще одно предположение — считают, что так исландец именовал страну Скифию, расположенную в Северном Причерноморье. По краю этой великой и холодной страны течет река Танаис (Дон), «рукав реки, у которой живут боги ваны».

Страна в Азии к востоку от Дона называется Снорри Страной асов, или Жилищем асов (как мы помним, асы — это один из родов древнескандинавских богов). На основании этого утверждения сейчас и в России, и в Скандинавии очень популярны экспедиции, которые регулярно отправляются в район Дона и ищут там легендарный Асгард — город богов. Одним из последних предпринял попытку отыскать Асгард знаменитый норвежский путешественник и ученый Тур Хейердал (буквально за год до своей смерти).

Именно из Асгарда (страны Азии — Страны асов), по мнению Снорри, и произошел исход асов во главе с Одним в Скандинавию.

МАГИЯ СЕВЕРА

На Севере существовало три вида магии — *руны, гальдр и сейд*.

Руны — это вырезанные на дереве, кости или металле знаки, обладающие магической силой.

Гальдр — сакральные песни и заклинания, произносимые вслух.

Самым опасным видом магии был сейд. О нем сохранилось совсем немного сведений. В основном — это описания самого сейда и зла, которое он причинил. Вполне возможно, что гальдр был частью сейда.

Свершалось колдовство на особом помосте.

Во всех случаях волшба (колдовство) основывалась на силе слова, то есть на непосредственном воздействии слова на окружающий мир. Особенное значение магия слова получила в скальдическом искусстве.

Руны обладали силой уже сами по себе, а процесс вырезания их мобилизовал эти силы и пробуждал их к жизни.

В центре северной волшбы стояла прежде всего личная сила самого мага и — в случае рунической магии — рун.

Особенности же скандинавской волшбы заключаются в том, что она «не знает» демонов. При сейде колдун или колдунья могли обращаться к помощи злых духов, но скандинавские духи не имеют ничего общего с демонами.

В магии прежде всего обращаются к *феттирам*, или *ландфеттирам*, то есть духам-хранителям отдельной области или целой страны. Были духи-хранители, или духи-двойники, и у каждого человека, а назывались они *фюльгья* — «спутница».

Они являлись людям обыкновенно в виде птиц и зверей, нередко в виде женщин, или принимали другой какой-нибудь образ. Фюльгьи знаменитых вождей и храбрых воинов являлись в виде медведей, орлов, вепрей и других благородных и сильных зверей. Чем знатнее был человек по происхождению и чем храбрее и смелее, тем благороднее был образ, под которым является его фюльгья. Оттого волки, лисицы и змеи означали злых, лукавых людей.

Фюльгьи были добрые — виновники всякого счастья и защитники в опасностях, и злые — приносившие бедствие и гибель.

Если особенное счастье сопровождало все предприятия человека и давало ему перевес во всех битвах, то думали, что причиной того были его сильные фюльгьи. В сагах рассказывается, что в Исландии почитали опасным всякое соперничество с сыновьями Ингимунда, потому что эти братья имели сильных фюльгий. Кьялак советовал Стейнульву жить в дружбе с Ториром, в противном же случае плохо придется ему. «Твои фюльгьи, — говорил он, — не справятся с его».

Одни и те же фюльгьи и одинаковое счастье нередко сопутствовали целому поколению или семейству, почему такие духи назывались *родовыми, семейными духами*. Думали, что короли, происходившие от богов, одарены чрезвычайным счастьем, которое они могли передавать своим воинам и друзьям.

Если фюльгья, незримо сопровождавшая человека по жизни, являлась ему «во плоти», то это было верным предзнаменованием его скорой смерти.

В «Саге о людях из Лаксдаля» читаем о появлении такого духа-двойника:

«Тем летом Торгильс отправился на тинг, и когда они подъезжали к лавовому полю у места тинга, они увидели женщину, которая приближалась к ним. Она была очень высокого роста. Торгильс подъехал к ней, но она отпрянула от него и сказала следующее:

Всем начеку
Надобно быть,
Козни врага
Рушить. Но всех
Ждет западня:
Снорри умен.

После этого она пошла своей дорогой. Тут Торгильс сказал:

— Редко случалось так, когда судьба была ко мне благосклоннее, чтобы ты уезжала с тинга, когда я ехал на тинг»*.

Духи-двойники могли иметь не только человеческое обличье, но и облик животного.

В «Саге о Ньяле» рассказывается о духе-двойнике в образе козла:

«Однажды случилось, что Ньяль и Торд были во дворе. Там на лугу обычно расхаживал козел, и никто не смел прогонять его.

— Странно, — сказал Торд.

— Что странно? — спросил Ньяль.

— Мне кажется, что козел лежит здесь в лощинке и весь в крови.

Ньяль сказал, что никакого козла там нет.

— Тогда что же это? — спросил Торд.

— Тебе, верно, осталось немного жить, — сказал Ньяль, — и ты видишь своего духа-двойника. Берегись!

— Ничто мне не поможет, если мне так на роду написано!»**

Среди враждебных человеку существ, владеющих большой силой, есть тролли, великаны, могильные жители и призраки (привидения).

Тролли и великаны встречаются героям саг довольно часто, и если герой отважен и мудр и заручился поддержкой богов, то он непременно одолеет нечисть. Так, в «Саге об Одди Стреле» рассказывается, как Одди вместе с товарищами попадает в страну великанов, где живут «тролли, великаны и великанши, страшные и безобразные с виду». Как ни пытаются они погубить Одди

---

* Пер. В. Г. Адмони и Т. И. Сильман.

** Пер. В. П. Беркова.

и ни напускают колдовства, смелому норвежцу удастся победить их. Известна описанием схватки героя с громадным троллем и «Сага о Греттире».

Курганный житель всегда обладает недюжинной силой и яростно сражается, не желая отпустить нарушившего его покой на волю.

В «Саге о Греттире» рассказывается о том, как Греттир проник в могильник: «Греттир раскопал курган, и пришлось ему изрядно потрудиться. Он работает без передышки, пока не доходит до сруба. День к тому времени был уже на исходе. Он проломал бревна. Аудун заклинал его не заходить в курган. Греттир попросил его подержать веревки.

— А я уж докопаюсь, кто здесь живет!

Спустился Греттир в курган. Там было темно и запах не из приятных. Он старается разведать, что там такое. Ему попались конские кости. Потом он ударился о столбы седалища, и оказалось, что на седалище сидит человек. Там была сложена груды сокровищ — золото и серебро, а под ноги ему поставлен ларец, полный серебра. Греттир взял все эти сокровища и понес к веревкам, но в то время, как он шел к выходу из кургана, кто-то крепко его схватил. Он бросил сокровища, и они кинулись друг на друга и стали биться ожесточенно. Все разлеталось у них на пути. Могильный житель напал свирепо. Греттир все пытался ускользнуть. Но видит, что от того не уйдешь. Теперь оба бьются нещадно. Отходят они туда, где лежат конские кости. Здесь они долго бьются, то один упадет на колени, то другой. Все же кончилось тем, что могильный житель упал навзничь со страшным грохотом. Тут Аудун убежал от веревки: он подумал, что Греттир погиб. Греттир же выхватил меч Ёкуля и, ударив могильного жителя по шее, срубил ему голову и приложил ее к ляжкам. Потом он пошел с сокровищами к веревкам, но Аудуна и след простыл. Пришлось ему самому карабкаться вверх по веревке. Он привязал сокровища к бечеве и вытянул их за собой»*.

---

* Пер. О. А. Смирницкой.

Считалось, что могильный житель навсегда останется в кургане, если отрубить ему голову и приложить ее к ляжкам.

Появление живых мертвецов (привидений) в сагах настолько обычное дело, что о них даже не говорится как о чем-то необыкновенном. В «Саге о Греттире» сказано просто, что люди после смерти Глама стали замечать, что последнему «не лежит в могиле». И хождение его после смерти воспринимается всеми не как нечто удивительное, а как «великая напасть».

«Возвращение с того света, — писал М. И. Стеблин-Каменский, — считалось, видимо, настолько естественным, что сообщения о “живых мертвецах” вкрадываются в самые реалистические саги. Человека хоронят по всем правилам: закрывают ему глаза, чтобы он никого не сглазил, выносят из дома через пролом в стене, чтобы не нашел дороги назад, везут на санях и т. д., а он начинает ездить “верхом” на крыше, дерется и убивает скот. Приходится убивать его снова, зарывать где-нибудь подальше и обносить могилу стеной, чтобы он не мог перелезть, или сжигать его. Иногда даже приходится начинать против мертвеца судебную тяжбу по всем правилам».

Согласно поверью, тело покойника, который не будет спокойно лежать в могиле, бывает необыкновенно тяжелым. Так что хоронившие его родичи уже заранее знали, что можно ждать визита с того света.

Бывают привидения добрые и те, которые желают людям зла. Последние могут убить самым жестоким образом — переломав каждую косточку в теле и свернув шею. После такого убийства силы у живых мертвецов прибывает.

Считается, что злым выходцем с того света становится тот, кто был недобрым человеком и в жизни — «от худого жди худа».

Взгляд такого живого мертвеца имеет особую силу. Вот как об этом рассказывается в уже цитировавшейся «Саге о Греттире»:

«И вот, когда Глам упал, луна как раз вышла из-за облака, и Глам уставился на Греттира. Греттир сам говорил, что это был один-единственный раз, когда он со-

дрогнулся. И тут на него напала такая слабость, от всего вместе — от усталости и от пристального взгляда Глама, — что он был не в силах занести меч и лежал между жизнью и смертью. А Глам, превосходивший бесовской силой всех других мертвецов, сказал тогда вот что:

— Ты приложил много труда, Греттир, чтобы встретиться со мной. Но нет ничего удивительного, если наша встреча будет тебе на беду. И вот что я тебе скажу: теперь ты достиг только половины той силы и твердости, что тебе были отпущены, если бы ты со мною не встретился. Я не могу отнять у тебя силу, которая уже при тебе. Но в моей власти сделать так, что ты никогда не станешь сильнее. Ты, правда, и теперь достаточно силен, как многим предстоит убедиться. Ты прославлен здесь своими подвигами, но отныне будут твоим уделом изгнание и тяжбы об убийствах, и едва ли не всякий твой поступок обернется тебе на беду и злосчастье. Тебя объявят вне закона, и уделом твоим станет одинокая жизнь на чужбине. Я насылаю на тебя проклятие, чтобы этот мой взгляд всегда стоял у тебя перед глазами. И тяжело тебе покажется оставаться одному, и это приведет тебя к смерти.

И только Глам сказал это, как сошла с Греттира напавшая на него слабость. Занес он теперь меч и срубил Гламу голову и приложил ему к ляжкам*.

Именно поэтому было важно не смотреть живому мертвецу в глаза — ибо только тогда мог он произнести свое проклятие.

Из вышеприведенных примеров становится ясно, что победить сверхъестественные существа древние скандинавы могли достаточно просто — прежде всего при помощи силы и мужества, а не при помощи магии.

Гораздо сложнее было бороться с гальдром и сейдом.

Сейд использовался с целью навредить кому-либо, и его обряды выполнялись в основном ночью. Владели сейдом прежде всего женщины, ибо для мужчин выполнение его обрядов считалось постыдным.

---

* Пер. О. А. Смирницкой.

Тем не менее к услугам пророчиц и колдуний прибегали даже боги. Вот как об этом рассказывается в «Младшей Эдде»:

«Один раз уехал Тор на восток бить великанов, а Один, на коне своем Слейпнире, отправился в Ётунхейм и приехал к великану, которого звали Хрунгнир. И спросил Хрунгнир: кто это в золотом шлеме и на таком чудесном коне скачет по воздуху и по земле? Один отвечал ему на это, что готов прозакладывать свою голову, что во всем Ётунхейме не сыщется подобного коня. Рассердился Хрунгнир и сказал, что есть у него прекрасный конь, самый быстрый на свете и зовут его Гульфакси — Золотая Грива. С этими словами вскочил он на своего коня и поскакал вдогонку за Одином, чтобы отплатить за его кичливые речи. Один скакал так быстро, что не успел оглянуться, как оказался в Асгарде, а за ним Хрунгнир, которого обуял такой великий гнев, что опомнился он только, когда проскочил в ворота.

Когда показался он в дверях чертога, предложили асы ему испить пива. Он вошел в зал, и ему подали те две чаши, из которых обыкновенно пил Тор, и он залпом осушил обе. Вскоре напился он пьян, и тут уж не было недостатка в заносчивых речах: говорил он, что поднимет с места Вальгаллу и перенесет ее в Ётунхейм, разрушит Асгард и поубивает всех асов, кроме Фрейи и Сив, которых возьмет себе. Между тем Фрейя все подливала ему в чаши, а Хрунгнир все похвалялся и сказал даже, что выпьет все пиво асов. Когда же надоело асам бахвальство, кликнули они Тора, и Тор тотчас появился в зале. В страшном гневе замахнулся он своим молотом:

— Кто это надумал позволить великанам пить здесь пиво? Кто пустил Хрунгнира в Вальгаллу? И почему это Фрейя наполняет ему чаши, точно на пиру асов?

Отвечал Хрунгнир, недружелюбно поглядывая на Тора, что это Один предложил ему пива и что пришел он с его позволения.

— Но придется тебе об этом пожалеть, прежде чем уйдешь ты из Асгарда, — перебил его Тор.

— Мало было бы чести асу Тору, если б он убил меня безоружного, — заговорил Хрунгнир, — почетнее было

бы, если бы он согласился биться со мной на рубеже у Каменных Дворов. И как глупо с моей стороны, — продолжал он, — оставить дома свой щит и точило! Если бы было при мне оружие, мы могли бы, пожалуй, хоть сейчас выйти на поединок. А убить меня безоружного — значит поступить вероломно.

Тор, конечно, не пожелал отказаться от поединка, и тут же назначили день и выбрали место.

Пустился тогда Хрунгнир в обратный путь и скакал во весь опор, пока не доскакал до Ётунхейма. Услышали великаны о предстоящем ему поединке с Тором и призадумались: понимали они, что от исхода того поединка зависит их судьба. И знали они, что Тор сильнее Хрунгнира, а уж Хрунгнир был среди великанов сильнейшим.

Решили они пуститься на хитрость и у Каменных Дворов вылепили из глины великана и вложили ему в грудь сердце одной кобылы, и затрепетало оно, когда явился на место боя Тор. У самого же Хрунгнира сердце было, как это всем известно, из твердого камня, треугольное, как та руна, что зовут “сердце Хрунгнира”; из камня же была и его голова. Щит Хрунгнира тоже был каменный, широкий и толстый; а оружием великану служило точило, которое он вскинул на плечо, и вид у него был ужасающий.

Рядом с Хрунгниром стоял глиняный великан Мёккуркальви, и он сильно трусил. Говорят даже, что, увидев Тора, он обмочился.

Тор торопился на поединок, а Тьяльви бежал впереди него. Подбежал Тьяльви к тому месту, где стоял Хрунгнир, и сказал:

— Как ты опрометчив, великан! Стоишь, выставив вперед свой щит, между тем как Тор решил пробраться в глубь земли, чтобы напасть на тебя снизу!

Швырнул тогда Хрунгнир свой щит наземь и стал на него, ухватив обеими руками точило. Тут увидел он молнии и услышал раскаты грома. И увидел Тора, разгневанного аса. Стремительно несся Тор, держа наготове свой молот, и издали бросил его в голову Хрунгнира. Взмахнул Хрунгнир своим брусом и бросил его навстречу молоту; ударился брус о молот и разбился

надвое: один кусок упал на землю, и из него образовались все кремниевые скалы, другой же попал Тору в голову, так что тот повалился наземь. Молот Мьёлльнир попал прямо в голову Хрунгниру и в мелкие куски раздробил ему череп. Хрунгнир упал рядом с Тором и при этом придавил шею Тора ногою. Тогда Тьяльви напал на глиняного великана и изломал его в куски.

Потом, подойдя к Тору, хотел было снять с шеи аса ногу Хрунгнира, да не осилил. Узнав о том, что случилось, подошли и другие асы, и все старались сдвинуть с места ногу Хрунгнира, но ничего из этого не вышло. Тут явился Магни, сын Тора и одной великанши, которому было тогда всего лишь три ночи от роду, но он легко спихнул ногу Хрунгнира с шеи Тора и сказал:

— Жаль, отец, что пришел я так поздно! Думаю, если бы раньше встретил я этого великана, то убил бы его одним ударом моего кулака!

Поднялся Тор с земли, поблагодарил сына и сказал, что, верно, вырастет он героем, а в награду хотел подарить ему златогривого коня Хрунгнира. Один же видел это и сказал, что напрасно отдает Тор такого прекрасного коня сыну великанши, а не своему отцу.

Вернулся Тор в Трудвангар, а осколок точила так и остался у него в голове. Тут пришла чародейка Гроа, жена Аурвандиля Смелого. Стала она петь над Тором свои заклинания, и почувствовал Тор, что точило стало шататься, и, понадеявшись, что сам сможет его вытащить, захотел вознаградить Гроа за врачевание и порадовать ее доброй вестью. И рассказал он ей, что был на севере, по ту сторону вод, отделяющих Ётунхейм от Мидгарда, и сам на спине в железной корзине вынес Аурвандиля из страны великанов. И в подтверждение правдивости своего рассказа сказал Тор, что один палец на ноге Аурвандиля высунулся из железной корзины и отмерз; тогда Тор отломил его и забросил на небо, сделав из него звезду, которую называют ныне Палец Аурвандиля. И скоро уж вернется Аурвандиль домой.

И Гроа так обрадовалась этой вести, что позабыла все заклинания — и камень, хоть высвободился из черепа, но так и остался торчать на голове у Тора. И надо

опасаться бросать точило поперек пола: тогда шевелится осколок в голове Тора».

Верховного бога древних скандинавов Одина почитали как *отца гальдра*, а тех, кто практиковал гальдр, называли «*кузнецами заклятий*».

Только Один в некоторых случаях может помочь преодолеть колдовство, в том числе и колдовство мертвого, как об этом рассказывается в «Саге о Хёрде и островитянах», где вообще очень много примеров магии и колдовства:

«Весною Хроар собрался ехать к кургану Сотти и взял с собой одиннадцать человек. Они ехали через лесную чащу. И Хёрд заметил, что в одном месте отходит от дороги глухая тропинка. Он едет по этой тропинке и выезжает на поляну. И видит: стоит на поляне большой и красивый дом. Перед домом стоял человек в полосатом синем плаще с капюшоном. Он здоровается с Хёрдом, называя его по имени. Хёрд приветливо с ним заговорил и спросил, как его зовут.

— Ведь я не узнаю тебя, хоть ты и говоришь со мною будто со знакомым.

— Меня зовут Бьёрн, — говорит тот, — и я узнал тебя с первого взгляда, хотя никогда прежде и не видывал. Я был другом твоих родичей, и это тебе пригодится. Знаю, что вы хотите проникнуть в курган викинга Сотти, но ничего у вас не выйдет, если вы будете уповать только на свои силы. И если будет так, как я ожидаю, и курган вам не поддастся, тогда приходи, я тебе помогу.

На этом они расстались. Хёрд скачет обратно к Хроару. Рано утром они подъезжают к кургану и принимают разрывать его и к вечеру доходят до бревен. Но на следующее утро курган снова цел. То же было и на другой день. Тогда Хёрд подъехал к Бьёрну и рассказал ему, как было дело.

— Все случилось, как я и предвидел, — сказал Бьёрн, — ибо я-то знал, что за страшный великан этот Сотти. Я хочу тебе дать этот вот меч. Вонзи его в отверстие кургана и там увидишь, закроется он или нет.

Вот едет Хёрд назад, к кургану. Хроар сказал, что лучше уехать и больше не связываться с этим нечистым. Другие тоже стояли за это. Тогда Хёрд сказал:

— Не годится нарушать свой обет. Попробуем снова.

На третий день снова стали они разрывать курган. Опять дошли до бревен. Тогда Хёрд втыкает в отверстие кургана меч, который дал ему Бьёрн. Ночью они спят. А наутро подходят к кургану, и там все так, как они оставили. На четвертый день разобрали они все бревна, а на пятый открыли двери. Хёрд всем велел остерегаться зловонного воздуха, выходящего из кургана, но сам стоял за дверью, когда зловоние было всего сильнее. Двое людей так и упали замертво от той вони, что выходила из кургана: их разбирало любопытство, и они ослушались Хёрда.

Тогда Хёрд сказал:

— Кто хочет войти в курган? По-моему, это должен сделать тот, кто клялся одолеть Соти.

Хроар молчал. Тогда, видя, что никто не собирается спускаться в курган, Хёрд воткнул в землю два кола с веревкой.

— Я полезу в курган, — говорит, — но только пусть будут моими три сокровища, которые я там выберу.

Хроар сказал, что до него, так он согласен. И другие тоже не возражали. Тогда Хёрд сказал:

— Я хочу, Гейр, чтобы ты подержал веревку, потому что доверяю тебе больше всех.

Затем Хёрд полез в курган, а Гейр держал веревку. Хёрд не нашел в кургане никаких сокровищ и сказал Гейру, пусть спустится к нему в курган и прихватит с собой огонь и восковую свечку.

— У них, — говорит он, — большая сила. А Хроару и Хельги скажи: пусть последят за веревкой.

Так и сделали, и Гейр стал спускаться в курган. Хёрд, наконец, отыскал дверь, и они взломали ее. Тут задрожала вся земля, свет потух. Наружу вырывалась ужасная вонь. За дверью, в боковом склепе был слабый свет. Они увидели ладью и в ней великие сокровища.

...Соти вскочил и набросился на Хёрда. Трудной была эта схватка для Хёрда, потому что силы у него были уже на исходе. Соти так сжал Хёрда, что все мышцы скрутились у него узлами. Хёрд велел Гейру засветить свечу и посмотреть, что тогда будет с Соти. И как только свет упал на Соти, он лишился сил и рухнул на зем-

лю. Тогда Хёрд стащил с руки у Соти золотое запястье. Это было замечательное сокровище, и люди говорили, что второго такого запястья еще не бывало в Исландии...

— Знай же, — говорит Соти, — что это запястье принесет тебе смерть, тебе и всем тем, кто им завладеет, пока оно не достанется женщине.

Хёрд велел Гейру посветить на Соти и посмотреть, как он тогда заговорит. Но Соти не стал дожидаться света и ушел в землю. Так они и расстались. Хёрд и Гейр взяли все сундуки и все сокровища, что они нашли, и отнесли к веревке. Хёрд взял меч и шлем Соти, это все были замечательные сокровища...

Вот они поехали назад со своей добычей. А Бьёрна они так и не нашли, и люди уверились, что это был не иначе как Один*.

Самими сильными колдунами были, по представлениям древних скандинавов, лопари — саамы, живущие на севере Скандинавского полуострова и в волшебной стране Бьярмии. Даже само Белое море, на берегах которого они живут, называется Колдовской залив — Гандвик.

Если встретиться с такими колдунами в битве, одолеть их будет вряд ли возможно. В «Саге о Хальвдане сыне Эйстейна» рассказывается, как викинги встречаются в бою с предводителями финнов — страшными оборотнями. Один из предводителей лопарей по имени Флоки стрелял одновременно тремя стрелами — и каждая разила наповал. Хальвдан отрубил Флоки руку, но она взлетела в воздух, а потому после произнесенного Флоки заклятия вернулась на место и сразу же приросла. Другой вождь оборотней превратился в огромного моржа и задавил пятнадцать человек. Третий же превратился в ужасного дракона. С большим трудом, но викингам все же удалось одолеть финнов и завоевать Бьярмию.

О поездке в далекую страну рассказывает и Снорри Стурлусон в «Круге Земном». Предводитель викингов Торир Собака сначала мирно торговал с жителями

---

* Пер. О. А. Смирницкой.

Бьярмии, но затем (когда все товары были куплены для перепродажи дома, в Норвегии) решил, что теперь соблюдать мир с местными жителями не обязательно. Он предложил своим дружинникам пограбить страну, и те радостно согласились. Они разграбили курган, который находился в ограде капища бога бьярмов по имени Йомали. Сначала все было спокойно, но когда один из дружинников ударом меча рассек золотую гривну на шее идола, раздался чудовищный грохот, который викингам показался чудом. Стражи услышали его, и вскоре к капищу сбежалось великое множество людей, среди которых были и сильные колдуны. Но Торир оказался не менее сведущ в колдовстве и стал посыпать своих викингов и их следы чем-то, как говорит сага, похожим на золу. В результате норвежцы сделались невидимы для преследователей и смогли уплыть восвояси.

• • •

Гальдр и сейд были нескольких видов: устный, который произносился вслух, ритмизованный и особым способом произнесенный;

руническая формула — знаменитые рунические палочки, — но подобные формулы могли вырезаться и на других предметах, главное, чтобы вырезанная формула попала в руки тому, на кого направлено действие заклятия.

В силу того, что у нас очень мало сведений о тайном искусстве Севера, мы можем лишь предполагать, что, как правило, оба вида колдовства применялись одновременно.

При пении магических заклинаний могла портиться погода, происходили несчастья или даже могла наступить смерть, как это случилось с Кари сыном Хрута и о чем рассказывает «Сага о людях из Лаксдаля»:

«Они отправились в путь, Коткель, Грима и их сыновья. Это было ночью. Они приехали ко двору Хрута и приступили там к великому колдовству. И когда понеслись колдовские звуки, то люди, которые находились в доме, не могли понять, что это означает. Но пение их дивно было слушать. Один только Хрут знал, что это за

звуки, и запретил всем выглядывать из дома этой ночью.

— Пусть каждый бодрствует, — сказал он, — сколько сможет, тогда нам не будет вреда, если это будет продолжаться.

Но всё же все они уснули. Хрут дольше всех не спал, но и он в конце концов уснул. Одного из сыновей Хрута звали Кари, ему тогда было двенадцать лет, и он был лучшим из сыновей Хрута. Хрут его очень любил. Кари почти совсем не спал, потому что колдовство было направлено против него. Он не находил себе покоя. Он вскочил и выглянул. Он пошел к тому месту, где происходило колдовство, и тут же упал мертвым. Хрут утром проснулся со своими людьми и не доискался своего сына. Его нашли недалеко от дверей. Хрут счел это величайшей утратой и велел насыпать курган над телом Кари*.

Колдовство может отводить людям глаза, как об этом рассказывается в «Саге о Хёрде и островитянах»:

«Торбьёрг Катла хвалилась, что островитяне ничего ей не сделают. Так она полагалась на свои чары. И когда ее похвальба дошла до островитян, Гейр сказал, что это надо еще проверить, и вскоре после тинга собрался с одиннадцатью людьми из дому. Торд Кот тоже поехал с ними. Но, добравшись до долины, они увидели, что весь скот угнан на север за ту гору, что стоит между Кольчужной Долиной и Концом. Гейр оставил двух своих охранять ладью. Торд Кот сторожил на носу.

Выйдя, Торбьёрг Катла сразу провела благодаря своему чародейству и проницательности, что с Островка пришел корабль. Она сходила за своим покрывалом и стала махать им над головой. Непроглядная мгла тотчас окутала Гейра и его людей. Тогда она послала сказать Рэву, своему сыну, чтобы он собирал людей. Собралось пятнадцать человек, и они подкрались в темноте к Торду Коту, схватили его и убили. И он зарыт внизу Котовьего Мыса. Гейр и его люди добежали до моря. Тут мгла спала, и они снова стали ясно видеть. Рэв и его люди настигли их, и завязалось сражение. Были

---

* Пер. О. А. Смирницкой.

убиты все, кто приехал с Гейром, и трое людей Рэва. Гейру удалось сесть на корабль и добраться до Островка. Он был сильно ранен. Хёрд очень насмеялся над ним по поводу этой поездки и говорил, что Гейру со своими куда как далеко до Катлы. Хельга была искусная врачевательница, и она вылечила Гейра.

Люди с Островка были напуганы этим случаем. Но как только Гейру перевязали раны, Хёрд сел на корабль и поплыл в Кольчужную Долину, сказав, что хочет еще разок помериться силами с Катлой. Двое охраняли корабль, а десятеро отправились за скотом.

Катла снова стала махать своим покрывалом и послала сказать Рэву, что на сей раз это стоящее дело схватиться с островитянами, “когда их ведет этот прекрасноволосый муж, по всему большой удалец”.

Рэв пришел с пятерыми. Но чары не могли затмить глаза Хёрду, и островитяне пошли, куда хотели, забили себе скота, нагрузили доверху свой корабль и на глазах у Рэва и его людей уехали на Островок. На том и расстались.

Ближе к концу лета Хёрд поехал с двадцатью тремя людьми к Грязному Двору, потому что Торстейн Бычий Шип хвалился, что Скроппа, его приемная мать, — а она была колдунья, — так околдует островитян, что они ему ничего не сделают. Высадившись на берег, они оставили корабль под охраной семерых на воде, а семнадцать человек пошли наверх. На песчаном холмике за лодочным сараем они увидели большого быка. Им захотелось раздражить его, но Хёрд не велел. Двое из людей Хёрда все повернулись к быку и ослушались его совета. Бык наставил на них обоих рога. Один из людей Хёрда послал копьё ему в бок, а другой — в голову. Но оба копья отскочили и попали им прямо в грудь, и пришла им обоим смерть. Хёрд сказал:

— Слушайте же меня, потому что здесь все не так, как оно кажется.

Вот приходят они к хутору. Скроппа была дома, и с нею хозяйские дочери Хельга и Сигрид. Сам же Торстейн был на летовье в Долине Коровьего Поля. Это в Свиной Долине. Скроппа отперла все двери. Она отвела глаза людям Хёрда, так что им померещилось, будто на лавке, где она сидела с Торстейновыми дочерьми, стоят

три короба. Люди Хёрда стали говорить, что они, пожалуй, вскроют эти короба. Но Хёрд не велел. Тогда они пошли от усадьбы на север — посмотреть, не найдут ли там какого скота. И увидели, как побежала на север с усадьбы свинья с тремя поросятами. Они загородили ей дорогу. Тут им показалось, будто навстречу им движется большая толпа людей с копьями и во всеоружии. И свинья с поросятами наострила в ту сторону уши. Гейр сказал:

— Пойдем к кораблю. На их стороне перевес.

Хёрд сказал, что его совет не бежать так сразу, не попытаться счастья. С этими словами Хёрд взял большой камень и пришиб свинью насмерть. И, подойдя к ней, они увидели, что Скроппа лежит мертвая и возле нее стоят хозяйские дочки, а вовсе не поросята. И теперь, когда Скроппа умерла, они увидели, что это не люди шли им навстречу, а стадо коров*.

При сейде колдунья могла выходить из своего тела и принимать облик любого животного (в приведенном выше отрывке из саги — облик свиньи). Как только животное подвергалось насилию или убивалось, в тот же миг та же беда постигала и физическое тело колдуна.

Очень важно иметь в виду, что на Севере не было различия между белой и черной магией. Все дело было в том, в каких целях — постыдных или «благородных» — применялось колдовство. Так, если гальдр был применен против крушения корабля, против отравления ядом, для защиты человека или избавления его от болезни, то это было на благо общества. Если же заклятие было совершено с целью пожелания смерти, то это было постыдное дело, за которое могли привлечь к ответственности на тинге.

Слово «гальдр» ученые связывают этимологически с древнеисландским словом «gala», что означает «петь или кричать». То есть гальдр, вероятно, представлял из себя громкое и довольно резкое пение, в результате которого на человека нападало некоторое оцепенение или состояние «околдованности».

Юлий Цезарь писал, что слышал, как на другом берегу Рейна германцы пели песнопения, «похожие на резкие крики птиц».

---

* Пер. О. А. Смирницкой.

Для гальдра существовал особый поэтический размер — гальдралаг, который делал песнопения еще более действенными. Не будем останавливаться специально на поэтической форме заклинаний, скажем лишь, что для них характерны как аллитерация, так и рифма, а также намеренная затемненность текста (чтобы смысл понят был лишь посвященному), как, например, в древненемецком первом из двух сохранившихся «Мерзебургском заклинании», блестяще переведенном Б. И. Ярхо (заклинание на освобождение из плена) и к которому есть отдельные параллели в надписях на рунических камнях:

Древли сели девы семо и овамо,
Эти путы путали, те полки пятили,
Третьи перетерли твердые оковы,
Верви низвергни, вражьих пут избегни.

Исследователи северной магии (и в частности, магии рунической), которые считают «Старшую Эдду» источником оккультного знания, полагают, что в песни «Заклинания провидицы Гроа», сохранившейся не в основной рукописи «Эдды», содержатся тайные заклинания гальдра. Поскольку эта песнь не публиковалась с 1917 года, мы считаем уместным привести ее в полном виде в переводе С. Свириденко.

Свидпагр* сказал:
Гроа, проснись! Пробудись ты, родимая!
В мире у мертвых услышь меня, мать!
Вспомни, как мне ты велела за помощью
На курган твой могильный идти.

Гроа сказала:
Чем удручен ты, сынок мой единственный?
В чем приключилась печаль?
Что ты зовешь меня, прахом покрытую,
Чуждую всеям живых?

---

* Свидпагр еще в раннем детстве был помолвлен с красавицей Мэнглюд. Оба они росли вдали друг от друга. Мать Свидпагра, провидица Гроа, умерла, когда он был еще ребенком. Перед смертью она сказала сыну, что если ему понадобится помощь, то он может прийти к ее могильному кургану и вызвать ее. Отец Свидпагра женился во второй раз, и мачеха возненавидела Свидпагра. Она решила послать юного героя (ему еще не исполнилось и пятнадцати) на поиски невесты, надеясь, что юноша не сумеет справиться с опасностями путешествия и погибнет.

Свиптагр сказал:
Злая жена, что с отцом делит ложе,
Зла мне желая, велит
Путь разыскать, всем живущим неведомый:
На поиски Мэнглот идти.

Гроа сказала:
Долог твой путь — и опасный, и дальний —
Но держится дольше любовь!
Доблестен будь — и желанное сбудется,
Если не враг тебе Рок!

Свиптагр сказал:
Чарами мощными, мать моя мудрая,
Сына в пути защити,
Чтоб не погибнуть мне в странствии трудном,
С детством недавно простясь.

Гроа сказала:
Слушай же первое слово заклЯтия —
Ран* его принял от Ринд**:
Чем удручен, то с плеча отряхни ты,
Сам себя, сильный, спаси.

Слушай второе — везде оно странника
В тяжком пути защитит:
Урдр*** окружи тебя крепкой оградой
Всюду, куда ни пойдешь.

Третье внимай — с ним избежнешь безбедно
Грозной свирепости рек:
Горн**** пусть и Рудр***** в мир подземный направятся:
Сохни, иссякни, волна.

Слушай четвертое — если отважного
Недруги станут теснить:
Должен их дух тебе сделаться дружным,
К миру стремиться с тобой.

Пятое слово пою я — от плена
Будешь свободен ты с ним:
Слово заклЯтия на члены положено —
Узы спадут с твоих рук.
(Снимется вервие с ног.)

-
- * Бог Вали.
  - ** Мать бога Вали.
  - *** Одна из норн, вещей дев судьбы.
  - **** Имя потока.
  - ***** То же.

Слушай шестое — коль в море шумящем
Буря застигнет тебя:
Ветры и воды почтут твою волю,
Берег найдешь невредим.

Слушай седьмое — не сможет вредить тебе
Грозная стужа в горах:
Крепкий мороз твоей кожи не тронет,
Членов твоих не скует.

Вот заклинанье восьмое — чтобы ночью
Был безопасен твой путь:
Ведьма тебе волшебством неживая
Не повредит никогда.

Слушай девятое — сможешь о мудрости
В спор с исполином вступить:
Мыслей уму и устам красноречья
Много пусть будет дано.

В путь свой ступай ты теперь и не бойся;
Будь тебе в радость любовь!
Вещих заклиятий слова я пропела,
Стоя на камне святом.

Песнь эту помни, носи ее в сердце —
Матери мертвой завет:
Счастье всю жизнь провожать тебя станет,
Если он будет с тобой.

Очень часто гальдр соединялся с рунической магией. Так, в «Саге о Боси» рассказывается о конунге Хринге, который захватил в плен своего сына Херрауда и его побратима Боси. Но накануне суда над ними к палатам конунга пришла приемная мать Боси — Бусла, известная своими колдовскими чарами, и пропела заклинания (так называемые «Заклятия Буслы»), в которых предрекла конунгу, что не найдет он покоя ни на суше, ни в море, ни дома, ни в путешествии, не познает он счастья и мира, если не отпустит Херрауда и Боси.

А затем вырезала магические руны:

ᚱ·ᚠ·ᚢ·Υ·ᚷ·ᚱ·ᚱ· : ||||| : ᚾᚾᚾᚾᚾ : ᚠᚠᚠᚠᚠ : ||||| : |||||

Руны обладали и собственной силой, их применяли при разных обрядах — например при обрядах побратимства и обряде очищения.

«Это очистительное испытание, — читаем мы в «Саге о людях из Лаксдаля», — состояло в том, что нужно было пройти под полоской дерна, отделенной от земли. Оба конца этой полоски дерна были закреплены в земле, и тот человек, который подвергался испытанию, должен был пройти под этой полоской...

Язычники чувствовали не меньшую ответственность, когда им приходилось подвергаться этому обряду, чем теперь христиане, когда они проходят через испытательное очищение. Тот считался чистым, когда проходил под полоской дерна так, что она не обрушивалась на него»*.

Магия этого обряда «базировалась» еще и на силе рун, которые вырезались на древках копий или на шестах, как это описано в уже цитированном нами отрывке из «Саги о Гисли».

Даже в поздние времена руны продолжали сохранять свое магическое значение. Так, ведьмы «заполняли» магические квадраты (известные также как «квадраты Сатаны») с колдовской формулой *SATOR*, составленной из *Pater Noster* («Отче наш») как рунами, так и «обычными» латинскими буквами. Такие квадраты ведьмы носили при себе во время совершения колдовских обрядов.

S P T O V S S T O E
П V * T U . a n e p o
T K H Y T . t e m e t
Q T Y V П . o p e r a
V O П T S . r o t a s .

* Пер. В. Г. Адмони и Т. И. Сильман.

«РУН НЕ ДОЛЖЕН РЕЗАТЬ ТОТ,
КТО В НИХ НЕ СМЫСЛИТ...»

*Рун не должен резать
Тот, кто в них не смыслит.
В непонятных знаках
Всякий может сбиться*.*

Эпиграф к главе выбран нами не случайно — в последнее время стало появляться большое количество книг, авторы которых ничтоже сумняшеся «разгадывают» тайны рун, не принимая во внимание, что тем самым нарушают основной закон рунической магии — ее заветность и сокровенность, сакральность и невозможность посвящения в тайное искусство широкого круга «любителей».

Мы попытаемся коснуться известных фактов, имеющих отношение к рунической магии, но с достаточной осторожностью будем говорить об этом.

Все дело в том, что руны изначально были *тайным* знанием, доступным лишь посвященным, а знающий, как известно, молчит. До нас дошли лишь обрывки сведений, на основании которых рунологи и пытаются реконструировать руническую систему.

«Происхождение этой ранней письменности невозможно установить с точностью, — пишет известный английский ученый Р. Пауэс, — одни исследователи говорят о заимствовании из латинского алфавита, другие ссылаются на греческие источники. В силу широкого его распространения среди германских племен мы можем заключить, что письмо это существовало с неза-

---

* Пер. С. Масловой-Лошанской.

памятных времен и куда древнее, чем самые ранние скандинавские надписи, которые, по всей вероятности, относятся к III веку нашей эры. Доказано, что письменность эта использовалась в IV веке: известно, что Ульфिला*, епископ вестготов, заимствовал отсюда знаки “и” и “о” для своего нового алфавита. Более того, не подлежит сомнению, что готы пользовались им еще на Севере, до того, как огромная волна завоевателей-гуннов разлучила их с родней, и они в итоге обосновались на побережье Дуная и Черного моря**.

Эти древние письма, общие для всех германских племен, во всех языках, судя по всему, имели одно и то же название. Древнеанглийская форма «*run*» почти не отличается от соответствующих раннегерманских или скандинавских форм, и использовалось слово повсеместно в одном и том же значении: «тайна, секрет, тайный совет». Слово это вошло и в среднеанглийский; дериват его «*runian*» употребляется Шекспиром в форме «*roun*» или «*round*» (эта форма сохранилась и по сей день в выражении «*to round in one's ear*» — «шептать кому-то на ухо»). Отдельные знаки назывались словом «*runstafas*», а интерпретация таковых — словом «*gaedan*», что в современном английском языке сохранилось в выражении «*to read a riddle*» — «растолковать, разгадать загадку».

В соответствии с древнескандинавской мифологией, чтобы познать руны, Один провисел на Мировом древе — ясене Иггдрасиль — девять дней и девять но-

---

* *Ульфила (Ulphilas)* (ок. 311 — ок. 383) — церковный деятель вестготов, возведенный в Константинополе в сан епископа около 341 года, активный распространитель христианства (в форме арианства) среди германских племен. Ульфила считается создателем готского алфавита и автором перевода на готский язык большей части Библии. Сохранившиеся фрагменты этого перевода — древнейший памятник вымершего готского языка.

** В настоящее время существуют две «канонические» теории происхождения рун. Одни ученые считают, что это искаженная версия латинского алфавита, которая появилась в V—VI веках у скандинавов и североевропейских германцев. Другие полагают, что руны были древними знаками для гадания и стали использоваться для записи текстов только на самом позднем этапе под влиянием латинского письма.

чей, пронзенный собственным копьём. Вот как об этом говорится в одной из песен «Старшей Эдды» — «Речах Высокого»:

Девять ночей я качался на дереве,
Под ветром повешен в ветвях,
Ранен копьём, в жертву Один отдан —
Себе же — я сам,
На дереве старом, растущем высоко
От неведомых миру корней*.

Никто не давал мне питья и питания,
Взгляд направлял я к земле.
В стенаниях, руны вознес в вышину я —
Долу упал я тогда.

Стал я расти и познания множить,
Здоровье и силы обрел,
Слово от слова на благо являлось,
Дело от дела рождалось чередой.

Руны найдешь ты, что в дерево врезаны,
С силой великой,
С силой целебной.
Высший Скальд их окрасил, и боги их создали,
И резал те руны властитель богов, —
Один у асов, и Дваин у альфов,
Двалин у карлов, у йотунов Альсвинн;
Многие резал и я.

И дальше идет очень важное предостережение:

Знаешь ли, как надо резать?
Знаешь ли ты, как разгадывать?
Знаешь ли, как надо красить?
Знаешь, как вопрошать?
Знаешь ли ты, как молиться?
Как приносить надо жертвы?
Знаешь ли ты, как закласть?
Знаешь ли, как сожигать?

Лучше совсем не молиться, чем жертвовать слишком усердно.
Награждений за жертву все ждут.
Лучше вовсе не резать, чем кровь лить без меры**.

---

* Имеется в виду ясень Иггдрасиль — Мировое Древо древних скандинавов.

** Пер. С. Свириденко.

Не случайно до нас — даже в памятниках средневековой литературы — не дошли более подробные толкования рун и рунических заклинаний, хотя некоторые ученые — например С. Свириденко и Г. фон Лист — считают, что в той же песни «Речи Высокого» дается иносказательное описание восемнадцати рун магического ряда и символического их толкования:

Заклинания я знаю, что людям неведомы, —
Даже знатым и женам князей.
Имя первому: помощь — помочь оно может
От обид, и скорбей, и забот.

И второе я знаю, тем людям полезное,
Что причастны искусству врачей.
.....
.....

Знаю третье я также, которым возможно
Врага волшебством оковать:
Иступиться заставлю оружие противника,
Не сможет разить его меч.

Мне известно четвертое — если мне свяжут
Гибкие члены враги:
Прошепчу я заклятье и буду свободен —
Узы снимутся с рук
И веревки с ног.

Знаю пятое я против стрел легкоперых,
Что недруг направит на рать;
Как бы живо ни мчалась — стрелу задержу я,
Едва лишь увижу ее.

Шестое известно мне — против кореньев,
Которыми вздумает враг мне вредить:
Мой недруг лихой, мою ненависть вызвавший,
Пострадает сам раньше, чем я.

Мне известно седьмое — пожар им уйму я,
Если вспыхнет чертог, еще полный гостей.
Как ни силен огонь, я смогу загасить его,
Слово мощное против пожара скажу.

Мне восьмое известно — немалую пользу
Принесло бы всем людям оно:
Если распря меж храбрыми вдруг разгорится —
Можно им мир водворить.

Мне известно девятое: в море шумящем
Мой корабль сохранит мне оно.
Усмирю ворожбою я бешенство бури,
И вернется волнам тишина.

Мне известно десятое — ведьмам на гибель,
Что по воздуху мчатся в ночи.
Околдую их так, что потом не вернуться
Им в жилища свои
И в обличья свои.

Я знаю одиннадцатое — для боя:
Я с ним провожаю в сраженья друзей.
Я в щит* прокричу перед началом сраженья —
И здоровыми храбрые прынут на брань,
Воротятся здоровыми с бранных полей,
Все безбедно придут домой.

Я знаю двенадцатое — чтобы снялся
Повешенный с ветки мертвец:
Я чертить буду руны, их резать и красить —
И с дерева мертвый сойдет,
И со мною начнет говорить.

Я знаю тринадцатое — оно нужно,
Когда освящают младенца водой:
Заворожу я от смерти в сраженьях —
Сколько бы в бой ни ходил он, в бою не падет.

Я владею четырнадцатым: перечту я
Всех небесных свободно, чтоб людям их знать.
Имена назову я всех асов и альфов —
Это может лишь мудрый иметь.

.....

Я владею пятнадцатым; в доме у Деллингра**
Пел его Тйодрэрир, карло искусный;
Асам мощь придавал он и карлам отвагу,
Мудрость вещую богу богов.

Я владею шестнадцатым; им я склоняю
Равнодушную деву к любви;
Околдую я чарами душу красавицы,
Изменяю ее помыслы все.

---

* В щит кричали и пели в сражениях. Щит служил для усиления звука и одновременно играл магическую роль в ритуале подготовки к бою.

** Бог, отец Дия.

[Я владею семнадцатым: им охраняю я
От измены красавицы милой себя.

.....
.....

Все семнадцать заклиний, что назвал я, Лоддфафнир,
Будут век неизвестны тебе.
Хоть на благо себе ты услышал бы их и на пользу запомнил,
На счастье себе научился бы им.]

[Восемнадцатое заклятие я знаю,
Ни мужам я, ни женам о нем не скажу.
Всех ценнее то знание, что знаешь один ты:
Я этим заветы свои закрою.
Той лишь разве откроюсь, с кем ложе делю, —
Или той, кто сестра мне родная.]*

В другой песни «Старшей Эдды» — «Речах Сигдрри-
вы» также содержатся сведения о рунах:

Клену тинга кольчуг
даю я напиток,
исполненный силы
и славы великой;
в нем песни волшбы
и руны целящие,
заклятья благие
и радости руны.

Руны победы,
коль к ней ты стремишься, —
вырежи их
на меча рукояти
и дважды пометь
именем Тюра!*

Руны пива
познай, чтоб обман
тебе не был страшен!
Нанеси их на рог,
на руке начертай,
руну Науд — на ногте.

Рог освяти,
опасайся коварства,

---

* Пер. С. Свириденко.

** Один из богов древних скандинавов.

лук брось во влагу;
тогда знаю твердо,
что зельем волшебным
тебя не напоят.

Повивальные руны познай,
если хочешь быть
в помощь при родах!
На ладонь нанеси их,
запястья сжимай,
к дисам* взывая.

Руны приборя
познай, чтоб спасти
корабли плывущие!
Руны те начертай
на носу, на руле
и выжги на веслах, —
пусть грозен прибой
и черны валы, —
невредимым причалишь.

Целебные руны
для врачевания
ты должен познать;
на стволе, что ветви
клонит к востоку,
вырежи их.

Познай руны речи,
если не хочешь,
чтоб мстили тебе!
Их слагают,
их составляют,
их сплетают
на тинге таком,
где люди должны
творить правосудье.

Познай руны мысли,
если мудрейшим
хочешь ты стать!
Хрофт** разгадал их
и начертал их,
он их измыслил
из влаги такой,

---

* Прародительницы.

** Одно из имен Одина.

что некогда вытекла
из мозга Хейддраупнира
и рога Ходдрофнира.

Стоял на горе
в шлеме, с мечом;
тогда голова
Мимира^{1*} молвила
мудрое слово
и правду сказала,

что руны украсили
щит бога света,
копыто Альсвинна
и Арвака уши
и колесницу
убийцы Хрунгнира^{2*},
Слейпнира^{3*} зубы
и санный подрез,

лапу медведя
и Браги^{4*} язык,
волчьи когти
и клюв орлиный,
кровавые крылья
и край моста,
ладонь повитухи
и след помогающий,

стекло и золото,
и талисманы,
вино и сусло,
скамьи веселья,
железо Гунгнира^{5*},
грудь коня Грани^{6*},
ноготь норны^{7*}
и клюв совиный.

Руны разные
все соскоблили,
с медом священным
смешав, разослали,

---

^{1*} Самый мудрый в мире богов.

^{2*} Один из йотунов, которого убил Тор.

^{3*} Восьминогий волшебный конь Одина.

^{4*} Бог поэзии.

^{5*} Волшебное копьё Одина.

^{6*} Волшебный конь.

^{7*} Богини судьбы.

у асов одни,
другие у альвов,
у ванов* мудрых,
у сынов человеческих.

То руны письма,
повивальные руны,
руны пива
и руны волшбы, —
не перепутай,
не повреди их,
с пользой владей ими;
пользуйся знаньем
до смерти богов!**

В приведенных выше песнях говорится об основах рунической магии, а именно: в каждом конкретном случае стоит обращаться к одной руне или определенному руническому заклинанию, но делать это надо с большой опаской, ибо неправильное применение рун может навредить.

Пример (уже давно ставший хрестоматийным) такого «неосторожного» употребления рун мы находим в древнеисландской «Саге об Эгиле», в которой речь идет о знаменитом скальде и знатоке рунического искусства Эгиле Скаллаgrimсоне.

В постели одной больной девушки, которую он взялся вылечить, Эгиль нашел рыбную кость с вырезанными на ней «неправильными» рунами, которые и послужили причиной хвори. Эгиль соскоблил руны, бросил их в огонь, а сам вырезал новые — «правильные» — знаки, положил их под подушку девушки, и та вскоре выздоровела.

Руны существовали в Скандинавии и Англии в нескольких вариантах.

Это прежде всего *футарк* — старшие руны, которые, собственно, одни и использовались в рунической магии. Надписи старшими рунами, которых в Скандинавии известно около 150, относятся ко II—VIII векам нашей эры, и сделаны они на могильных и памятных камнях, скалах, копьях, мечах, брактеатах, фибулах и

---

* Боги.

** Пер. А. Корсуна.

r	raidu	путешествие
k	kauna	факел, огонь
g	gebu	дар
w	wunju	радость, счастье
h	hagalaR	град
n	naudiR	нужда
i	isaR	лед
j	jara	урожай
i	iwaR	(возможно, защита)
p	perthu	(возможно, то, что скрыто)
r	algiR	?
s	sowilu	солнце
t	tiwaR	Тюр (один из асов)
b	berkana	береза
e	ehwaR	лошадь
m	mannaR	человек
l	laguR	вода
ng	ingwaR	Инг (бог-прародитель)
d	dagaR	день
o	othala	эдель; имущество, усадьба, передаваемые по наследству

Следует иметь в виду, что имена рун всегда были тайным, сокровенным знанием и потому не дошли до нас. Приведенные выше названия являются результатом лингвистической реконструкции и могут отличаться в трактовках разных исследователей.

Вообще, руны, фигурирующие в «Эдде», по мнению большинства ученых, не тождественны рунам, которые впоследствии стали применяться для письма.

Каждая руна по отдельности имела определенное значение, которое использовалось в качестве «путеводной» звезды при гадании на рунах. Для этих целей существовал набор особых камешков или палочек с вырезанными на них рунами — на одной палочке один знак. Палочки складывали в мешочек, а затем вынимали из него, не глядя, одну руну, которая и должна была служить ответом.

Существуют исследователи и ученые, которые трактуют — каждый по-своему — значения рун.

«Руны, — пишет уже упоминавшийся Р. Пауэс, — вероятно, изначально вырезались на дереве, причем полости порою заполнялись красной краской, чтобы сде-

дать знаки более отчетливыми. “Writan”, технический термин древнеанглийского языка, означающий “вырезать” или “высекать”, в переносном своем значении “писать” — “to write” — сохранился и по сей день. Дереву придавалась форма табличек либо палочек, как мы узнаем из известных строк Венанция Фортуната*, писателя VI века, который утверждает, что варварские руны наносились на ясеневого таблички или гладко обструганные палочки. Такая табличка, изначально называемая “*вос*” (то есть “табличка из букового дерева”), является предшественницей современной книги (“*book*”) — как слова, так и понятия. Использовались и другие материалы, главным образом металл: рунические надписи наносились на оружие, монеты, кольца и другие украшения, на различные предметы обихода; наносились и на рога для питья, равно как и на другие, более мелкие предметы из кости и рога. В Англии и Скандинавии встречаются рунические надписи, высеченные на камне — или из камня».

В ранних рунических надписях сами руны соседствуют с магическими знаками, очень похожими на наскальные ритуальные рисунки. Вырезая руны, резчик должен был уметь использовать их тайную силу, и именно в этом заключалось руническое искусство.

В ряде надписей отдельные руны используются в качестве целого слова, понятия, содержащегося в их имени.

Такова, например, надпись на костяном ноже из Флександа (Норвегия, около 350 года):

Lina laukaR f
лен, лук, богатство

В этой надписи употреблено и слово, само по себе являющееся оберегом — *laukaR* — и довольно часто встречающееся в рунических надписях:

---

* *Венанций Фортунат* (*Venantius Honorius Clementianus Fortunatus*) (540—600) — епископ Пуатье, видный поэт переходного периода между Античностью и Средневековьем. По обету, данному святому

Помимо этого слова, означающего «лук», то есть растение, которое использовалось как оберег, такими же «охранительными» считались слова *aija* — счастье и *latbu* — приглашение.

Существует, кроме того, и таинственное слово *alu*, этимология которого совершенно неясна.

Однако в 20-е годы XX века шведским рунологом Сигурдом Агреллем была выдвинута теория числовой значимости рун, подчиняющаяся законам числовой магии. Агрелль считал, что каждой руне в футарке соответствует определенное число — порядковый номер, при этом руна *f* — как символ завершения — должна стоять в руническом ряду последней — двадцать четвертой.

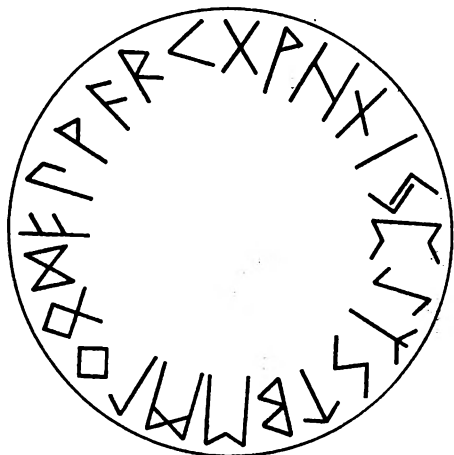
При таком расположении рун исследователь легко мог объяснить некоторые рунические заклинания и магические слова. Так, например, слово *alu* в числовой магии, по Агреллю, состоит из следующей комбинации — $3 + 20 + 1 = 24$, то есть число рун в футарке, магическое число, приносящее счастье и удачу, а также защищающее.

Выше уже упоминалось о том, что довольно часто на различных предметах вырезался рунический ряд, который уже сам по себе являлся оберегом — благодаря числовой магии и «мобилизации магических сил» (М. И. Стеблин-Каменский) всех рун, собранных воедино.

Мартину Турскому, пересек европейский континент, побывал в Меце, Париже и Туре. Перу Венанция Фортуната принадлежат «Жизнь святого Мартина», прозаические биографии святых и одиннадцать книг стихов, включающие в себя панегирики, эпиграммы, эпиграммы и гимны.

На магических предметах, обладающих охранительной силой, рунический ряд в своем полном составе располагается, как правило, по кругу или по спирали:

На рисунке ниже представлено изображение первых шести рун — собственно сам ФУТАРК, — но повторенное двенадцать раз. Общее количество рун равно 72, то есть магическое, защищающее и оберегающее число 24, повторенное 3 раза.

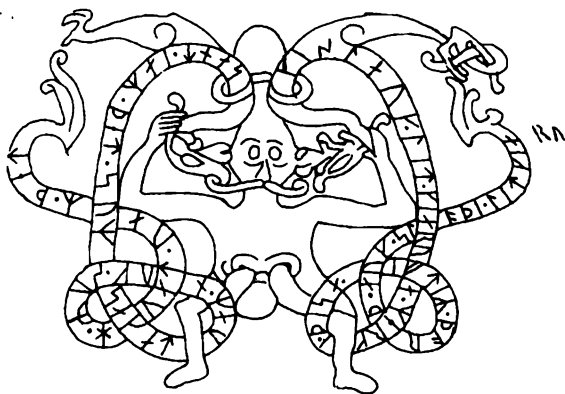

Нередко встречается на амулетах и написание первых трех рун — *f, u, th*. Помимо того, что это первые три руны, обладающие большой магической силой и являющие собой число «3» — одно из самых сильных магических чисел, это слово обозначало еще и женский половой орган. Такие надписи — одна из загадок рунологии, ибо рунологи не знают, как толковать подобные руны — как символическую магию или как что-то другое.

Тем не менее факт остается фактом — на рунических камнях присутствуют утрированные изображения половых органов, а идол бога плодородия и любви Фрейра, по словам Адама Бременского, написавшего в 1075 году «Историю гамбургских архиепископов», был «снабжен громадным детородным членом».

Подобное — с точки зрения современного человека — неприличие было связано с определенными моментами язычества, которые лишь после принятия христианства стали считаться непристойными.

Приведем один из таких «шокирующих» рунических камней:

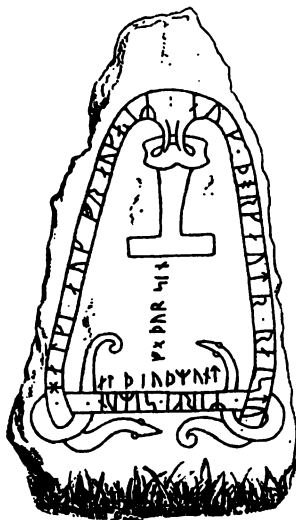
Довольно «темна» и надпись, которую условно называют Тистель-Мистель-Кистель — *Tistel, Mistel, Kistel*. Согласитесь, что звучит она довольно похоже на некое детское заклятие, тем не менее извест-

на она с IX века и повторяется на камнях не единожды.

Оберегом, кроме того, мог считаться и рисунок, сделанный рядом с надписью.

Таким защитным символом был, например, молот Тора, который часто изготавливали в качестве отдельного ювелирного украшения-оберега. Есть изображение такого молота и на руническом камне эпохи викингов из Стенквисты:

Довольно часто рунические надписи делались на рогах для питья меда или пива — тоже с охранной целью. Как правило, рядом помещались и всевозможные рисунки.

Самым замечательным примером такого рога служит один из двух золотых Галлехуских рогов (около 400 года, вес около 7 килограммов), надпись на котором гласит:

ekhlewagastiR
holtijaR
horna
tawido

Я, Хлевагаст, сын Хольга, сделал этот рог.

До сих пор никто из исследователей так и не смог предложить удовлетворительной расшифровки рисунков, в избытке покрывающих рога.

Рисунки сохранились только в старых зарисовках, так как рога были украдены в 1802 году из сокровищницы датского короля и переплавлены в золото.

Руны обладали удивительной силой. Так, Саксон Грамматик* приводит историю о том, как посредством заклинаний, вырезанных на дереве и положенных под язык умершего человека, мертвец был принужден проговорить наводящие ужас стихи и открыть не менее ужасные тайны будущего.

Довольно любопытный рассказ о рунах, могущих защитить человека от рога с отравленным питьем, находим мы все в той же древнеисландской «Саге об Эгиле».

Эгиль Скаллаgrimсон однажды был в гостях у конунга Эрика и разозлил одного из его людей — дружинника Барда, который «пошел к жене конунга и сказал ей, что там сидит человек, который их позорит: сколько бы он ни пил, он все говорит, что не напился.

Гуннхильд и Бард смешали тогда яд с брагой и внесли этот напиток. Бард осенил его знамением Тора и дал служанке, разносившей брагу. Она поднесла рог Эгилю и предложила ему выпить.

Но Эгиль взял нож и воткнул его себе в ладонь. Потом он принял рог, вырезал на нем руны и окрасил их своей кровью. Он сказал:

Руны на роге режу,
Кровь их моя окрасит.
Рунами каждое слово
Врезано будет крепко.
Брагу девы веселой
Выпью, коль захочу я.
Только на пользу ль будет
Брага, что Бард мне налил?

---

* *Саксон Грамматик* (*Saxo Grammaticus*) (1140 — ок. 1208) — датский историк-хронист, автор «Деяний данов». Первые девять книг содержат древние скандинавские сказания (именно оттуда У. Шекспир заимствовал сказание о Гамлете). В остальных семи книгах «Деяний» содержатся сведения по истории Дании вплоть до 1185 года.

Рог разлетелся на куски, а напиток пролился на солону*».

Руны, окрашенные кровью, фигурируют в «Саге о Греттире». Одна женщина по имени Турид вырезала на корне дерева руны, окрасила их своей кровью и прочла над ними заклинания. Именно от этих рун Греттир вскоре и скончался.

В качестве охранительных — магических — знаков употреблялись и рисунки, которые бы мы сейчас назвали лигатурами, — руны на таких изображениях как бы вписаны друг в друга и палочка одной руны служит одновременно и частью другой руны.

Таково, например, слово «процветание», руническая лигатура которого выглядит следующим образом:

Многие надписи старшими рунами не поддаются расшифровке, что, собственно говоря, вовсе не удивительно, ибо, судя по всему, магические рунические надписи вообще не предполагались для прочтения.

«Особенно очевидно это в тех случаях, — писал крупнейший скандивист-медиевист профессор М. И. Стеблин-Каменский, — когда надписи сделаны на могильных плитах, зарытых в могилу надписью вниз... Именно так была зарыта... плита с самой длинной из всех надписей старшими рунами (Эггъя, Западная Норвегия). В этой надписи конца VII века есть, в частности, описание обряда, совершенного при захоронении. По наиболее правдоподобному из толкований надписи, обряд заключался в следующем: надпись была сделана ночью, чтобы на нее не попал

---

* Пер. С. Масловой-Лошанской.

солнечный свет, и не железным ножом, а каким-то особым ритуальным орудием; на камень были наложены запреты: его нельзя обнажать при ущербной луне, и злые люди не должны вынимать его из могилы; он был окроплен кровью, и ею были натерты уключины лодки, которая была потом потоплена... На плите, о которой идет речь, есть также изображение лошади. Известно, что лошадь играла важную роль в магии, а также в культуре Одина. Вероятно, это изображение лошади тоже должно было служить оберегом могилы».

Заметим, однако, что изображение или сравнение мужчины с кобылой были исполнены в скальдической и рунической магии большой отрицательной силы.

В законе «Гулатинга» говорится даже: «Есть три выражения, признаваемые словесной хулой, за которую должна быть выплачена полная вира.

Первое, если мужчина говорит о другом мужчине, что он родил ребенка.

Вторая, если мужчина называет другого мужчину использованным в качестве женщины.

Третья, если мужчина сравнивает другого мужчину с кобылой, или сукой, или самкой любого другого вида животного».

Когда исландцы решили отомстить конунгу Харальду сыну Горма и наместнику его Биргиру, о чем рассказывается в «Саге об Олаве сыне Трюггви» в «Круге Земном» Снорри Стурлусона, то они сочинили следующую вису:

И топча в обличье
Слейпнира угоры
Мёрнировы*, Харальд
Весь размяк, вояка,
А бедняга Биргир,
Богам неугодный,
Там — видали люди —
Был его кобылой**.

---

* Угоры Мёрнировы — круп кобылы (Мёрнир — детородный член жеребца).

** Пер. О. А. Смирницкой.

В уже упоминавшейся «Саге об Эгиле» говорится о лошадиной голове, насаженной на орешниковую жердь с руническим заклятием.

Перед нами пример наиболее действенной изобразительной магии, в которой лошадь, вернее действие, производимое с ней, играет важную роль. Во всех этих магических обрядах несомненно влияние тотемизма (культовое расчленение тотема).

К жерди с заклятием Эгиля мы еще вернемся, а пока приведем руническое выражение надписи из Эггъя:

Особенной силой обладали и отдельные руны, которые часто встречаются — многократно повторенные — в рунических надписях.

Одной из таких «могущественных» рун является руна «турс».

Как рассказывается в одной из песен «Старшей Эдды», когда Скирниру, отправившемуся добывать невесту богу Фрейру, надоело уговаривать ее, он пригрозил:

Я вырежу Турс и три тайные знака —
Похоть, скорбь и безумье в удел тебе дам*.

А в исландской «Черной книге» XV века содержится такое заклятие:

Я вырежу асов восемь,
и девять нужд,
и тринадцать турсов.

А в другом исландском руническом заклятии говорится:

Fe — это ненависть друга,
Огонь реки
И змея тропа.

Ur — это плач туч,
И льда бессилие,
И ненависть пастыря.

Turs — это женщин тоска,
Горных вершин обитатель,
И муж рунической вехи.

На рунических камнях часто вырезали формулы заклятия: «Тот, кто повредит этот камень, умрет или пострадает».

Тем не менее сохранились свидетельства и о том, что наряду с применением рун в магических целях в древние времена они использовались в качестве средства передачи информации, как тайного, так и явного.

Например, Саксон Грамматик рассказывает, как Амлет (Гамлет) отправился в Англию в сопровождении двух приближенных, которым было доверено тайное послание, вырезанное на дереве: по словам автора, в древние времена дерево повсеместно использовалось для письма.

---

* Пер. С. Свириденко.

В вышеупомянутой «Саге об Эгиле» Торгерд, дочь Эгиля сына Скаллагрима, якобы вырезала на «runakefli», рунической палочке, прекрасную поэму «Утрата сыновей», в которой ее престарелый отец оплакивает смерть сына, последнего представителя своего рода.

В «Саге о Вёльсунгах» рассказывается о том, как Гудрун вырезала руны:

«И вот сказывают, что однажды ночью, пробудившись от сна, заговорил Атли с Гудрун.

— Приснилось мне, — сказал он, — что ты пронзила меня мечом.

Гудрун разгадала сон тот и сказала, что сон — к огню, если снится железо, — “и еще к тому, что суетно мнишь ты себя выше всех”.

Атли молвил:

— И еще снилось мне, будто выросли две тростинки, а я не хотел их ломать; но потом были они вырваны с корнем, и окрашены кровью, и поданы в палату, и даны мне в пищу. И еще снилось мне, будто с руки у меня слетело два сокола, и были они без добычи и полетели к Хель; привиделось мне, будто их сердца были обмазаны медом и я их ел. А затем мне казалось, точно два красивых щенка лежат передо мною и громко лают, а я ем их мясо против воли.

— Нехорошие это сны; но они исполнятся: сыновья твои обречены на смерть, и великие тяготы падут на нас.

— И еще снилось мне, — говорит он, — что я лежу на одре и смерть моя решена. И так тянется их жизнь, живут они несогласно.

Вот размышляет Атли конунг, куда могло деться то великое золото, которым владел Сигурд; а знают об этом Гуннар конунг и его братья. Атли был великий властелин и могучий, мудрый и многодружинный.

Вот держит он совет со своими людьми, как ему быть. Знает он, что у Гуннара так много добра, что ни один человек не может с ним равняться. И вот решает он послать людей к тем братьям и позвать их на пир и всячески их почтить; послали мужа того, что звался Винги.

Знает королева та об их тайных речах, и сдается ей, что ковы куются против ее братьев. Гудрун нарезала

руны, а потом взяла золотой перстень, обмотала волчьим волосом и отдала его в руки посланцам королевским.

Тогда поехали они по слову конунга, и прежде чем вышли они на берег, заметил Винги руны те и перечертил их на иной лад, будто Гудрун побуждает их рунами теми, чтоб они приехали ее навестить.

Затем пришли они в палату Гуннара конунга, и приняли их хорошо и зажгли для них большие огни; и стали они в веселье пить отменнейшее питье.

Тогда молвил Винги:

— Атли конунг прислал меня сюда и хочет он, чтобы вы прибыли к нему с великою честью и приняли бы от него великую честь — щиты и шеломы, мечи и брони, золото и добрые ткани, лошадей и людей и обширные лены, и даст он вам все лучшее, что есть в его землях.

Тогда покачал Гуннар головой и спросил у Хёгни:

— Что думать нам об этом посольстве? Он сулит нам большие богатства; а я не знаю ни одного конунга, у которого было бы столько золота, сколько есть у нас, раз мы владеем всем золотом тем, что лежало на Гнитахейде; и есть у нас большие коморы, полные золота и отменного оружия и всякого рода ратных доспехов. Знаю я, что конь мой лучше всех, меч острее всех, казна богаче всех.

Хёгни отвечает:

— Дивлюсь я его посольству, ибо редко он так поступал; и неразумно, быть может, ехать к нему в гости. И еще я дивлюсь, потому что, глядячи на сокровища те, что послал нам Атли конунг, заметил я волчий волос, обернутый вокруг одного перстня; и может статься, Гудрун думает, что волчью мысль таит он против нас, и не хочет она, чтобы мы ехали.

Тут Винги показывает ему те руны, говоря, будто их прислала Гудрун. И вот пошла вся челядь спать, и осталось их за столом немного.

Тогда подошла жена Хёгни, что звалась Костберою, красивейшая из женщин, и взглянула на руны те. Супруга Гуннара звалась Глаумвёр, отменная жена. Они обе разливали мед.

Конунги сильно захмелели; подметил это Винги и молвил:

— Нечего скрывать, что Атли конунг отяжелел очень и состарился очень и не может оборонять свое царство, а сыновья его малы и ни на что не пригодны. И хочет он теперь передать вам власть над своею землею, пока они так молоды, и считает, что вы лучше всех управитесь.

И вот по двум причинам, потому что Гуннар сильно захмелел и потому что предлагалось большое царство (да и не мог он одолеть судьбины), соглашается конунг приехать и говорит о том Хёгни, брату своему.

Тот отвечает:

— Твое слово да будет нерушимо, и последую я за тобой; но не рад я этой поездке.

А когда люди напились вволю и разошлись на покой, стала Костбера разглядывать руны и прочитала знаки; и увидела она, что другое начертано сверху, нежели было внизу, и что спутаны руны. Все же она разобралась в них по мудрости своей; после этого легла она в постель подле мужа.

А когда они пробудились, молвила она Хёгни:

— Из дому хочешь ты ехать, а это неразумно. Лучше поезжай в другой раз. И несведущ ты в рунах, если думаешь, что приглашает тебя сестра твоя. Я прочитала руны те, и дивлюсь я на такую мудрую женщину, что неладно она написала; а внизу как будто начертано, что смерть вам грозит. А приключилось тут одно из двух: либо не хватило у ней дощечки, либо другие подменили руны. А теперь выслушай мой сон*.

• • •

Постепенно футарк модифицировался в младшие, или скандинавские, руны. Существует около 3500 младшерунических надписей.

В младшем руническом ряду знаков всего 16.

Различают датский вариант младших рун:

---

* Пер. Б. Ярхо.

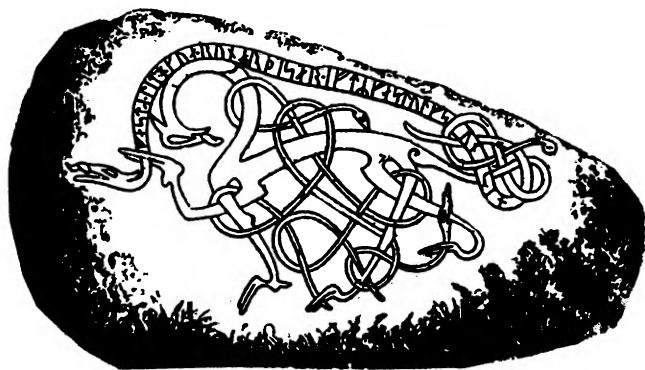

Однако, хотя звериный орнамент не был искусством изобразительным в собственном смысле слова, функция его все же, по-видимому, не была чисто орнаментальной.

В исландской “Книге о заселении страны” рассказывается, что языческие законы начинались с такого запрета: “Люди не должны иметь в море кораблей со звериными головами и разевающими пасть мордами, дабы не испугать духов хранителей страны”.

Высказывалось предположение, что обязательность звериных морд в орнаменте, так же как и этот языческий запрет, имели своей почвой веру в магическую силу звериных морд с разинутой пастью».

Такой заплетенный орнамент высечен на руническом камне XI века:

В Англии существовали свои собственные руны — англосаксонские. Их было 33.

«После переселения и последующей изоляции англосаксов со временем возникла необходимость модифицировать древний алфавит и привести его в соответствие с изменяющейся фонетической системой языка, — пишет А. К. Пауэс. — Добавились четыре новых знака, а некоторые из уже существующих были преобразованы с учетом новых фонетических характеристик, приобретенных прежними звуками. Так возник специфический англосаксонский алфавит, представленный как минимум тремя образчиками. Один из них — короткий меч, найденный в Темзе и ныне хранящийся в Британ-

ском музее; второй содержится в Зальцбургском манускрипте 140 X века (ныне находится в Вене); третий входит в англосаксонскую руническую песнь. Два последних содержат названия рун в их древнеанглийской форме. Помимо стандартного англосаксонского алфавита, воспроизведенного в трех упомянутых образчиках, на острове Мэн был распространен существенно упрощенный местный норвежский вариант, как можно заключить из тамошних исландских манускриптов, относящихся ко второй половине XI века».

Однако невозможно утверждать с определенностью, как и до какой степени руны использовались англосаксонскими поселенцами: английская земля далеко не так богата свидетельствами, как северные края. В Англии рано ввели христианство — за несколько веков до того, как оно достигло далекой Скандинавии. Новая религия изо всех сил старалась уничтожить все следы обрядов и верований, напоминающих о дьяволе, с которым вскоре стали идентифицировать языческих богов.

Тем не менее сохранились отдельные документы, пусть и немногие, что красноречиво свидетельствуют о стойкости древних верований и о том, сколь неохотно англосаксы расставались с язычеством.

Беда Достопочтенный* предоставляет нам убедительные доказательства того, что англосаксы, уже на достаточно позднем этапе, верили в магические свойства рун. В «Церковной истории» (IV, 2) рассказывается о судьбе знатного человека по имени Имма, который был захвачен в плен в битве между Эгфритом, королем Нортумбрии, и Этельредом, королем Мерсии, в 679 году нашей эры**. Всякий раз, когда брат Иммы, считав-

---

* *Беда Достопочтенный* (673—735) — прозаик, историк и ученый, автор «Церковной истории английского народа» («*Historia Ecclesiastica Gentis Anglorum*», 731), включившей в себя ценные сведения из истории Англии, легенды и предания англосаксов. В IX веке «Церковная история» была переведена на древнеанглийский язык.

** *Этельред* (ум. 716) — король Мерсии, покровитель многих церквей, в конце жизни удалился в монастырь. В 679 году в битве на берегу Трента, о которой и идет речь, победил войско Нортумбрии и захватил провинцию Линдсей. В этом сражении погиб Эльфвине, брат нортумбрийского короля Эгфрита. Благодаря вмешательству Теодо-

ший его погибшим, служил мессу за упокой его души, оковы узника падали. Тюремщик, ничего не знавший о христианской молитве, весьма тому дивился и спрашивал, не имеет ли узник при себе *litterae solutoriae*^{*}, то есть букв, обладающих силой разбивать оковы.

В «Беовульфе» (строка 591) про человека, затеявшего ссору, говорится, что он «развязывает руны войны».

В поэме «Даниэль» (строка 741) таинственная и грозная надпись, возникшая на стене дворца царя Балтазара, названа словом «руна».

В «Диалоге Соломона и Сатурна» содержится любопытное переложение древнего языческого заклинания. Рассуждая о силе и достоинствах молитвы «Отче наш», поэт постепенно использует все руны, составляющие текст молитвы; каждая, однако, сопровождается соответствующей заглавной буквой латинского алфавита. Так, автор советует всякому прочесть «Отче наш» перед тем, как обнажить меч против враждебного воинства, и обратить демонов в бегство посредством слова Божьего; в противном случае демоны задержат руку воина в момент смертельной опасности и заколдуют его оружие, вырезав на нем роковые буквы и знаки смерти. Трудно представить себе более убедительную иллюстрацию того, как христианство боролось с древними верованиями, подменяя молитвой «Отче наш» языческие битвенные заклинания, вкладывая новый смысл в старинные обряды и наделяя демонов и дьяволов способностью творить руны победы или смерти: этой способностью прежде обладали языческие боги.

Используемые в качестве обычных, без примеси магии, знаков письменности руны встречали более благосклонный прием.

Древнейшие рунические надписи, сохранившиеся на территории Англии, по большей части представляют собой имена собственные — как правило, владельцев украшенного рунами предмета.

ра, епископа Кентерберийского, Этельред согласился заплатить виру за убитого принца, и военные действия были остановлены.

* В древнеанглийском варианте употреблено выражение «*alysendlecan rune*», «освобождающие руны».

Так, на мече, найденном в Темзе, в придачу к руническому алфавиту выгравировано имя владельца — «Беагнот».

Про Беовульфа известно, что в пещере Гренделя он нашел древней работы меч, причем на рукояти рунами было выгравировано имя воина, для которого ковался клинок*.

Надпись на кольце VIII века, выполненная частично рунами, а частично латинскими буквами, гласит: «Этред владеет мною, Эанред меня гравировал».

В англосаксонской литературе встречаются и другие упоминания об использовании рун в качестве средства общения. Читая небольшое стихотворение «Послание мужа», мы вспоминаем *runakefli* исландских саг. В поэме руническая палочка содержит в себе послание жене от мужа: ей велено плыть за море в далекую страну, где господин ее и повелитель добыл богатство и земли.

Но куда более важны надписи, дошедшие до наших дней в первоизданном виде и вырезанные главным образом на камне. Сохранились они в основном на севере и по большей части относятся к VII и VIII векам; ни одной надписи, восходящей к первым ста пятидесяти годам после англосаксонского завоевания**, не уцелело. Все сохранившиеся надписи несут в себе следы христианства.

Наиболее значимые из них — те, что имеют отношение к английской литературе, — это Рутвельский крест в Дамфрисшире, восходящий, возможно, к VIII веку, на котором высечены отрывки из «Видения Крес-

---

* В русском переводе соответствующие строки звучат так:

... и сияли на золоте
руны ясные,
возвещавшие,
для кого и кем
этот змеесукрашенный
меч был выкован
вместе с череном,
рукоятью витой...
(строки 1694—1698)

См.: «Беовульф» в пер. В. Тихомирова. Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах / Вступ. ст. А. Гуревича. М., 1975 (БВЛ).

** Имеется в виду завоевание кельтской Британии в V—VI веках германскими племенами — англами, саксами, ютами и фризами, получившими общее название англосаксов.

та»*, и колонна из Бьюкасла в Камберленде, возможно, воздвигнутая в память об Альфрите, сыне нортумбрийского короля Осви (642—670).

Рунические надписи встречаются также на монетах и других предметах, важнейший из которых — рунический ларец Фрэнкса (Клермона). Крышка его и три стенки хранятся в Британском музее, а четвертая стенка — в Национальном музее Флоренции. Ларец сделан из моржовой кости, а на стенках его изображены эпизоды из саги о Вёлунде, поклонение волхвов, Ромул и Рем, вскормленные волчицей, и, наконец, битва Тита с израильтянами. Изображение на фрагменте, хранящемся во Флоренции, пока что не истолковано. Надписи, обрамляющие основные сцены, содержат в себе описание поимки кита и пояснения к картинам. Лингвистический анализ текста позволяет предположить, что ларец сделан в Нортумбрии в начале VIII века.

В отдельных древнеанглийских манускриптах руны встречаются изолированно, как, например, в «Беовульфe» и «Требнике Дарема». В загадках Эксетерской книги** вкрапления рун порой способствуют разгадке, а порой затемняют значение отрывка. Иногда поэт или переписчик увековечивает свое имя, влетая в текст рунический акrostих. Так, поэмы «Елена», «Юлиана», «Христос»*** и Верчелльский фрагмент содержат руническую подпись их автора, Киневулфа****.

---

* Надпись на Рутвельском кресте частично совпадает со строками 39—64 «Видения Креста» — англосаксонской поэмы религиозного содержания из Верчелльского кодекса, ранее приписываемой Кюневульффу. Одни исследователи считают поэму поздней ученой переработкой формульной надписи на Кресте, другие воспринимают оба текста как далеко разошедшиеся версии одного поэтического произведения.

** Эксетерская книга (*The Exeter Book*) была подарена в 1072 году епископом Леофриком библиотеке собора в Эксетере, где она находится и поныне. Входит в число четырех рукописных кодексов, чудом дошедших до наших дней и содержащих в себе уникальные образчики англосаксонской поэзии. Эксетерская книга содержит в себе 95 древнеанглийских загадок.

*** Вторая часть трилогии «Христос», написанной разными авторами, известная как «Христос II» или «Вознесение»: стихотворная версия проповеди о Вознесении, написанной папой Григорием I Великим.

**** В текст поэмы «Елена» введены значения рун, которые Н. Пенник в 15-й песни поэмы расшифровывает следующим образом: «В на-

В IX и X веках руны выходят из употребления.

Тем не менее вплоть до наших дней руны продолжают использоваться в обрядах магических.

В середине XV века (который вообще был веком рунического возрождения, ибо шведские епископы — как бы мы сейчас сказали из-за националистических побуждений — пытались вернуть рунический алфавит и приспособить его для письма в повседневной жизни) жил очень известный рунический маг Кеттиль, который из-за своего искусства получил прозвание Рунический. Он даже смог победить другого колдуна — Гилберта — во время состязания в колдовской силе. На гравюре того же времени запечатлен лишенный способности передвигаться (обездвиженный) Гилберт в своей усадьбе на Висингсе.

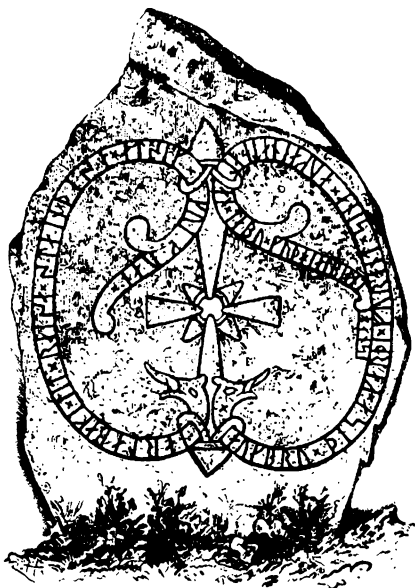
В Средние века, как уже говорилось выше, рунический ряд пытались приспособить под латинский алфавит.

Где-то в начале XIII века — предположительно в одном монастыре в Сконе — рунический алфавит в его латинизированном варианте стали использовать как язык книг. До нас дошел так называемый *Codex Runicus*.

Вот как выглядит его страница:

У IR: YIT: PNT: N: AP: FFR: *IT: P. 1° =
FR: IT: *NT: PIR: BIRT: AP: UIR:
*NT: AP: *IT: PRT: IT: IT:
*NT: FR: PTP: BIRT: P: UIC: *NT:
UIT: IT: IT: BTP: BTRR: NUPI
PI: IT: *NT: NP: AP: IT: U: PTP:
UIT: NY: NTR: IT: IT: IT: *NT: IT:
PTP: BIRT: AP: IT: P: PRT: PN
IT: NIT: IT: P: UPI: IT: IT:
PTRR: *NT: AP: BTP: AP: P: P:
URP: IT: NR: URP: PTP: IT: RTR:
IRNT: IT: *IR: P: P: AP: *IT: IT: 2° =
PRT: IT: IT: BIRT: N: P: P: IT:
PIT: AP: IT: IT: PRT: IT:

Постепенно — после принятия христианства — языческие мотивы на камнях стали «тесниться» и уступать место христианским рисункам и даже изображению Христа, как на камне из Йеллинге (около 960 года), или изображениям креста, как на камне из Ярлабанкенс Бру (Швеция, X век):

Средневековье дало нам примеры самых разнообразных заклятий и заговоров, записанных рунами, в том числе и на латыни.

К таким необычным амулетам относится свинцовая пластина из Оденсе (Дания, XI век), на которой рунами вырезан следующий заговор на выздоровление:

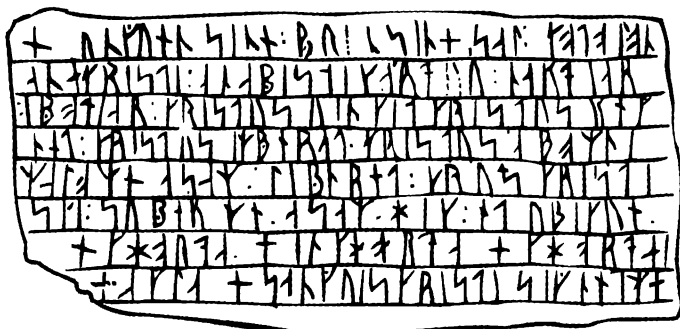
чале всего человека одолевают приступы печали, он был пылающим факелом (руна *Ken* или *Cen*), хотя в Медовых палатах ему вручили сокровище, золотое яблоко, он оплакивал зло (*Yr*), он был братом скорби (*Nyd*), он страдал от несчастий, терзающих его тайных мыслей, хотя его конь (*EbwaR*) мерил дорожные мили, гордо неся на себе всадника. Радость (*Wyn*) уменьшается с течением жизни, юность миновала, а с ней и прежние удовольствия. Жажду жизни (*Ur*) испытывали мы когда-то, а теперь те дни ушли, радость утекает от нас подобно струящейся воде (*Lagu*). Богатство (*Feob*) может рассыпаться в прах...» В результате подобной расшифровки возникает имя Киневулфа.

+unguensine prinsipe sal kotolon
anakristi anapisti
kardiar nardiar
ipodiar.

Христос побеждает,
Христос правит,
Христос спасает.

Христос освобождает меня, Оса,
От всего недоброго.
Христа крест будет всегда со мной, Оса,
И со всем миром.

+khorda+inkhorda+Khordai+
a g l a
+Христа кровь меня спасет+

На бронзовом амулете из Роскильде (Швеция, XI век) на одной стороне ясно читается *lufr*, а на другой стороне — *siuarth*, далее идет довольно темный текст, который профессор Ивар Линдквист расшифровывает следующим образом:

lufrthEEent isssssrrr / siuarthuuuuuubfEkkтуа

Что переводится как «Лучшее лекарство это г. Я победил (пересилил) две битвы».

На бронзовом амулете, найденном на кладбище в Хейстене (Швеция, XI век), читаем следующее заклятие:

Я заклиная мертвых
Не приходите к живым,

Ни пешком, ни верхом,
Не по морю плыть,
Не по воздуху летать,
Не на крыши коньке скакать.
И как только покажешься
Ты живому,
так сразу рассыплешься в прах.

А на ноже из Ледесе (Швеция, XI век) рунами вырезано знакомое всем с детства «Люби меня, как я тебя»:

Думай обо мне,
А я буду думать о тебе.
Люби меня,
Как я тебя.

Встречаются на рунических камнях и «плачи», специальные песни, которые исполнялись женщинами, которые оплакивали родичей и призывали живых отомстить за павших.

Известный шведский ученый Ларс Лённрут пишет:

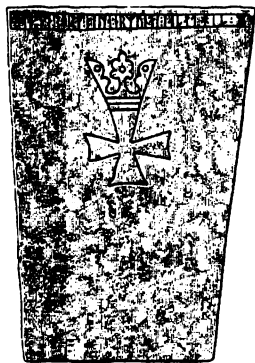
«На месте древнего тинга в Бельстеде, в районе Валлентуны, в провинции Уппланд, стоят два камня с длинной рунической надписью, которая может истолковываться как подобный женский плач. Камни воздвигнуты в честь хёвдинга Ульва из Скольхамры, могущественного в тех местах примерно в 1000 году. Поэтическая надпись гласит:

Ни одно надгробие
не сравнится с тем,
что воздвигли
сыновья Ульва,
отважные дети —
своему отцу.
Поставили они камни,
врыли высокий столб,
в знак памяти.
Также и Гюрид
Любила супруга.
Она в своем плаче
читит его память.
Гуннар высек руны на камне.

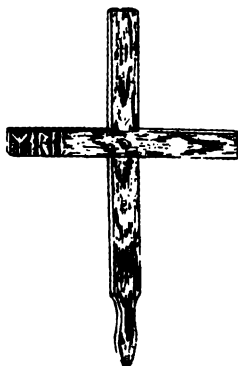
Последовательность действий всех родичей павшего Ульва представляется следующей. Его сыновья воздвигли два камня, а также ныне пропавший деревянный столб в честь отца. Их мать, Гюрид, сочинила плач в память мужа. А затем надпись была высечена на обоих камнях профессиональным резчиком, Гуннаром.

Если это истолкование правильно, то камни из Бэльсты — наш самый древний известный пример женской литературы*.

Иногда на камнях встречаются записи на латыни, выполненные рунами, как на камне из Экерё: «*ingeborg filia ermundi iacet hic*». И переводится это как «Ингеборг, дочь Эрмунда, покоится здесь».

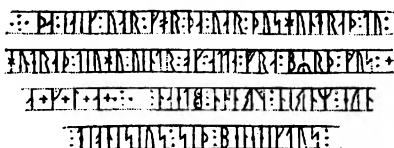
На кресте XIV века вырезано просто «*Maria*».

* Пер. Т. Чесноковой.

В Средние века многие церковные колокола были снабжены руническими надписями. Так, на колоколе из Салевью, отлитом в XIII веке, читаем:

+tha:iak:uar:gor: tha:uar:
 thushundrath:tuhundra:tiuhu:uintr:
 ok:atta:fra:byrth:gus:
 +a+g+l+a+
 anelp:aicarg:airam:eua:
 dionisius:sith:benediktus+

Надпись рунами означает:

Меня отлили в год
 тысяча двести двадцать
 восьмой от Рождества Христова.
 +a+g+l+a+
 Ave Maria gracia plena.
 Дионисий да славится.

Формула +a+g+l+a+ считается магической и означает: «Да славится имя Твое, Господи, в веках!»

Иногда мастера вырезали свое имя на церковном

«инвентаре», как на купели из Норума и церковной двери из Вэрсоса.

Руны не выходили из употребления — как это ни невероятно — вплоть до 1900 года, когда была зафиксирована последняя руническая надпись, выполненная Анной Андерсдоттер (дочерью Андерса) на стене одной из построек хутора в Эльвдалене. Она была, как считается, последней из поколения, которым руны использовались на практике в качестве букв.

СКАЛЬДЫ, ПРОРОЧИЦЫ И РУНЫ

Скальдическая поэзия, столь похожая на вязь скандинавской резьбы, очень трудна для восприятия современным человеком. Для того чтобы объяснить, чем именно, приведем сразу подстрочный перевод одной из *вис* (строф):

Готова тому, кто был добр в сердце,
Золотая рака моему
Славлю я святого конунга
Он посетил богов господина.

Читатель XXI века вряд ли догадается, что для викингов она звучала приблизительно так же, как для нас звучит следующая строфа:

Готова золотая рака
Доброму сердцем
Моему господину святому,
Любимцу богов,
Которого я прославляю.

В приведенной *висе* обращает на себя внимание крайняя запутанность, с современной точки зрения, текста. Именно в изощренной форме и заключался смысл скальдической поэзии, ибо форма должна была не обнаруживать смысл, то есть актуальное настоящее, и так хорошо известное аудитории скальда, а, наобо-

рот, с помощью особых, строго регламентированных, приемов скрывать его, ибо только особая вычурность формы и возможность ее варьирования заново в каждой новой висе могли сделать простой факт настоящего предметом поэзии.

Многочисленные кеннинги с эпитетами почти не оставляют места в строке для сообщения каких-либо фактов, ибо объемы строки были строго ограничены законами скальдического творчества.

Кеннинг — это замена существительного обычной речи двумя существительными, из которых второе определяет первое, например, «дракон моря» — корабль. Приведем наиболее распространенные кеннинги: «буря копий» (битва), «море меча» (кровь), «огонь битвы» (меч). Могли быть и многоступенчатые кеннинги.

Например, известный скандинавист М. И. Стеблин-Каменский приводит следующий кеннинг: «метатель огня вьюги ведьмы луны коня корабельных сараев», где «конь корабельных сараев» — корабль, «луна корабля» — щит, «ведьма щита» — секира, «вьюга секиры» — битва, «огонь битвы» — меч, а «метатель меча» — воин, то есть просто «он»!

По сути дела, виса — это не текст в современном смысле этого слова, ибо она практически ничего не сообщает о конкретном событии. И если для слушателей скальда герои висы были легко узнаваемыми людьми, а о событии не было необходимости сообщать всю информацию, но лишь часть ее, для воспроизведения картины целого, то для современного слушателя висы нуждаются в комментариях.

Именно поэтому при записи саг в XIII веке возникла необходимость в объяснении, когда и в связи с каким событием была сочинена та или иная виса. В противном случае создавалась опасность неправильного толкования.

Скальды всегда сочиняли висы о том, что видели сами или, по крайней мере, слышали от очевидцев. «Вы должны, — говорил конунг Олав Харальдссон скальдам перед своей последней битвой, — быть здесь и видеть то, что произойдет. У вас тогда будут не одни только

рассказы других. Ведь вы должны после рассказывать и сочинять стихи обо всем этом».

Скальдические стихи сочинялись по свежим следам событий, их содержание было заранее предопределено фактами действительности.

Основная заслуга скальдов состоит в том, что они впервые избрали предметом поэзии не эпическое прошлое, а единичный факт настоящего, часто самый прозаический.

Невозможность высказать в глаза заведомую ложь, следовавшая как из актуальности (современности) самих вис (ибо описываемые события всегда были известны слушателям, а многие принимали в них непосредственное участие), так и из веры древних скандинавов в магическую силу слова* (лживое слово — посягательство на благополучие того, кому льстят), была на протяжении многих веков доказательством верности скальдических стихов, многие из которых использовались в качестве исторических источников.

Скальдическую поэзию можно назвать хитросплетением речи, полной условностей и завуалированных намеков, ориентированных на догадливость и определенный фонд знаний слушателей.

Она качественно отличается от эпической поэзии — песен «Старшей Эдды», в которых собраны все известные нам сказания о богах и героях древнего Севера. Ибо сказители, передававшие из поколения в поколение песни «Эдды», считали, что лишь воспроизводят древние строки и легенды, и ничего не могли добавить от себя. Они не осознавали себя авторами строф — в отличие от скальдов, которые первыми в истории литературы стали считать себя *непосредственными авторами*, хотя их авторство и было направлено лишь на форму, но не на содержание.

Скальдическое искусство исконно было связано с рунической магией. М. И. Стеблин-Каменский писал, что «вырезание рун и сочинение скальдических стихов сходны как тип творчества.

---

* М. И. Стеблин-Каменский писал, что «в силу того, что в скальдической поэзии форма была в известной мере независима от содержания, самой поэтической форме приписывалась действенная сила».

Из того, что скальды говорят в своих стихах о своем искусстве, очевидно, что они осознавали его как владение определенной формой, как умение зашифровать содержание посредством определенной фразеологии и в то же время как способность оказать определенное действие — прославить, в случае хвалебной песни, и посрамить, уничтожить, в случае хулительных стихов. Но, как явствует из того, что рунические мастера говорят о своем искусстве, они тоже осознавали его как владение определенной формой, как умение вырезать руны в определенном порядке и т. д., и в то же время как способность оказать, в силу владения этой формой, определенное действие — защитить могилу, отогнать злые силы и т. д.».

Изоощренная форма стихов скальдов и рунических заклятий обеспечивала не только их действенность, но и временную сохранность в целостности и невредимости, а следовательно, и временную действенность.

В некоторых надписях на шведских рунических камнях сам резчик рун называет себя скальдом. В «Младшей Эдде» слова «искусство скальдов» и «руны» используются как синонимы. Известный исследователь древнескандинавской литературы Ян де Фрис писал: «Вполне вероятно, что древнеисландское слово “скальд” означало “сочинитель хулительных стихов”».

Слово «скальд» (*skáld*) в древнеисландском языке было среднего рода, так же как некоторые слова, обозначающие сверхъестественные существа. Возможно, это было связано с представлением о безличной, но очень могущественной силе, проявляющейся в поэзии скальдов и ее направленном воздействии.

В древнеисландском языке есть и другое слово, обозначающее поэта и одновременно жреца и хранителя мудрости, — это слово «тул». Исследователи считают, что в обязанности тула входило и произнесение сакральных культовых текстов. Тулы произносили свои заклинания с так называемого «престола тула» (ср. ниже с престолом или помостом пророчицы). Само название тула произошло от глагола, который означает «говорить вполголоса, бормотать». В «Речах Высокого»

тулом называется Один, владеющий сакральной магической силой рун.

«Последняя вспышка веры в магическую силу поэтической формы, — писал М. И. Стеблин-Каменский, — была в Исландии в XVII веке, когда возникло множество народных сказок о магических стихах так называемых сильных поэтов. В сказках этих рассказывается, как строфа сильного поэта вызывала проказу или другую тяжелую болезнь, даже смерть, поднимала мертвеца из могилы и т. д. Такие строфы обычно импровизировались, причем считалось, что если человек сможет сразу же ответить на обращенные к нему стихи, подхватив рифму или завершив строфу, то тем самым магическое действие стихов парализовывалось. Сочинялись также длинные стихотворения, которые были по существу заклинаниями. Многие такие стихи сохранились. «Сильным поэтом» считался, в частности, Хатльгрим Пьетурссон, наиболее знаменитый поэт XVII века, автор рим*, сатирических стихов и особенно псалмов и вообще религиозной поэзии. В народной сказке рассказывается, что однажды Хатльгрим убил своим четверостишием лисицу, которая причинила много вреда. Он увидел ее в окно церкви во время службы — он был священником — и не мог удержаться от того, чтобы не сочинить о ней тут же уничтожающее четверостишие».

Таинственные знания можно почерпнуть из «внешнего мира» — мира за границами своей усадьбы. Тут надо напомнить о замкнутости пространства для древних скандинавов. Исландия для них была, как мы помним, центром мира, вокруг которого были расположены все остальные страны.

Контраст Исландия — не Исландия находит свое отображение и в мифе (Мидгард — Срединный мир и Утгард — Внешний мир), и в противопоставлении в скандинавском праве двух категорий двора, земель — «в пределах ограды» и «за оградой».

---

* Рима — длинное стихотворное повествовательное произведение, древнеисландская эпическая поэма, жанр, процветающий в XIV—XIX веках.

Выйдя «за ограду», человек оказывался в «чужом», нечеловеческом, пространстве, где можно было легко вступить в контакт со сверхъестественным и обрести тайное знание. Существовало даже специальное выражение — «сидеть снаружи» для обретения сокровенного знания (мудрости). Было известно также, что колдуньи для занятий волшбой выходили ночью за пределы двора.

«Не случайно и фигура скальда, — пишет Е. А. Гуревич, — избранника Одина, получившего от него в дар глоток чудесного, обладающего силой непосредственного магического воздействия напитка, равно как и сам его “податель”, верховный бог поэтов, отмечены печатью Утгарда. С наибольшей рельефностью это представление о поэте как о существе маргинальном и опасном, отчасти принадлежащем “чужому” миру и способном по своему выбору вступать в контакт со сверхъестественным, внечеловеческим, нашло отражение в фигуре Эгиля и его прямых предках по мужской линии. Все они, как известно, были скальдами.

Дед Эгиля Ульв считался оборотнем (*hamramr*), за что и был прозван *Kveld-úlfr* (Вечерний Волк): по вечерам он начинал избегать людей и делался сонливым — верный признак того, что его душа (*bugr*) готовилась на время расстаться с телом. Оборотничество и “волчья” натура, по-видимому, были унаследованы Квельдульвом от предков, на что недвусмысленно намекают имена и прозвища последних: его отца звали Бьяльви (*bjalfi* — звериная шкура), а его мать, Хальльбера, была дочерью Ульва Дикого Зверя, херсира из Наумудалья, и приходилась сестрой Хальльбьёрну Полутроллю с острова Хравниста. Кроме того, как и его тесть, Кари из Бердлы, отец скальда Эльвира Хнувы, Квельдульв был берсерком. Грим, его сын, впоследствии прозванный Скаллагримом (Лысым Гримом), большой мастер в работах по железу и дереву, был рослым великаном, “черноволосым и некрасивым, похожим на отца и видом, и нравом”, и в глазах людей выглядел скорее как тролль, нежели как человек. Показательна характеристика Скаллагрима и его спутников (многие из них к тому же были берсерками) в одном из эпизодов саги, где встре-

тивший их человек сообщает: “Там пришли люди — двенадцать человек, если называть их людьми. Ростом и видом они больше похожи на великанов, чем на обычных людей”. Как разъяренный берсерк, ведет себя и сам Скаллаgrim, во время игры в мяч после захода солнца сделавшийся таким сильным, что едва не убил голыми руками собственного сына — поступок, на который, как считалось, мог быть способен только волк, но не человек.

Во всем подобен отцу и деду был и младший сын Скаллаgrimа, Эгиль. И о нем рассказывается, что он был “велик, как тролль”, безобразен и темноволос. Гротескный образ Эгиля запечатлен в его обстоятельном “литературном портрете” — самом подробном описании внешности, подобного которому не достаивался больше ни один из героев исландских саг: “У Эгиля были крупные черты лица, широкий лоб, густые брови, нос не длинный, но очень толстый, расстояние между носом и верхней губой большое, подбородок необычайно широкий и такие же скулы, шея толстая и могучие плечи, так что он выделялся среди других людей своим суровым видом и в гневе был неистов. Он был высок ростом, выше других людей, волосы имел серые, как у волка, и густые, но рано стал лысеть... Эгиль был черноглаз, и у него были нависшие брови”. Не менее гротескна и искажившая это лицо гримаса: сидя на пиру у конунга Адальстейна (Этельстана) после гибели своего брата Торольва, бывшего дружинником этого английского короля, и ожидая виру за павшего в бою родича, Эгиль то и дело опускал одну бровь до скулы, а другую поднимал до корней волос. Брови его разгладились не раньше, чем он получил от конунга большое дорогое запястье.

Поступки Эгиля вполне соответствуют его “волчьей” внешности: уже в семилетнем возрасте во время игры в мяч он убивает своего старшего и более сильного товарища, а впоследствии, вступив в поединок с Атли Коротким и обнаружив, что того не берет никакое оружие, все же одерживает победу над своим противником, перекусив ему горло».

Таким образом, при сравнении описания скальдов — как Эгиля, так и других поэтов — вырисовывается со-

бирательный образ древнескандинавского поэта, который, по словам Е. А. Гуревич, «и внешним обликом, и характером противопоставлен идеализированному положительному герою саг».

Скальд в сагах — обладатель «темной» внешности, часто берсерк, возможно, оборотень, иногда он происходит из рода троллей, искусный в стихах.

За мед поэзии скальд иногда платит большую цену — как это сделал, например, Эгиль, который, согласно толкованию его стихов Дж. Харрисом, принес в принудительную жертву Одину двух своих сыновей, а взамен получил дар поэзии, способность распознавать тайных врагов.

Скальд, таким образом, приносит жертву, как и сам Один, ради знания рун провисевший на Мировом древе девять дней (о чем рассказывалось выше) и дорого заплативший за обладание медом поэзии (то есть за знание тайн скальдического искусства).

Вот миф о меде поэзии из «Младшей Эдды» в переводе О. А. Смирницкой:

«Все началось с того, что боги враждовали с народом, что зовется ванами. Но потом они назначили встречу для заключения мира. И в знак мира те и другие подошли к чаше и плюнули в нее. А при расставании боги, чтобы не пропал втуне тот знак мира, сотворили из него человека. Он звался Квасир. Он так мудр, что нет вопроса, на который он не мог бы ответить. Он много странствовал по свету и учил людей мудрости.

И однажды, когда он пришел в гости к карлам Фьялару и Галару, они позвали его как будто за тем, чтобы поговорить с глазу на глаз, и убили. А кровь его слили в две чаши и котел, что зовется Одрерир, — чаши же зовутся Сон и Боди, — смешали с той кровью мед, и получилось медовое питье, да такое, что всякий, кто ни выпьет, станет скальдом либо ученым. Асам же карлы сказали, что Квасир захлебнулся в мудрости, ибо не было человека, чтобы мог выпросить у него всю мудрость.

Потом карлы пригласили к себе великана по имени Гиллинг и его жену. Они зазвали Гиллинга с собою в море покататься на лодке и, лишь отплыли от берега, на-

правили лодку на подводный камень, так, что она перевернулась. Гиллинг не умел плавать и утонул, а карлы снова сели в лодку и поплыли к берегу. Они рассказали о случившемся его жене, та опечалилась и стала громко плакать. Тогда Фьялар спросил ее, не станет ли у нее легче на душе, если она взглянет на море, где утонул ее муж. И она согласилась. Тогда Фьялар сказал своему брату Галару, пусть заберется на притолоку и, как станет она выходить, сбросит ей на голову мельничный жернов, а то, мол, надоели ее вопли. Тот так и сделал.

Узнавши о том, великан Суттунг, сын Гиллинга, отправляется туда и, схватив карлов, отплывает в море и сажает их на скалу, что во время прилива погружается в море. Они молят Суттунга пощадить их и, чтобы помириться с ним, дают за отца выкуп — драгоценный мед.

На том и помирились.

Суттунг увозит мед домой и прячет в скалах, что зовутся Хнитбьерг, приставив дочь свою Гуннлед сторожить его...

Один отправился в путь и пришел на луг, где девять рабов косили сено. Он спрашивает, не хотят ли они, чтобы он заточил им косы. Те соглашаются. Тогда, вынужден из-за пояса точило, он наточил косы. Косцы нашли, что косы стали косить много лучше, и захотели купить точило. Он сказал, что пусть тот, кто хочет купить точило, заплатит за него в меру. Это всем пришлось по душе. И каждый стал просить точило для себя. Тогда Один бросил точило в воздух, но, так как все хотели схватить его, вышло, что они полоснули друг друга косами по шее.

Один остался ночевать у великана по имени Бауги, брата Суттунга. Бауги стал сетовать на свои дела и рассказал, что девять его рабов зарезали друг друга косами и вряд ли ему удастся найти себе других работников. Один же назвался Бельверком и взялся работать у Бауги за девятерых, а вместо платы попросил себе глоток меда Суттунга. Бауги сказал, что не он хозяин меда: мол, Суттунг один завладел им, но он готов идти вместе с Бельверком и помочь ему добыть мед.

Бельверк работал все лето за девятерых у Бауги, а как пришла зима, стал требовать с него плату. Они отпра-

вились к Суттунгу. Бауги рассказал брату своему Суттунгу об уговоре их с Бёльверком, но Суттунг наотрез отказался дать хоть каплю меда.

Тогда Бёльверк сказал Бауги, что надо попробовать, не удастся ли им заполучить мед какой-нибудь хитростью.

Бауги согласился.

Бёльверк достает бурав по имени Рати и велит Бауги попробовать, не возьмет ли скалу бурав. Тот так и делает. Потом Бауги говорит, что скала уже пробуравлена. Но Бёльверк подул в отверстие, и полетела каменная крошка в его сторону. Тут он понял, что Бауги замышляет его провести. Снова велит он буравить скалу насквозь. Бауги стал буравить снова, и когда Бёльверк подул во второй раз, каменная крошка отлетела внутрь. Тогда Бёльверк принял обличье змеи и пополз в просверленную дыру. Бауги ткнул в него буравом, да промахнулся.

Бёльверк добрался до того места, где сидела Гуннлед, и провел с нею три ночи, а она позволила ему выпить три глотка меда. С первого глотка он осушил Одрерир, со второго — Боди, а с третьего — Сон, и так достался ему весь мед.

Потом он превратился в орла и поспешно улетел, а Суттунг, завидев орла, тоже принял обличье орла и полетел в погоню. Как увидели асы, что летит Один, они поставили во дворе чашу, и Один, долетев до Асгарда, выплюнул мед в эту чашу.

Но так как Суттунг уже настигал его, Один выпустил часть меда через задний проход. Этот мед не был собран, его брал всякий, кто хотел, и мы называем его долей плохих скальдов».

Таинственному меду поэзии ученые находят параллели в мифологиях разных народов мира, в частности в древнеиндийской мифологии. Это божественный напиток *сама*, вызывающий экстатическое состояние и дающий бессмертие.

Не раз руны и скальдическое искусство в древнескандинавской литературе употребляются как синонимы.

Наиболее интересна в этом отношении «Сага об Эгиле», в которой рассказывается об одном из самых

известных скальдов, который владел рунической магией не хуже, чем искусством складывать висы.

Как уже говорилось, изгнанный из Норвегии конунгом Эйриком Кровавая Секира и его женой Гуннхильд, Эгиль поставил на берегу жердь с лошадиным черепом и вырезал на нем проклятие, призывающее духов страны изгнать из государства коварного конунга и его жену.

«Как показал норвежский рунолог Магнус Ульсен, — писал М. И. Стеблин-Каменский, — Эгиль, по всей вероятности, вырезал не то прозаическое заклятие, которое приводится в этом месте, а другое, стихотворное, совпадающее с ним по содержанию, но приведенное в саге в другом месте. Особую силу надписи должно было придать то, что, как заметил Магнус Ульсен, в ней были выдержаны магические числовые соотношения между рунами: в каждой из четырех полустроф (четверостиший), из которых состояла надпись, было ровно 72 руны, то есть три раза общее количество рун в старшем руническом алфавите. Таким образом, эта надпись была одновременно и скальдическим, и руническим искусством».

Подобная жердь с лошадиным черепом и вырезанным на ней рунами заклятием называлась «нид». Это слово одновременно обозначало и хулительный жанр скальдической поэзии, обладающий невероятной действенной силой.

Кроме того, лошадиная голова была связана с верой в магическую силу звериных голов и голов тотемических животных. Так, на носках боевых кораблей викингов, которые получили название *драккаров*, или *драконов*, были установлены резные фигуры драконов. Эти драконы должны были устрашать противников в бою, и законы запрещали викингам при возвращении домой подплывать к земле на корабле, на носу которого была разинутая пасть дракона. Это, по верованиям древних скандинавов, могло испугать добрых духов земли. Поэтому головы драконов при приближении к родному берегу снимались.

О возможных последствиях *нида* видно из «Пряди о Торлейве Ярловом Скальде». Норвежский ярл Хакон

отобрал у Торлейва его товары, корабль сжег, а спутников убил. Тогда Торлейв переоделся нищим и пробрался в палаты ярла и испросил разрешение сказать сочиненные им хвалебные стихи. Ярл разрешил и сначала был очень доволен хвалой себе и своему сыну Эйрику. Но вскоре он почувствовал страшный зуд и понял, что стихи Торлейва — скрытый нид. Тут Торлейв стал проносить центральную часть своего нида:

Туман поднялся с востока,
Туча несется к западу.
Дым от добра сожженного
Досюда уже долетает...*

Тут в палате стало темно, оружие на стенах пришло в движение, многие присутствующие были убиты. Ярл же потерял сознание, а когда пришел в себя, то обнаружил, что у него отгнили борода и волосы по одну сторону пробора. Он долго после этого пролежал больной.

Сочинение нидов запрещалось законом, а за заучивание их взимался штраф.

В норвежском законе «Гулатинга», который действовал до середины XII века, записано: «Никто не должен делать ни устный нид о другом человеке, ни древесный нид». «Наказание, о котором здесь идет речь, — пишет И. Г. Матюшина, — по существу означало смертный приговор. Объявленный вне закона оказывался не только вне защиты правовых норм общества, и всякий мог убить его, он как бы вообще исключался из числа людей и должен был удалиться в поисках убежища в незаселенную местность. То же наказание за сочинение нида предусматривалось собранием древнеисландских законов, называемых “Серый гусь”... Обе рукописи, записанные во второй половине XIII века, но, несомненно, восходящие к более раннему периоду, содержат почти идентичные главы, расширяющие границы того, что можно считать нидом: “...если человек сделает нид о ком-то, он объявляется вне закона. Это нид, если человек вырезает древесный нид, направленный на ко-

---

* Пер. М. И. Стеблин-Каменского.

го-то, или высекает или воздвигает нид-жердь против кого-то». Из приведенного отрывка следует, что помимо хулительных стихов (в законах применительно к стихотворному ниду используется слово “устный нид” или просто “нид”) нидом могли называться и вполне материальные объекты. Краткость их описания объясняется, вероятно, тем обстоятельством, что ко времени кодификации законов все, что было связано с древесным нидом и нидом-жердью, было общеизвестно. Для нас же более подробные сведения сохранили саги».

О мести Эгиля Скаллаgrimсона мы уже говорили. В «Саге о людях из Озерной долины» приводится еще одно, более полное, описание процесса установки нид-жерди. Йокуль Бардарсон убивает кобылу, разрезает ей грудь, на жерди вырезает наверху человеческую голову, произносит нид, а затем режет его рунами на жерди, которую после произнесения проклятия вставляет в грудь кобылы. Голову лошади он направляет в сторону жилища человека, на которого и сказан нид.

В основе такой веры лежит убеждение в том, что слово может оказать магическое действие. Неслучайно, что до наших дней не дошел в целостности ни один нид. «Можно предположить, что главная причина, — пишет И. Г. Матюшина, — по которой автор саги не приводит полностью текстов, связана с тем, что мы условно назовем “негативным сокрытием” нида... Нид целиком как замкнутое формальное единство таит опасность, он может оказаться губительным для всех, входящих с ним в контакт, и, следовательно, негативно оценивается ими. Опасность нида скрыта именно в целостности и замкнутости его строфической организации».

Именно поэтому конунги всегда платили за хвалебную песню — драпу, — которую сочинял для них скальд. Они получали нечто материализованное — славу, и работу скальда необходимо было вознаградить.

Древнеисландские законы давали право оскорбленному убить обидчика, если «человек назовет другого *ragr/argr, strodinn, sordinn*».

Все эти слова встречаются и в рунических надписях.

Слово *ragr/argr* имеет несколько значений — тот, кто не обретет мира и покоя, трусливый, немужествен-

ный, женоподобный, а также им называют пассивного гомосексуалиста.

Слова *strodinn* и *sordinn* на русский язык можно перевести как *содомит* и *содомия*.

Основной хулой в нидах было обвинение другой стороны в женоподобии, противоестественной сексуальной практике (такой, как пассивный гомосексуализм и скотоложество), оборотничестве и нарушении грани, отделяющей человека от животного.

Того, на которого было направлено заклятие, называли *нидингам* — человеком, достойным презрения и изгнанным из общества.

Тем не менее отношение к ниду в древнескандинавском обществе было неоднозначным. Дело в том, что нид считался вполне «приемлемым» и абсолютно законным, если служил на благо общества, — например, служил правому делу мести. Пример тому находим в «Саге об Олаве сыне Трюгтви» в «Круге Земном» Снорри Стурлусона:

«Конунг датчан собирался отправиться со всем этим войском в Исландию, чтобы отомстить за хулительные стихи, которые все исландцы сочинили о нем. В Исландии был принят закон: о конунге датчан нужно было сочинить по хулительной виле с каждого жителя страны. А причина тому была та, что корабль, принадлежавший исландцам, разбился у берегов Дании, и датчане захватили весь груз как добро, выброшенное на берег морем, и заправлял этим наместник конунга по имени Биргир. О них обоих сочинены хулительные стихи...

Харальд конунг велел одному колдуну отправиться в чужом обличье в Исландию на разведку и потом ему донести. Тот отправился в обличье кита. Подплыв к Исландии, он отправился на запад и обогнул страну с севера. Он увидел, что все горы и холмы полны там духами страны, большими и малыми. А когда он проплывал мимо Оружейного Фьорда, он заплыл в него и хотел выйти на берег. Но тут вышел из долины огромный дракон, и за ним — множество дышащих ядом змей, жаб и ящериц. Колдун поплыл прочь и направился на запад вдоль берега к Островному Фьорду. Но когда он заплыл в этот фьорд, навстречу ему вылетела птица, такая громадная, что крылья ее задевали горы по обоим берегам, а за ней —

множество других птиц, больших и малых. Колдун поплыл оттуда прочь и направился сначала на запад, а затем, огибая страну, на юг к Широкому Фьорду и заплыл в него. Но тут навстречу ему вышел огромный бык и пошел вброд по морю со страшным ревом, а за ним шло множество духов страны. Колдун поплыл прочь и направился на юг, огибая мыс Дымов, и хотел выйти на берег у Викарскейда. Но тут навстречу ему вышел великан с железной палицей в руке. Голова его была выше гор, и много других великанов шло за ним. Оттуда колдун поплыл вдоль берега на восток. Но там, как он сказал, нет ничего, кроме песчаных отмелей, и где негде пристать, и сильный прибой, и море такое огромное между странами, что на боевых кораблях туда не переплыть»*.

В облике быка, дракона, орла и великана колдуну явились четыре наиболее выдающихся исландца того времени, владевшие, как явствует из саги, искусством перевоплощения.

Для нас этот отрывок интересен еще и тем, что, как и Эгиль, исландцы в своем коллективном ниде, обращаются за помощью к духам страны.

Этих четырех духов-хранителей мы видим и на гербе современной Исландии:

* Пер. М. И. Стеблин-Каменского.

Исландские законы также запрещали сочинение любовных стихов, обращенных к женщине — *мансёнг* — под страхом виры, ибо считалось, что такие строфы могут подействовать как приворот.

«Приписывание магической действительности мансёнгу, — пишет И. Г. Матюшина, — очевидно, коренилось в представлении о том, что это не простая речь, а поэзия, “связанные слова”, то есть выраженное в стихах приравнялось к реальному осуществлению желаемого.

Скальд был наделен особой, почти магической властью вызывать дар в ответ на свои стихи».

• • •

Говоря о скальдах и магии, невозможно не затронуть и вопрос шаманизма и обрядов посвящения*.

Мирче Элиаде писал, что «как и все остальные народы, индоевропейцы имели своих магов и экстатиков. Как и везде, эти маги и экстатики выполняли четко определенную функцию в комплексе магиико-религиозной жизни общества. Кроме того, как маг, так и экстатик иногда ориентировались на мифическую модель: например, в Варуне видели “Великого Мага”, а в Одине (кроме многих других особенностей) — экстатика особого рода».

В культе Одина есть несомненные черты шаманизма.

Мы уже говорили, что, для того чтобы познать руны, Один провисел на мировом ясене Иггдрасиль девять дней и девять ночей. Некоторые германисты видели в этом обряд посвящения.

Отто Хофлер сравнивал этот германский обряд с обрядом сибирских шаманов — обрядом инициационного влезания на дерево.

---

* Под обрядом посвящения понимают совокупность ритуальных действий и устных наставлений, в результате которых меняется статус посвящаемого — как религиозный, так и социальный. «Посвящение, — писал М. Элиаде, — вводит неофита одновременно и в человеческое общество, и в мир духовных ценностей. Он узнает правила поведения, приемы и организацию посвященных, а также мифы и священные традиции, имена богов и историю их деяний».

Само название Иггдрасиля переводят как «скакун Игга», а Игг — одно из имен Одина. В северной традиции виселица также называется «конем висельника», а, как мы помним, Один — бог повешенных.

У скакуна Одина — Слейпнира — восемь ног, точно так же как и у «шаманских лошадок». М. Элиаде писал, что восьминогий конь — типично шаманский атрибут.

Так, в бурятской легенде молодая женщина берет (при живом первом муже) вторым мужем духа-предка шамана, и в результате этого мистического брака одна из ее лошадей приносит восьминогого жеребенка. Земной муж отрубает ему четыре ноги. Женщина кричит: «О, как ты мог это сделать! Ведь это был мой шаманский конь!» — и улетает от земного мужа в другую деревню, а позже становится духом — покровителем бурятов.

Хофлер считает, что Слейпнир, вероятно, является мифическим архетипом многоногого «коня на шесте» (если мы вспомним древесный нид скальдов — жердь с насаженной головой кобылы, — то связь скальдического магического искусства с шаманизмом будет вполне вероятна), исполняющего тайную роль в тайном культе мужских сообществ.

Родил Слейпнира Локи. Было это в самом начале, когда асы только стали селиться в мире. И когда возвели они Вальгаллу и устроили Мидгард, явился к ним один мастер и стал предлагать свои услуги: в три полугодия брался он возвести стены такие крепкие, чтобы ничего не могли и поделать с ними ни великаны гор, ни инеистые великаны. В награду себе просил он у асов в жены Фрейю, а вместе с ней — Солнце и Месяц. Держали асы совет и порешили заключить такой договор с мастером: если построит он стены за одну зиму, тогда асы отдадут ему Фрейю, Солнце и Месяц. Но если к первому летнему дню хоть что-то будет не готово, он ничего не получит; и при постройке не должен он пользоваться ничьей помощью. Когда передали асы мастеру эти условия, стал он просить только, чтобы ему позволили взять в помощь коня его Свадильфари, и по совету Локи ему это позволили.

С первым же зимним днем принялся мастер за дело: днем строил, а по ночам возил камни на своем коне, и

дивились асы, какие каменные глыбы привозил этот конь. Казалось, конь делал вдвое больше каменщика.

Но договор асов с мастером был заключен при свидетелях и скреплен многими клятвами, ибо так мастер-великан думал защитить себя на тот случай, если вернется Тор. А Тор был в то время на востоке и воевал с великанами.

Проходила зима, быстро подвигалась постройка, и скоро стены были почти готовы. И были они так высоки и прочны, что, казалось, никому не взять их приступом. Наконец за три дня до лета осталось только навесить ворота.

Тогда собрались асы на совет и стали спрашивать друг друга, кто посоветовал выдать Фрейю замуж в страну великанов и обезобразить небо, лишив его Солнца и Месяца. И все асы разом припомнили, что дал им этот коварный совет Локи, сын Лаувеи, виновник всяческих бед и разжигатель распрей среди асов, и порешили, что заслуживает он лютой смерти, если не найдет способа помешать мастеру. Испугался Локи и поклялся, что уладит дело и каменщик не выполнит условия.

В тот же вечер, когда отправился за камнями мастер со своим конем Свадильфари, выбежала из лесу навстречу коню кобыла, а потом опять бросилась в лес. Порвал конь удила, погнался за кобылой, а каменщик за конем, и так гонялись они друг за другом всю ночь. На следующий день оказалось, что урочная работа не выполнена, и мастер пришел тогда в такую ярость, на какую способны только горные великаны. Асы же поняли, что каменщик их — горный великан, испугались, что приведет он на них великанов войною, и принялись громко звать Тора к себе на помощь. Тор тотчас явился, высоко подняв свой молот Мьёлльнир. И пришлось тут каменщику отказаться от Солнца и Месяца, лишиться владений своих в стране великанов и заплатить своей головою: одним ударом молота Тор вдребезги разнес великану череп, а самого его бросил в царство туманов — Нифльхель.

А со Свадильфари в образе кобылы бегал Локи, и спустя некоторое время принес он жеребенка серой

масти и о восьми ногах. Нет коня лучше у богов и у людей, а имя тому коню Слейпнир, и это конь Одина.

Из приведенного пересказа мифа видно, что у Локи так же, как у Одина, заметны некоторые «шаманские» черты — в частности, способность превращаться в других животных.

Обладает такими чертами и Фрейя, имеющая наряд из соколиных перьев, который позволяет ей летать.

Как мы помним, Один также мог перевоплощаться в птицу или дикого зверя и в таком виде странствовать по свету. «Вполне обоснованно, — пишет Мирче Элиаде, — сопоставление этого экстатического путешествия Одина в облике животных с превращением шаманов в животных, поскольку и шаманы в виде быков или орлов сражаются друг с другом, и нордические традиции описывают несколько поединков между магами в образе моржей или других животных, в то время как их тела остаются неподвижными — как тело Одина во время его экстаза. Конечно, такие верования встречаются и за рамками собственно шаманизма, но это сопоставление с практиками сибирских шаманов напрашивается, тем более что еще ярче напоминает шаманские представления. Можно даже допустить, что два ворона Одина — Хугин (Мысль) и Мунин (Память) — представляют двух сильно мифологизированных “духов-помощников” в облике птиц, которых Великий Маг высылал (поистине шаманским способом!) на четыре стороны света».

В неоднократно упоминавшемся нами эпизоде из «Саги об Эгиле», в котором он воздвигает *древесный* нид, есть заклинание духам страны, обреченным скитаться без дороги и обретения покоя, пока не выполнят желания Эгиля и не изгонят из страны ненавистных ему конунга Эйрика и Гуннхильд.

Великий маг Один занимается вызыванием мертвых и на своем коне Слейпнире совершает не одну поездку в Хель, царство мертвых, что также полностью соответствует нисхождению в преисподнюю шаманов.

Путешествие Одина в Хель описывается в песни, которая не входила в основную сохранившуюся руко-

пись «Эдды» и имеет два названия — «Сны Бальдра» и «Песнь о Путнике»:

Славные асы сошлись для совета;
Были с богами богини там все.
Долго судили: с чего посетили
Светлого Бальдра* зловещие сны?

Один встал с места, древний Творец;
Быстрого Слейпнира он оседлал.
Вниз он, к полночи, в Нифльхэль поехал.
Встретил там страж его — страшный пес Гармр.

С грудью, забрызганной кровью багровой,
Грозно рычал он на Праотца чар,
Путь продолжал тот; земля задрожала;
Темных достиг обиталищ он Хель.

Один вратами восточными въехал,
Вольвы могильный курган он нашел,
Спел заклинанья — и вольва проснулась,
Поднялась против воли и речь повела.

Вольва сказала:
Кто, незнакомый, меня беспокоит,
Тяжким путем заставляет идти?
Снег был на мне, орошал меня ливень,
Росы кропили, мертва я давно.

Один сказал:
«Путник» зовусь я, и Вальгамр отец мой.
Знаю земное, скажи мне про Хель.
Скамьи кому здесь готовят и кольца,
Убран чертог для кого золотой?

Вольва сказала:
Мед искрометный здесь сварен для Бальдра:
Пенный напиток шипит под щитом.

.....
Горе богам — их надежда погибнет!
Тягостна речь мне! Молчать я хочу!

Один сказал:
Нет еще, Вещая! Вольва, ответь мне, —
Многое надо еще мне узнать!
Молви, кто будет убийцею Бальдра,
Одина сыну кто смерть принесет?

---

* Бог весны и света, любимец богов, сын Одина и Фригг.

Вольва сказала:
Ходру* росток должен гибкий достаться,
Бальдра убить он судьбой обречен.
Одина сыну конец принесет он.
Тягостна речь мне! Молчать я хочу!

Один сказал:
Нет еще, Вещая! Вольва, ответь мне, —
Многое надо еще мне узнать!
Кто за убитого мстителем станет,
Ходра заставит попасть на костер?

Вольва сказала:
Вали родится в чертоге на западе,
Ринд сын и Одина. Ночь лишь прожив,
Будет он биться, кудрей не расчешет,
Рук не омоет, пока не отмстит он.
Тягостна речь мне! Молчать я хочу!

Один сказал:
Нет еще, Вещая! Вольва, ответь мне, —
Многое надо еще мне узнать!
Молви, чьи дочери лить будут слезы,
Вскинут свой белый покров до небес?

Вольва сказала:
Вижу теперь: ты не Путник зовешься!
Один ты, странник! — древний Творец!

Один сказал:
Ты не провидица вещая, вольва!
Трех исполинов ты лютая мать!

Вольва сказала:
Один, прощай! Уходи, и гордись ты:
Больше никто не пробудит меня —
Вплоть до поры, когда минет плен Локи
И Всерушители сгубят богов**.

Получение знаний от головы великана Мимира
М. Элиаде сравнивает с гаданием юкагиров с помощью
черепов шаманов-предшественников.

* Хёд — слепой бог, убивший светлого бога Бальдра по злобному
наущению хитроумного Локи, который и направил руку слепца,
стрелой из побега омелы.

** Имеется в виду Рагнарёк, когда наступит конец мира, когда
освободится Локи, прикованный к скале за убийство Бальдра, и когда
на мир двинется всеокрушительное войско чудовищ и великанов.
Пер. С. Свириденко.

Общение с умершими дарует знание. Скальд может получить дар слагать стихи, уснув на могиле или на могильном кургане поэта.

Вот как это описывается в «Пряди о Торлейве Ярловом Скальде»:

«В то время жил на Полях Тинга человек по имени Торкель. У него было много скота, и был он мужем зажиточным, но не знатным. Пастуха его звали Халльбьёрн по прозвищу Хвост. Вошло у него в привычку приходить к кургану Торлейва* и ночевать там, а стадо держать неподалеку. И вот подумывает он о том, что неплохо было бы сочинить хвалебную песнь о жителе кургана, и он нередко говорит об этом, когда лежит на кургане. Но оттого, что скальдом он не был да и в искусстве этом ничего не смыслил, песнь у него не выходила, и он не мог продвинуться дальше начала и, кроме слов “Здесь лежит скальд”, так ничего и не сочинил.

Как-то раз ночью лежит он на кургане как обычно, а занят он был все тем же делом — старался прибавить к тому, что уже сочинил, какие-нибудь восхваления жителя кургана. Затем он засыпает и после этого видит, что курган открывается и оттуда выходит человек большого роста и в богатой одежде. Он взошел на курган к Халльбьёрну и сказал:

— Вот лежишь ты тут, Халльбьёрн, и очень тебе хочется совершить то, что тебе не дано — сложить обо мне хвалебную песнь. И теперь ты либо овладеешь скальдическим искусством, — а у меня ты сможешь научиться большему, чем у любого другого, — и сдастся мне, так оно и будет, либо нечего тебе больше над этим биться. Сейчас я скажу тебе вису, и, если тебе удастся запомнить ее и повторить, когда ты проснешься, ты сделаешься великим скальдом и сочинишь хвалебные песни многим хёвдингам и немало преуспеешь в этом искусстве.

Потом он потянул его за язык и сказал такую вису:

---

* *Торлейв* — скальд, сочинивший знаменитый нид на конунга, в результате которого у последнего отгнили полбороды и волосы по одну сторону пробора (см. выше).

Здесь лежит из скальдов
Скальд в уменье первый;
Нид сковал даритель
Древка ярый ярлу.
Не слышал, чтоб прежде
за разбой воздал бы —
Люд о том толкует —
Кто монетой этой.

— Теперь ты станешь настолько сведущим в искусстве поэзии, что сможешь сочинить обо мне хвалебную песнь, когда проснешься. Смотри же, старайся соблюдать размер и будь красноречив, а более всего заботься о кеннингах.

После этого он возвращается назад в курган, и курган закрывается, а Халльбьёрн просыпается, и кажется ему, что он видел его спину. Тогда он вспомнил вису и спустя некоторое время пошел со своим стадом домой и рассказал о том, что произошло. Потом Халльбьёрн сочинил хвалебную песнь о жителе кургана и сделался великим скальдом*.

М. Элиаде считает, что подобные описания типологически близки к посвящению или вдохновлению будущих шаманов и магов, проводящих ночь возле трупов или на кладбищах. Подобную роль играют вещие сны, когда посвященному открываются тайны будущего. Таких вещих снов очень много в сагах, например такие сны регулярно сняты Гисли («Сага о Гисли»).

Довольно близки к шаманским обрядам и обряды посвящения в воинов, которые в северной традиции имеют параллели в посвящении в берсерков — магическом превращении в диких животных, по сути дела, оборотничестве. Заметим, что в сагах рассказывается, что «обычные» люди берсерков, как правило, боялись и не любили. Как мы помним, берсерками были и многие скальды.

Одним из атрибутов шаманства Одина исследователи считают его двух волков — Гери, что значит «Жадный» и Фреки, что означает «Прожорливый», — которым он кидает еду со стола.

С образом волка связаны и берсерки.

---

* Пер. Е. А. Гуревич.

Мифология и магия собаки и волка развивалась во всем мире тайными обществами воинов. Некоторые общества практиковали *ликантропию* — магическое превращение участника церемонии в собаку или волка.

В «Саге о Вэльсунгах» (глава VII) описывается, как Сигмунд с сыном попали в лесу в некий дом, где спали двое людей, а над ними висели волчьи шкуры. То были заколдованные королевичи, которые каждый десятый день выходили из волчьих шкур.

Сигмунд и Синфьотли залезли в шкуры и превратились в волков, а снять шкуры не смогли. Тогда порешили они разбежаться в разные стороны и обратиться за помощью друг к другу только в том случае, если на одного из них нападут сразу не менее семи человек. Едва они расстались, как Сигмунд набрел на людей и позвал на помощь Синфьотли, который бросился на его зов и всех умертвил. Но когда напали на Синфьотли одиннадцать человек, то не стал он звать отца на помощь, а сам одолел врагов. Стал он насмехаться над Сигмундом, тот бросился на Синфьотли, повалил его на землю и прокусил ему горло. Но некоторое время спустя вылечил его.

Этот эпизод находит прямую аналогию в истории Эгиля, тоже прокусившего горло своему врагу.

Надев шкуру волка, человек перенимает волчьи повадки, становится одержимым воином, непобедимым и неуязвимым, обладающим недюжинной силой дикого зверя.

Это отчасти подтверждает и окончание рассказа о том, как Эгиль перекусил горло Атли, ибо после убийства Атли Эгиль бросается на жертвенного быка, валит его наземь и ломает шею.

«Воинское испытание, — пишет М. Элиаде, — это почти всегда личный бой, который ведется таким образом, чтобы вызвать у неофита “буйство берсерка”. Потому что одной храбрости здесь мало. Берсерком становятся не только благодаря храбрости, физической силе или упорству, для этого надо выдержать магически-религиозное испытание, которое радикально меняет поведение воина. Он должен преобразовать свою человеческую сущность, продемонстрировав аг-

рессивное и устрашающее исступление, которое отождествляет его с разъяренными дикими животными. Он “разогревается” до наивысшей степени, его захватывает таинственная сила, нечеловеческая и неодолимая, так что боевой порыв исходит из самой глубины его существа. Древние германцы называли эту силу “вут” — термин, который Адам Бременский переводит как “ярость” (*furor*). Это своего рода демоническое безумие, которое повергает в ужас и парализует противника. Ирландский *ferg* (“гнев”), гомеровский “менос” — почти точные эквиваленты того же устрашающего сакрального состояния, характерного для героических поединков».

Много общего имеет с шаманизмом и особый вид магии Севера, которому Один научился у Фрейи и который называется *сейд*. Благодаря этому искусству он мог насылать смерть, несчастье или болезнь. Но, как мы помним, этот вид магии считался недостойным и низким. Заниматься им могли только женщины.

Упоминание об обряде гадания на рунах жрицей, несомненно, владеющей даром волшбы, сохранилось в поздних германских легендах, в частности в одной рейнской легенде, которая была записана в Германии в конце XIX века Ольгой Петерсон и называется «Жрица Герты»:

«Красавица Гетта, жрица богини Герты, жила в ее священной роще, на высоком холме, у самого берега Неккера. По рунам читала она судьбу людей и молилась за них, и все простые сердца находили у нее утешение и исцеление от своих страданий.

Она была так же хороша, как и дочери Вальгаллы, валькирии и богини, но голубые глаза ее не светились отвагой, а были кротки, столь же кротки, как и ее сердце.

Слава о ее мудрости распространилась по всему Рейну и далеко за пределы его, и стали стекаться к ней толпы народа, чтобы узнать от нее свою судьбу и почерпнуть мудрость из ее рун.

Многие юноши возвращались с холма Герты, пораженные в сердце красотой ее жрицы. Но кто из смертных осмелился бы заговорить с ней о своей земной страсти?

И вот раз в одну прекрасную летнюю ночь, когда вся земля отдыхала в немой тишине, а жрица Герты сидела на ступенях жертвенника, на котором горел небольшой огонь, вышел из лесу молодой воин. Не в первый раз уже видела его жрица.

— Ты обладаешь даром узнавать по рунам судьбу людей, — сказал он, останавливаясь перед девушкой. — Вот и я пришел узнать от тебя свою судьбу.

— Не время теперь бросать руны! — сказала Гетта, поднимая глаза на воина. — Дух прорицания покинул меня, и сама богиня отдыхает под густым дубом у ключа в своей священной роще! Приходи завтра!

Но воин не уходил; он стоял около девушки, не спуская с нее восторженного взора. Смотрела на него и жрица: не богиня Герта в ту минуту наполняла ее сердце.

— Хорошо, я приду завтра, — сказал он наконец, — но нужно мне узнать свою судьбу не от жрицы богини Герты: хочу я знать, любит ли меня красавица Гетта.

С этими словами ушел храбрый воин, и всю ночь тосковала о нем жрица богини целомудрия.

На следующую ночь снова явился юноша — молча подошел он к Гетте, мощной рукой поднял он ее, и губы их слились в беззвучном, но страстном поцелуе.

— Герта накажет меня за то, что не сумела я сохранить ей моего сердца, — сказала Гетта.

— Зато богиня любви Фрейя благословит нас, — отвечал юноша, — завтра жрец ее соединит нас на всю жизнь!

— Но настанет ли это завтра? Жрица Герты должна поддерживать огонь на алтаре ее храма, а не на очаге своего мужа. Нет, Герта не простит нам! — говорила девушка.

А юноша страстно обнимал Гетту и только шептал:

— Фрейя за нас! Фрейя за нас! Завтра Герта уступит свою чудную жрицу!

Всю ночь просидел воин у ног прекрасной Гетты и не мог наглядеться, не мог налюбоваться на нее. Наутро пошел он разыскивать жреца богини Фрейи, который навеки соединил бы его с его милой.

На другой день после заката солнца вернулся воин в сопровождении жреца Фрейи в священную рощу Гер-

ты. Долго искали они жрицу и, наконец, нашли ее у священного ключа богини целомудрия: неподвижно лежала жрица грозной богини, а волк терзал ее сердце и пил ее кровь.

Бросился воин на волка и ударом меча положил его на месте. Поднял он свою Гетту, но глаза ее были сомкнуты навеки... Не настало для Гетты желанного завтра.

Сожгла грозная богиня Фрейя священную рощу Гертты, разрушила ее жертвенник и такой чашей орешника и дикого винограда поросло это место, что нет возможности разыскать его: остался только ключ, да и тот с тех пор носит название Волчьего ключа, а иногда зовут его Источником Гетты, но все следы грозной богини уничтожены навеки.

На месте священной рощи построен знаменитый Гейдельбергский замок. Он был сожжен в 1807 году, но и в развалинах стоит грандиозным памятником прошлого.

Кто из путешествовавших по Европе не гулял по его разрушенным обширным залам, не вспоминал знаменитые пиры Елизаветы Гейдельбергской; кто не влезал на огромную бочку супруга Елизаветы, Фридриха; кто не мечтал при лунном свете на уцелевшей башне замка и не бродил по огромному парку, но помнит ли кто-нибудь историю Гетты?»

Попытался восстановить обряд гадания по рунам и сэр Джордж Эдвард Бульвер-Литтон* (1803—1873), классик английской литературы, блестящий политический деятель и знаток оккультных наук, владелец полного набора магических инструментов в своем известном романе «Гаральд, последний король англосаксов».

---

* Джордж Эдвард Бульвер-Литтон хорошо известен российскому читателю как автор исторических произведений. Тем не менее у лорда Литтона была собственная теория магии, основанная на многолетнем углубленном изучении тайных наук, популярная в России в XIX веке. Его мистический роман «Занони» (в основе которого лежит учение розенкрейцеров) был чрезвычайно популярен в русском высшем обществе и рассказывает об общении с потусторонним миром. В России XIX века многие пытались вызывать умерших, именно руководствуясь романами английского лорда.

Некромантия — одно из самых страшных гаданий. Распространенное среди скандинавов, оно, как и прочие магические учения, имеет древнюю историю и связано с такими всемирно известными именами, как Фалес, Анаксагор, Гераклит, Эмпедокл, Аристотель, Пифагор, Платон, Плутарх, Гомер.

В Риме считалось, что души добродетельных людей после телесной смерти отправлялись на небо, а души злых — в преисподнюю, где пребывали в полудреме до тех пор, пока их не вызовут с помощью колдовства (как это делали еще вавилоняне). Кстати, о том, что некромантия процветала и в Древней Греции, говорил еще Гомер. В одиннадцатой песни «Одиссеи» рассказывается, как Одиссей роет яму, насыпает туда муку, льет мед, молоко, вино, воду и кровь жертвенного животного, чем и привлекает тени мертвецов. Считалось, что благодаря такой жертве астральные тела умерших материализуются.

Вот как описывает Бульвер-Литтон сцену гадания по рунам:

«Наступила тихая безлунная, но звездная ночь; по небу бродили облака, как будто желавшие заслонить сияние звезд.

Хильда стояла на холме среди круга камней перед костром, зажженным ею у подножия кургана. На земле стоял сосуд с водою, яркое пламя придавало поверхности воды красный или, вернее сказать, кровавый цвет. Вокруг костра был выложен круг из кусочков коры, вырезанных в виде острия стрел, их было девять, и на каждом из них были вырезаны руны. В правой руке Хильда держала посох, ноги ее были босы, а талия стянута поясом, на котором тоже были изображены руны, к нему была прикреплена сумочка из медвежьего меха, украшенная серебряными пластинками.

Когда Гаральд пришел, лицо Хильды имело дикое и мрачное выражение. Она будто не замечала его и пристально смотрела на огонь. Потом, пробужденная невидимыми силами, закружила у костра и запела тихим глухим голосом:

У священного ручья
Сидят норны,
И водой его ежедневно

Освежают Ясень Жизни,
Олени щиплют листья,
А змей подгрызает корни,
Но зоркий орел
Стережет древо.
Капли воды из ручья
Я на курган твой пролью,
Руны вызовут
Пламень жизни,
Славный сонм наших праотцев
Из могил возведут.
Всю правду пророчице
И вождю ты скажи.

Хильда брызнула на курган водой и кинула в огонь кусочки коры с начертанными на них рунами. Из могильника начало вырываться яркое сияние, из середины которого постепенно появлялся призрак громадных размеров. Как Гаральд, внимательно наблюдавший за происходящим, ни напрягал зрение, он не мог решить, видит ли перед собой настоящее привидение или просто клубы сгустившегося тумана.

Вскоре Хильда снова начала петь:

О, Великий мертвец,
Кому саваном служит
Блеск его подвигов,
Ты прими мой привет!
Как Один во дни минувшие
Мрак преисподней вопрошал
И от головы Мимира
Научения ждал,
Так и гордый потомок
Его ждет от могил,
Чтобы дух его праотцев
Его путь осветил.

Костер громко затрещал, и из пламени полетели к ногам пророчицы кусочки коры, на которых руны были уже как будто выжжены красным.

Хильда подняла их и рассмотрела, а затем испустила такой ужасный крик, что Гаральд задрожал от ужаса.

Затем она вновь запела:

Ты не воин, сошедший
В лоно холодной земли;
Я дрожу пред тобою,

Посол высшей судьбы.
Мощный сын исполина,
Грозный вождь,
Ты сковал мне уста,
Силу чар сокрушил!

Хильда страшно скорчилась, пение ее перешло в хрип, изо рта показалась пена, но она продолжала:

Моногарм, сын колдуньи,
В Ямвиде царствуешь ты,
И на гибель несчастным
Прядешь нить зол и беды.
Когда в час роковой
Судно мчится на мель,
Тогда гады толпой
Из болота ползут.
И на месте, где ты
В сне являлся девице,
Стоишь гордо, но крылья
распусти и лети поскорей.

Грозен, грозен дух злобы
И коварен,
Но ты
Не робей, и надменный
Враг падет пред тобой.

Пророчица опять замолчала, и Гаральд решил приблизиться к ней, видя, что она все еще не обращает на него внимания.

— Я действительно разрушу все козни врага, — заговорил он. — Но я вовсе не желаю спрашивать живых или мертвых об угрожающих мне опасностях... Если ты можешь быть посредницей между мною и этой тенью, то ответь мне на те вопросы, которые я считаю нужным тебе задать».

Далее следует обмен вопросами и ответами, причем пророчица отвечает, едва шевеля губами, а затем поднимается ветер и гасит костер, а Хильда без сознания падает на землю.

Сила таких пророчиц была великой. В «Пряди о Торлейве Ярловом Скальде» рассказывается, как по наущению ярла Хакона, который не смог простить скальду нида, при помощи ворожбы и заклинаний две сестры-

колдуньи создали из бревна великана и направили его в Исландию убить Торлейва, что и было сделано.

В «Саге об Эйрике Рыжем» есть также очень интересный рассказ о гренландской провидице и подробное описание процесса ее предсказаний:

«В селении жила женщина по имени Торбьёрг. Она была прорицательница. Ее называли Малой Вельвой. У нее было девять сестер, но в живых оставалась тогда она одна.

У Торбьёрг было в обычае ходить зимой по пирам. Ее постоянно приглашали к себе, особенно те, кто хотел узнать, что им суждено или какой выдался год. Так как Торкель был там самым крупным хозяином, считали, что разведать, когда кончатся плохие времена, должен он.

Торкель приглашает прорицательницу и оказывает ей хороший прием, как это бывало, когда принимали таких женщин. Ей было приготовлено почетное сиденье, и на него положена подушка, которая, как полагалось, была набита куриными перьями.

Когда она пришла вечером с человеком, высланным ей навстречу, он была одета так: на ней был синий плащ, завязанный спереди ремешком и отороченный самоцветными камушками до самого подола. На шее у нее были стеклянные бусы, на голове — черная смушковая шапка, подбитая белым кошачьим мехом. В руке она держала посох с набалдашником, оправленным желтой медью и усаженным самоцветными камушками. Пояс у нее был из труга, а на поясе висел большой кошель, в котором она хранила зелья, нужные для ворожбы. Она была обута в мохнатые башмаки из телячьей кожи, и на них были длинные и крепкие ремешки с большими пряжками из желтой меди. На руках у нее были перчатки из кошачьего меха, белые и мохнатые изнутри.

Когда вошла в дом, все почли своим долгом уважительно ее приветствовать, а она принимала приветствия от каждого в зависимости от того, насколько он был ей приятен. Торкель взял ворожею за руку и привел ее к сиденью, которое было ей приготовлено. Затем он попросил ее окинуть взглядом его стада, домочадцев и дом. Но она ни о чем не сказала.

Вечером поставили столы, и вот что было подано ворожее: каша на козьем молоке и кушанья из сердец всех животных, которые там были. У нее были ложка из желтой меди и нож с рукоятью из моржовой кости, стянутой двумя медными кольцами. Острие его было обломано.

Когда столы были убраны, Торкель подошел к Торбьёрг и спросил, как ей понравился его дом и обхождение людей и скоро ли он получит ответ на то, что спрашивал и что всем хочется узнать. Она сказала, что ответит только на следующее утро, после того как проспит там ночь.

На исходе следующего дня ей было приготовлено все, что нужно для ворожбы. Она попросила, чтобы ей помогли женщины, которые знают песню, необходимую для ворожбы и называемую вардлок (*vardlokk*). Но таких женщин не нашлось. Стали искать в селении, не знает ли кто этой песни. Тогда Гудрид сказала:

— Я не колдунья и не ворожея, но когда я была в Исландии, Халльдис, моя приемная мать, научила меня песне, которую она называла вардлок.

Торбьёрг отвечала:

— Тогда твое знание кстати.

Гудрид говорит:

— Это такая песня и такой обряд, в которых мне не пристало принимать участие. Ведь я христианка.

Торбьёрг отвечает:

— Возможно, что ты оказала бы помощь людям и ты не стала бы от этого хуже. Но это дело Торкеля позаботиться о том, что мне нужно.

Торкель стал уговаривать Гудрид, и она сказала, что сделает, как он хочет.

Женщины стали кольцом возле помоста, на котором сидела Торбьёрг, и Гудрид спела песню так хорошо и красиво, что никто раньше не слышал, чтобы ее пели настолько красивым голосом. Прорицательница поблагодарила ее за песню.

— Многие духи явились теперь, — сказала она, — любо им было слушать песню, а раньше они хотели скрыться от нас и не оказывали нам послушания. Мне

теперь ясно многое из того, что раньше было скрыто и от меня, и от других»*.

После этого она предсказала Гудрид счастливую судьбу, а затем каждый по очереди подходил к ней и задавал вопрос.

В «Саге об Одди Стреле» обряд гадания описан несколько иначе. Там говорится, что пророчица вечером «вышла со своими людьми из дома, и никто из них не ложился спать, и всю ночь совершали они свою волшеббу». А на следующее утро колдунья созвала всех в дом и сказала, что каждый будет подходить к ней и задавать вопрос, а она откроет будущее.

При совершении обряда сейда или предсказания вёльва поднималась на специальный помост, а вокруг становились ее люди, которые специальными песнями приводили ее в состояние экстаза. Колдовские песни могли быть либо очень красивыми — как это описывается выше, — либо ужасными и неприятными для человеческого уха.

Одним из основных «атрибутов» колдуни-пророчицы является ее посох (*völtr*), от названия которого произошло и само название пророчиц — вёльва (*völva*).

В экстатических плясках шаманов многих народов используется «конь» — шест с лошадиной головой. Некоторые исследователи культуры Севера считают, что посох пророчиц и был именно таким «конем», сидя на котором они совершали особый ритуальный танец. Впоследствии этот «конь», судя по всему, превратился в столь знакомое нам помело ведьм.

В сагах есть упоминания и о том, что пророчицы могли покидать свое тело и превращаться в птиц. Так, в одной из саг рассказывается о двух колдунях, которые покинули свои тела, лежащие на помосте для гаданий, и превратились в двух китов, которые бросились следом за кораблем с героем. Когда же герою саги удалось перебить им спины, то в тот же миг колдуни упали с помоста со сломанными позвоночниками.

В другой саге рассказывается о битве двух колдунов, принявших облик собак, а затем превратившихся в орлов.

---

* Пер. М. И. Стеблин-Каменского.

Искусство провидиц, которое также называется, как мы помним, сейдом, М. Элиаде сравнивал с классическим шаманским сеансом — для обоих характерны наличие ритуального наряда, значение хора с магическими песнопениями и экстатическое состояние.

«Но мы, — писал М. Элиаде, — все же не считаем сейд шаманизмом в строгом смысле: “мистический полет” является лейтмотивом общей магии, а особенно европейского колдовства. Специфические шаманские темы — путешествие в преисподнюю с целью возвращения души больного или проводов умершего — хотя и зафиксированы в традициях северной магии, но не представляют принципиального элемента в сеансе сейда. Совсем наоборот, этот сеанс сосредоточивается на гадании, то есть в конечном счете представляет собой скорее “малую магию”».

Как мы помним, Один владел этим искусством волшбы. В одной из песен «Старшей Эдды» — «Перебранке Локи» — злой и хитроумный бог Локи упрекает Одина в самых ужасных грехах:

Локи сказал:
Молчи-ка ты, Один!
с начала времен
людей ты судил неправо:
в распре не раз,
кто праздновал труса,
тому ты дарил победу.

Один сказал:
Пусть в распрах не раз,
кто праздновал труса,
тому я дарил победу,
зато восемь зим
ты в подземелье сидел,
был дойной коровой,
был женкой рожалой,
ты — бабоподобный муж!

---

* Вспомним об упоминавшейся выше способности шаманов видеть вещи сны.

Локи сказал:
А сам ты, я слышал,
на острове Самсей,
как ведьма, бил в барабаны,
жил, ворожея,
у людей в услуженье. —
сам ты бабоподобный муж*.

В процитированном выше отрывке употребляется слово «женовидный» («бабоподобный» в поэтическом переводе), которое может значить и способность к перемене пола, которое давало искусство волшбы, — уже знакомое нам слово *argr* — и связано оно с шаманскими способностями Одина, ибо речь, безусловно, идет не о барабане, а о шаманском бубне.

Слово *argr* значило одновременно и «способность к особому рода колдовству». (Некоторые исследователи связывают этот вид магического искусства Фрейи и Одина с саамскими заклинаниями.)

Употребление слова *argr* в перебранке, в результате которой Локи удается «поставить на место» абсолютно всех богов, говорит о крайне отрицательном отношении к волшбе, которая не пристала мужам.

Тем не менее владели этим секретом и скальды.

Подтверждение этому находим в «Саге о Гисли», когда к Гисли во сне приходит пророчица и дает ему совет не ворожить и не колдовать:

«Гисли был человек мудрый, и у него был большой дар видеть вещие сны**...

Рассказывают, что как-то раз, осенью, Гисли метался во сне. Это было, когда он жил у Ауд, и, когда он проснулся, Ауд спросила его, что ему снилось. Он отвечает:

— Ко мне приходят во сне две женщины. Одна добра ко мне и всегда дает хорошие советы, а другая всегда говорит такое, от чего мне становится хуже, чем раньше, и пророчит мне одно дурное. А сейчас снилось мне, будто я подошел к какому-то дому и вошел туда, и буд-

---

* Пер. В. Тихомирова.

** Вспомним об упоминавшейся выше способности шаманов видеть вещие сны.

то бы я узнал во многих, кто сидел там, своих родичей и друзей. Они сидели возле огней и пировали. И было там семь огней, одни почти догорели, а другие пылали ярко. Тут вошла в дом добрая женщина моих снов и сказала, что те огни означают мою жизнь, какая мне еще осталась. И она дала мне совет оставить, покуда я жив, старую веру, не ворожить, и не колдовать, и быть добрым к хромым, и слепым, и тем, кто меня слабее. Вот и весь сон.

Тогда Гисли сказал несколько вис:

Привиделись мне палаты,
О, пламени волн поле^{1*},
Там семь костров горело
В ряд, мне беду предрекая.
Друзья, за трапезой сидя,
Встретили речью заздравной
Скальда, слагатель вис
Ответил им словом приветным.

«Глянь, о, клен сраженья^{2*}, —
Фрейя рекла ожерелий^{3*}, —
Сколько горит костров
Здесь пред тобой в покое.
Столько зим проживешь, —
Биль покрывала^{4*} сказала, —
Здесь на земле владыка
Браги врагов Тора^{5*}.

Питатель орлов^{6*}, слушай, —
Молвила Ловн золота^{7*}, —
Навеки оставь ведовство,
Скальду волшба не пристала,
Ведомо всем, что негоже
Вязу дротиков лязга^{8*}
Злейшему лиху вверяться,
Тайным знаниям колдуний.

---

^{1*} Кеннинг женщины.

^{2*} Кеннинг воина.

^{3*} Кеннинг женщины.

^{4*} Кеннинг женщины.

^{5*} Кеннинг скальда.

^{6*} Кеннинг воина.

^{7*} Кеннинг женщины.

^{8*} Кеннинг воина.

Бойся посеять смуту,
Меч обнажить опрометчиво,
Дурно над слабым глумиться,
О, дуб непогоды Одина^{1*}.
Будь защитой убогому,
На помощь слепому,
Волка волны возникчий^{2*},
Следуй завету этому»^{3*}.

Об обряде рунического заклятия, совершаемом старухой-колдуньей, рассказывается в «Саге о Греттире», переведенной на русский язык О. А. Смирницкой:

«Остаются три недели до начала зимы. Тогда старуха попросила отвезти ее к морю. Торбьёрн спросил, что ей там нужно.

— Дело-то маленькое, но, может статься, предвещает большое событие, — говорит она.

Сделали, как она просила. И, выйдя к морю, она заковыляла вдоль берега, как будто ей кто показывал дорогу. На пути у нее лежала большая коряга — ноша как раз по плечу одному человеку. Она взглянула на нее и попросила перевернуть. Снизу коряга была как будто обуглена и обтерта. Она велела отколоть щепочку с гладкого места. Потом взяла нож, вырезала на корне руны, окрасила их своею кровью и сказала над ними заклинания. Она обошла корягу, пятясь задом, и нашептала над ней много колдовских слов. После этого она велела столкнуть корягу в море и заговорила ее, чтобы плыла она к Скале Острову, Греттиру на погибель. Оттуда она направилась домой, в Лесной Залив. Торбьёрн сказал, что не возьмет в толк, к чему все это. Старуха сказала, что скоро, мол, все узнает. Ветер дул с моря, но старухина коряга поплыла против ветра и быстрее, чем можно было ждать.

А Греттир, как рассказывалось, жил на Скале Острове со своими сотоварищами и ни о чем не тужил. На другой день после того, как старуха заколдовала корягу, Греттир и Иллуги спустились со скалы за дровами для костра. И, подойдя к западной стороне острова, они

---

^{1*} Кеннинг воина.

^{2*} То же.

^{3*} Пер. О. А. Смирницкой.

увидели, что прибило к берегу корягу. Тогда Иллуги сказали:

— Вот сколько сразу дров, родич. Отнесем-ка корягу домой.

Но Греттир толкнул ее ногой и сказал:

— Злая коряга и послана злым. Поищем лучше других дров. — И отпихнув корягу в море, сказал, чтобы Иллуги остерегались брать ее домой, “ибо она послана нам на беду”.

Потом они пошли к хижине и ничего не сказали об этом рабу. На другой день они снова натолкнулись на эту корягу, и она была уже ближе к лестницам, чем накануне. Греттир отпихнул ее в море подальше, говоря, что никак нельзя ее брать домой. Прошла ночь. Тут поднялся сильный ветер, да еще с дождем. Им не захотелось выходить, и они велели Шумиле пойти за дровами. Тот был очень недоволен, говоря, что это сущее мучение — мерзнуть в такую непогоду. Он спустился с лестницы и нашел старухину корягу и решил, что ему здорово повезло. Поднял он корягу, доволоч елеле до дому и бросил с грохотом наземь. Греттир услышал:

— Шумила раздобыл что-то. Надо сходить посмотреть, что это такое. — Берет топор и выходит.

А Шумила сказал:

— Ну-ка, разруби так же ловко, как я дотащил ее сюда.

Греттир рассердился на раба и со всего маху ударил топором по коряге, не разглядев, что это такое. И топор, ударившись, в тот же миг повернулся плашмя, отскочил от дерева и прямо по правой ноге Греттиру и разрубил ее до кости. Тут Греттир взглянул на корягу и сказал:

— Вот и пересилил тот, кто хотел зла. И на этом дело не кончится. Ведь это та самая коряга, которую я два дня подряд отпихивал в море. Два несчастья произошли из-за тебя, Шумила: первое, что у тебя потух наш огонь, и второе, что ты принес в дом эту злосчастную корягу. Смотри, если случится из-за тебя третье, — оно принесет смерть и тебе, и всем нам».

Так и случилось — у Греттира воспалилась нога, он серьезно заболел и не мог больше сражаться, чем, по

наущению старухи-колдуньи, воспользовался Торбьёрн, напал на дом Греттира и убил его самого и его товарищей.

Для нас же эта глава из саги интересна тем, что описывает достаточно подробно (это одно из немногих, если не единственное такое описание) ритуал рунического заклания.

Он включает в себе следующие «этапы»:

выбор предмета для нанесения рун;

вырезание сакральных слов;

окрашивание их кровью, ибо кровь в древних обрядах всегда являлась универсальным символом силы и оплодотворения;

произнесение вслух заклинаний, которые «высвобождают» силу рун;

совершение магических действий — движение задом наперед и против солнца;

заговор вырезанных рун;

передача рунического проклятия тому, кому желают зла.

Последнее очень важно, ибо, судя по тем данным, что есть у исследователей, руническое проклятие, нанесенное на некий предмет, не может принести зло до тех пор, пока человек сам не «примет» предмета с рунами.

Точно так же, как мы помним, если сильный скальд успеет ответить на строфу другого сильного скальда или закончит стих, то проклятие не будет иметь силы, а «вернется» тому, кто его сотворил.

ВОЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА

Историки пишут, что в эпоху викингов каждый крестьянин был воином. Существовала, как мы говорили выше, даже всеобщая воинская повинность в случае возникновения необходимости защищать родную страну, а набранную в минуту опасности очень быстро большую дружину возглавлял конунг.

Помимо этой всеобщей повинности, у конунгов и хёвдингов имелись постоянные личные дружины. Кроме того, по сообщениям саг, у могущественных конунгов был такой обычай: половина дружины находилась у жены конунга, и она должна была содержать воинов на свои средства, и ей причитались налоги и подати, которые ей были необходимы для этого. Со временем появилась даже «Песнь об обычаях дружины», в которой было рассказано о рангах и правах дружинников и определены размеры их доходов, жалуемых за службу.

Викинские же дружины, отправлявшиеся на поиски добычи и приключений, создавались на добровольной основе. Во главе таких военных образований стояли короли — но не в современном смысле этого слова, а в значении «предводитель». Поэтому «главарей» северных разбойников часто называли «морскими королями».

Адам Бременский оставил следующее описание викингов в Южной Швеции: «Морских разбойников свеи

называют викингами, мы же — *аскеманами* — ясеневыми людьми*. Они дают датскому конунгу дань, чтобы им можно было продолжать свои походы за добычей против варваров. Во множестве живут они по берегам моря. И случается, что они злоупотребляют предоставленной им свободой не только против врагов, но и против своих. Не знают они никакой верности по отношению друг к другу и без сострадания продают один другого, если тот ими захвачен, как несвободного слугу своему другу или варварам». Поэтому и в самой Скандинавии для защиты от викингов появлялись специальные береговые укрепления.

Итак, каждый северянин должен был уметь защитить не только себя, но и свою семью, и свой дом. Иногда опасность подстерегала его в доме даже во время отдыха. И только хорошая спортивная, как мы бы сейчас сказали, подготовка могла спасти ему жизнь. В «Саге о Магнусе сыне Эрлинга» рассказывается, что однажды на отдыхающего на скамье Орма Конунгова Брата напал дружинник врага его брата. Он хотел отрубить Орму обе ноги. Спасли Конунгова Брата лишь быстрота реакции и ловкость гимнаста: он «быстро подобрал ноги и перебросил их себе за голову, и секира вонзилась в доски скамьи и крепко застряла в них».

С самого юного возраста ребенок воспитывался воином. Такому воспитанию способствовала сама жизнь, окружающая его: мальчик постоянно видел вооруженных людей, брал в руки их оружие, отправлялся с родичами на охоту и убивал зверей и дичь в лесах. В свободное от морских походов время викинги упражнялись дома и охотно принимали в свои игры подрастающих сыновей.

Молодые люди и подростки состязались друг с другом в прыжках с высоких гор, в перепрыгивании не только рек и ручьев, но и лошадей и людей. Взрослея, они учились прыгать с различными тяжестями в руках или привязав груз на теле.

---

* По одной из версий ясеневыми людьми викингов называли потому, что приплывали они в чужие страны на кораблях, сделанных из древесины ясеня.

Только обретя большую ловкость в прыжках, викинг мог рассчитывать на сохранение собственной жизни в бою, когда требовалось быстро уклониться от пущенного копья или перескочить через «посланный» по скользкому льду щит. Иногда даже особо тренированному и смелому норманну удавалось перепрыгнуть через головы врагов, окруживших его.

В бою часто возникала ситуация, когда надо было сражаться сразу против нескольких противников, когда приходилось отскакивать в сторону и даже прыгать вверх, уклоняясь от выпадов копьями.

В морском бою, когда драккары сходились бортами, воины должны были уметь ловко перепрыгивать на корабль противника, причем делать это в полном боевом облачении.

В сагах часто рассказывается о необыкновенном военном искусстве древних скандинавов. Так, в одной саге читаем о невероятном прыжке викинга: он подпрыгнул, избегая удара копья, и, еще не успев приземлиться, ударом ноги сломал копье противника. А в «Саге о Ньяле» говорится о знатном исландце Гуннаре сыне Хамунда из Хлидаренди, «искусном в бою. Он рубил в битве мечом обеими руками и в то же время метал копья, если хотел. При этом он так быстро взмахивал мечами, что казалось, в воздухе летают не два, а три меча. Не было равных ему в стрельбе из лука, и никогда не знал он промаха. В полном вооружении мог он подпрыгнуть больше чем на высоту своего роста, и вперед он прыгал так же хорошо, как и назад. И еще он плавал, как тюлень». Сага прибавляет: «Не было такой игры, в какой кто-либо мог состязаться с ним». И нам становится понятно, как серьезно в обществе того времени относились к военным упражнениям и играм, ибо они показывали мощь и силу воина.

Саги упоминают также о таких людях, которые быстрым прыжком в сторону уклонялись от стрелы или брошенного копья, не успев отразить оружие щитом, или, окруженные врагами, перескакивали через них и таким образом спасались, или, наконец, избегали их смелым прыжком с крутизны.

Как известно, на Севере много гор и скалистых островков — шхер, на которых живут птицы. Поэтому умение взбираться на практически отвесную скалу ценилось викингами не меньше, чем умение владеть мечом: и смелость свою можно показать, и добыть редкий деликатес.

Надо сказать, что подобное искусство востребовано и в современной Скандинавии. Так, на Вестманнских островах весной исландцы собирают яйца тупиков и убивают самих этих птиц. Чтобы добыть яйца, смельчаки лазают по отвесным утесам и болтаются на тонком канате над морской пучиной. Но на подвиг людей толкает не только и не столько чувство голода и желание отведать деликатес. Среди островной молодежи лазанье по скалам сродни спорту. Молодые люди соревнуются друг с другом в ловкости и быстроте лазанья и устраивают настоящие представления. Взрослые тупики строят свои гнезда на самой вершине утесов и скал, и карабканье туда — весьма опасное предприятие. Вы можете подумать, что риск искупается вкусом мяса этих птиц, который, быть может, сравним со вкусом амброзии. Однако вас ждет разочарование. В каком бы виде вам ни подали мясо этой птицы — жареном, пареном или вареном, оно все равно всегда отдает прогорклым маслом.

Но вернемся во времена викингов, которым особенная ловкость и искусство в лазанье по скалам приносили великую славу. Вечно соревнующиеся друг с другом молодые северяне часто спорили, кто из них быстрее всех заберется на гору и кто достигнет большей высоты. Иногда смельчаков ждали не только разочарование, но и позор. По словам саг, многие достигали изумительной степени совершенства в этом искусстве.

Одним из самых знаменитых воинов своего времени был норвежский конунг Олав Трюгтвасон. О нем в сагах рассказываются удивительные истории. Однажды конунг Олав влез на утес Смальсахорн и укрепил свой щит на вершине этой скалы. А еще рассказывают, что как-то двое его дружинников решили взобраться на вершину другой скалы, и один из них на середине

скалы не смог ни спуститься вниз, ни подняться на вершину. Тогда король поднялся к нему и, обхватив его рукой, спустился с ним на землю.

Викинги прыгали, преодолевали высоту и, как и подбавляет истинным атлетам, прекрасно бегали — в том числе и на лыжах, часто опережая, как это ни звучит невероятно, лошадей. Мы знаем из саг многих королей, владевших этим искусством. Это и уже знакомый нам Олав сын Трюгтви, и Харальд Синезубый, и Харальд Суровый. Викинги должны были уметь с помощью одной лишь лыжной палки пробегать на лыжах по полям и склонам гор, а в башмаках, к которым были привязаны железные «полозья», перелетать покрытые льдом воды.

На льду же устраивали зимой игры в мяч — *кнаррлейк*. Один из играющих бросал мяч и бил по нему палкой, другой ловил мяч или отражал его также палкой. Эта на первый взгляд простая игра требовала особенной ловкости, потому что товарищи в игре всячески старались мешать ловившему: толкали его в сторону, роняли на землю или отбивали у него мяч. Если же ловивший уступал им в ловкости, то ему надо было отыскивать и приносить отлетевший в сторону или укатившийся по льду мяч. Кроме того, мячи были деревянные, а потому надо было стараться увернуться от удара, чтобы не получить серьезной травмы. Да и удары наносились массивными битами из дерева или бычьего рога.

Нередко на игры в мяч собирались зрители со всех окрестных усадеб, совсем как в наши дни собираются болельщики посмотреть футбол.

Вся Скандинавия окружена водой — морями и океаном, поэтому нет ничего удивительного в том, что скандинавы прекрасно плавали и постоянно устраивали различного рода состязания в воде. Хорошим пловцом считался лишь тот, кто в короткое время переплывал большое расстояние, и притом плавал не только раздетый, но и во всем платье, и дольше всех мог пробыть под водой.

Соперники во время игр сражались под водой. Иногда «притапливали», то есть утаскивали на глубину, друг друга, и кто был посильнее, тот держал противника под водой так долго, что почти лишал его сил. Однако ни-

кто и никогда не топил своего противника, и в сагах мы находим примеры помощи соперников друг другу: победитель помогает добраться до берега утомленному сопернику.

Плавали, как правило, не только в относительно теплой воде летом, но и осенью, и весной, если была в том необходимость. Некоторые рассказы в сагах об искусстве пловцов кажутся нам невероятными. Так, в «Саге о Греттире» говорится следующее: «От острова до земли было кратчайшее расстояние — одна морская миля. Греттир приготовился плыть, надел сермяжный плащ с капюшоном и подвязал штаны. Ему обвязали пальцы, так что между ними получилась перепонка. Погода стояла хорошая. Он отплыл от острова к концу дня. Иллуги совсем не надеялся, что Греттиру удастся доплыть. Греттир поплыл вглубь фьорда, течение ему помогало, и было совсем тихо. Он упорно плыл и добрался до Мыса Дымов после захода солнца. Он пошел к хутору у Дымов, залез в горячий источник, так как немного простыл, и долго в нем грелся»*. Невероятно? Тем не менее подвиг этот был повторен в 1927 году, когда один исландец проплыл то же расстояние в 7,5 километра за 4 часа 25 минут.

Воинских упражнений насчитывалось великое множество. Так, существовала *игра мечами*, которая состояла в том, что играющий брал три меча и один из них бросал вверх, а другие два немного «придерживал», то есть не бросал, а выжидал, но потом бросал и их поочередно вверх, а затем, не давая упасть, ловил за рукоятку или за клинок. Непревзойденным мастером в этом деле саги называют все того же Олава Трюггвасона.

Сага говорит, что конунг Олав был самым спортивным из всех людей, о которых рассказывают в Норвегии. Он был необыкновенно силен и ловок, и многие рассказы об этом записаны. Олав умел ходить по веслам за бортом корабля, в то время как его люди гребли на «Змее», и играл тремя мечами так, что два были все время в воздухе, а рукоять третьего — в его руке.

---

* Пер. О. А. Смирницкой.

Из этого рассказа становится понятно, что у викингов существовало также особое упражнение для сохранения равновесия в бою. Оно состояло в том, что человек должен был пробежать по лопастям весел на корабле во время гребли. Пример такого «упражнения» можно увидеть в известном голливудском фильме «Викинги», снятом по роману Э. Маршалла «Викинг».

Но из всех видов викингского «спорта» самым распространенным была борьба. В одних видах борьбы все зависело от телесной силы, в других перевес составляли искусство и ловкость. В борьбе строго соблюдали правила. Известны несколько видов такой борьбы. Так, были *кулачный бой, простой бой и плечевая борьба*.

В кулачном бою разрешались удары ногами. «Сага о Гуннлауге Змеином Языке» рассказывает об одном таком поединке: «Жил человек по имени Торд. Он любил затевать кулачные бои с торговыми людьми, и тем обычно доставалось от него. И вот он условился с Гуннлаугом, что тот будет биться с ним... Наутро, когда они стали биться, Гуннлауг подшиб Торду обе ноги, и тот свалился как подкошенный. Но при этом Гуннлауг свихнул ногу, на которую опирался»*.

Пример простого боя находим в другой саге: «Греттир стоял спокойно. Торд как налетит на него, а Греттир даже с места не сдвинулся. Тут Греттир взял Торда в охапку, ухватил его за штаны, перевернул вверх ногами и перебросил через себя, так что тот грохнулся на обе лопатки»**.

Плечевая борьба, как явствует из названия, состояла в том, что противника надо было победить, схватив его за плечи.

Подобные военные игры часто устраивались во время тингов и праздников. Для них отводились специальные площадки, на которых молодые люди мерились силой и ловкостью.

Частью таких игр были непосредственные военные состязания прежде всего в умении стрелять из лу-

---

* Пер. М. И. Стеблин-Каменского.

** Пер. О. А. Смирницкой.

ка. Для стрельбы также отводились особые места, обыкновенно у подошвы горы. Норманны вообще были хорошие стрелки. Олав Трюггвасон ставил ребенка с маленькой дощечкой на голове и сбивал стрелой дощечку без малейшего вреда для ребенка. Эйнар Брюхотряс, по свидетельству саг, также отличался в искусстве стрельбы из лука. Он был очень сильным и лучшим стрелком из лука в Норвегии. Он пробивал стрелой без наконечника подвешенную на шесте свежую воловью шкуру. Понятно, что пробить толстую сырую шкуру под силу только очень сильному человеку.

К числу упражнений, требовавших силы и особенно полезных в морских битвах, принадлежали также меткое бросание камней на дальние расстояния рукой или пращей и метание дротиков с такой силой и верностью, что они не только попадали в цель, но и пробивали ее.

Хорошему викингу было просто необходимо с одинаковой ловкостью бросать обеими руками два копья разом, на бегу ловить дротик врага и бросать его обратно, драться мечом и копьем одновременно. Причем обо всех этих умениях в сагах говорится как о выдающемся, но самом обычном мастерстве.

Скандинавы считали военное искусство первым из всех искусств, ибо полагали, что только в сражениях они могут стяжать себе славу и обеспечить процветание рода.

В древности смыть нанесенное оскорбление можно было только кровью, в том числе и вызвав противника на поединок. Существовал закон, что обиженный может вызвать обидчика на поединок — *хальмганг* — сражение один на один на маленьком острове или на огороженном месте, причем право первого удара принадлежало тому, кого вызвали.

Вот как в «Саге о Гуннлауге Змеином Языке» рассказывается о таком судебном поединке:

«Однажды на тинге, когда мужчины с множеством провожатых пошли на Скалу Закона и разбор тяжб был закончен, Гуннлауг попросил внимания и сказал:

— Здесь ли Хравн сын Анунда?

Тот сказал, что здесь. Тогда Гуннлауг продолжал:

— Тебе известно, что ты взял в жену девушку, которая была обещана мне, и тем самым стал моим врагом. Поэтому я вызываю тебя здесь, на тинге, через три ночи биться со мной на поединке на острове реки Эксары!

Хравн отвечал:

— Спасибо за вызов! Такого вызова и следовало ожидать от тебя. Я охотно готов биться с тобой на поединке, когда ты захочешь.

Родичам и того и другого это не понравилось, но в те времена был обычай, что тот, кто считал себя обиженным другим, вызывал его на поединок.

Когда прошли три ночи, противники снарядились к поединку. Иллуги Черный последовал за своим сыном с множеством провожатых, а за Хравном — законоговоритель Скафти, отец Хравна и все его родичи.

Но прежде чем Гуннлауг вышел на остров, он сказал такую вису:

Меч свой обнажил я,
К острову путь направил.
О победе скальду
Я молю вас, боги!
Надвое разрублю я
Череп мужу Хельги,
Отсеку от тела
Голову злого Хравна!

Хравн сказал в ответ такую вису:

Скальд не знает, видно,
Чьей победа будет.
Ран серпы сверкают,
Кость крушить готовы.
И вдова на тинге
Будет знать о битве,
Если даже гибель
Суждена обоим.

Хермунд держал щит своему брату Гуннлаугу, а Свертинг, сын Бьярна Козы, — Хравну. Было условлено, что тремя марками серебра должен откупиться тот, кто будет ранен. Хравн должен был первым нанести удар, потому что он был вызван на поединок. Он ударил по щиту Гуннлауга сверху, и меч его тотчас сломался пополам

пониже рукоятки, потому что удар был нанесен с большой силой. Однако острие меча отскочило от щита, попало в щеку Гуннлаугу и слегка ранило его. Тогда подбежали и встали между ними их родичи и многие другие люди.

Гуннлауг сказал:

— Я объявляю Хравна побежденным, потому что он лишился оружия.

— А я объявляю тебя побежденным, — возразил Хравн, — потому что ты ранен.

Тогда Гуннлауг пришел в ярость и в страшном гневе сказал, что поединок не кончен. Но его отец Иллуги заявил, что на этот раз они должны кончить поединок. Гуннлауг сказал:

— Я бы хотел так встретиться в другой раз с Хравном, чтобы ты, отец, не был при этом и не мог бы нас разнять.

На том они расстались, и все пошли назад в свои палатки*.

В древнем шведском законе говорится, что, «если кто-нибудь нанесет другому бесчестие бранным словом и скажет: “Ты не мужчина, и сердце у тебя в груди не мужское”, а другой ответит: “Я мужчина такой же, как и ты”, — тогда они должны сражаться в таком месте, где сходятся три дороги. Если явится вызвавший на поединок, а вызванный не придет, тогда ругательное название, полученное им, будет ему вместо настоящего имени; ему не дозволяется ни в каких случаях принимать присягу, его свидетельство не имеет законной силы ни за мужчину, ни за женщину. Если же, напротив, явится на поединок вызванный, а не придет вызывавший, тогда пришедший должен кликнуть его три раза и назвать *нидингам* (вероломным, бесчестным, негодяем), вырезать на земле знак, в доказательство, что сам он готов был на бой. Вызвавший должен быть дурным человеком, тем более что не имел духа исполнить того, что сказал. Если же оба явятся на место в полном вооружении и вызванный падет, тогда платится за него половина виры, положенной за убийство мужчины. Ес-

---

* Пер. М. И. Стеблин-Каменского.

ли же падет другой, сказавший ругательное слово и своим языком причинивший убийство, то должен лежать неоплаченный, за смерть его не платится никакой виры».

Таким образом, становится понятно, что оскорбление словом, имевшим магическую силу, считалось одним из самых тяжких.

После вызова на поединок договаривались о времени и месте поединка, а также оружии. Поединок, как правило, назначался через три или семь дней. Сражались на островке или огороженном пространстве. Очень часто на поединок вызывали во время тинга. Тогда он проводился поблизости от народного собрания. Но противники могли договориться перенести свою встречу в любое другое место и «отодвинуть» его на любой другой срок.

Когда противники вызывали друг друга биться до смерти, то для такого поединка существовали особые правила. Прежде всего, под каждым из противников постилали плащ или кожу, с которых, при начале смертельного боя, они не могли сходить. Углы этих «*подножников*» должны были находиться один от другого на расстоянии трех с половиной метров. К углам плащей после произнесения специальных заклятий пришивались особые кольца, в которые вбивались столбы с головками — *рубежные колья*. От внешних трех краев плаща отмерялись три неширокие полосы, огражденные четырьмя вбитыми колами. Так устроенное место поединков называлось *огороженным рубежом*. Иногда оно либо целиком выкладывалось камнем, либо было просто обозначено выложенными по периметру валунами и тогда часто служило для таких сражений.

На место проведения поединка бойцов сопровождали родичи и друзья. Перед тем как вступить на *огороженный рубеж*, противники и их «свита» осматривали оружие друг друга, чтобы узнать, не заговоренное ли оно, соответствует ли установленным правилам. Так, если длина клинка была больше разрешенной, то такой меч не допускался для «участия» в поединке.

Скандинавы считали, что при таких поединках должен был быть *законоговоритель*, который мог бы на-

помнить участникам законы. Противники в присутствии свидетелей договаривались об условиях поединка и назначали виру, потому что по закону кто первый был ранен, тот считался проигравшим дело и обязывался платить победителю оговоренные заранее деньги. Это называли *выкупать живот из поединка*.

Часто битва не начиналась прежде, чем противники не раззадоривали друг друга обидными речами.

Кроме обнаженного меча, у каждого бойца был другой, привязанный за рукоятку к правой руке, чтобы иметь его наготове.

Каждый из соперников имел три щита, которые мог использовать один за другим для своей защиты. Пока не все щиты были изрублены, сражавшиеся не имели права покидать свой плащ и могли отходить от него не более чем на два шага. Когда же был изрублен последний щит, противники вообще не имели права сходить с плащей и отражали удары другим оружием. С этого мгновения они нападали друг на друга с мечами, а бой переходил в решающую стадию. Если один из них на этом этапе даже случайно касался одной ногой *рубежного кола*, о том говорили, что он *отступает*, если же обеими, то считали его *бежавшим с боя*.

Если в первый день никто из бойцов не был побежден, что иногда случалось, то бой откладывали до другого раза. Но, по принятому обычаю, считали поединок оконченным, если кто-то из бойцов был ранен и кровь его текла на покрытую плащом землю.

Как видно из вышеприведенного отрывка «Саги о Гуннлауге», особо недовольные друг другом противники не хотели прекращать боя даже после потери оружия и появления первой крови. В таких случаях дерущихся разнимали присутствовавшие на поединке свидетели. Было в обычае, чтобы один из спутников бойца держал его щит во время сражения, однако часто воин сам предпочитал защищать себя, удерживая щит собственноручно.

Иногда случалось, что пришедшие с участниками поединка сами принимали в нем участие и сражались один на один или двое надвое, но обязательно поровну с каждой стороны, иногда же главный боец принимал

бой со многими или со всеми товарищами противника и сражался поочередно с каждым. В таких случаях назначали наперед, кому с кем сражаться, и развязка подобных сражений обыкновенно была кровопролитной.

На поединки вызывали не только в случае нанесения оскорбления, но и для решения различных хозяйственных споров. Так, средневековый шведский историк Олаус Петри говорит: «Сначала у норманнов существовал такой обычай: если кто имел тяжбу с другим и нельзя было дознаться, кто прав и кто виноват, то тяжущиеся должны сражаться: победитель выигрывал дело».

Различались простые поединки — *энвиги* — и поединки судебные — *хольмганги*. Энвиг — это бой один на один без соблюдения определенных правил и в любом месте. Хольмганг же — бой по строгим правилам на огороженном пространстве.

Однако, хотя и вызов на поединок был признанным правым делом, отомстить за убийство родича или друга можно было и убив врага неожиданно, тайком. Чаще всего норманны сначала показывались своему противнику, а затем уж убивали его, однако действуя, «яко тать в нощи», также демонстрировали примеры невероятной ловкости и изобретательности.

Гисли, решивший тайно покарать убийцу своего побратима, ночью проникает к нему в дом, который прекрасно охраняется, и по дороге в хлеву связывает попарно хвосты коровам. Делает это он не из желания похулиганить, а для защиты: он знает, что при отступлении сможет с легкостью преодолеть такие препятствия, а вот преследователи непременно упадут, споткнувшись об импровизированные канаты. Проникнув в дом, он скручивает из тростника своеобразные стрелы и двумя меткими бросками гасит светильники, причем все, кто еще не спит, думают, что светильники погасли сами, поскольку все происходит в полной тишине и мгновенно. Затем в абсолютной темноте Гисли, согрев на груди холодную с улицы руку, чтобы не задеть ненароком никого из домочадцев, подкрадывается к убийце побратима, убивает его и скрывается по заранее проверенному пути.

Снорри Стурлусон. *Иллюстрация К. Крога к «Кругу Земному»*
Снорри Стурлусона. XIX в.

Серебряная чаша из клада Лилла Балла. Руте, Готланд. XI в.

Деревянный рог для питья. XIII в.

Стеклянный кубок,
вывезенный во времена
викингов в Скандинавию
из Рейнской области.

Подвеска, изображающая
женщину, несущую рог
для питья. Швеция.

Йомсвикинги на пиру у ярла Сигвальда. *Иллюстрация Х. Эгедуса*
к «Кругу Земному» *Снорри Стурлусона. XIX в.*

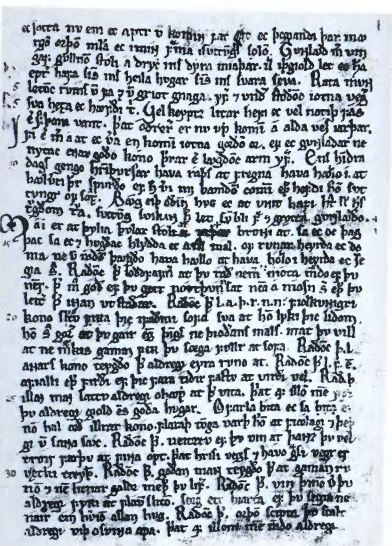

Средневековая рукописная книга
исландских саг («Сага о Ньяле»).

Часть резного портала
ставкирки из Валле.
На портале изображены
сюжеты «Песни о Сигурде
Победителе Дракона»
из «Старшей Эдды».
Норвегия. XII в.

Страница «Старшей Эдды»
из Королевского кодекса.
Вторая половина XIII в.

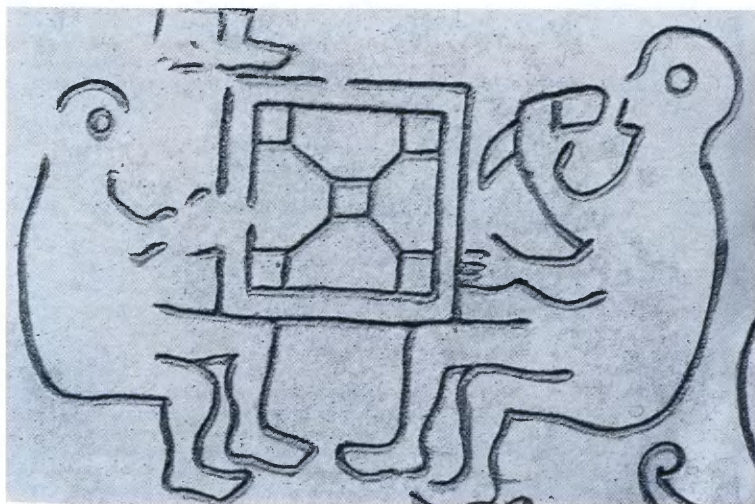

Влюбленная пара. Золотая пластина. XII в.

Король.
Фигурка для игры в тафл.

Игра в тафл. Изображение на поминальном камне эпохи викингов. Швеция.

Инструменты торговца эпохи викингов.

Волок. Позднесредневековая гравюра на дереве.

Платежные серебряные кольца из клада Скарпа Албю. Сандбю, Эланд. Начало X в.

Скандинавская серебряная монета-подвеска (справа вверх). IX в.

Серебряная монета, отчеканенная Олавом Шётконунгом в Сигтуне около 1000 года.

Традиционный торг в Скандинавии. Позднесредневековая гравюра на дереве.

Ладья
из Усебергского кургана.
Музей Кораблей викингов.
Осло. IX в.

Ладья из Гокстадского кургана.
Музей Кораблей викингов. Осло. IX в.

Интерьер ладьи
из Гокстадского
кургана.
Музей Кораблей
викингов. Осло.
IX в.

Ладья из Усебергского кургана во время
археологических раскопок в 1904 году.

Поминальный
камень
из Лиллберс.
Стенчюрка,
Готланд.
VII—VIII вв.

Строительство
кораблей.
Гобелен королевы
Матильды
из Байе.
1077 г.

Кормовая часть ладьи из Усеберга с рулевым веслом. *Музей Кораблей викингов. Осло. IX в.*

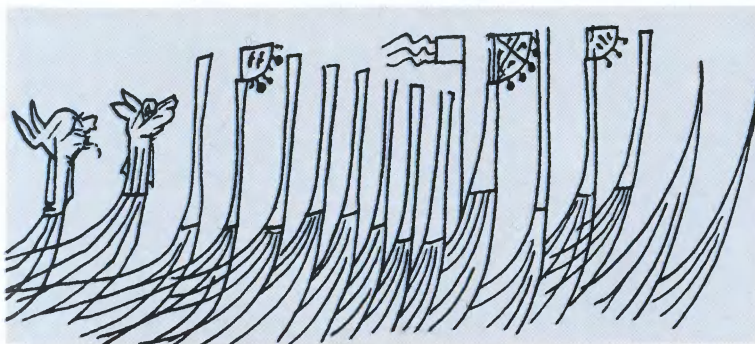

Голова дракона из Усеберга. IX в.

Флюгер из позолоченной бронзы, украшенный ажурным звериным орнаментом в стиле Рингерике, из Сёдерала. *Хельсингланд. Первая половина XI в.*

Граффити, изображающие флот викингов. *Берген, Норвегия. Начало XIII в.*

Железный, инкрустированный серебром и золотом боевой топор, найденный в могиле датского викинга.

Изображение воина на поминальном камне. Йоркшир. X в.

Ритуальный танец двух воинов Одина. Пластина со шлема. VII в.

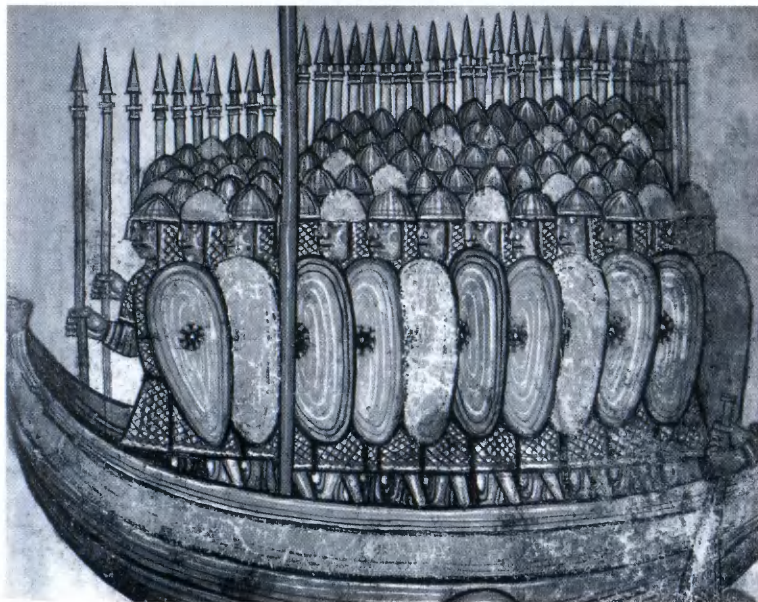

Шлем викинга. X в.

Рукоять меча. X в.

Прибытие кораблей викингов в Англию. *Средневековая миниатюра. XI в.*

Курган викинга в Дании.

Поминальный
камень
из Ченгвиде.
*Алсуг,
Готланд.
IX—X вв.*

Подвеска в виде молота Тора. X в.

Захоронение викинга, оформленное в виде ладьи. Дания.

Бронзовая фигурка бога Тора. X в.

Подвеска, изображающая бога Фрейра. X в.

Ставкирка из Согна. XIII в.

Особые правила существовали для викингов не только в мирной жизни, но и на поле битвы. Если перед судебным поединком противники подстрекали друг друга к началу сечи, то перед сражением конунг или хёвдинг произносили речь, призванную вдохновить дружину на победу и одновременно утратить врага.

Викинги слыли смелыми и отважными воинами, и морские сражения были поединком «один на один». Если число кораблей враждующих сторон было не равно, то норманны «равняли» силу и удаляли «лишние» суда, запрещая им принимать участие в бою.

Боевое искусство норманнов было рассчитано на смелого и хорошо обученного, ловкого и умеющего контролировать себя воина, который мог сражаться в одиночку, в малом отряде и в рядах большой дружины. Особую ценность имели навыки владения мечом обеими руками и одновременного бросания копья. Иногда викингам приходилось на лету хватать копье противника и метать его обратно.

Обычно сражение начиналось с того, что викинги забрасывали врагов камнями и стрелами. Затем драккары (военные корабли) подходили вплотную к вражеским судам и сцеплялись абордажными крючьями, после чего начиналось сражение на палубах. Очень часто во время битвы корабли связывались канатами друг с другом. Захваченный корабль надо было освободить от пут.

Стоявшие у бортов принимали на себя первые удары, а за ними располагались лучники. Именно лучники и были преимуществом викингов, поскольку лук и тактика его применения в бою еще не были известны западным европейцам в то время.

Битва подходила к концу, только когда большая часть команды была убита, и корабль переходил в руки врагов. Другими словами, любое викингское сражение было испытанием на выживание. Сами норманны называли такие бои «чисткой корабля».

Сражающиеся старались вести морской бой поблизости от побережья, и сражение нередко заканчива-

лось схваткой на суше. Для высадки на берег у викингов была разработана специальная тактика, чтобы воины не мешали друг другу, прыгивая на берег.

В начале сражения викинги закрывались щитами и выстраивали своеобразную «стену». Поднятые же вверх щиты были знаком мира. В обычное время щиты носились на спине.

На каждом драккаре был свой собственный флаг, который чаще всего вышивался женой или сестрой хёвдинга, предводителя викингов. Знаменосец во время боя находился рядом с королем. Знамя оберегали не меньше, чем конунга.

В «Саге о Ньяле» рассказывается о том, как сражались викинги, чтобы не отдать противнику свое знамя:

«И вот войска сошлись. ...Кертъяльвад наступал с таким жаром, что косил всех, кто стоял на его пути. Он пробился сквозь войско ярла Сигурда до знамени и убил знаменосца. Тогда ярл поставил к знамени другого человека. Снова разгорелся жестокий бой. Кертъяльвад тотчас сразил нового знаменосца, а также одного за другим и всех тех, кто стоял поблизости. Тогда ярл Сигурд сказал Торстейну сыну Халля, чтобы тот взял знамя. Торстейн только собрался взять знамя, как Амунди Белый сказал:

— Не бери знамя, Торстейн! Ведь всех, кто его держит, убивают.

— Хравн Рыжий! — сказал ярл. — Возьми ты знамя!

Но Хравн отвечал:

— Возьми сам своего черта!

Ярл сказал:

— Что ж, куда нищий, туда и его сума.

И он снял с древка и спрятал его на себе, в своей одежде. Вскоре после этого Амунди Белый был убит. Вскоре и ярл был пронзен копьем*.

Часто с собой на корабли брали кузнечные инструменты и наковальни для того, чтобы во время походов и даже во время боя чинить оружие.

Но помимо металлического оружия в ход шли и древки копий, и дубины, и даже камни. «Сага о Сверри-

---

* Пер. М. И. Стеблин-Каменского.

ре» рассказывает об одном бое: «У Халльварда на корабле еще оставался один человек в стальном шлеме и в панцире — и то и другое было гаутской работы. Еще в начале сражения он получил удар древком, так что у него был раздроблен и изуродован нос, а когда корабль был наполовину очищен от людей, он забежал в укрытие рядом с мачтой.

Туда направился дружинник по имени Аскель. Это был сильный человек. На нем был доспех из металлических пластинок.

Тот человек выскочил прямо на него, и между ними завязался бой. У того не было при себе ни оружия, ни щита, только камень в руке, а у Аскеля были и меч, и щит. Случилось так, что, когда они сошлись, между ними оказался шатер. Аскель нанес удар со всего размаха, но меч попал в столб, на котором держался шатер, и крепко задел в нем, а тот воспользовался этим и ударил его камнем с такой силой, что Аскель свалился с помоста».

Масштабами своих битв норманны могут поражать воображение даже современного человека. Так, в битве в Хьёрунгавоге в Норвегии принимало участие 400 кораблей.

Северяне умело использовали рельеф местности, могли прорыть рвы и возвести на предполагаемом месте сражения оборонительные сооружения.

Захватив местность и укрепившись на ней, они немедленно строили там свои лагеря. Обозначив место, отводимое для военного стана, обычно в форме круга, они по окружности его вбивали в землю три или четыре ряда столбов на некотором отдалении друг от друга, а пространство между ними наполняли камнями и землей. На возникшем валу они укладывали слой камней и несколько слоев земли, которую хорошо утаптывали. А вокруг получившихся стен викинги прорывали ров, землю из которого и брали для строительства вала.

В сознании современного человека викинги ассоциируются с берсерками, однако это не одно и то же.

Традиционно *берсерков* определяют как воинов, которые во время битвы приходили в состояние неистовства, кусали свой щит, сбрасывали одежду и разили врагов направо и налево, а сами при этом оставались

невредимы — как говорили скальды, «их не кусала сталь».

Вместо плаща берсерки носили медвежьи шкуры, за что и получили свое прозвище (слово *ber* в древнесеверном языке означало «медведь»), а сами викинги верили, что берсерки во время сражения превращаются в медведей.

Берсерк долго готовился к получению «почетного звания». Он должен был пройти разные этапы подготовки. Так, в «Саге о Хрольве Жердинке» говорится, что в числе прочих испытаний будущий берсерк должен был поразить стоящее в капище изображение медведя, а потом выпить его кровь, и тогда к воину переходила сила зверя.

Воинское испытание — это почти всегда личный бой, который ведется таким образом, чтобы вызвать у неофита — посвящаемого в воинское общество — «*буйство берсерка*». Одной храбрости здесь мало. Берсерком становятся не только благодаря храбрости, физической силе или упорству, для этого надо выдержать ритуальное испытание, которое радикально меняет поведение воина. Он должен преобразовать свою человеческую сущность, продемонстрировав агрессивное и устрашающее исступление, которое отождествляет его с разъяренными дикими животными. Он «разогревается» до наивысшей степени, его захватывает таинственная сила, нечеловеческая и неодолимая, так что боевой порыв исходит из самой глубины его существа. Эта сила — своего рода демоническое безумие, которое повергает в ужас и парализует противника.

В древнем обществе медведь считался человеком в ином облике (вспомним хотя бы построенные на древних сюжетах сказки братьев Гримм «Медвежья шкура» и «Беляночка и Розочка»), обросшим или одетым в звериную шкуру. В восточнославянском фольклоре существует большое количество рассказов о превращении медведя в человека и наоборот. Широко распространены истории о сожительстве женщины с медведем и рождении у такой пары потомства. Некоторые части медвежьего тела считались священными, пользовались особым почитанием, ибо играли особую роль в обря-

дах. По медвежьей лапе, например, гадали. С культом лапы связана, вероятно, и русская народная сказка о медведе на липовой ноге: старик отрубает у медведя лапу, приносит ее домой, старуха варит ее и поет «порочащие» медведя стихи, но медведь приходит к старикам на липовой ноге и убивает старуху.

Но не только с образом медведя были связаны скандинавские боевые искусства. Помимо «медведей» находились в их войске и «волки», и даже «кабаны».

Воины в волчьих шкурах назывались *ульфхеттары*. Вместо кольчуг они действительно носили волчий мех.

Воины-кабаны сражались в боевом построении, получившем название «*свинфилкинг*» — «голова кабана», наминавшем формой клин, во главе которого находились два воина («свиное рыло»). Воины-кабаны слыли очень хитроумными и коварными.

Историки боевых искусств высказывают предположение, что берсерки, ульфхеттары и свинфилкинги подражали движениям «своих» животных в бою. Вспомним, что подобные звериные стили известны в различных видах восточной борьбы — например, один из самых мощных стилей «звериного» ушу — *стиль медведя*.

На сегодняшний день существует несколько теорий, объясняющих поведение берсерков, одна из которых гласит, что викинги превращались в берсерков потому, что перед сражением пили специальный отвар из ядовитых грибов.

Другие исследователи считают, что берсерки — это люди с подвижной психикой или невротики и психопаты, которые во время сражений приходили в крайнее возбуждение. Современная медицина знает, что нервная система человека способна дать сигнал к выработке организмом веществ, которые сродни наркотикам. Вполне возможно, что берсерки могли сами «создавать» свою ярость в нужный момент.

Однако большинство ученых придерживаются версии о том, что берсерки — это наиболее преданные почитатели бога Одина, которые просто впадали в боевой экстаз. В «Саге об Эгиле» читаем о таком разъяренном воине: «Торольв так разъярился, что забросил

щит себе за спину и взял копье обеими руками. Он бросился вперед и рубил и колол врагов направо и налево. Люди разбежались от него в разные стороны, но многих он успевал убить».

Тем не менее не стоит и отрицать возможность употребления викингами различных возбуждающих снадобий. Из ядовитых растений и грибов на Севере, как и в других странах средневековой Европы, готовили не только яды, но и лекарства. Кроме того, изначально такие снадобья использовали во время ритуальных жертвоприношений и сакральных действий.

«В основе действия этих снадобий — химические соединения, сегодня именуемые галлюциногенными, которые вызывают в организме различные изменения психических функций от простого обострения всех органов чувств и аффективных состояний до искажения восприятия реальности, времени, пространства и самоидентификации, а также зрительные, слуховые, тактильные галлюцинации, — пишет Ю. Арнаутова. — Для достижения состояния шаманского транса, во время которого, как верили, можно общаться с духами, древние скандинавы использовали мухомор. Содержащийся в нем мускарин — алкалоид нейротоксического действия — приводит шамана в невероятное возбуждение. С горящими глазами, весь охваченный дрожью, он совершает ритуал камлания. Пение его становится все громче, движения все хаотичнее, примерно через полчаса наступает наркотический сон — шаман “отправляется в путешествие” по царству мертвых. Употребление мухоморов вызывало токсический экстаз и “мистический опыт” и у участников греческих мистерий. Симптоматическая картина состояния “бешенства” у берсерков также заставляет предполагать наличие мухоморов в числе их ритуальных снадобий, состав которых хранился в глубокой тайне... Экстатическое состояние начинается у берсерков с ощущения холода и озноба, зубы стучат, лицо отекает и краснеет (в других источниках — бледнеет), быстро нарастает психомоторное возбуждение, они впадают в ярость и набрасываются на окружающих, часто не разбирая, кто друг, а кто враг, “но как только буйство проходило, сообща-

ет 'Сага об Эгиле', — они становились слабее, чем бывали обычно". Действительно, вызванное мускарином возбуждение длится не более чем один день, затем наступает упадок сил и длительная апатия... Мази наносились на наиболее чувствительные, в особенности эрогенные, зоны тела».

Как бы то ни было, но берсерки принимали активное участие во многих сражениях и часто именно они одерживали победы. У многих королей берсерки служили в дружинах. Так, у конунга Харальда Прекрасноволосого был целый такой отряд, в котором состояло двенадцать берсерков. Одна из битв с их участием описывается следующим образом: «Двенадцать берсерков конунга находились на носу корабля. Корабль конунга шел вперед, и там была жесточайшая схватка. Когда же проверили войско, много оказалось убитых, и у многих были опасные раны. На корабле конунга не было никого, кто бы стоял перед передней мачтой и не был ранен, кроме тех, кого железо не брало, а это были берсерки».

• • •

В сагах встречаются и примеры поистине гениального ведения скандинавами «тайной войны». Так, в «Саге об Эймунде» описывается борьба Ярослава Мудрого (Ярицлейва саги) с Буриславом за власть, в которой ему активно помогают наемные дружинники — варяги. Не обсуждая личности конунга Ярицлейва и методов его борьбы, посмотрим лишь на искусство выполнения его заказа дружиной Эймунда.

Итак, Ярицлейв вызывает Эймунда и «заказывает» ему Бурислава, своего основного противника и главного претендента на великокняжеский престол.

Прикинувшись купцами, викинги Эймунда едут впереди дружины врага, постоянно отслеживая места ее ночевок. Наконец, будучи опытным воином, Эймунд понимает, что следующая ночевка противника должна быть в идеально подходящем для задуманного нападения месте, и приказывает своим дружинникам неподалеку от этого места присмотреть высокое дерево, за-

лезть на его вершину и прикрепить к ней веревку. Так и было сделано. Затем Эймунд приказал нагнуть дерево так, что ветви его опустились до самой земли. Воины натянули веревку и закрепили концы. Эймунд оказался прав: шатер князя разбивают на лесной поляне неподалеку от согнутого дерева.

Эймунд настолько был уверен в своем мастерстве воина и удаче, что решается перед «операцией» раздобыть в стане врага еду, поскольку своих припасов у норманнов почти не осталось. Он переодевается нищим, привязывает себе козлиную бороду «и идет с двумя посохами к шатру конунга Бурислава, и просит пищи, и подходит к каждому человеку». Так Эймунд обходит весь вражеский лагерь. Он получил много еды и благодарил за хороший прием, а затем вернулся к своим дружинникам и накормил их.

Поздним вечером, когда русские воины легли спать, Эймунд прокрадывается в их стан и накидывает петлю, завязанную на конце веревки с согнутого дерева, на вершине княжьего шатра. И затем несильно бьет по веревке, а сам занимает необходимую позицию у стены шатра, за которой, как он знает, находится ложе жертвы. Тем временем норманны, почувствовавшие дрожь веревки, перерубают ее. Дерево, резко распрямившись, буквально срывает шатер, открывая доступ к спящим людям. Эймунд бросается вперед и убивает Бурислава, не забыв прихватить после содеянного его отрубленную голову.

Воспользовавшись суматохой в лагере, викинги успевают вскочить на коней и бесследно исчезнуть в ночи.

Интуиция и умение предвидеть действия противника часто оказывали викингам неоценимую помощь, а иногда и спасали жизнь.

Эймунд после убийства Бурислава захотел столько власти, что стал мешать Ярицлейву, и тот задумал от него избавиться. У Ярицлейва была очень умная жена Ингигерд, которая сказала, что поможет в этом деле мужу. Она пригласила Эймунда на переговоры. Когда норманн пришел, она и ярл Рагнвальд сели на его плащ, практически лишив его возможности встать. Но Эймунд почувствовал, что дело нечисто, и развязал завяз-

ки плаща. В этот момент княгиня взмахнула перчаткой, и по ее знаку на викинга напали дружинники князя. Однако Эймунд успел вскочить, сбросив с плеч плащ, и отбиться от нападавших.

В результате Ингигерд пришлось все-таки устроить мир Эймунда с Ярицлейвом и его родичами и даже даровать викингу одно из мелких княжеств.

• • •

В средневековых легендах и сагах сохранились рассказы о йомсвикингах — викингах из Йомсбурга. Йомсбург, по этим легендам, был основан датчанами и находился где-то в устье Одера на побережье Балтийского моря. При крепости была большая гавань, где могли одновременно разместиться 360 кораблей. Из Йомсбурга викинги совершали набеги на берега Норвегии, Дании, Швеции и Англии. Лишь в 1040-х годах норвежский конунг Магнус Добрый смог уничтожить йомсвикингов, разбив их в сражении у Хьёрунгавога в Норвегии.

Викинги из Йомсбурга были идеальными воинами в возрасте от 18 до 50 лет, живущими в большой и неприступной крепости, куда был заказан вход женщинам.

Самым большим позором для йомсвикинга было проявление трусости или утаивание от военной общины части добычи. Все викинги в Йомсбурге были обязаны отдавать свою часть захваченного в походах богатства в общественную собственность.

Напомним, что проявление трусости было позором не только для викинга из Йомсбурга, но и для любого скандинава того времени. Так, в «Саге об Эйрике Рыжем» рассказывается о гибели Бьярни сына Гримульва, который плывал к берегам Америки. Когда в море случилась буря, его корабль стал тонуть, и Бьярни приказал своим дружинникам тянуть жребий, кому остаться на корабле, а кому перейти в лодку. Все поступили так, как предложил Бьярни, лишь один дружинник, вытянувший несчастливый жребий, не захотел принять гибель и стал подстрекать Бьярни занять его место. Бьярни согласился перейти на корабль, а дружинник занял

его место в лодке. Сага говорит о мужестве и достоинстве, с которыми Бьярни принял смерть, а имени малодушного дружинника даже не называет, поскольку он недостоин памяти поколений. Йомсвикинги повели бы себя в рассказанной истории подобно смелому Бьярни.

Нарушившего закон общины викинги из Йомсбурга изгоняли.

Легенда о йомсвикингах не нашла пока подтверждения, что, по мнению историков, вовсе не говорит о ее неправдоподобии.

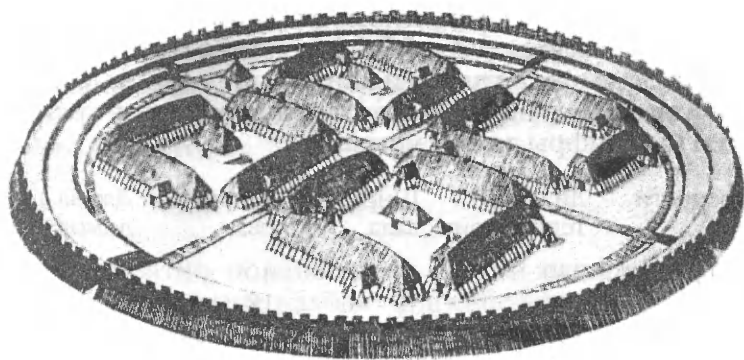
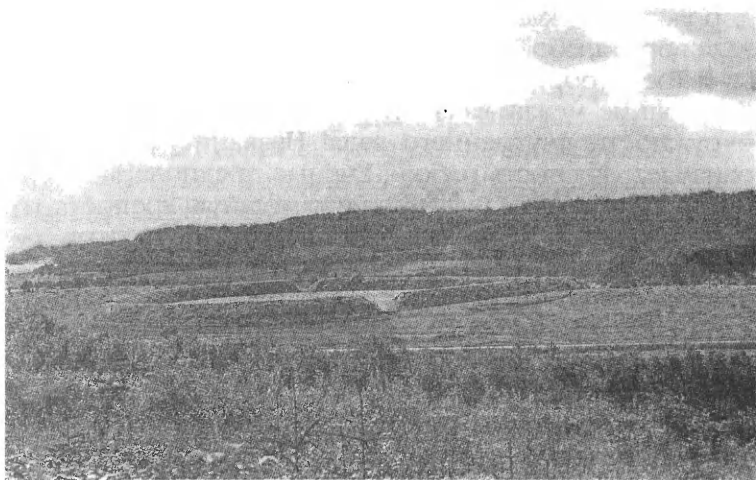
Зато в результате археологических раскопок и аэрофотосъемки были получены новые данные о системе военных лагерей викингов в Дании. Стало ясно, что, когда в IX—XI веках в Скандинавии начали образовываться самостоятельные государства, одновременно стала создаваться система крепостей с постоянными дружинами.

Прежде всего это имеет отношение к Дании, где за последние десятилетия были раскопаны некоторые из военных укреплений — Треллеборг, Фюркат и Аггерсборг. Происхождение их строгого и единообразного архитектурного построения до сих пор не получило удовлетворительного объяснения. Предполагают, что они были выстроены по приказу короля Свейна Вилобородого. Известно также, что у датского конунга Кнута была отборная «королевская гвардия» — *тинглид*. Вполне возможно, что тинглид тренировалась и базировалась именно в таких военных лагерях.

Все крепости объединяет единство планировки: круглые в плане валы, охватывающие сгруппированные в правильные четырехугольники длинные дома.

Изумление ученых вызвал высокий уровень инженерного искусства, с которым были построены эти лагеря. Концентрические валы, окружающие крепости, очень толстые (до 18 метров толщиной), представляют собой совершенно правильную окружность, выверенную с точностью до нескольких сантиметров. Отклонение от геометрического круга составляет не более 0,5%!

Внутри крепость поделена крест-накрест строго с севера на юг и с востока на запад мощными деревом

Крепость Фюркат в Дании. *Фото и реконструкция.*

дорожками, в конце которых располагаются в стенах вала ворота, обращенные на четыре стороны света.

В Треллеборге был не один вал, а два, оба со рвами. Расстояние между валами было точно равно радиусу окружности внутреннего вала! Название Треллеборг означает «крепость рабов». Ученые предполагают, что именно рабы и соорудили такую мощную крепость, на строительство которой нужно было потратить не только большие деньги, но и привлечь невероятное количество рабочих рук.

Высказывалось также предположение, что крепости построены не датскими инженерами, ибо у историков нет оснований считать, что в Дании эпохи викингов было столь развито строительное дело. Вероятно, датчане доставили в страну иноземных специалистов.

В Треллеборге и Фюркате лагерь поделен дорожками на четыре равных сектора, в каждом из которых были построены четыре длинных дома. Дома располагались под прямым углом друг к другу — каре, а в центре был внутренний двор.

В Аггерсборге таких каре уже не 4, а 12, соответственно, домов в нем уже не 16, а 48. И дорожек там тоже было больше — параллельно каждой из двух главных дорог шли еще две более короткие, образовавшие квадрат.

В центре лагеря, вероятно, стояла сторожевая вышка.

Дома в каждом лагере были абсолютно одинаковы — имели одну и ту же длину и ширину.

Приведем сравнительную таблицу размеров крепостей (все цифры даны в метрах):

Крепости	Диаметр территории	Ширина вала	Ширина рва	Длина домов
Аггерсборг	240	11	4	32,0
Треллеборг	136	19	18	29,4
Фюркат	120	13	7	28,5

Известны и другие оборонительные сооружения датчан, например, Даневирке, «Стена данов», или «Датский вал», представлявшая собой насыпной вал несколько десятков метров высотой, над которым при-

шлось потрудиться, по всей вероятности, не одной сотне рабов.

«Анналы франкских королей» (808 год) рассказывают о строительстве вала вдоль границы южных владений конунга Годфреда, который хотел таким образом защитить своих подданных от армии Карла Великого. Вал был возведен от Балтийского моря до Северного. Перед «Датской стеной» находился ров. В валу для проезда во времена викингов были всего лишь одни ворота. Остатки их сохранились до наших дней. В 1160-х годах вал частично заменили кирпичной стеной. Интересно, что это укрепление времен викингов использовалось во времена войны Дании против Пруссии и Австрии в 1864 году и весной 1945 года, когда немецко-фашистские оккупанты пытались при помощи этого вала остановить английские танки.

Тем не менее самое большое военное сооружение времен викингов находится не в Дании, а в Швеции на острове Готланд. Эта военная крепость Торсбург, основная часть каменной стены которой была построена в позднеримский период железного века, а затем достроена и укреплена в эпоху викингов. Постоянного населения в Торсбурге не было. Вероятно, в крепость, или укрепленный участок скалистого плато, во время нападений уходили спасаться жители Готланда вместе с домашним скотом. На острове есть и другая большая крепость времен викингов — Бульверкет. Это четырехугольное деревянное сооружение без крыши (площадью 170 на 170 метров) на сваях посреди большого озера Тингстеде.

• • •

Невероятно, но викингами были и женщины. Примеры тому ученые находят в древнеисландской литературе.

Так, в одной из саг описывается, как в битве при Бравалле в Ютландии в 700 году между двумя дружинами датских конунгов принимала участие некая Вебьёрг: «Вебьёрг, Дева со Щитом, яростно сражалась со свеями и готами. Билась она и с воином по имени Сокнарско-

ти. Она так искусно владела мечом, что была одной из лучших среди принимавших участие в той сече. Она наносила Сокнарскоти сильные удары, и долго длилась их битва. Вебьёрг разрубила ему челюсть и подбородок, и тогда Сокнарскоти засунул бороду в рот и прикусил ее зубами, и так держал подбородок. Она совершила множество других славных подвигов в той битве. Потом с ней сразился Торкель Упрямый, воин конунга Сигурда Кольцо, и они долго бились. Пала она в той битве вся израненная».

• • •

Еще раз взглянем на довольно простой боевой наряд скандинавов. Панцирем, как мы уже говорили, служила жесткая войлочная куртка, обшивавшаяся (по всей вероятности, в позднейшее уже время) металлическими кольцами и пластинками.

Шлемами пользовались сначала, как и у всех германских племен, только предводители.

Одно из самых распространенных заблуждений о шлемах викингов — это «добавление» им рогов. Но ни викинги, ни их потомки никогда не носили подобных рогатых шлемов. Такие «головные уборы» были бы просто опасны в бою, ибо именно за «рога» первым делом бы и ухватился противник в рукопашной схватке. Подобные украшения встречаются на шлемах лишь в бронзовом веке, то есть в 1500—500 годах до нашей эры, и являются непременным атрибутом ритуальных шлемов жрецов, возносивших молитвы богам плодородия.

Для нападения в Скандинавии с давних пор использовалась прежде всего секира, которую держали обеими руками, и обоюдоострый меч. Копье и лук употреблялись лишь от случая к случаю.

Превосходство западного оружия было общепризнанным. Во времена эпохи викингов особо удачливые норманны привозили домой франкские мечи мастеров Ульфберта и Ингерли, живших, судя по имеющимся историческим данным, в районе Рейна.

Одноручные боевые мечи достигали в длину до 90

сантиметров. Клинки у них были массивные, в среднем 70 сантиметров. По центру клинка такого меча часто делали желобок для уменьшения тяжести и увеличения гибкости оружия.

Викинги сражались и пешими, и конными. Они использовали стремена, что давало им несомненное преимущество в конных поединках, ибо западным европейцам они (стремена) известны в ту эпоху еще не были. Однако в период военных действий лошади у викингов являлись в основном тягловой силой.

Щиты, как правило, изготавливались из дерева и служили защитой от стрел и ударов копья и меча. Обычно они красились в яркие цвета и часто расписывались различными узорами и рисунками. Красный цвет был наиболее употребляем и символизировал власть.

Многие вещи и предметы люди в ту далекую эпоху, когда весь мир был населен враждебными существами, наделяли особой силой. Естественно, что защититься от врага можно было прежде всего оружием. Именно ему и приписывали чудесные свойства.

В скандинавской мифологии волшебное оружие — непрменный атрибут богов. Это и молот Тора, и волшебное копьё Одина Гунгнир, и чудесный меч Фрейра. Исследователи подчеркивают, что оружие в эпосе несет «многоуровневую» смысловую нагрузку — и на уровне магии, и на уровне космологии, и на уровне архетипов. Почти во всех индоевропейских традициях копьё верховного бога (у древних скандинавов — Одина) олицетворяло и Мировое древо, земную ось, которая проходит через три мира. Мировое древо делит мировое пространство на три яруса — наверху живут боги, на «среднем» уровне — люди, а внизу находится царство мертвых (у скандинавов — Хель).

Каждый вид боевого оружия посвящался определенному богу: копьё и меч — Одину, боевая секира, палица и боевой топор — Тору, меч мог посвящаться и Фрейру.

Меч и другое холодное оружие из железа и стали издавна считаются сильными оберегами. Именно мечом проводится при обрядах круг, который является защитным для человека, стоящего внутри него.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что работа с оружием, работа по его изготовлению, была признана магической, ибо сам меч был всегда предметом культа.

На протяжении всего XIX века в болотах и озерах Скандинавии на территории от Шлезвига на юге до Шёнена находили оружие, время изготовления которого датируется III—IV веками нашей эры.

Видный рунолог Вольфганг Краузе полагает, что оно не случайно попало туда, а было намеренно затоплено. На протяжении нескольких столетий воины как подношение богам предавали воде древки стрел и дротиков, многочисленные мечи и железные наконечники копий, которые оказывались поврежденными в ходе сражений или были приведены в негодность в процессе ритуала.

Тем не менее существует и другая точка зрения на причины «попадания» оружия в болота.

Все дело в том, что золото, серебро, драгоценности, украшения, красивые и дорогие одежды и оружие были для древних скандинавов воплощенным выражением богатства и славы.

Особую ценность эти вещи получали, если были получены в дар от хёвдинга. Считалось, что удача, счастье и слава, которыми наделен человек и которых особенно много у конунга, могут быть переданы другому человеку. Поэтому дар от хёвдинга считался материальным выражением всех этих качеств.

Полученные дары и захваченная добыча означали для древних скандинавов не только увеличение богатства, но — что гораздо важнее — увеличение славы и могущества рода.

«Приумножение славы и почета, — пишет А. Я. Гуревич, — которыми пользовались человек и его род, означало, по тогдашним представлениям, рост их удачи, “души рода”, воплощавшейся в его главе и переходившей из поколения в поколение. Подвиги и добыча питали “душу рода”, увеличивали его счастье и внутреннее благополучие; род удачливого викинга был богат счастьем. Для того чтобы обеспечить счастье рода и сохранить его в материализованном виде — в форме добытых драгоценностей, — их подчас зарывали в землю.

Археологи, обнаруживающие все новые клады, дают самые разные объяснения их большого количества. Например, шведский ученый С. Булин высказывал предположение о том, что скандинавы прятали серебро и монеты в периоды внутренних неурядиц, нападений врага (сопоставление датировки монет, найденных в кладах, с сообщениями хронистов и саг, по-видимому, свидетельствует о росте кладов во время смут и войн). Другие ученые, указывая на то, что клады так и не были вырыты ни их владельцами, ни потомками, склонны объяснять это особой целью их сокрытия. Как гласила легенда, верховный бог скандинавов Один повелел, чтобы каждый воин, павший в битве, являлся к нему с богатством, которое было при нем на погребальном костре или спрятано им в земле.

Вероятно, в действительности имелись разные причины, по которым скандинавы зарывали свои богатства в землю».

Для многих было важно просто не выпускать из рук материальное воплощение личного благополучия и благополучия рода.

Пример такой, как мы сейчас сказали, «жадности», а на самом деле, заботы о семье и ее «душе», находим в «Саге об Эгиле»:

«В первые дни правления Хакона Могучего Эгилю пошел девятый десяток. Во всем, кроме зрения, он был еще крепок. Однажды летом, когда люди собирались на тинг, Эгиль попросил Грима, чтоб он взял его с собой. Гриму не понравилась эта просьба. И когда Грим и Тордис разговаривали друг с другом, Грим сказал ей, о чем просил Эгиль.

— Я хотел бы, — добавил он, — чтобы ты выведала, что кроется за этой просьбой.

Тордис пошла к Эгилю, своему родичу. Самой большой радостью для него было разговаривать с ней. Придя к нему, Тордис спросила:

— Это правда, дядя, что ты хочешь поехать на тинг? Я хочу, чтобы ты мне сказал, что ты там думаешь делать.

— Я скажу тебе, — отвечал он, — что я задумал. Я хочу взять с собой на тинг оба сундука, которые мне подарил когда-то конунг Адалльстейн. Оба они полны ан-

глийским серебром. Я хочу, чтобы сундуки втащили на Скалу Закона, где всего больше народу. Потом я раскидаю серебро, и было бы удивительно, если бы люди мирно поделили его между собой. Я думаю, тут будет довольно и пинков, и пощечин, и возможно, что в конце концов все на тинге передерутся.

Тордис ответила:

— Это была бы великолепная шутка, она бы осталась в памяти, пока страна обитаема.

Потом она пошла к Гриму и сообщила ему намерения Эгиля.

— Нельзя позволить, чтобы он осуществил такой чудовищный замысел, — сказал Грим.

И когда Эгиль опять заговорил с ним о поездке на тинг, он отсоветовал ему ехать. Так Эгиль остался дома. Ему не нравилось это, и он был очень не в духе. Летом из Мосфелля перегоняли скот на горные луга, и Тордис была в горах во время тинга. Как-то вечером, когда люди в Мосфелле уже ложились спать, Эгиль позвал двух рабов Грима. Он велел привести ему лошадь.

— Я поеду помыться на горячий источник, — сказал он.

Собравшись, он вышел, взяв с собой свои сундуки с серебром. Он сел на лошадь, выехал за ограду и поехал по лугу за пригорок, пока не скрылся из виду. А утром, когда люди встали, они увидели, как по холму к востоку от двора бредет Эгиль и тянет за собой коня. Они пошли и привели его домой. Но рабов и сундуков больше не видели, и о том, куда Эгиль спрятал свое серебро, было много догадок...

Осенью Эгиль заболел, и болезнь свела его в могилу. Когда он умер, Грим велел одеть его в лучшие одежды. Потом он велел отнести его на мыс Тьяльдазнес и насыпать там могильный холм. В этом холме Эгиля похоронили вместе с его оружием и одеянием*.

Военному снаряжению и оружию всех видов было принято давать имена. Эти имена имели магическое значение и потому непременно вырезались рунами. Самыми ранними из них являются рунические надписи на наконечниках копий.

---

* Пер. В. В. Кошкина.

В своей книге «Теория собственных имен» А. Гарднер пишет о двух видах собственных имен: «воплощенных (*embodied*)» и «развоплощенных (*disembodied*)». К первому разряду относятся слова, «прикрепленные» к отдельным лицам, местностям и так далее, ко второму — слова, рассматриваемые сами по себе, не «привязанные» к местности, лицам и так далее.

В Скандинавии Средних веков «развоплощенных» имен быть не могло. Имя и его носитель так тесно сливались, что становились неразделимым целым. В древнеисландском языке все «говорящие имена», даже если они состоят из двух и более частей (слов), пишутся слитно.

Магическое назначение имен состояло в том, чтобы наделить оружие или другой предмет тем желанным воину свойством, которое обозначает имя.

Древнейшим из них следует, пожалуй, считать наконечник копья, найденный в Эвре-Стабу (Дания), который датируется 175 годом нашей эры. На плоскости наконечника ясно различимы руны имени *RaunijaR* — «Пронзающее, разящее».

На копье из Дамсдорфа (Германия, III век) начертаны другие руны — *Ranja* — «Нападающее».

В уже не раз упоминавшейся нами «Саге о Ньяле» рассказывается о заколдованном копье:

«У Халльгрима есть одно копье с широким наконечником, которое ему заколдовали: никакое оружие, кроме этого копья, не может его убить. Есть у этого копья еще одно свойство: если ему предстоит нанести смертельный удар, оно издает тонкий звон. Такая в нем чудодейственная сила»*.

Есть свои имена и у секир, и у мечей. Например, все в той же «Саге о Ньяле» упоминается секира по имени «Великанша битв».

Заметим, что в древнегерманском эпосе описание оружия героя является очень распространенным приемом героической характеристики. Так, особенно важную роль в поэме играет волшебный меч, который Беовульф находит в подводной пещере Гренделя и которым и убивает мать чудища:

---

* Пер. С. Д. Кацнельсона.

Тогда он увидел
среди сокровищ
орудие славное,
меч победный,
во многих битвах
он был испытан,
клинок — наследие
древних гигантов;
несоразмерный,
он был для смертного
излишне тяжек
в игре сражений...*

У таких мечей с «воплощенными» именами, как правило, есть своя родословная, свидетельствующая о наличии у оружия выдающихся качеств, присущих ему от «рождения».

Так, на рукоятке меча из Вимосе (250 год) читаем руны:

mariha iala
makja

Это означает «всем принадлежит этот знаменитый меч».

О заколдованном мече Скавнунг рассказывается и в «Саге о людях из Лаксдаля»: «Но такова природа этого меча, что солнце не должно освещать его рукоять и его нельзя обнажать в присутствии женщин. Если кто-нибудь будет ранен этим мечом, то рана не может зажить, если ее не коснуться чудодейственным камнем, который есть при мече»**.

О подобном же мече, носившем имя Skefnung, который был извлечен из могильника знаменитого Хрольфа Краки, рассказывает «Сага о Кормаке», в которой также приводится и предупреждение, что именно может случиться с обладателем клинка в том случае, если он не выполнит необходимых условий.

«Далла (мать Кормака) посоветовала ему разыскать Skeggi со Среднего Фьорда и попросить у него Skefnung. Кормаке отправился в Рейкьяр и рассказал Skeggi о своей просьбе. Skeggi же ответил, что не хочется да-

---

* Пер. В. Г. Тихомирова.

** Пер. В. Г. Адмони и Т. И. Сильман.

вать ему, Кормаку, меч, они (Кормак и Скефнунг), де, слишком уж несхожи характером: “Скефнунг медлителен, ты же нетерпелив и упрям”. Кормак уехал в гнев, вернулся в Мель и рассказал матери, что Скегги отказался дать ему на время меч. Скегги в то время был советчиком Даллы, и была меж ними большая приязнь. Далла сказала: “Скегги одолжит тебе меч, хоть и сделает он это без желания”. Кормак почел нечестным, что Скегги согласится дать меч женщине, но не ему. [...] Несколько дней спустя она сказала, чтобы Кормак отправился в Рейкьяр и что на сей раз Скегги даст ему меч. Появившись у Скегги, Кормак вновь завел речь о Скефнунге, на что Скегги сказал: “Обращение с ним может показаться тебе непростым. Ножны прилагаются к мечу, твое же дело дать ему покой; солнце не должно касаться его рукояти и не должно обнажать его, если не готов ты к бою; но если придешь на место схватки, то сядь и в одиночестве обнажи его. Подними клинок к небу и дунь на него; когда из рукояти выползет малая змея, наклони тогда клинок, чтобы было ей легче заползти вновь под рукоять”. Сказал тогда Кормак: “Неужто много так условий у вас, колдунов?” Скегги же ответил: “Эти помогут тебе в полной мере”. После этого Кормак вернулся домой и рассказал матери обо всем, что случилось, и сказал, что Скегги весьма подвластен ее воле; и, показав ей меч, попытался обнажить его, но клинок отказался покинуть ножны. “Слишком самонадеян ты, родич”, — сказала на это Далла. Кормак же уперся ногой в рукоять и кожу, взвыл при том Скефнунг, но невозможно его было вытянуть из ножен.

Подошло время хольмганга, и Кормак выехал из дома с пятнадцатью мужами. С такой же дружиной приехал на место и Берси (противник Кормака). Кормак приехал первым и сказал Торгильс, что желает остаться один. Кормак сел, отвязал меч и не позаботился о том, чтобы солнце не светило на рукоять; он опоясался им поверх платья и попытался обнажить меч; но не мог этого сделать, пока не наступил на перекрестье; выскользнула из-под рукояти малая змея, но и тут Кормак не сделал того, что положено, и удача меча переменилась, и с воем вышел он из ножен».

Мечи и другие предметы вооружения могут жить своей «собственной» жизнью, постепенно меняя владельцев. За ними спускаются в могильный курган, хотя знают, что могильный житель наверняка проклянет посмевшегося нарушить его покой.

«Меч, — пишет Е. А. Мельникова, — осуществляет непрерывную преемственность поколений, оставаясь неизменным воплощением героического поведения, передаваемым из отдаленного прошлого в будущее.

Предметы далеко не всегда пассивные символы связи поколений. Не раз именно они определяют развитие героического действия, выявляя конфликт и приводя к критической развязке».

Среди названий мечей саги упоминают следующие имена: Пламя Одина, Ехидна, Кусающий ногу, Лед битвы, Огонь щита, Огонь Гаутрека, Факел битвы, Змея раны, Змея кольчуги, Страх кольчуги, Язык ножен. Приведем в качестве примера вису из «Речей Хакона», написанных исландским скальдом Эйвиндом Погубителем Скальдов:

Ран огни горели
В волнах крови,
Бердыши вершили
Жизнь и смерть шибко.
Мыло море ран
Мыс булатный,
Стрел поток струился
На острове Сторде*.

Все приведенные выше имена мечей являются кеннингами (метафорическими оборотами речи), и многие из них или отражают мистическую суть самого клинка, или призваны наделить его некими мистическими свойствами.

---

* Пер. С. В. Петрова.

СПОСОБЫ И СРЕДСТВА ПЕРЕДВИЖЕНИЯ

Викинги жили в столь динамичное время, когда поездка из одной страны в другую была самым обычным делом, а переезд и заселение новых земель ни у кого не вызывали и тени удивления.

Передвигались как по морю, так и по суше.

По земле можно было путешествовать пешком или верхом, а в зимнее время — на санях, лыжах, снегоступах или коньках.

Когда нам кажется, что коньки — чисто русская забава, мы глубоко ошибаемся. Викинги изобрели коньки, которые в те времена представляли собой сточенную снизу лошадиную кость, которая ремнем прикреплялась к обуви.

В дорогу, как уже говорилось, часто отправлялись верхом на лошади. Лошади в ту эпоху были менее крупными, чем в наши дни. Упряжь же существенно не отличалась от современной.

«Отличительным» признаком сбруи лошадей викингов были так называемые «звучащие» плети с набором железных колец. Такие лошадиные уздечки искусствоведы называют шедеврами ювелирного искусства. Самая красивая уздечка с многочисленными бронзовыми позолоченными бляшками была найдена на Готланде и датируется началом X века. Поверхность таких бляшек покрыта сплошным узором из почти невесо-

мых фигур животных. Наиболее красиво орнаментированы были наверхия дуг конской упряжи.

Зимой копыта лошадей подбивались шипами, чтобы они не скользили по насту или льду.

Дороги прокладывались как по общей, то есть ничейной, земле, так и по территории чужих усадеб. Законы предписывали собственникам усадеб и хуторов разрешать свободный проезд по «частной» дороге, но при этом человек, едущий по чужой территории, нес ответственность за причиненный полям или домашнему скоту ущерб.

На хутор должна была вести травяная дорога, и, говорит закон, если кто ее вспашет, должен заплатить большой штраф — да не один раз, а трижды. Если же кто решал поехать через нескошенный луг или возделанное поле, то должен был заплатить штраф за каждое колесо своей телеги. Если же он «не успокаивается» и едет через поле еще раз, то такой проезд называется «грязной дорогой», а нарушитель платит большой штраф три раза.

Если же хозяева хотели огородить свои поля или дворы, то должны были оставить проезд между изгородями шириной в 15 шагов. Если же изгородь должна пересечь дорогу, то в таком месте надо делать «разрыв», чтобы не препятствовать передвижению путников.

Поскольку Скандинавия буквально изрезана фьрдами, речками, ручьями и водопадами, то викинги уже в те далекие времена учились преодолевать водные препятствия, «не замочив ног». Для перехода через реки еще в каменном веке были устроены броды.

А вот мосты появились на Севере лишь во времена викингов — не ранее конца 900-х годов. Историки предполагают, что первые мосты скандинавы увидели у славянских народов. Самым большим мостом викингов считается мост через реку Вейле в Ютландии. Длина его около 800 метров, ширина — 5,5 метра, а общая площадь проезжей части около 35 тысяч квадратных метров!

Строительство мостов было довольно утомительным занятием. Ведь на возведение таких сооружений надо было потратить немало сил и денег. Еще больше

внимания требовал мост после окончания строительства, ведь за деревом, которое подвержено гниению, необходимо тщательно следить. Скандинавы так и делали и ремонтировали свои мосты каждые 10—15 лет!

Мостоми викинги также называли настилы или гати. Самой известной гатью считается настил через болота в Тэбю в Швеции. Длина его около 150 метров, а ширина — 6,5 метра.

В пути людей подстерегали опасности, самой большой из которых были не дикие звери, а разбойники. Из шведских городов Конунгахеллы и Льодхуса товары привозились в Вестгёталанд лесом. Это занимало два дня пути. «Сага о Хальльфреде» сохранила об этой дороге следующий рассказ.

Некто Аудгисли, имевший в Гёталанде двор и жену, возвращался из поездки по торговым делам в Конунгахеллу. Он привез с собой много богатства. Повстречавшись однажды с Хальльфредом Оттарссоном Трудным Скальдом, незадолго до того потерпевшим кораблекрушение и утратившим все имущество, Аудгисли сказал ему: «Я дам тебе десять фунтов серебра и зимний приют в своем доме, если проводишь меня к востоку в Готланд; дорога небезопасна, и многие, собиравшиеся идти туда, остались дома». Хальльфред согласился. Они навьючили пять лошадей и сверх того имели порожнюю лошадь.

В лесу попался им человек высокого роста и крепкого сложения, шедший с восточной стороны: он был шведский уроженец и звался Энунд. «Этот путь опасен, — сказал он путешественникам, — если вы идете в восточную часть леса и не знаете его хорошо. Некоторые говорят, там нельзя ходить с каким бы то ни было добром. Со мной, однако ж, ничего не случилось, потому что знаю я все тропинки и стараюсь обходить места, где живут разбойники. Если дадите мне что-нибудь, я, пожалуй, пойду с вами». Они обещали ему 12 серебряных монет.

Под вечер они подошли к дому, построенному посреди леса для путешественников. Они уговорились, чтобы Аудгисли принес воды, Хальльфред развел огонь,

а Энунд наколол дров. Халльфред снял свой пояс, к которому привешен был нож, как носили в то время: ножик попал ему на спину, когда он набрасывал пояс на шею и нагибался раздувать огонь. В ту же минуту Энунд вернулся назад, подошел к Халльфреду, взмахнул своей большой секирой и ударил его поперек спины. Удар пришелся в нож, и Халльфред получил только легкие раны по обеим сторонам ножа. Схватив Энунда за ноги, он повалил его и заколол коротким мечом, который носил под платьем. Аудгисли же не возвращался.

На рассвете другого дня Халльфред пошел искать его и нашел убитым у колодца. Он понял, что Энунд был одним из людей, делавших опасной дорогу по глухим пограничным лесам для купцов и других путешественников, которые ехали не с пустыми руками. Похоронив Аудгисли, он взял его пояс с ножом и продолжал путь с лошадьми и поклажей к востоку. Одно было плохо: он не знал дороги.

К вечеру послышалось ему, что колют дрова в лесу. Он отправился в ту сторону и выехал на лесную просеку. Человек, рубивший дрова, был высокого роста и крепкого сложения, с рыжей бородой, с темными густыми бровями и смотрел очень неласково. На вопрос Халльфреда он отвечал: «Меня зовут Бьёрн, я живу недалеко отсюда в лесу; пойдем ночевать ко мне; в моем доме будет для тебя довольно места: я постерегу и твои товары». Халльфред пошел с ним, но бонд показался ему подозрительным: глаза у него были слишком уж завидущими.

Бьёрн прекрасно угостил путника. На дворе у него было много народа.

Ночью хозяин и его жена легли на кровать с дверцей впереди; в той же комнате поместился и Халльфред на кровати с таким же отверстием. Однако ж, боясь злого умысла, он не раздевался и не ложился, но присел на краю постели и вынул меч, подаренный ему конунгом Олавом Трюггвасоном.

В самую глубокую ночь хозяин встал, взял копьё и кольнул им в кровать Халльфреда. Но скальд не растерялся и ударил его мечом и ранил смертельно. В доме поднялся шум. Зажгли огонь. Жена Бьёрна бросила

плательем в Халльфреда, который приготовился к обороне. Скальда одолели, связали и повели на тинг судить.

Но пояс и нож Аудгисли, которые он представил в подтверждение своих показаний, были узнаны женой убитого, умной Ингеборг. Она со своим отцом, Ториром, отправилась на двор Бьёрна. Там нашли все пожитки Халльфреда и ее покойного мужа. Послали людей в западную сторону леса, и тогда оказалось, что подсудимый рассказывал правду.

Он провел зиму у Ингеборг; с ним обходились ласково; жителям было что рассказать про него. Он и Ингеборг, продолжает сага, не гнушались друг другом, несмотря на то, что один был христианином, а другая язычницей. Он просил ее руки и получил ее.

Из этой истории становится понятно, что, останавливаясь на ночлег в чужой усадьбе, путнику надо было быть очень осторожным.

Однако в лесах возле дорог строились специальные домики для проезжающих, своеобразные гостиницы. Такое пристанище находилось, например, на дороге из Тронхейма в Йомталанд (Емтланд). Эти пристанища в дремучих лесах, по которым пролегали торговые дороги, были довольно большими, может быть, потому, что купцы ездили многочисленными «компаниями» для безопасности. В одной из саг говорится, что однажды вечером 12 купцов прибыли в гостиницу Йомталандского леса и нашли там ночлег для себя и помещение для товаров, хотя в эту же ночь остановились там и другие проезжие. После ночевки считалось обязательным при отъезде оставить в доме наколотые дрова, чтобы будущие проезжие тотчас же могли развести огонь, обогреться и приготовить еду.

• • •

Поскольку все северные страны имеют выход к морю и даже океанам, нет ничего удивительного в том, что они славятся прекрасными мореходами.

Предки викингов впервые упоминаются у Тацита в «Германии», где отмечается любопытная форма их ладей, главные черты которых на протяжении веков ос-

тавались неизменными. Но до 1862 года о кораблях викингов знали лишь по описаниям Тацита, араба Ибн Фадлана да изображениям на гобелене из Байе, вытканном королевой Матильдой, женой Вильгельма Завоевателя.

Корабли той эпохи поражали и современников, и нынешних посетителей Музея викингских кораблей в Осло своей красотой и элегантностью.

До наших дней дошло описание (быть может, слегка преувеличенное) флота завоевателей с Севера, которое сделал в 1040 году монах из монастыря Святого Омера во Фландрии: «На штевнях были укреплены отлитые в золоте львы, а на верхушках мачт — позолоченные птицы, которые, поворачиваясь, указывали направление ветра. На носах кораблей извергали дым многоцветные резные драконы. Иногда нос ладьи украшали фигуры людей, почти неотличимые от живых, иногда — наклонившие крутые рога быки, иногда — бронзовые дельфины и кентавры, напоминавшие о преданиях седой старины. Борта кораблей были выкрашены в яркие краски и украшены изображениями из золота и серебра... По знаку, данному королем, все корабли одновременно вышли в море и выстроились так, как было приказано. Часть их плыла слева от ладьи конунга, часть — справа, однако все форштевни были на одной линии».

Обыкновенно строили суда, заостренные с обоих концов, которым придавали вид драконов, змей или других животных: передняя часть судна имела сходство с головой животного, а задняя — с хвостом его.

Корабль, отнятый Олавом Трюггвасоном у Рауда Могучего, норвежского бонда-язычника, который никак не хотел принимать христианство, был похож на дракона. Вот как о том рассказывается в «Круге Земном»: «Впереди у него была драконья голова, и за ней изгиб, который кончался как хвост, а обе стороны драконьей шеи и весь штевень были позолочены. Конунг назвал этот корабль Змей, так как, когда на нем были подняты паруса, он походил на крылатого дракона. Это был самый красивый корабль во всей Норвегии».

Военный корабль конунга Олава Толстого назывался Зубр. «Это был огромный корабль. На носу у него была позолоченная голова зубра. Сигват скальд говорит:

Жерех поля, жаром
Жабер польхая,
нес отпрыска Трюгтви
К бармам брани, ярый.
Другой — рядом с Зубром
Волна рокотала —
Струг, рогат, рать воды
Пустил Олав Толстый*.

Другой корабль, на котором тот же король сражался в битве при Несьяре, назывался Человечья Голова, потому что на носу его была вырезана голова конунга. Олав сам ее вырезал. «Такие головы, — добавляет сага, — долго потом ставились на кораблях конунгов в Норвегии». Их можно было снимать и опять ставить по произволу: по предписанию древних исландских законов никто не мог подплывать к берегу так близко, чтобы можно было видеть с суши раскрытую пасть на форштевне. Это могло, как мы уже говорили, испугать духов-покровителей страны.

У всех больших кораблей были имена. Скандинавы считали свои драккары живыми, они были настоящими помощниками в сражениях.

В 1862 году при раскопках в болотах под Шлезвигом впервые нашли ладью викингов. Нос и корма были одинаковыми, что позволяло идти на веслах в любом направлении, не разворачиваясь. Обшивка была выполнена внакрой.

Позднее обнаружили еще несколько судов, из которых наиболее значительными находками являются норвежские драккары из Туне (1867), Гокстада (1880) и Усеберга (1904).

Только после этих находок удалось установить, что корабли, уносившие викингов к берегам Европы, Северной Америки и Африки, были настоящими произведениями искусства и являли собой чудесное сочетание гармонии и техники.

Найденные ладьи удалось реконструировать и точно воспроизвести все детали. Эта кропотливая работа ученых заняла несколько лет, зато именно благодаря ей и в наши дни существуют современные корабли викингов.

---

* Пер. О. А. Смирницкой.

Первый такой корабль викингов нашего времени появился в 1893 году, когда норвежец Магнус Андерсен построил точную копию драккара из Гокстада и отплыл из города Берген в Норвегии и спустя 27 дней достиг берегов Ньюфаундленда в Америке.

Через 98 лет, 17 мая 1991 года, другие потомки норманнов на новой копии гокстадского корабля, правда, с некоторыми современными приспособлениями вроде дизельного двигателя и уютной каюты, отправились в путь — они решили пересечь Атлантический океан. И действительно пересекли — 2 августа того же года смелые норвежцы пристали к берегу в том месте, где, как предполагают, когда-то высадился в Северной Америке Лейв Счастливый. Через некоторое время к первому драккару у берегов Канады присоединились еще два, и все три корабля совершили триумфальный рейд вдоль восточного побережья Северной Америки. На следующий год двум кораблям из трех крупно не повезло — они попали в сильный шторм и затонули, но команды их были спасены.

Море — суровый властелин, и тягаться с ним силами — опасное дело. Это хорошо знали и норманны, а потому с особым вниманием строили свои суда.

Для кораблей очень тщательно отбирали древесину — ведь важно было отобрать ту, у которой направление волокон соответствовало бы конфигурации готовой ладьи. Поэтому шпангоуты вырезались из свилеватой древесины, а бортовые доски отрубались от ствола дерева параллельно его длине.

Посредине корабля возвышалась единственная мачта, устроенная таким образом, что ее можно было снимать и опять ставить. Ее изготавливали из сосны толщиной почти 30 сантиметров, посаженной в тяжелый дубовый блок длиной около 3,5 метра, который лежал на дне корабля. Еще более длинный блок крепился к поперечным балкам, — специально для того, чтобы удерживать мачту в вертикальном положении; в этом блоке имелся паз, с помощью которого можно было поднимать и опускать мачту.

… В эпоху викингов на кораблях появляется настоящий массивный киль, изготовлявшийся, как правило, из

цельного куска дуба, что позволило увеличить их размеры. Строились суда по принципу «сначала обшивка». Внутренний каркас корабля (кильсон, шпангоуты и прочее) устанавливался уже после того, как обшивка подводилась до уровня ватерлинии. Обшивку внакрой к шпангоутам прикрепляли при помощи штырей, а друг с другом доски соединяли железными гвоздями. Для уплотнения швов между досками прокладывали шнур, скрученный в три нитки из свиной щетины или коровьего волоса, пропитанный смолой. В верхней части обшивки делали уключины.

На викингских кораблях был всего один парус, обычно из шерсти, красно-белый, полосатый или с диагональным клетчатым узором, возможно, сшитым из двух кусков ткани. Он был квадратный. Натягивался парус при помощи большой горизонтальной реи и ромбовидной сети из тросов. В нижней части паруса были пришиты веревки, которые держали члены экипажа, контролируя таким образом, как парус стоит под ветром.

Рулем служило большое весло. Ладьи викингов достигали 30—40 метров в длину, и военные корабли имели от 30 до 60 пар весел.

Саги редко определяют метрами величину древних кораблей. Обычно судно мерится *румами* — пространствами — и *лавками для гребцов*. Норвежский «Закон Гулатинга» предписывал, чтобы длинные корабли имели от 20 до 25 лавок. Но если при сборе в поход, сказано в законе, какой-нибудь корабль нельзя снабдить достаточным числом людей, то надлежало обрубить корабельный руль и убавлять длину корабля, сообразно с числом готового для него экипажа. Однако ни один корабль не мог иметь менее 13 лавок. Саги упоминают о кораблях в 30 и даже в 60 румов. На Длинном Змее, самом большом корабле, построенном на Севере, было 34 рума.

Ученые полагают, что *rum* означало пространство между скамьями гребцов, почему и думают, что корабль Кнута Великого, Дракон, имел шестьдесят таких скамей.

Суда, смотря по их величине, имели от 20 до 200 человек экипажа.

Носовая и кормовая части корабля были застелены досками. В первой находился вестовой, в последней — кормчий; место для гребцов называлось *гребцовое место*. Средняя часть корабля предназначалась для дружины и над ней ночью и в непогоду устанавливался шатер из толстого сукна или парусины. Обыкновенно предпочитались шатры полосатые или черного цвета: перед сражением их снимали из опасения, чтобы они не свалились.

В носовом и кормовом отсеках судов находились *черпальни*: насосов в то время не знали, и несколько человек из экипажа всегда были заняты отливанием воды ведрами, если штормило.

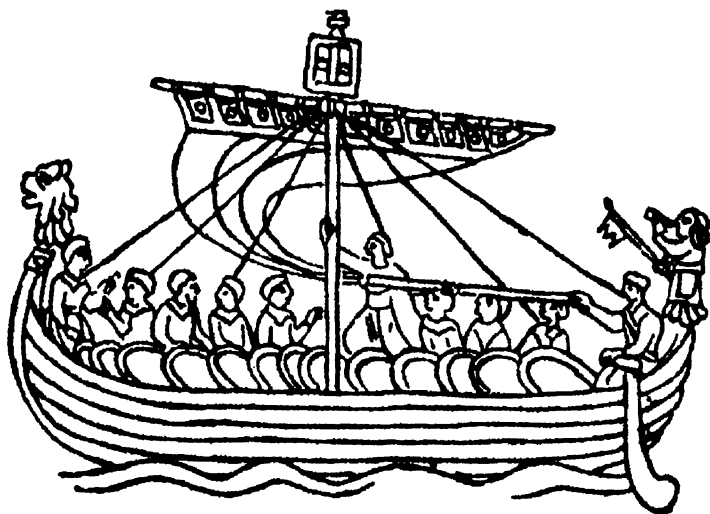
Основными достоинствами кораблей викингов было то, что легкие и послушные суда с небольшой осадкой могли выходить как в открытое море и преодолевать колоссальные расстояния, так и подниматься вверх по рекам. Их можно было вытаскивать на берег и огибать пороги, например Днепровские, волоча суда по суше на катках.

Корабли северян можно разделить на две группы: одни предназначались для набегов и походов, другие — для перевозки грузов.

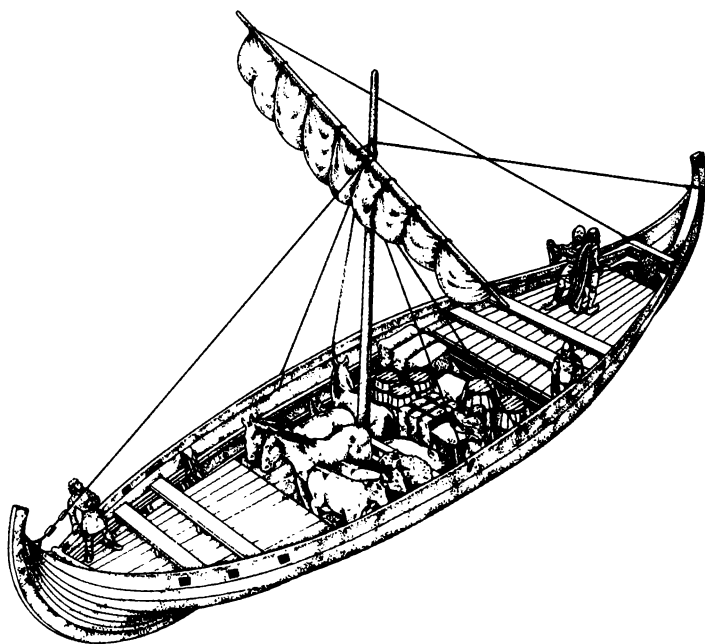
Оговорим сразу, что торговые корабли защищались законами, что, однако, не всегда спасало их от нападений викингов. Тем не менее древние скандинавские законы говорили, что на своем торговом корабле человек имеет «тот же мир, будь корабль большой или маленький, как и в собственном доме. Подниматься на борт корабля без приглашения владельца было строго запрещено. Если же на корабле возникала потасовка или кого-то сбросили с мостков, то виновные строго штрафовались.

Боевые корабли получили название *драккаров*, или «драконов», по резным носовым фигурам. Эти драконы должны были устрашать противников в бою. Некоторые исследователи считают, что слово «драккар» не является собственно названием корабля, которое правильнее следует именовать *снекхья*, или *шнеки*.

Военным кораблем был и *лангскип* — буквально «длинный корабль».

Корабль викингов из средневековой рукописи.

Торговый корабль времен викингов. *Реконструкция.*

Для длительных морских путешествий использовали так называемые *карфи*.

Аски отличались от других величиной: каждое вмещало до ста человек. На таких асках норманны совершали нападения на Саксонию и Фрисландию и потому назывались *аскеманнами*.

По строительному материалу узкие суда из выдолбленной сосны или пихты назывались *эйхи*. Так же легки и сверх того быстры на ходу были *шюты*, посылавшиеся для разведки вперед больших кораблей. На этих, хоть и небольших, судах помещалось до 30 человек.

Крепки и удобны для викингов были *эллиди* различной величины и обыкновенно обитые железом.

Были еще торговые суда с круглыми корпусами — *когги*. Этот тип судов появился еще у фризов. При отливе ладья опускалась и плотно вставала на дно, что позволяло легко разгрузить ее, прилив же поднимал ее и позволял продолжить плавание.

В эпоху викингов также строили большие морские суда, широкие и «глубокие» — *кнарры*, или *кнорры*. Ими пользовались как купцы, так и викинги.

Рагнар Лодброк для похода в Англию велел построить два неслыханной величины кнорра, но его жена Аслауг отсоветовала ему плыть на них, потому что лучше выходить в море на длинных судах. Кнорры средней величины были легки и быстры на ходу. Такие кнорры не употребляли для военных предприятий.

Однако бак и квартердек даже торговых судов использовались как боевые площадки, где во время нападения морских разбойников за щитами располагались воины. В результате этого различия между торговыми и военными кораблями были самые незначительные.

Корабль викингов не отличался комфортом, на нем не было кают, в которых можно было бы укрыться от шторма или просто морских брызг.

Ниже мы приводим параметры некоторых найденных кораблей:

Место находки	Длина (метры)	Ширина (метры)	Высота борта (метры)	Осадки (метры)	Дата (век)	Способ передвижения
Усеберг	21,4	5,1	1,4	0,75	IX	30 пар гребцов
Гокстад	23,4	5	1,7	2,0	X	парус
Скульделёв	18	2,6	1,1	2,25	X	12 пар гребцов, парус
Хедебю	16	2,5	1,1	2,25	X	10 пар гребцов, парус

От кораблей зависели сама судьба и жизнь викингов. Именно корабли могли в целости и сохранности доставить смелых воинов и не менее отважных купцов к далеким берегам. Неудивительно поэтому, что повсюду в мире корабль является символом эпохи викингов.

Общеизвестно, что норманны — самые искусные мореходы Средних веков, а их суда были хорошо приспособлены и к парусному, и к весельному ходу. Входя в реки, они умело пользовались приливами и отливами.

Исследователи отмечают, что викинги очень быстро могли преодолевать значительные расстояния на своих ладьях. Так, например, из Англии в Исландию (1200 километров) они добирались за девять суток, а из Каупанга в Хедебю (685 километров) за десять дней с остановками на ночь.

В плаваниях скандинавы ориентировались на береговую линию, видимость луны, солнца и звезд, характер облачности, направление полета птиц и форму волн. На побережье часто имелись приметы, которые мореходы запоминали, а если их не было, то часто сооружались подобия маяков, которые Адам Бременский назвал «горном вулкана».

Подобно «горну вулкана» в Волине, на римской башне в Булони на территории современной Франции еще при Карле Великом в начале IX века разжигали огонь, чтобы судам было легче переплывать Ла-Манш из Лондона в Квентовик.

До недавнего времени считалось, что у викингов не было никаких навигационных приборов, однако во время раскопок в Гренландии в 1948 году был найден обломок прибора, который считают *примитивным пеленгатором*. Его удалось реконструировать. Пеленгатор представляет из себя деревянный диск с 32 делениями, расположенными по краю на равном расстоянии друг от друга, который вращался на ручке, продетой через отверстие в центре диска. По диску ходила игла, указывавшая курс.

Встречаются в сагах и упоминания и о неких «*солнечных камнях*», которые, возможно, были примитивным компасом.

В зимнее время корабли убирали в специальные сараи, которые мы бы назвали сейчас эллингами. Были места и для ремонта судов — своего рода судовые верфи. Следы подобных мастерских обнаружили в Хедебю и на Готланде.

Для судов викинги не только строили верфи и эллинги, но и прорывали специальные каналы. Так, на острове Самсё до сих пор существует канал Канхаве. Длина его равна 500 метрам, а ширина — 11. По этому каналу суда с осадкой менее 1,25 метра могли проходить из Ставнсфьорда прямо в море к западу от острова.

ЯЗЫЧЕСТВО И ХРИСТИАНСТВО

Первые упоминания о религии древних германцев историки находят у римлян в I веке нашей эры. В то время все германские племена, в том числе и скандинавские, состояли в тесном родстве. Общими были не только язык, но и верования. Именно тогда зарождаются первые представления о богах и героях.

Но в эпоху Великого переселения народов начинается отделение скандинавов от континентальных германцев. Особенно способствовало этому крещение саксов в 804 году. Благодаря «отрезанности» Скандинавского полуострова от континентальной Европы северяне приняли христианство лишь в X веке, а до этого по-прежнему поклонялись древним богам.

Важнейшие и непосредственные источники религии германцев восходят к эпохе викингов.

Именно богам и духам, населяющим мир, и поклонялись древние скандинавы. Перед всеми важными делами и в беде к ним обращались с просьбой и приносили им жертвы. Такая форма религии традиционно именуется *язычеством*.

«Язычество, — писал король Англии Кнут в XI веке, — это поклонение людей идолам, то есть поклонение языческим богам, солнцу или луне, огню или рекам, источникам или камням, или лесным деревьям. Или же

вера в колдовство, совершение обряда проводов умершего, сопровождающееся жертвоприношениями, гаданиями или еще какими вредными заблуждениями».

Это «определение» дополнил другой король Англии — Эдгар, который после введения христианства в Англии в качестве единственной официальной религии издал указ: «Каждый священник должен ревностно проповедовать христианство, полностью искоренять язычество, запрещать совершения обрядов у источников, а также колдовство, гадания, волшбу, поклонение идолам и прочие обряды, сопровождаемые заклинаниями, совершаемые в капищах, под деревьями бузины и другими деревьями, и у камней». Пожалуй, лучше определить саму суть язычества не удалось даже современным ученым.

Итак, скандинавы были язычниками и поклонялись прежде всего природе, считая, что духи природы населяют моря, горы, поля, камни, деревья. В Исландии X века *ландфеттирам* — духам земли — посвящали поля и горы.

Гора была особым местом поклонения. В мифологии многих народов Европы в центре мира располагается не Мировое древо, а гора, скала или камень. Не была исключением и Скандинавия. Гора Хельги в Исландии почиталась столь высоко, что никому не позволялось даже смотреть на нее, не совершив перед этим омовения.

В гористой Скандинавии сохранилось множество культовых сооружений из камней, но к самым загадочным историки относят каменные лабиринты, символизирующие путь в иной мир. Одним из самых известных считается большой лабиринт в Упланде в Швеции, где «дорога мертвых» примыкала непосредственно к месту захоронения умерших.

Помимо лабиринтов в горах и на холмах строились особые пирамидки из камней — так называемые *блоты*. Слово «blot» буквально значит «кровавое жертвоприношение». Каждая каменная пирамидка имела свое собственное название. Выдвигались предположения, что возле таких каменных сооружений действительно приносили жертвы богам, вот только насколько кровавые — неизвестно.

Чаще всего религиозные обряды совершались под открытым небом, или для того избирались какие-нибудь освященные места. Таковы, по мнению многих, жертвенные камни, еще теперь существующие, например в Смоланде и в Скании и других местах Швеции.

К числу таких древних святилищ, весьма вероятно, причисляют встречающиеся во многих странах Скандинавии круги — *rundlar* — из камней, очень плотно и тщательно сложенных. Они разной величины, от 7 до 15 метров в диаметре, выложены наподобие небесного свода и находятся на близком расстоянии друг от друга. В их середине заметны явные следы очага, на котором, вероятно, зажигался огонь как символ света или первотворения. Встречаются также камни, сложенные в виде четырехугольников, углы которых расположены по странам света, иногда в виде треугольников, в середине которых также установлены камни.

Самые большие из священных каменных «выкладок», дошедшие до нас, представляют собой площадки, повторяющие форму ладьи викингов и достигающие в длину 90 метров. Особенно часто они встречаются в Швеции и Дании. Самая большая такая выкладка находится в Йеллинге в Дании.

Чаще всего такие святилища встречаются в горах и в рощах. Вокруг них были установлены камни, которые либо образуют низкую стену, либо выложены в виде кольца. Священное пространство называлось *Vi*, или *Ve* — *святилище*, а священная ограда, составляющая его границу, называлась *Vebond* — *священный союз*. Так же называлась и та ограда, которая окружала места, где происходили суды.

Судные места также были священными. Древние судьи, вождь с дружиной и мудрыми людьми, когда собирались на таких священных местах на пригорках, чтобы народная толпа могла лучше видеть и слышать их, или на высоких камнях, означавших неизменность судебных приговоров. Вблизи таких возвышений обыкновенно встречаются древние алтари для жертвоприношений. Тут же очень часто находятся могильные курганы и другие захоронения.

Судные и жертвенные места были одни и те же, богослужение было тесно связано с судопроизводством, то и другое сопровождалось таинственными обрядами. Все это придавало общественным делам торжественность и святость.

В «Саге об Эгиле» рассказывается, что в Норвегии, где суды происходили на открытом месте, оно обносились тыном из орешин, перевязанных священными шнурами, что означало — это место объявлено мирным. Королева Гунхильд, лично находившаяся на одном из таких собраний, заметив, что дело, которое разбиралось, не могло закончиться благоприятным для нее образом, убедила своих сторонников перерезать священные шнуры; в ту же минуту заседание закончилось, поскольку мир сочли нарушенным, а место перестало быть священным.

Священные земли были действительно священными, то есть «чистыми» пространствами, которые ни в каком случае нельзя было «опорочить» постыдными или «нечистыми» действиями. Так, на священных землях запрещалось законом справлять нужду, выпускать газы и убивать любое живое существо.

В капищах — языческих храмах — нельзя было обнажать меч и даже входить с оружием на их территорию, ибо перед лицом богов, по верованиям того времени, человек должен быть безоружен. Жилища богов почитались столь священными, что разбойники, убийцы и нидинги не смели находиться вблизи их. Оскорбивший святыню храма и нарушивший мир и безопасность, которыми пользовались места, посвященные богам, считался величайшим злодеем. Его называли *vargr i veum*, и с этим именем он нигде не находил безопасности, становился бездомным странником, и палаты Вальгаллы были для него закрыты. В «Саге о Фритьофе» говорится: «Тот подвергался смертной казни, кто не уважал священного и мирным объявленного места».

Скандинавские святилища претерпели те же изменения, что и сакральные (священные) места в других странах. Первоначально это, вероятно, были огороженные прямоугольные, овальные или треугольные

площадки, окруженные камнями или изгородью из орешника (священного дерева). Затем стали строиться храмы. Главные храмы в честь скандинавских богов находились в Йеллинге (Дания), Сигтуне и Упсале (Швеция), Трёнденесе, Леде, Скирингсале (Каупанге) и Мёре (Норвегия).

Во дворах многих усадеб имелись свои собственных храмы, где, по обычаю предков, с соблюдением всех необходимых обрядов, приносились жертвы богам. Эти святилища часто бывали очень обширны и красивы: высокие частоколы окружали их снаружи, а внутри стены их убирались гобеленами и коврами. Вдоль стен на лавках сидели боги. Знатнейшие из них восседали на высоких креслах; все они были в великолепных одеждах, блистали серебром и золотом.

В 900-х годах в Скандинавии побывал арабский путешественник ат-Тартучи. В описании его путешествия есть следующие строки: «Они празднуют и приносят жертвы. Собравшись за одним столом, возносят хвалу богам, а затем пируют. Убив жертвенное животное, хозяин усадьбы подвешивает на столб у своих ворот принесенную жертву. Это может быть кусок мяса или целый баран, или козел, или свинья. Теперь каждый проходящий мимо знал, что в усадьбе была принесена жертва богам».

Основные храмы были посвящены трем главным богам скандинавов — Одину, Тору и Фрейру. У Адама Бременского есть очень интересное их описание: «...народ (в Швеции) поклоняется статуям трех богов, ... в середине триклиния сидит Тор, а Водан (Один) и Фрикко (Фрейр) сидят по одну и по другую сторону от него. Отличительные черты каждого из них: Тор, говорят, владычествует в воздухе и правит громом и молнией, ветром и дождем, хорошей погодой и урожаем. Второй, Водан, что значит “ярость”, ведет войны и вселяет в людей храбрость перед лицом врагов. Третий, Фрикко, дарует смертным мир и сладострастие, его идол снабжен поэтому огромным детородным членом...»

Культовые животные Фрейра — конь и вепрь — были и символами плодородия, и жертвенными животными. Лошадиное мясо можно было есть лишь на

жертвоприношениях, на конях, посвященных Фрейру, нельзя было ездить. Из-за сакрального смысла церемоний с лошадиным мясом и детородным органом жеребца, как считают исследователи, папа Григорий II (731—741) запретил употреблять христианам в пищу конину, назвав это «грязным и оскверняющим деянием». Употреблять в пищу конину запретили и в Париже в 739 году.

Был и еще один — с точки зрения современного общества — совершенно «непристойный» культ — почитание детородного члена жеребца. Этот фетиш назывался Вэльси и выносился к столу вместе с луком и другими священными травами. Вэльси клался хозяину на колени, а все присутствовавшие творили заклинания — вероятно, в честь бога плодородия Фрейра. Фетиш, помещенный на колени хозяина дома, должен был способствовать плодородию природы и умножению человеческого рода.

В походы викинги тоже брали с собой изображения богов — идолов. Так, уже упоминавшийся нами арабский путешественник Ахмед Ибн Фадлан описывал, как встреченные им на Волге «русы» (викинги) подносили жертвы длинному, вкопанному в землю бревну, увенчанному подобием человеческого лица. Вокруг главного идола были расположены группы идолов поменьше — семья бога. Если подношение главе божественной семьи не помогало, то жертвы приносились его «семье».

При переселении на другие земли скандинавы брали с собой не только идолов и священные резные столбы, но даже и саму землю из-под храма.

Храм обычно представлял собой прямоугольное здание, вокруг которого стояли деревья священной рощи. Внутри располагались священные резные столбы и фигуры богов.

Были и особые святилища — *хоффы*, представляющие собой обычный «длинный» дом, который стеной с дверью делился на две части — святилище, где хранились священные предметы и идолы, и место для сборищ. Такие храмы были огромных размеров.

Посередине святилища находился алтарь из дерева или из камня, часто с большим искусством сделанный

и сверху обитый железом; за алтарем и впереди него главные из богов стояли на возвышениях или сидели на высоких креслах. По обеим сторонам полукругом располагались другие боги на низких скамьях.

Из рассказов древних литературных памятников о капищах и идолах мы видим, что скандинавы умели резать из дерева скульптуры: они не были грубой работы, судя по описаниям их глаз, черт лица, рук и всей фигуры. Идолы могли быть огромных размеров, сделанные из цельного дерева, а могли быть в рост человека, с выразительными лицами и тщательно вырезанными руками. Одеты идолы были в традиционное платье.

На алтаре лежало *священное кольцо*, перед которым произносились клятвы. Так, трое датских королей Восточной Англии поклялись в 876 году на «священном обручье Тора», что не нарушат заключенный с королем Альфредом мирный договор. Тор в скандинавской мифологии считался не только богом-громовником, богом-воителем, но и хранителем законов и клятв.

Там же, на алтаре, стоял *жертвенный сосуд* — большая медная чаша, в которую вливали кровь принесенных в жертву животных. Рядом с чашей всегда находилась *кропильница* — кисть на длинной палке.

В жертву приносили волов, лошадей и кабанов. Пышно украшенные, они приводились к алтарю, посвящались богам и убивались в присутствии народа. Кровь собирали в чашу, в которую опускали кропильницу и потом кропили сидища богов, наружные и внутренние стены храма и, наконец, народ.

Мясо жертв готовили на большом праздничном пире, который за тем следовал. Этот пир проходил в передней зале храма. Там, вокруг стен, стояли скамьи для народа и высокие кресла для королей и вождей. Перед скамьями ставили столы. На полу, посередине, горел огонь, на который ставили котел с мясом жертвенных животных. Наполненные медом рога подавались через огонь. Они и все кушанья освящались сначала королем или вождем, главным лицом во время жертвоприношения.

Потом пили в честь богов: сначала в честь Одина. Поднимали рога и кубки также за победы короля и за

благоденствие страны; потом в честь Ньёрда и Фрейра, за хороший урожай и мир; наконец, осушали *обетную чашу* в честь знаменитых героев, павших на войне. Пили также в память усопших родственников, свершивших великие дела во время жизни. Пить в честь кого-нибудь называлось *típpen*, что одновременно означало *любовь, почтение и преданность*.

Во время великих жертвоприношений, по рассказам древних письменных источников, в Упсале соблюдался обычай, чтобы непременно девять животных мужского пола принесены были в жертву. Только кровью, думали скандинавы, смываются преступления людей, укрощаются боги и снискивается их милость. Оттого-то при великих жертвоприношениях убивали, или приносили в жертву, также людей для укрощения гневных богов. Обыкновенно выбирали для жертвоприношений рабов и злодеев, но при общем каком-нибудь бедствии приносили в жертву и самого знатного человека.

В «Саге об Олаве сыне Трюгви» рассказывается, что, когда он хотел крестить бондов в Трандхейме (Тронхейме), а те в ответ просили его совершить с ними вместе жертвоприношение, он сказал: «Но если уж я должен совершить с вами жертвоприношение, то я хочу, чтобы это было самое большое жертвоприношение, какое только возможно, и принесу в жертву людей. Я выберу для этого не рабов или злодеев. Я принесу в жертву богам знатнейших людей».

В «Саге об Инглингах» рассказывается о том, что шведы принесли в жертву богам своего вождя Домальди после долгого неурожая за один хлебный год. В другой саге говорится, что во время чрезвычайной дороговизны в области народ сошелся на тинг, где, с совета мудрых людей, постановлено было принести знатного юношу в жертву богам.

Обреченные на жертву вводились в *круг, или кольцо, суда*. В одной из исландских саг рассказывается, что на тинге в округе Торснес было кольцо суда, в которое вводились назначенные в жертву богам, и что там лежал камень, на котором убивали их. Вероятно, именно на таких кольцах, часто встречаемых возле древних

языческих алтарей по всей Скандинавии, приносили жертвы. Они изготавливались из 5, 7 или 9 больших, сложенных в виде круга, камней. В некоторых из них каждый из больших камней лежит на семи маленьких: это священное число.

Жертв или убивали на камне перед капищем или свергали с утеса, или бросали в жертвенный ручей, или вешали в лесу на деревьях. В священной роще близ Упсалы не было ни одного дерева, не освященного жертвой, животного или человека: их вешали там в дар Одину. Вероятно, жертвы повешенные посвящались Одину, убитые на камне или сброшенные с утеса — Тору, а утопленные — Ньёрду и другим богам вод.

На праздники, отправляемые в «общенародном», а не частном, принадлежащем какому-нибудь хозяину усадьбы, храме, являлись короли, вожди, свободные люди, и все они принимали участие в великих жертвоприношениях богам страны.

На таких «сходах» решались не только вопросы религии, но и обсуждались политические дела и заключались торговые сделки, виделись с родичами и друзьями, договаривались о совместных морских походах. Также особое внимание уделялось воинским играм, недаром в сагах упоминаются игральные валы неподалеку от мест тингов и храмов.

Самым известным было святилище в Упсале — главный храм Швеции.

О языческом храме в Упсале, где якобы совершались мистерии Одина, писал (около 1070 года) Адам Бременский: «У их (древних скандинавов. — *Н.Б.*) богов есть свои жрецы, которые совершают жертвоприношения. В случае чумы или голода они приносят жертву Тору, в случае войны — Одину, а если празднуют свадьбу — то Фрейру. Каждый девятый год они имеют обыкновение собираться в Упсале на общее празднество, где участвуют люди из всех шведских земель. Никому не позволено пропускать это празднество. Конунги и племена, вместе и по отдельности, посылают свои дары в Упсалу, а те, кто принял христианскую веру, обязаны откупиться от участия в праздничных церемони-

ях, и это угнетает больше, чем любое другое наказание. Ритуал жертвоприношения происходит следующим образом: каждого живого существа мужского пола жертвуется по девять, и кровь их должна умиловать богов. Тела принесенных в жертву подвешиваются в роще близ храма. Эта роща считается у язычников священной, а каждое ее дерево — имеющим божественную силу от жертвенных тел, которые здесь разлагаются. Рядом с человеческими телами висят там и собаки, и лошади; один из крещеных рассказывал мне, что сам видел, как в роще висели сразу семьдесят две жертвы. Участники ритуала поют, как обычно, разные песнопения, которые непристойны, а потому лучше о них не упоминать*.

Археологи не смогли найти в Швеции подтверждений столь многочисленным жертвоприношениям. Скорее всего, при описании чудовищных ритуальных убийств христианином Адамом Бременским руководило отвращение к злодеяниям язычников. Однако в других районах Скандинавии такие доказательства были найдены.

Сам храм был подобием Астарда и Вальгаллы. Так, рядом с капищем в Упсале росло огромное вечнозеленое дерево, у корней которого тек священный источник. Это — прямой аналог Мировому Древу Иггдрасиль, у корней которого есть источник Урд. Сохранились свидетельства о том, что шведы в те далекие времена бросали в источник человека: если он выплывал, то это было хорошим знамением. Если человек тонул — то был знак грядущей беды.

Вокруг храма росла священная роща — параллель к чудесной роще Гласир у врат Вальгаллы — чертога бога Одина. Именно на ветвях в этой роще размещались, по словам Адама Бременского, принесенные в жертву люди и животные.

Конунг являлся сакральным главой культа, верховным жрецом и должен был совершать важнейшие жертвоприношения, в том числе и человеческие.

Надо особо отметить, что в скандинавском язычестве поклонялись не столько главному божееству, как в

---

* Пер. Т. Чесноковой.

греко-римской религии, сколько божественному предку. Так, Один и Фрейр считались прародителями древних скандинавов.

Постепенно скандинавы теряли веру в богов, христианство проникало в среду викингов. В первую очередь оно представляло «интерес» для тех, кто нуждался в едином Боге — прежде всего для конунгов, которые стремились к объединению страны. Поэтому неудивительно, что первыми христианство принимали «объединители» скандинавских земель — например, уже знакомый нам искусный в воинском деле норвежский конунг Олав Трюгтвасон.

Культы древних богов могли подвергаться поруганию со стороны людей, уже не веривших в мифы язычества, — как мы бы сейчас сказали, хитроумных мошенников. Именно об одном таком «надувательстве» и рассказывается в «Саге об Олаве Трюгтвасоне». Один из людей конунга, который старался крестить Норвегию, по имени Гуннар отправился в Швецию, где в одном из храмов Фрейра ему приглянулась жрица бога. Гуннар соблазнил девушку и вместе с ней отправился в путешествие — принял участие в поездке божества по шведской земле. В пути их застала буря, и в живых остались лишь Гуннар, его возлюбленная и идол Фрейра. Поскольку бог был ревнив, а жрица в обрядах выступала в роли его жены, то, как описано в саге, Фрейр разгневался на Гуннара и напал на него. При помощи христианского Бога дружиннику Олава удалось одолеть языческого идола и разрубить деревянного Фрейра на куски. Но поскольку бога ждали на хуторах и в городах, то Гуннар решил сам выступить в роли бога. Недолго думая, мошенник облачился в одежды Фрейра и в таком виде прибыл на пир, устроенный идолопоклонниками по случаю приезда бога. Так он и разъезжал по стране, пил и ел на пирах, принимал подношения в виде золота и драгоценных камней. Когда же выяснилось, что жрица Фрейра беременна, то в стране наступило настоящее ликование, ибо беременность была верным признаком плодородной силы бога. Неизвестно, чем бы закончились похождения Гуннара, если бы конунг Олав не узнал о его проделках и не призвал грешника к своему двору.

В другой раз конунг Олав Трюггвасон сам решил сразиться с идолом грозного Тора. Он хотел принудить норвежских поселян в Нордмере к принятию христианства, и один богатый бонд по имени Железный Скегги сказал ему: «Если бы ты видел нашего бога Тора во всем его великолепии!» Король вошел в храм. В капище он действительно увидел статуи богов, разукрашенные золотом. Конунг Олав поднял позолоченный жезл, что был у него в руке, и ударил по статуе Тора. Тот упал со своего престола. Тут подоспели дружинники конунга и сбросили всех богов с их престолов.

Христианство — религия, для которой характерно миссионерство. После того как ближайшие соседи скандинавов с южной стороны были крещены — кто принудительно, а кто добровольно, — миссионеры устремились на Север. Апостолом Скандинавии называют Ансария (801—865), монаха французского бенедиктинского монастыря Корбье близ Амьена. Он проповедовал в Дании и Швеции.

Одновременно викинги видели богатые храмы и монастыри, знали о могуществе христианской Церкви и имели возможность знакомиться с основами новой веры. Многие принимали христианство на чужбине, что не мешало им поклоняться старым богам. Христианство было побеждающей религией, чего не могли не понимать северяне.

Дания официально приняла христианство в 965 году, в начале 1000-х годов — Норвегия, и в том же XI веке постепенно в новую веру была обращена и Швеция.

В 1000 году Олав Трюггвасон явился в Исландию, раздираемую распрями, и приказал исландцам принять крещение. На альтингге было решено, что островитяне должны принять христианство, но в своих усадьбах могут продолжать отправлять прежние языческие обряды и поклоняться старым богам.

Далеко не все язычники приняли предложение перейти в христианство. Многие сражались за свою веру и предпочитали новой вере пытки и мученическую смерть. Так, посланцы Олава Трюггвасона должны были ослепить языческого прорицателя Торлейва Мудрого, но, увидев, с каким мужеством язычник переносит

пытку, смогли лишить его только одного глаза и в ужасе бежали. За языческую веру погибли Эйвинд Киннрифи, которого заживо изжирили на углях, и Рауд Сильный, которого пытали каленым железом и укусами ядовитых змей, и многие другие.

Христианские проповедники, как и везде в Европе, прибегали при утверждении новой веры как к пыткам, так и к обману, подкупу, захвату и уничтожению капищ.

Как явствует из саг и других письменных источников, скандинавы принимали христианство вовсе не потому, что находили в нем высшую мораль, но потому, что миссионерам удавалось — часто при помощи силы и страшных жестокостей — убедить их в могуществе нового Бога — Иисуса Христа.

Ученые указывали, что моральной сущностью христианства были для людей того времени вовсе не гуманность и миролюбие, которые стали «атрибутами» христианства только в трудах религиозных историков Нового времени, а щедрое вознаграждение всех, принявших новую веру. Награда за поклонение Иисусу Христу казалась реальной — во многом благодаря насаждавшейся христианской Церковью вере в чудеса.

В целом же введение христианства ознаменовало собой рубеж в развитии культуры, ибо вело к изменению норм морали и постепенному крушению старых традиций.

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ОБРЯДЫ

Человеческая жизнь очень недолга, и рано или поздно наступает смерть. В разные эпохи люди по-разному относились к смерти, отсюда и разное отношение к погребальному обряду.

Представления о смерти и Ином мире тесно связаны с представлениями человека о мировом порядке и самом себе, своей судьбе и положением рода человеческого во Вселенной.

Скандинавы считали, что смерть избирательна и не так страшна для воина, как для труса или предателя. Самая почетная доля ждет павших в боях. За ними прилетают прекрасные *валькирии* — девы-воительницы, которые подхватывают погибших в сражении и уносят их в небесный чертог — *Вальгаллу* — верховного бога Одина, где воины вливаются в дружину богов. Днем они сражаются и проводят время в военных забавах, а по вечерам пируют в Вальгалле. Трусы же и предатели отправляются в подземное царство Хель, где их ждет вовсе не такая веселая жизнь в ратных подвигах и пирах.

Но чтобы человек попал в Иной мир, его непременно надо должным образом похоронить. Как же происходило это во времена викингов?

До введения в Скандинавии христианства широко были распространены различные погребальные обря-

Погребение викинга. Реконструкция Л. Торстенсона. XIX в.

Могильный курган XI века. Дания.

ды. Нам известны как сожжения с погребальным «инвентарем», так и захоронения в простых грунтовых ямах, каменных выкладках и пышные погребения в больших насыпных могильных курганах, внутри которых встречаются и выложенные камнями камеры, и большие викингские корабли.

Мертвых хоронили в гробах или просто клали в землю, реже встречаются захоронения в ладье или в повозке.

Трупосожжение и трупоположение редко соседствуют на одном и том же могильнике. Основания этого разделения неясны. Однако сожжение, насыпание над останками курганов, а также положение в могилу бытовых предметов отходят в прошлое к XI веку, веку введения христианства в Скандинавии.

Могилы IX века в общем довольно просты и редко сопровождаются значительным количеством вещей. Богатые вещами захоронения, обычно увенчанные надгробным камнем с рунической надписью, появляются только в эпоху утверждения на Севере христианства и служат выражением социального статуса и богатства погребенного.

На основе исследований, проведенных при раскопках Гокстадского корабля, установлено, что при захоронениях в курганах делалась своеобразная яма полтора метра глубиной, в которую устанавливался киль корабля. Нос корабля направлялся к морю. Затем корабль закреплялся при помощи деревянных планок, пересыпанных землей.

За мачтой воздвигалась погребальная камера из досок в форме небольшого дома с плоской или покатой крышей. Тут стоит напомнить, что обычно на кораблях викингов не было кают или других каких-либо закрытых помещений под палубой, так что на ночь ставились шатры — палатки — на самой палубе. Поэтому погребальные камеры-дома на кораблях имитируют жилые шатры.

Очень интересны описания различных обрядов в записях арабского купца Ибн Фадлана, который, например, так описывает «лечение» тяжелой болезни у викингов: «И если кто-нибудь из них заболевает, то они

относят его в шалаш в стороне от себя и бросают его в нем одного... И не приближаются к нему и не говорят с ним, особенно если это раб... Если же он выздоровеет и встанет, то возвращается он к ним, а если умрет, то сжигают они его».

Присутствовал Ибн Фадлан и при похоронах одного знатного «руса» (викинга). Описания похорон конунга, оставленные им, кажутся современному человеку шокирующими и абсолютно непонятными. Тем не менее именно так, как установили историки, все и происходило в те времена.

Так что же видел Ибн Фадлан, что заставило его назвать похороны распущенной оргией и неужели так жестоки и развратны были норманны?

Ибн Фадлан, путешествовавший по миру, очень интересовался обычаями других народов, а потому не мог пропустить похорон предводителя северян и внимательно следил как за приготовлениями к обряду, так и за самим сожжением.

Араб рассказывает, что после смерти норманна его друзья и родичи нисколько не горевали, а наоборот, выглядели довольными и веселыми. Не знающему северного языка путешественнику было невдомек, что викинги не грустят о своем товарище не из-за черствости сердца, а потому, что твердо уверены: их господин скоро окажется в их северном раю — в Вальгалле — и будет пировать там с самим Одином.

А потому вместо скорби они делают немислимые, с точки зрения современного порядочного человека, вещи: начинают делить добро умершего. И делят его на три равные доли. Одна идет его семье, другая — на шитье погребальных одежд, третья — на приготовление тризны.

Затем они определяют, какая из рабынь умрет вместе с ним, и велят ей готовиться к смерти, а сами тем временем занимаются приготовлениями к похоронам. Надо особо оговорить, что рабыня изъявила собственное желание последовать в царство смерти вместе со своим господином.

Когда все основные вопросы решены, викинги начинают праздновать уход конунга — они справляют

тризну в течение нескольких дней. Северяне верили, что лишь такие проводы достойны их предводителя.

И вот настал день, в который собирались сжечь викинга. Любознательный арабский путешественник, уже и так немало удивленный виденным, прибыл на реку, где находился флот норманнов, и увидел, что корабль конунга уже вытасчен на берег и поставлен на подпорках из белого тополя на помост из толстых бревен.

Затем на глазах изумленного араба на корабль ставят скамью, и на помост поднимается женщина, которую Ибн Фадлан называет «помощницей смерти», ибо именно ей по ритуалу надлежало убить собственными руками девушку-наложницу, которая требовалась их конунгу в загробной жизни. Так вот эта страшного вида и громадного роста старуха разложила шкуры и ткани на скамье и совершила все необходимые приготовления к обряду.

В «помощнице смерти» историки видят жрицу, воплощение богини смерти Хель, которая пришла к конунгу переправить его в Иной мир.

После первых приготовлений настал черед доставать из временной могилы умершего. Его обрядили в парчовые дорогие одежды с золотыми застежками и соболью шапку, а затем усадили в парчовом же шатре, устроенном на корабле, подперев тело расшитыми подушками. В шатер принесли еду и питье — умерший пировал вместе с живыми, ведь переход в потусторонний мир — лишь иная форма жизни.

После этого в жертву были принесены собака и два коня — обычные проводники на тот свет в мифах и обрядах народов Европы. Вслед за этим жертвами стали две коровы, курица и петух.

В это время девушка-рабыня, которая изъявила желание последовать за своим господином в царство мертвых, обходила шатры и палатки родичей умершего и там предавалась с ними утехам любви. При этом каждый родственник почившего просил ее передать умершему, что совершил это из любви к нему.

Неправда ли, довольно странный обычай, если не сказать просто отвратительный? Точно такого же мне-

ния был и арабский путешественник. Разнузданная оргия, свидетелем которой стал Ибн Фадлан, объясняется им самым греховным образом жизни норманнов, которые, по его словам, даже во время торговли рабынями не стесняются вступать с ними на глазах у покупателей в любовную связь.

Однако все не так просто и не следует в непонятном современном людям и безнравственном, с их точки зрения, поведении видеть лишь самое плохое. Как правило, в ритуалах и обрядах все действия подчиняются определенному смыслу и опираются на определенное мировоззрение людей. То же самое происходит и в нашем случае. Прежде всего в образе «распутной девы» историки видят прообраз валькирии, которая прилетает за умершим на поле боя и уносит его в Вальгаллу. Кроме того, по мнению исследователей, поскольку брачную оргию на похоронах совершали близкие родичи покойного, то тем самым они стремились не оскорбить его, а восстановить целостность рода, которую нарушила смерть одного из них.

После этого все-таки странного и непривычного для нас обряда родственники вместе с рабыней отправились к погребальной ладье умершего, и в жертву были принесены еще одна собака и еще один петух. Последнего разрубают на две части, голову бросают по одну сторону корабля, а тело — по другую. Приносимые у погребальной ладьи жертвы в загробном мире должны были ожить и служить там своему господину.

День уже клонился к закату, когда девушку-рабыню подвели к некоему подобию ворот у погребального корабля и трижды подняли ее над воротами. Ворота символизировали вход в Иной мир, и там рабыня увидела своих умерших родственников и своего господина, который позвал ее к себе. После этого девушка взяла очередную курицу, отрубила ей голову и швырнула ее за «ворота». Безусловно, многое остается не до конца понятным. Историки так и не дали устраивающего всех объяснения, каким образом девушке удалось увидеть умерших родственников. Может быть, это случилось под действием внушения, может быть, был применен какой-нибудь наркотический напиток. Вполне вероят-

но, что несчастная ничего не увидела, но лишь сказала то, чего от нее ждали.

Затем девушку отвели на корабль в шатер покойного. Там рабыня отдала два обручья старой жрице, а два ножных браслета — ее помощницам. Ей же подали кубок с медом, который она выпила, пропев над ним таинственные заклинания.

Попрощавшись таким образом с миром живых, рабыня вошла в палатку вместе со старухой-жрицей и шестью родичами покойного. В шатре вновь произошла «оргия» — прямо перед трупом, — после которой рабыню уложили на скамью рядом с господином. Мужчины держали девушку за руки и за ноги, а старуха накинута веревку ей на шею, приказав двум викингам душить несчастную, а сама в это время несколько раз ударила рабыню кинжалом в грудь. Чтобы заглушить душераздирающие крики умирающей, норманны били в щиты палками.

После ритуального убийства родич покойного, раздевшись донага, пятясь задом к кораблю и прикрывая анус рукой, поджег корабль, который сгорел очень быстро вместе с телами викинга и девушки и всем добром, а на месте сожжения норманны насыпали нечто, подобное круглому холму, водрузили в середине его столб с начертанным на нем странными буквами именем этого умершего мужа и... удалились.

Тут в описании Ибн Фадлана — еще одно загадочное место, которое никак не могут объяснить историки, поскольку никто не знает, зачем именно понадобилось пятиться к умершему задом и прикрывать при этом задний проход рукой. Единственное, что с уверенностью утверждают все ученые: в этой части ритуала непременно есть некий смысл, вот только разгадать его пока никак не удается.

Когда же Ибн Фадлан выразил удивление, что конунга сожгли, а не погребли в земле, то ему объяснили, что умершего сжигают исключительно ради того, чтобы обеспечить ему быстрое попадание в рай викингов — Вальгаллу.

Обряд сожжения тела умершего был обрядом очищения от подверженного тлену тела, ведь погребен-

ный в земле мертвец мог присоединиться к полчищу чудищ.

Кроме того, зарытый в землю, по убеждениям викингов, мог обернуться живым мертвецом — человеком, выходящим из могилы и вредящим людям.

Тут уместно будет заметить, что в европейский фольклор — сказки, предания и легенды — живые мертвецы и упыри «пришли» как раз из северных сказаний.

Умерших лишали возможности «восстать из могилы» самыми изощренными способами: им связывали большие пальцы ног, отрубали головы и клали в ноги, вырезали на могильных камнях специальные руны, а иногда могилу опутывали сетью, заваливали камнями или прорывали вокруг нее ров и напускали туда воду. В сагах часто встречаются рассказы о мертвецах, которые открыто нападают на своих живых родичей и убивают их, или, являясь своим близким, тем самым провоцируют их болезнь и последующую смерть. В «Саге о людях с Песчаного Берега» рассказывается, как мертвый Торольв по ночам приходил спать к своей жене и довел ее сначала до сумасшествия, а затем и до смерти, то есть просто *уморил*.

Очень опасным считалось даже просто посмотреть в остановившиеся глаза покойника — мертвец мог «взять живого с собой». Так, в одной из саг рассказывается, что когда дочь одного бонда, в доме которого остановился Снорри Годи с трупом своего тестя Стюра, взглянула в лицо покойному, то тут же лишилась рассудка и к утру умерла. Поэтому погребальный обряд требовал, чтобы покойникам закрывали не только глаза, но и лицо.

На голову же колдунов, обладающих особо опасным взглядом, даже надевали кожаный мешок.

В «Саге о людях из Лаксдаля» рассказывается о расправе над семьей колдунов, чье вредоносное колдовство стало причиной многих бед и смертей в округе. Когда поймали одного из них — Хальльбьярна Дырку в Точильном Камне, на голову ему накинули мешок, однако перед тем как утопить его, мешок по неосторожности сняли, чтобы привязать камень на шею. «Тут

Халльбьярн посмотрел на берег, и его взгляд не обещал ничего хорошего», — говорится в саге. Колдун произнес проклятие, которое потом, как считают, действовало на жителей того места. Поэтому когда те через некоторое время вознамерились убить и другого брата-колдуна, то приняли соответствующие меры предосторожности. «Они отправились к Стиганди и договорились между собой, что с ним не будет так, как с его братом, — что он не должен увидеть столько, чтобы успеть навести порчу своим глазом. Они взяли мешок и набросили ему на голову. Но в мешке была дырка, и Стиганди удалось бросить взгляд на склон горы. Тут была тучная земля и росла густая трава. Но случилось так, как будто налетел вихрь. Земля была взрыта, так что никогда с тех пор здесь не росла трава. Это место с тех пор называется Бренна (Пожар)».

Ближайший родственник подходил к умершему и исполнял *долг любви*: закрывал рот и глаза усопшему, вытягивал (расправлял) тело и покрывал сукном его голову. Это называлось «*оказывать помощь умершим*». Вся эта процедура проделывалась сзади, а до этого никто не осмеливался подходить к трупу спереди. Мы упомянули, что этот долг лежал на ближайшем родственнике, но, если он находился в отлучке и за ним можно было послать, до его прихода никто не подавал этой помощи умершему. Убитым помогал в этом случае тот, кто принимал на себя долг мести. Девятый совет Брюнхильд Сигурду таков: «Помогай умершим, где бы их ни нашел, на поле или на одре болезни, утопших или падших от оружия».

Сначала закрывали голову, потом и весь труп накрывали сукном. Кто уходил от усопшего товарища, не накрыв его, от болезни ли он умер или от руки убийцы, тот, по исландским законам, подвергался изгнанию. Этой обязанности не забывали даже в отношении убитых в поединках врагов. Когда Вали из Вальстада пал в бою с Халльдором и Берси, они ставят в ногах его щит, в головах втыкают меч и накрывают убитого плащом.

Обыкновенно умершего в дороге или на поле боя укладывали в могилу, а сверху место захоронения покрывали кусками дерна, а затем наваливали камни. На

труп Аракеля, павшего при нападении врагов на сеновале, накидали сена. На поле боя разрешалось положить на тело убитого щит или плащ.

Мы уже говорили, что принято было погребать убитых в поединках. Но вот павших в сражениях врагов оставляли для священных животных — волков и воронов. Оттого-то, считали викинги, когда войско идет в сражение, эти животные радуются. Победенный остается лежать на поле боя, а вот победители кладут своих соратников на щит и несут к месту погребения.

Обязанностями относительно умерших являлись также умывание им головы и рук, расчесывание волос и обрезание ногтей. Длинные ногти умершего служили, по представлениям людей той эпохи, «строительным» материалом для корабля Нагльфари, который строится из ногтей умерших и привезет исполинов в день кончины мира.

Многих хоронили на месте смерти, особенно павших на поединке, в сражении или по дороге: так, в схватке у Стейнара с Торстейном смертельно ранен был десятилетний сын последнего, Грим. Отец берет его к себе на лошадь, но ребенок умирает дорогой. Торстейн хоронит его тут же, в леске, получившем от того имя Гримсхольт.

На ночь покойников никогда не оставляли в доме. Если они не были отнесены в могилы, то помещались в специально сооруженном шатре.

Покойника не выносили из дверей, через которые ходят живые. Для выноса тела из дома делали дыру в стене, к которой лежал головой умерший, и выносили его ногами вперед. Также делали подкоп под южной стеной дома и сквозь него выносили покойника.

В погребении должны были оказывать помощь все, кого об этом просили.

С мужем умирала жена, с господином — раб. Также в путешествие в мир иной с умершим отправлялись благородный конь, собаки и соколы.

В сагах и мифах часты упоминания о том, что жены сами решают умереть вместе с мужем или просто не могут пережить смерти любимого человека. Нанна умирает, узнав о смерти Бальдра, Брюнхильд закалыва-

ется и велит сжечь себя с Сигурдом, меж тем как восемь рабов, пять служанок да два ястреба отправляются вместе с ней на костер. Ярл Хакон при сватовстве к Гуннхильд, получил от нее отказ потому, что был стар, и она не желала умереть с ним по предписанию закона.

Рабы сжигались для услужения своим хозяевам в загробном мире; они следовали за ними в другую жизнь, открывали им тяжелую подземную дверь, которая в противном случае ударила бы их по пяткам.

Считалось, что для рабов и служанок подобное сожжение было большой честью, ибо они получали возможность оказаться на небе своих господ. Однако сами викинги могли быть недовольны отправленными вместе с ними рабами. В сагах есть рассказ о том, что один покойник злился, что в его могильный курган положили раба, и ночью громко распевал гневные стихи. Тогда люди исполнили его волю и взяли раба из кургана.

В древнескандинавских источниках также есть указания, что иногда вместе с убитым знатным человеком хоронили и его врага. В войне датчан с фризами пал датский король, Гнеф Скильдинг; из всего дома фрисландских королей оставался только сын Гильбурга. Победители датчане желали, чтобы он отправился на костер вместе с их королем, — и это было сделано. По той же причине сожжен с убитым богом Бальдром его убийца Хёд.

Установление сжигания тел приписывается Одину. В «Саге об Инглингах» рассказывается, что Один ввел в Скандинавию все законы, прежде имевшие силу у асов, между прочим и тот, чтобы умершие сжигались на костре со всей собственностью. Все, что было положено с покойником на костер, сопутствовало ему в Вальгаллу. В его пользу поступает и все серебро, зарытое им самим в землю.

Мы уже говорили выше, что археологи находят многочисленные клады, зарытые викингами в землю по разным причинам.

В курган клали оружие и одежду покойного. Иногда в числе обычных вещей, которые засыпали землей вместе с усопшим, находят миниатюрные копии оружия. Так, известный шведский археолог Хольмберг в

одном бохусленском кургане нашел железную секиру размером около 10 сантиметров.

Пепел сожженного покойника можно было или бросать в море, или хоронить в земле. Над прахом богатых и знатных, в память им, насыпались курганы, а там, где проходили дороги, — ставились еще и камни. Чем выше поднимался дым при сжигании, тем почетнее место получал усопший в Вальгалле.

Костры складывались из дубовых дров, где же не было дубов — из березовых. Для костров употреблялись и хвойные деревья. Само тело обкладывали хворостом. Полусгоревшие кусочки благовонной смолы доказывают, что при сжигании использовали ароматические средства.

Так хоронили не только мужчин, но и женщин и даже детей.

Ложе богатого покойника, подготовленного к сожжению, завешивалось красивой тканью, заставлялось драгоценной посудой и украшениями. Последнее земное жилище викингов, подобно великолепным залам, убиралось щитами и разным другим оружием.

В ногах, по бокам и в головах лежали люди и животные, разделившие с покойником смерть; супруги клались рядом, как на последнее земное ложе. Потом костер благословляли, вероятно, прикосновением молота Тора и поджигали с пожеланиями умершему покоя, мира и счастливого пути. Из эпоса «Беовульф» узнаем, что при похоронах славных северных витязей и королей дружина их распевала песни и ездил верхами вокруг костра или кургана.

Иногда умершего не клали непосредственно на костер. Над покойником возводили каменный свод, вокруг которого складывали хворост и поленья.

Многих усопших сжигали на повозках. Некоторое расстояние до места погребения их везли на волах или жеребцах, и все имущество и вооружение покойного устанавливалось на завешенную колесницу. Поезд Брюнхильд на колеснице, закрытой палаткой, — пример, который мы находим в героических песнях.

Иногда костер раскладывался не под кораблем, а на его носу. Так был похоронен Бальдр. На корабле его,

Хрингхорни, нос которого украшался кольцами, был сложен костер. На нем покоились Бальдр и Нанна; возле них лежал оседланный и взнузданный конь усопшего. На похороны собрались все боги, также великаны и карлики; Один бросил в огонь кольцо Драупнир, Тор осыятил костер. Корабль оттолкнула от берега великанша Хюррокин, и он, объятый пламенем, отплыл от берега.

При сжигании на корабле прах умершего опускали в море; при сжигании на земле остатки бросали в воду либо хоронили в земле на месте сожжения или на берегу в печке, в глиняной урне или в каких-нибудь других сосудах, потому что в шведских могилах нередко находили прах в деревянных бочонках, в стеклянных чашах, в кубках или в кухонной посуде.

Над урной насыпался курган. Это делалось так: вокруг сосуда складывалась из больших камней небольшая камера; на нее насыпали щебень, в котором иногда попадаются большие камни, и все это покрывалось толстым слоем земли.

Величина курганов весьма различна — от самых маленьких, холмиков, до огромных. На вершине кургана нередко вкапывался один или два камня повыше — в память знаменитых героев. Кроме того, на вершине, в середине и у подножия кургана сложены были из камней возвышения, окружающие курган самого различного вида: это треугольники, четырехугольники, круги, обнесенные стеной из камней большой величины и поставленные стоймя.

Самые замечательные из этих могильных холмов — овальные курганы-корабли, наиболее многочисленные в шведских провинциях, особенно в Блекинге. Они изображают корабль; корабельный нос и корму символизируют камни-памятники, трюм и борта — другие камни, поменьше, посредине возвышается иногда камень наподобие мачты; поперечные каменные ряды символизируют скамьи гребцов. В северном Бохуслене встречаются корабли-курганы длиной 85 метров.

В грудах камней обыкновенно находятся две урны с пеплом, по одной в каждой из двух линий, разделяю-

щих овал на три равные части. Иногда в курганах археологи находят много урн, некоторые из которых зарыты с самого края. Считается, что такие «крайние» урны — результаты позднейших захоронений. Встречаются также и *родовые курганы* — курганы, в которых захоронен прах целого рода. В них бывает от 20 до 30 урн.

Урны чаще всего изготавливали из глины: одни из необожженной глины, грубой работы и принадлежавшие бедным бондам или воинам; другие сделаны очень искусно, превосходно обожжены и принадлежали богатым. Все вещи, положенные с умершим, носят следы огня; ясно, что они прямо с костра, а не потом положены в курган. Кости животных, сожженных с усопшими, также находят в урнах с пеплом покойника. Урны закрывали или плоской просверленной глиняной крышкой, или маленькой, входящей в шейку урны стеклянной пробкой.

Число таких могил в Швеции и Норвегии очень велико: в одной только Швеции их около 100 тысяч. Но вот в Дании такие захоронения встречаются редко. Снорри Стурлусон в «Круте Земном» пишет, что Дан Гордый ввел в Дании трупоположение раньше всех других Скандинавских стран: «После того как Дан Гордый, конунг датчан, велел насыпать курган и похоронить себя в нем в облачении конунга и бранных доспехах вместе со своим конем и всей сбруей и разным другим добром, многие его потомки стали делать то же самое, и тогда в Дании начался век курганов, а у шведов и норвежцев продолжался век сожжений»*.

В Норвегии «век курганов» начался с IX века, а в Исландии такой способ погребения едва ли не единственный. В Швеции реже встречаются курганы с несожженными трупами.

Но у скандинавов был и еще один способ хоронить своих умерших. У них, как и у многих народов древности, существовало предание, что мертвые должны переплывать море или большую реку, чтобы попасть в загробный мир. И потому викинги часто клали своих усопших в ладьи или лодки и пускали их на волю волн.

---

* Пер. М. И. Стеблин-Каменского.

Об этом есть упоминания в сагах и эпических песнях. Так, Гудрун завернула труп Атли в навощенное полотно, положила в раскрашенный ящик, который погрузили на корабль, а затем ладью пустили по волнам.

В сагах даже есть упоминания, что часто старики и больные люди сами избирали такой способ покинуть бранный мир. В «Саге о Ньяле» рассказывается о Флоси, который принимал участие в сожжении Ньяля, уже стариком приехал в Норвегию за строевым лесом для дома. Для обратного плавания домой в Исландию он выбрал корабль, о котором люди говорили, что он плохой. Однако Флоси отвечал, что его корабль достаточно хорош для того, кто стар и близок к смерти. Он вышел на этом корабле в море, и с тех пор никогда не видали ни его, ни судна.

Постепенно «век сожжений» сменялся «веком курганов», когда смыслом похорон становилось не «отправление» героя в Асгард, а оставление его на земле как «гаранта» мира и благополучия. Вместо насыпного над пеплом кургана стали устраивать курганы-дома, где были внутренние погребальные камеры с полом и потолком и почетным сиденьем, на котором восседал погребенный конунг. В такой курган клали все необходимые для жизни в загробном мире вещи.

На курганах великих конунгов было принято восседать новым королям скандинавов, которые тем самым подчеркивали связь поколений и утверждали законность и преемственность своей власти. Курган был подобен престолу Одина — с него открывался путь в Иной мир, мир знаний.

Кроме того, викинги верили в то, что умершие способны «вдохновить» живых, восседавших на их курганах, и передать им свою удачу и умения.

Простых людей хоронили в могилах. Труп засыпали землей или камнем. Тело лежало на ровной земле в могиле или на голых камнях, но случалось, что его клали в настоящий гроб, над которым делали небольшую насыпь. Когда Торольв, брат Эгиля Скаллаgrimссона, пал в сражении с шотландцами, Эгиль с друзьями вырыли ему могилу и положили его туда со всем оружием и платьем, надели ему на руку золотое кольцо и прости-

лись с ним. Потом засыпали его мелким камнем и набросали земли. Такие могилы не могли быть высоки, потому что служили не для хранения усопших, а для воспоминания о них. Они стали выше, когда возникла необходимость устанавливать в них гробы несожженных умерших и когда люди, по-тогдашнему, «хоронились под холм». И здесь существовало два различных способа захоронения.

По одному, редко упоминаемому, тело лежало на земле в каменном гробу. Так был похоронен Харальд Прекрасноволосый. Его положили в центр кургана, в головах и ногах установили по большому камню, а над самым телом — каменную плиту в 9,5 метра длины и почти 1,5 метра ширины. Боковые стенки насыпали из мелких камней.

Другой способ, описание которого часто встречается в сагах, — погребение в больших комнатах, устроенных внутри курганов, о которых мы уже упоминали выше. Тогда строился настоящий дом для усопшего. И так как дома живых были деревянными, то и для умерших строились деревянные срубы, окруженные еще двумя стенами — каменной, а потом земляной. Сверху такие курганы покрывались слоем песка. Своды курганов из черепицы и камня, которые также встречаются, составляют исключение.

При раскопках кургана датской королевы Тюры близ Йеллинга в Ютландии под толстым пластом больших камней нашли бревенчатую комнату в 8 метров длины, 3 метра ширины и 1,5 метра высоты. К стенам из дубовых досок плотно прилегал твердый слой глины, на котором лежали дубовые бревна, обшитые тесом из такого же дерева. В погребальной камере был даже настоящий деревянный пол из толстых дубовых досок, хорошо подогнанных друг к другу, но не сшитых гвоздями. Стены были завешаны шерстяными коврами и гобеленами и украшены раскрашенной резьбой. Выход (коридор) из камеры делали также из дубовых досок. Когда археологи проводили раскопки, обнаружилось, что еще раньше курган был разграблен, а потому в нем не нашли ни тела королевы, ни положенных с ней в могилу вещей. Удалось отыскать

только один полусгнивший поставец, украшенный птичкой из листового золота, маленький серебряный кубок, позолоченный внутри, и еще несколько металлических вещей.

В некоторых курганах камеры тщательно промазывали смолой, защищая дерево от гниения.

Когда курган был готов, через отверстие клали в него покойника в полном вооружении, прощались с ним, а потом закрывали курган.

Постройка таких курганов требовала много времени и не меньше денег. Их невозможно было построить за те несколько часов, которые мертвому, по старинным обычаям, позволялось проводить на земле. Поэтому многие конунги еще при жизни строили себе такие курганы.

Как пишет Снорри Стурлусон, первым, кого похоронили в кургане, был Фрейр — бог плодородия.

Для дальнего странствования в загробный мир, которое многие умершие совершали пешком, им необходимы были хорошие башмаки. Поэтому у северян существовал обычай перед закрытием кургана входить в камеру к покойному и подвязывать ему башмаки, в которых он должен идти в Вальгаллу. Ремни на такой обуви были очень надежные. Впрочем, многие умершие совершали путешествие в Ином мире на коне, однако и тогда в курган клали башмаки — на всякий случай. И точно так же, как привязывали башмаки к ногам покойника, пешком совершавшего свое путешествие, корабль конунга перед закрытием кургана нагружали камнями, чтобы его не опрокинуло бурей.

Покойник, даже в обыкновенном гробу, хоронился иногда в сидячем положении. Это чаще случалось в погребальных комнатах курганов, где умершего сажали на кресло. В ногах его, вместо скамейки, ставился иногда ящичек с золотом или серебром; в других случаях драгоценности лежали просто на полу вокруг либо клались в закрытые ящики около покойника. Меч привешивали к поясу почившего или клали ему слева под мышку.

Если кто-нибудь умирал в море, то его тело клали в ящик и предавали волнам. Если же его по воле случая выбрасывало на берег, то нашедшие погребали его по

существовавшим обычаям. Терпевшие кораблекрушение одевались в красивую одежду и брали мешочек с золотом или драгоценностями — чтобы лучше быть принятыми морской богиней.

С введением христианства изменилось и погребение. Новая религия осуждала погребение в курганах и не приветствовала сожжений. Но повсеместное утверждение церковных похорон проходило с большим трудом. В норвежском «Законе Гулатинга» запрещалось погребение в курганах, в каменных и земляных гудах, и предписывалось вырывать и переносить тела в освященные места.

Чтобы избежать церковных похорон, многие норвежцы оставляли тела непогребенными до тех пор, пока они не начинали портиться, — конечно, с той целью, чтобы под этим предлогом похоронить их по-своему. Для таких людей «Закон Гулатинга» постановлял, чтобы никто не смел держать покойника в доме более пяти дней, под угрозой выплаты пени в три эйрира. А кто даст телу испортиться, тот лишается имущества и подвергается церковной епитимье; в случае непокорности — изгоняется. Если кто с высокой горы или с острова не может принести покойника в надлежащее время в церковь, то ставит его в каком-нибудь боковом строении до первой возможности, но не кладет на голую землю. Все усопшие должны хорониться в освященной земле при церкви; этой милости лишаются изменники, убийцы, воры, клятвопреступники и самоубийцы: их хоронят на том месте, до которого достигает прилив на берегу, где море касается зеленого дерна.

Обернув труп в сукно, клали его в ящик и относили на благословение священника. По общему обычаю Средних веков сама Церковь отводила места для могил, но иногда гробы закладывались в стенах храмов. В Гренландии умершие хоронились неподалеку от усадеб, для обозначения таких могил ставили на грудь покойников шесты. После принятия христианства священники стали вынимать эти шесты, вливать в отверстие святую воду и совершать церковное отпевание, как бы давно ни были зарыты усопшие.

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ В ИСЛАНДИИ

Исландцам выпала честь стать хранителями памяти о событиях эпохи викингов и создателями литературы норманнов — прежде всего саг, как родовых, так и королевских.

Как мы помним, основная часть приехавших в Исландию в конце X века поселенцев была норвежцами. Первоначально они заселили лишь узкую полоску побережья, но обжили в буквальном смысле слова всю страну: проложили дороги по всему острову, построили хутора и даже создали в 930 году *альтинг* — вече, — на котором большинством голосов решали все вопросы общественной жизни. За столетие Исландия была полностью заселена. На острове возникло около 400 усадеб, а всего на остров прибыло более 20 тысяч человек.

Такого устройства жизни в Исландии — консервативного и традиционного — не было больше ни в одной стране мира, а потому жизнь на этом острове в эпоху викингов заслуживает отдельного рассмотрения.

Первым поселенцем* — эмигрантом, выражаясь современным языком, оставшимся на острове на посто-

---

* *Ари Мудрый* (1067—1148) — первый исландский автор, написавший краткую историю Исландии «Книга о заселении Исландии», сообщает, что поселенцы стали обосновываться там «через несколько лет» после 870 года. Согласно же другому древнему источнику, это произошло в 874 году.

янное место жительства, — был Ингольф Арнарсон, объявленный в родной Норвегии вне закона из-за совершенного его братом убийства. Ингольф построил усадьбы близ горячих источников на юго-западе Исландии неподалеку от того места, где сейчас находится столица Исландии — Рейкьявик. Собственно, «Рейкьявик» и значит «бухта дымов».

Большая часть поселенцев прибыла в Исландию, как мы уже говорили, из Норвегии, но немало людей приплыли и из норвежских колоний в Ирландии и Шотландии.

Норманны, переселившиеся в Исландию, были людьми, которые не могли смириться с порядками, которые пытались навести в их родных Скандинавских странах короли, старавшиеся объединить свои разрозненные государства. Независимость и по сей день остается характерной чертой исландцев.

Собственно, такой же характер и у самой Исландии. Первым поселенцам пришлось несладко. Хотя некоторые из них писали о новой стране как о стране изобилия, каждая травинка в которой источает масло*, скоро им пришлось изменить свое мнение. Так, у одного из первых поселенцев в первую же суровую зиму погиб весь скот, и он был вынужден вернуться обратно.

Но все-таки исландская природа во времена викингов значительно отличалась от нынешней. Все долины, выходящие к морским заливам, в то время были покрыты густыми лесами. Ученые посчитали, что к началу заселения страны две трети ее территории имели растительный покров. Как ни покажется нам это удивительным, но в далекой Исландии росли березы! Однако исландцы без всякой осторожности отнесли к своим лесам, хотя и существовали законы, ограничивающие вырубку леса, — и сейчас в Исландии леса занимают лишь один процент от ее общей площади.

В лесах жгли уголь. Законы определяли особую долю дохода для откупщика с лесов, принадлежавших его

---

* Человека, который сравнил Исландию с благодатной страной, где с каждой травинки стекает масло, так и прозвали с тех пор Торвальдом Масло.

откупу, также для опекуна с лесов его питомца. Мы читаем о лесе, подаренном одному годи за то, чтобы он вступил в дело, которым при других обстоятельствах едва бы занялся, потому что оно касалось повешенных рабов.

В первое время даже строили из растущих на острове деревьев дома и корабли, причем в дело шли и выловленные из моря бревна. Потом, когда леса поредели, стали покупать строевой и корабельный лес в Норвегии.

Для почетных столбов кресла хозяина дома «местный» строительный материал считался непригодным. В сагах есть рассказ о том, как переселенец совершил жертвоприношения грозному Тору, прося бога послать в усадьбу такие столбы, и дал обет отдать в жрецы сына, и тотчас по окончании обряда приплыло огромное пихтовое дерево.

Из бревен, как сказано выше, строили в первые годы заселения Исландии усадьбы, в которых были такие же строения, как и на хуторах в родной Норвегии: длинный дом и подсобные постройки. Дом отапливался при помощи огня, разводимого посреди зала. По обеим стенам дома находились постели, перед ними свободное место для прохода. Вдоль стен с кроватями шел длинный ряд скамей, и в каждом ряду посередине находилось «высокое сиденье». У южной стены располагалось кресло хозяина усадьбы, украшенное священными столбиками. Напротив хозяйского места располагалось место для почетного гостя.

Особенностью исландского ландшафта на протяжении веков были горячие источники — *гейзеры*. Кипящие ключи исландцы называли «*котлами*». Историки пишут о том, что в кипящих источниках исландцы варили себе пищу, а в теплых — мылись вместо бани.

Поселенцы могли занять столько земли, сколько они были в состоянии обойти за один день с горящим факелом в руке, зажигая на границах своего владения костры, что называлось освящать для себя огнем землю. Женщине разрешалось занять столько земли, сколько она могла обойти, ведя на поводу корову, с восхода до захода солнца.

Селились люди только вблизи моря, оставив горные районы незаселенными. Когда с течением време-

ни необжитой земли стало меньше, свобода присвоения была ограничена тем, что никто не мог брать земли более, нежели сколько мог объехать с огнем в один день.

Но так как сразу после начала переселения незанятой и пригодной для возделывания земли было много, то исландцы строили свои усадьбы-хутора на большом расстоянии друг от друга, чтобы хватало угодий. Для сельской Исландии такое положение вещей характерно и в наши дни. Там практически нет больших городов, а люди живут в удалении друг от друга.

Однако некоторые усадьбы в древней Исландии отличались большими размерами. Дело в том, что знатный человек, освятив для себя огнем землю, разделял ее между родными, друзьями и прочими спутниками. Все они, связанные родством и дружбой, составляли особенное общество, семейство, племя.

Взявший во владение землю становился главой того поселения, которое основалось на ней. Храм, выстроенный возле его двора, со священным кольцом Фрейра на жертвеннике, был центром такого своеобразного «государства». На содержание храма платилась с каждого двора так называемая *храмовая подать*. Рядом с храмом находилось и место тинга и суда, где собирались для общих совещаний и тяжб.

Переселенцы активно занимались земледелием. «Книга о заселении Исландии» (*Landnámabók*) рассказывает, что частенько случалось двум хозяевам биться за одно поле, потому что найти пригодную для обработки землю было не так-то просто. Самые лучшие земли были в южной части острова, более теплой и лучше защищенной от бурь.

Ели исландцы свежую, вяленую и сушеную рыбу, молоко, сыр и мясо домашнего скота, яйца и мясо бесчисленных птиц острова. Соль выпаривали из морской воды или собирали с утесов на побережье.

Пиво варили накануне главных праздников.

Исландцы всегда были знатными скотоводами, рыболовами и птицеловами, благо на острове было в достатке морских птиц. Там гнездились и гаги, «дарившие» исландцам гагачий пух.

Во всем мире и в наши дни известны длинношерстные исландские овцы, пышная шуба которых рассчитана на защиту своих «хозяев» от исландских снегов и морозов. Они давали исландцам не только мясо и молоко, но и шерсть, из которой вязали свитера и перчатки. Связанные из местной шерсти вещи сами исландцы называют *stingubohur* — кусачими, ибо они действительно «кусаются»*.

Из овечьей шерсти ткали также толстую домашнюю ткань, из которой шили рубашки, мужские штаны, обыкновенно короткие, но иногда длинные, достающие до башмаков. На море мужчины надевали еще плащ из медвежьего или лисьего меха или сукна, подбитого мехом, но для верховой езды предпочитали синий или черный суконный плащ. Из той же ткани женщины носили рубашку, панталоны, открытые в шагу, а сверху юбку и кофту. Головной убор был высоким и остроконечным, свитым из шерстяных платков. Однако со временем богатые исландки стали позволять себе шить одежды из чужеземных привозных тканей, окрашенных в яркие цвета.

Закон острова не разрешал женщинам ходить в мужских штанах. Если мужу удавалось доказать, что его жена ходит в мужской одежде, то это было поводом для немедленного развода, в котором потерпевшей стороной признавался оскорбленный мужчина. Точно так же и мужчины, ходившие с открытой грудью, подобно женщине, или пробиравшиеся к любовнице в женском платье, сурово наказывались.

В «Саге о людях из Лаксдаля» читаем:

«Гудрун дочь Освивра поехала на тинг, и Торд сын Ингунн ее сопровождал. Однажды, когда они ехали вер-

---

* В современной Исландии вяжут и мужчины, и женщины. Они вяжут крючком салфетки из розеток, бесшовные перчатки (в перчатках есть все «пальцы», но нет ни единого шва), свитера и всевозможную другую одежду для холодных исландских зим. Об увлеченных вязальщиках рассказывается невероятное количество историй. Говорят, что, перегоняя отары овец и стада коров с места на место, пастихи не прекращают вязать ни на минуту, а фермерские жены не выпускают спиц из рук, даже исполняя свой супружеский долг. В результате такого повального увлечения вязанием на свет появился *lori*, свитер с круговым сложным узором у горла.

хом через Бласкогахейд, — а была хорошая погода, — Гудрун сказала:

— Правда ли, Торд, что Ауд, твоя жена, ходит в штанах, застегнутых сзади, и с обмотками, спускающимися до сапожек?

Он отвечал, что этого не заметил.

— Очевидно, что это не имеет большого значения, — сказала Гудрун, — раз ты этого не заметил, но почему же ее называют Ауд Штаны?

Торд сказал:

— Я полагаю, она совсем еще недавно так зовется.

Гудрун отвечала:

— Для нее важно, что отныне ее долго будут называть этим именем.

Затем люди собрались на тинг... Однажды Торд сын Ингунн спросил Гудрун, чего заслуживает женщина, если она ходит в штанах, как мужчины.

Гудрун отвечала:

— Такую женщину постигает такая же кара, как мужчину, который носит рубашку с таким большим вырезом, что видны соски, — и то и другое основание для развода.

...Торд пошел к Скале Закона, и назвал свидетелей в том, что он объявляет о своем разводе с Ауд, и указал в качестве причины, что она носит штаны, застегнутые сзади, как у мужчины»*.

При неурожаях, которые случались довольно часто, жителям приходилось туго. Тогда в пищу употребляли и воронов, и лисиц, а стариков и бедных убивали или бросали в море, чтобы сократить количество «ртов». То, что современному человеку покажется неимоверной жестокостью, на деле было единственным способом выжить в тяжелейших условиях. Многие умирали с голоду, другие становились разбойниками и объявлялись вне закона. Разбойники представляли такую опасность для Исландии, что было даже решено, что каждый, убивший трех таких грабителей, избегал наказания.

Из страны продавали в другие государства сушеную рыбу, ворвань, сало, шерсть и вещи из меха и кожи. Вво-

---

* Пер. В. Г. Адмони и Т. И. Сильман.

зили в Исландию строевой лес, муку, полотно, тонкое сукно и ковры английской работы. За границей же покупали и корабли.

• • •

Главными людьми на острове были *годи*, они же владельцы больших усадеб.

Отличительным «знаком» годи было серебряное обручье, которое они носили на запястье. Сначала это кольцо лежало на алтаре в храме, и годи брал его и, окропив жертвенной кровью, надевал на руку, чтобы язычники могли принести на нем клятву. С течением времени обручье стали носить постоянно.

В своем *годорде* — *участке, трети* — годи имел практически неограниченную власть. В суде, где годи был председателем, его слово считалось законом. Он следил за общественным спокойствием и был обвинителем по обязанности, когда обиженная сторона в его области не могла сама обвинить преступника по каким бы то ни было причинам. Годи также устанавливали цены на товары.

Каждый исландец обязывался признать себя в подчинении какого-нибудь из трех годи своей области и не переменять его без особого повода.

Тут надо пояснить, что Исландия делилась на четыре области — *гарды*, каждая из которых, в свою очередь, подразделялась на три части — *годы*. Каждая двенадцатая часть делилась еще на три. В каждой «территориальной единице» Исландии был свой годи. Всего их насчитывалось тридцать шесть. Позднее в северной четверти прибавилась еще одна четверть, и годи стало тридцать девять. Кроме годи на алытингах присутствовали еще и девять избранных законоговорителей. Каждого члена алытинга сопровождали двое помощников. Итого в «совете алытинга» насчитывалось сто сорок четыре человека.

Годи объявлял свободным человеком отпущенного раба, приводил его к присяге в соблюдении законов пред алтарем во времена язычества или перед распятием после принятия христианства и за то получал с него пфенниг, десятую часть еры.

Наблюдение за чужеземцами и торговлей приносило ему одновременно и честь, и выгоду. Как только «иностранный» корабль приставал к берегу, годи со своей дружиной поднимался на его борт, брал пошлину, осматривал товары и назначал им цену. У него же было право первой покупки. Если хозяин товара был не согласен с назначенной ценой, то годи запрещал ему продавать товар в Исландии, а исландцы, в свою очередь, не могли иметь с этим человеком никакого дела. Если же дело улаживалось к обоюдному удовольствию, то годи приглашал первых людей на корабле погостить у него в доме и в усадьбах других знатных людей в округе.

Гости обыкновенно оставались на всю зиму. Это были по большей части богатые люди из Норвегии. Однако гостеприимство не являлось бесплатным. За угощение чужеземцы должны были заплатить — не товарами, а деньгами, всегда по назначению годи. Гостиниц не было. Имущество иностранца, умершего без наследников на корабле, наследовала не община, не бонд, которому принадлежала земля, а годи.

Годи, в соответствии с духом предельной честности и полного послушания закону той далекой эпохи, никогда не старались передать свою должность по наследству.

Двор годи даже после его смерти купить было не так-то просто. Продажа его запрещалась законом, пока годорд (двор годи) принадлежал вдове или несовершеннолетнему сыну. Отобранный за преступление, годорд принадлежал третинной общине и доставался кому-нибудь по жребию. Кроме того, случалось, что если несовершеннолетний ребенок наследовал двор годи, то община могла заявить протест против выполнения ребенком обязанностей годи.

Исполнение законов в Исландии было обязательным и повсеместным. *Законоговоритель* каждые три года повторял во всеуслышание на альтингге все законы. Таким образом, люди не успевали забывать их.

Исландия эпохи викингов являла собой пример удивительно мудрого и продуманного принятия законов и организации государства. Так, когда влиятельные хёв-

динги Исландии договорились объединить страну в единое целое, то они прежде всего стали думать не о том, как поделить власть, а о том, какую *законную* форму придать народовластию. Они выбрали одного из самых уважаемых исландцев по имени Ульвлот и отправили его в Западную Норвегию разузнать о местных законах и способах управления страной. Ульвлот очень «ответственно» подошел к поручению и пробыл в Норвегии три года. По возвращении он рассказал согражданам о том, что видел и узнал. И большинство норвежских законов было «приспособлено» к исландской действительности.

Место для альтинга тоже выбиралось очень долго и внимательно. В результате для общего собрания были признаны подходящими *Поля Тинга — Тингвеллир*. Местность там удивительно красива благодаря вулканическим скалам и богатой растительности. Для исландцев Средних веков красота была очень важна. Поэтому и Поля Тинга они стремились всячески приукрасить. Так, в западной части Тингвеллира протекала небольшая речка. Ее запрудили и повернули реку на большую скалу, с которой она срывалась вниз живописным водопадом.

Богатые и знатные землевладельцы, приезжавшие сюда, разбивали лагерь, ставили палатки и строили крытые дерном хижины. Однако сами собрания всегда проходили под открытым небом.

Исландский альтинг был, по сути, первым настоящим парламентом в Европе.

Во время альтинга годи были членами судов и законодательного собрания — *logretta*, при этом лишь избирали судей, но сами не принимали никакого участия в принятии решений.

В законодательном собрании избирали *лагмана*, и только такое собрание могло лишить его, главного «сановника» страны, этого звания. Обязанность лагмана состояла в ведении всех дел альтинга, в обнародовании законов и приговоров правительства со Скалы Закона.

Все эти обязанности ограничивались временем проведения альтинга, то есть двумя неделями. Но и в

остальное время года он не должен был отказывать в совете при разборе тяжб, кто бы ни приходил к нему.

Если лагман умирал в этой должности, та четверть, к которой принадлежал умерший, выбирала ему преемника до следующего альтинга. Лагман избирался на три года, по общему согласию всех избирателей. За труды он получал ежегодно сотню аршинов сукна из доходов собрания и имел половинную долю во всех денежных пенях. По прошествии трех лет он слагал свою должность, если хотел. Возможность его оставления в этой должности решалась большинством голосов членов альтинга. Случалось, что лагманы долго оставались на своем посту. Так, был лагман, который исправно служил обществу в этой должности 9 сроков, то есть 27 лет. В случае какой-нибудь вины, которую большинство объявляло за оскорбление тинга, лагман подвергался изгнанию.

Поединок истари не имел доказательной силы при тяжбах в Исландии. Божий суд, по которому мужчина или женщина должны были опускать руку в котел с кипящей водой, одобряли и после принятия христианства, его часто применяли при определении виновного в непозволенных связях, однако на это требовалось согласие обвинителя.

Пытку могли применить только в том случае, когда беременная девушка упорно отказывалась назвать отца своего будущего ребенка, и то без повреждения беременности, без всяких пятен на коже и в присутствии пяти свидетелей.

Необходимым условием при разборе тяжб было наличие свидетелей — свободных людей, не моложе 12 лет, имеющих постоянное жилище. Старики также могли быть свидетелями, если были в силах защищать себя, заботиться о своем имуществе, носить щит или пускать стрелу.

Если между двумя соседями возникал спор о праве владения лугом, то перед покосом, когда трава была еще в самом соку, один из них отводил на лугу место, на котором легко могут сидеть вместе шесть человек, ставил на нем какой-нибудь знак и по истечении семи ночей звал туда соседа на *луговой суд*. Каждая сторона

приводила 20 человек, живущих на ближайшей дороге от их дома до спорного луга. Из них избирались судьи. Обвинитель приводил пятерых призванных свидетелей, а каждый тяжущийся — по двадцать. Всего являлись на суд 47 человек, включая и соперников. Больше число людей не допускалось, поскольку тогда, по мнению древнеисландского закона, суд мог перейти в побоище. Каждая сторона назначала трех судей и приглашала противную сторону признать их таковыми или сделать им отвод. Если обвиненный отказывался назначить свою половину судей, обвинитель один назначал всех судей. В последнем случае они не могли быть не признаны в качестве судей противной стороной. Дело могло быть решено быстро, если созванные люди уверяли, что бонд, от которого луг достался истцу, владел им до дня его кончины, или приведены свидетели, при ком происходила покупка луга.

В случае несогласия судей приговор выносили большинством голосов. Если судьи не могли договориться, то есть если из шести голосов три было «за» и три «против», то судящиеся могли обратиться в четвертной суд, а в случае нового «половинчатого» решения поступало уже в высший суд страны — на альтинг.

Свидетели перед дачей показаний обязаны были принести присягу говорить только правду. Число свидетелей могло быть разным. Но показания только одного-единственного свидетеля не имели никакой цены.

Если не было достаточного количества свидетелей и очевидцев обсуждаемого происшествия, на их место выбирались приглашенные люди, прежде всего соседи вступивших в тяжбу, — *своего рода присяжные*. Они назначались или одним из судящихся, или обоими, а также годи. Число их было различно — от 5 до 9, но не больше 12. При определении количества свидетелей принимали во внимание тяжесть преступления. Из числа свидетелей избирались судьи.

Теперь расскажем о главных наказаниях преступников. Для свободных людей это рабство и изгнание.

Укрывший вещь ценой не выше двух талеров и скрывавший ее целый год, становился, по приговору судей,

рабом владельца вещи; этому последнему доставалось и все имущество вора.

Изгнание подразделялось на два вида: *опалу*, или объявление вне закона, и простое удаление, или *изгнание*.

Опальный терял все свое имущество, одна половина которого доставалась истцу, другая — общине. Его брак расторгался. Никто на острове не мог кормить опального или давать ему приют, и изгою оставалось бежать в леса или в горы внутри острова*. Всякий исландец мог умертвить его даже вне острова. Без особого позволения епископа и труп его не мог быть предан земле. Но по прошествии 20 лет его изгнание могло прекратиться по единогласному приговору суда. Было для него и другое средство приобрести помилование: если он или друзья его убьют трех таких же опальных или одного важного преступника, за жизнь которого назначена высокая цена.

Простое удаление лишало также преступника всякой собственности, но он имел ту выгоду пред изгоем, что в течение 14 ночей по осуждении мог питаться милостыней, купив за одну марку на то позволение у годи. Суд назначал ему для проживания три места, лежащие друг от друга на расстоянии не далее одного дня пути. При встрече со свободным исландцем он должен был

---

* С течением времени, как гласят исландские легенды, от бежавших в горы произошел целый народ — *хульдуюфюльк*, что буквально значит «скрытый народ, скрытые жители», аналог «подземных жителей» европейских сказок. Этимологически название скрытых жителей связано со словом «аульвы» — эльфы. По сути, они и есть эльфы, или фэйри. Тrolли и карлики к хульдуюфюльк никакого отношения не имеют. Живут подземные жители в холмах. Мир их является точным отражением мира людей. Люди не видят скрытых жителей, только если глаза у них не намазаны особой волшебной мазью или они не обладают сверхъестественными способностями. Скрытые жители, когда захотят, могут попросить у людей помощи — например, если женщина скрытого народа рождает и не может никак разрешиться, то помочь ей в силах лишь человек, которому надо положить роженице на живот руку. В случае отказа скрытые жители жестоко мстят людям, в случае помощи — щедро благодарят. Внешне хульдуюфюльк отличаются от людей лишь отсутствием впадинки между носом и губой. В мир людей они чаще всего приходят на Рождество или в новогоднюю ночь.

отходить от него на расстояние длины его копья. По истечении трех зим его наказание прекращалось.

Закон смягчался для опальных женщин, которых нельзя было казнить во время их беременности. Дети моложе 12 лет, ранив кого-нибудь, подвергались строгому наказанию от раненного ими или от своих родителей. Убийство, совершенное мальчиком моложе 10 лет, не выносилось на общественный суд, а обсуждалось лишь на семейном совете, который и решал, что делать с малолетним преступником.

Поскольку слово в древнем обществе всегда имело вполне материальную силу и могло нанести оскорбляемому вред, то за три ругательных слова виновный подвергался опале, и обиженный имел право убить его до ближайшего альтинга. За одно грубое слово назначались изгнание и уплата 48 эйриров обиженному. Законодательство Исландии строго запрещало ругательные и хвалебные висы — стихотворения, поскольку часто хвалебные слова скрывали нид — хулительное заклинание. За одну строфу похвальной оды кому бы то ни было закон назначал 5 марок пени, за более длинное стихотворение — изгнание, за любовную песню, относящуюся к известной женщине, — опалу. Так же каралось и сочинение полстрофы ругательного стихотворения, и оскорбленное лицо имело право убить сочинителя до первого альтинга.

Если кто-нибудь напишет стихотворение, не намекающее прямо на лицо, но относящееся вообще к гарде или к известному роду занятий, то всякий может отнести его лично к себе, и с помощью «приглашенных», подтвердивших под присягой преступление сочинителя, обвинить его, и тогда за обвинением следовала опала.

При разборе таких «стихотворных» дел не читали висы вслух, чтобы не нанести дополнительного вреда.

Очень серьезно каралось воровство. Всякий, заставший вора на месте преступления, мог убивать его безнаказанно. За сокрытие краденного в течение года преступника на целый год отдавали в рабство.

Украденная вещь, ценой не выше пфеннига, возвра-

щалась владельцу с двойным вознаграждением, а само воровство наказывалось тремя марками* пени.

За кражу вещи ценой в пол-еры виновный подвергался опале.

Рабы в Исландии находились в полной зависимости от своего хозяина. По своему желанию он мог даже убить их, но только не в праздники и посты.

Однако раб за убийство жены мог отплатить смертью убийце, а вот свободный человек не мог за убийство рабыни предать смерти ее убийцу, хотя бы она была и жена его.

Рабство за долги было само по себе не что иное, как плен свободного в доме заимодавца: за его убийство могли отомстить родные. В том только случае, если свободный человек, находясь в рабстве за долги, приживет тайно ребенка, то новорожденный вместе с ним становится полным рабом своего заимодавца.

Но с рабством можно было «распростаться». Исландские законы гласят, что хозяин рабыни обязан был дать ей вольную, если кто-нибудь предлагал за нее 12 эйриров для вступления с ней в супружество. Хозяин также обязан был дать вольную рабу, когда тот платил ему половину назначенного выкупа из сбереженных им денег. А права вольноотпущенника он получал, как уже говорилось выше, с той минуты, когда годи со Скалы Закона объявлял его вольным человеком. Но перед этим бывший раб при свидетелях должен был принять присягу в соблюдении законов страны, за что получал 1/10 часть эйрира. До этого объявления раб освобождался только от самой грубой работы — копки.

Прежний господин становился покровителем вольноотпущенного, а после смерти — и его основным наследником, но только в случае бездетности бывшего раба. Только правнуки отпущенника освобождались от такого «покровительства», простиравшегося даже на рабов, освобожденных вольноотпущенником, при котором бывший хозяин последнего хлопотал о законном удовлетворении их прав и обязывался помогать им в бедности.

---

* Марка — единица веса, равная 216 граммам, и одновременно денежная единица.

В Исландии, как, впрочем, и в других северных странах, вся власть в усадьбе принадлежала отцу семейства.

Как и в других странах, здесь в годы неурожая или в случае бедности семьи детей выносили в лес или на берег. Существует рассказ об одном из первых переселенцев, Асгрите, который решил избавиться от новорожденного сына и приказал бросить дитя. Ребенок лежал на полу и вдруг сказал: «Пустите меня к матери, мне холодно на полу. Где же еще мне быть, как не у материнской груди? Зачем же точить железо? Зачем резать дерновую землю? Оставьте ваше жестокое дело. Я могу жить с храбрыми людьми». Тогда на ребенка вылили воду, ибо таков был обряд языческих «крестин», и назвали его Торстейном. Он вырос и сделался великим человеком.

После принятия христианства в Исландии были запрещены «выносы» детей. Однако в законы страны внесли существенные изменения: человек, у кого не было имущества больше, чем на сотню эйриров, кроме ежедневного платья, если жена его родила, обязывался оставить остров. Закон также обязывал отцов кормить своих детей, пока те находились в их власти. Обедневшему отцу предписывалось или самому идти в рабство за пропитание к своим родным, или отдавать им детей.

Во времена язычества разводы были довольно просты, если осуществлялись по «правилам». В христианские же времена только епископу предоставлялось право расторжения брака. Духовенство, даже в случае нарушения супружеской верности, разрешало не развод, а только разлучение стола и ложа.

И все же гражданский закон иногда допускал разводы: если, например, брак заключался между опальными; а также если муж целых шесть месяцев не разделял ложа с женой или против воли хотел увезти ее в чужие края.

Если один из супругов был беден, а другой имел некие средства, но с каждым днем тратил их все больше и больше на прокорм бедной родни, то гражданский закон позволял этому последнему развод, по рассказу свидетелей, в присутствии пяти соседей.

Брак расторгался также, если во время семейной ссоры супруги нанесли друг другу жестокие раны.

Если прелюбодействовал муж, то жена получала уплаченную за нее сумму вместе с приданым, а при общем имуществе с мужем получала третью часть его.

Исландка с трудом прощала даже полученную от мужа пощечину, а за удар в присутствии других просила развода.

С самого начала жизни в Исландии женщина пользовалась даже большими правами, чем на континенте. Она была землевладелицей, могла получать и оставлять права наследства. Сумма, уплачиваемая за нее при заключении брака, принадлежала ей.

Часто, состарившись, жена добровольно возвращала ключи своему мужу, будучи не в силах смотреть за хозяйством, и он вступал потом в другое супружество.

С замужеством дочерей отцовская власть над ними прекращалась; сыновья освобождались от нее, если начинали вести отдельную, независимую жизнь.

Совершеннолетними мальчики в Исландии становились с 12 лет. С этого времени подросток мог быть свидетелем, приглашенным, судьей на альтингге и даже годи. Он мог подавать жалобы на убийцу своего отца, но только в случае, если старший родич поручался за него.

С шестнадцати лет исландец вступал во владение наследством, находившимся до того времени под опекой других лиц.

Девушки вступали в гражданские права с 18 лет, а замужние женщины даже ранее 16 лет.

В законах ограничения в правах распространялись не только на малолеток, но и на людей преклонного возраста. Старик не мог быть свидетелем, продавать по своей воле недвижимое имущество, вступать в брак без согласия своего законного наследника, если не был в силах защищать себя, заботиться о своем имуществе, носить щит или пускать стрелу. Если же он все-таки вступал в брак, будучи немощным, то ребенок от этого брака не имел никаких прав на отцовское наследство.

Жизнь первых поселенцев в Исландии зимой была в достаточной мере тяжела, ибо на острове царила полярная ночь. Пять долгих зимних месяцев становились для рассудка древних скандинавов настоящим испытанием.

нием. Чтобы чем-то развлечь себя, исландцы устраивали разные забавы, слушали саги и песни «Эдды». Именно в это время устраивали праздник середины зимы *porrablot*, название которого было дано по названию месяца древнесеверного календаря *porri*. Празднование начиналась в последнюю неделю современного января и длилось до конца третьей недели современного февраля, всего лишь за пару недель до конца зимы, когда и дни становятся длиннее, и приближение весны чувствуется.

Традиции этого праздника исландцы сохранили до наших дней. В современной Исландии начало зимнего веселья жители отмечают всовыванием только одной ноги в штанину и прыганьем босиком вокруг двора. Церковь в свое время пыталась было воспротивиться отправлению языческого культа, но во время датского господства этот праздник был объявлен национальным.

Много удовольствия приносили жителям острова зимой игры в мяч и борьба* в определенных, объявленных заранее, местах. Население всего округа собиралось туда, не исключая и мальчиков, игравших отдельно от взрослых; но и у старых и у молодых забава нередко переходила в кровопролитную ссору из-за обиженной гордости или из-за горячности в игре, дошедшей до неистовства.

Большое удовольствие доставляли также бои лошадей, которые назывались *лошадиными тингами*. Это развлечение пришло в Исландию из Норвегии и состояло в натравливании одного жеребца на другого на открытом поле. Даже в таком жестоком деле исландцы руководствовались законами и не допускали смертоубийства.

Прекрасно описала такой бой лауреат Нобелевской премии норвежская писательница Сигрид Унсет в своем романе «Сага о Вигдис и Вига-Льоте»:

---

* Эта борьба дожила и до наших дней. Называется она глима — *glima*, и учиться ей надо очень долго. Глима — очень древний вид спорта, частью которого является искусство ношения традиционных поясов и особый ритуал исполнения прыжков перед началом борьбы.

«Коре был молод, светловолос, крепкого сложения и очень красив. Льоту совсем не нравилось, что Вигдис сидит и пьет с ним мед...

Льот стал косо поглядывать на Коре, и что бы Коре ни нахваливал в тот вечер, все было недостаточно хорошо для Льота. Наконец речь зашла о лошадях, и Коре стал хвалиться своим жеребцом, которого звали Прыткий и которого подарил ему в знак дружбы Гуннар.

Льот отвечал, что видел жеребца, которого как раз привели домой с лесных пастбищ. И он добавил, что жеребец, которого он купил у одного из сыновей Арне из Гримелюндара, намного лучше; его звали Быстрый, и лучшего коня, добавил Льот, никто еще в их усадьбе не видывал.

— Да, он красив, — согласился старик, сидевший рядом с Льотом, — но жеребец Коре не раз побеждал его и в этом году, и в прошлом...

Льот задумался и стал поглядывать на Коре и Вигдис. А через некоторое время подошел он к Коре и сказал:

— Много тут было всего сказано, и вечер прошел незря, но может, устроим состязание наших жеребцов? И люди могут поспорить, кто из них выиграет.

— Почему бы и нет, — ответил Коре и засмеялся. — Но вряд ли в этом есть необходимость, поскольку для всех в усадьбе это дело решенное...

Льот сказал:

— Давай устроим бой завтра утром, и я не возьму Быстрого с собой в Исландию, если он проиграет. Я убью жеребца.

...Было решено, что Коре и Льот пустят своих лошадей наперегонки на следующее утро.

На следующий день собралось множество народа посмотреть на состязание двух жеребцов. И среди них было много женщин. Все должно было произойти на открытом месте неподалеку от Вадина.

Льот пришел раньше Коре. Он вел своего жеребца на поводу и в левой руке держал специальную палку для боя. Он был в шлеме и перепоясан мечом, а на плечи накиннул красивый синий расшитый золотом плащ. Он скинул его и положил на камень. Под плащом ока-

залась короткая красная туника. Сыновья Арне тоже пришли и пожали руку Льоту.

Коре пришел в сопровождении Гуннара и Вигдис. Коре был в кольчуге и полном боевом вооружении. На плечах у него была медвежья шкура, а в руках, кроме палки, он держал еще и копье.

Когда Быстрый увидел другого жеребца, то узнал его и, наверно, вспомнил их встречи в лесу, потому что вырвался из рук Льота. Люди вокруг засмеялись. Льот бросился за жеребцом, схватил уздечку и принялся охаживать его палкой. Он даже побагровел.

Прыткий тут же подмял Быстрого под себя, принялся бить его передними копытами и кусать, так что жеребцу Льота пришлось туго, и он вновь собрался было отступить. Тогда Льот обнажил меч и хотел кольнуть Быстрого, но поскользнулся на траве и срезал мечом ветки на кусте позади жеребца, а сам упал под копыта лошадей, и все это выглядело так ужасно, что Вигдис крикнула людям, что жеребцов надо развести.

Коре подбежал и рукоятью копья с трудом высвободил Быстрого, и жеребец весь в крови и пене скрылся в лесу. А у Прыткого из ужасной раны на животе, которую ему нанес Льот, вываливались кишки.

Коре протянул руку Льоту, у которого была разбита голова и кровь заливала глаза, помог ему встать и сказал:

— Никогда еще не доводилось мне видеть, чтобы человек так вмешивался в поединок жеребцов. Ты должен мне возместить ущерб.

— Вот тебе вира, — отвечал Льот и копнул носом башмака тучную землю. — Ты сам испугал лошадей медвежьей шкурой, что делает тебя похожим на трелля, работающего в лесу.

— Зато нас тебе не испугать, Вига-Льот, — сказал Коре. — Даже если ты и убил несколько человек в Исландии! — И он направил острие своего копья прямо на Льота.

У Льота был в руках меч, он размахнулся и отсек наконечник копья и ранил Коре в руку, но не очень сильно. Коре отбросил обрубок копья и обнажил свой собственный меч. Но Льот опустил на траву, изо рта у

него пошла кровь — жеребцы его здорово покалечили».

Однако все эти общественные развлечения не шли ни в какое сравнение с рассказыванием саг.

Даже в наши дни в Исландии очень любят саги. Современные исландцы гордятся своим языком ничуть не меньше, чем самой историей Исландии, и всячески противятся тлетворному влиянию, как им кажется, на исландский других языков. Есть даже специальная языковая комиссия, основная цель которой — защита исландского языка от иностранных слов. Когда в стране входит в обиход какое-нибудь иностранное понятие или определение, то комиссия специально придумывает или находит ему исландский эквивалент. Саги разбираются буквально по слову — чтобы найти подходящую замену иностранному пришельцу. Так, вместо слова «телефон» было предложено использовать древнеисландское *simi* — «нить», аналог современному «проводу». Труднее было с «спутником». Но и тут из исландских слов «искусственный» и «луна» было конструировано *gervitungl*. Телевидение называется *sjónvarp* — комбинация исландских слов «смотреть» и «забрасывать» (например, удочку). Для конструирования названия компьютера взяли два слова *tala* — «число» — и *völva* — «предсказательница, пророчица». Несмотря на искусственную природу таких новообразований, эти слова вошли в обиход и теперь их употребляет каждый житель Исландии. Тупиковая ситуация возникает, когда комиссия сталкивается с выражениями типа «межконтинентальная баллистическая ракета». В сагах нет никакого «копья, летящего на большие расстояния», поэтому придумали «летящую на большие расстояния огненную дубину». Большинство же исландцев используют английскую аббревиатуру ICBM.

• • •

Практически сразу после начала эмиграции норвежцев в Исландию король Харальд Прекрасноволосый решил, что не будет потакать непокорным подданным, которые стремились «улизнуть» от него на

далекий остров, а потому сначала ввел *отступной налог*, а потом решил подчинить себе непокорную Исландию.

Отступной налог, который платил каждый отъезжающий в Исландию, продолжал взиматься даже после окончания эпохи заселения острова.

Когда же остановить эмиграцию не удалось ни запретами, ни взиманием дани, Харальд решил поставить в Исландии своего наместника — *ярла*. Он послал на остров с тайными полномочиями шведа Унна, сына того самого Гардара, который одним из первых побывал в Исландии. В случае удачного выполнения поручения и подчинения независимой республики Унн сын Гардара должен был стать исландским ярлом. Однако тайная миссия провалилась, а цель посольства стала известна исландцам.

Когда Унн с одиннадцатью дружинниками поселился в Исландии, никто не хотел продавать ему скот или еду. С трудом найдя кров для себя и своей дружины в усадьбе одного бонда, будущий ярл не нашел ничего лучшего, как отплатить злом за добро и гостеприимство — и соблазнил дочь хозяина усадьбы. Не собираясь жениться на обещанной девушке, Унн бежал из усадьбы, однако разгневанный отец сумел отомстить за дочь: он нагнал неблагодарного гостя и убил его вместе со всеми дружинниками.

С тех пор Харальд и все его преемники вплоть до Олава Святого довольствовались податью, собираемой с каждого исландца, торговавшего с Норвегией.

Прошло больше ста лет, когда норвежский конунг Олав сын Трюгви предпринял очередную попытку подчинить Норвегии Исландию и обратить ее языческое в своем большинстве население в христианскую веру. Случилось это в 998 году.

Конунг послал в Исландию фламандского священника Тангбранда из Страны Саксов, которому удалось обратить в христианство нескольких знатных исландских ярлов, но большинство исландцев относились к нему с неприязнью. Поскольку христианский миссионер и сам не отличался кротостью, то дело закончилось плачевно: он убил нескольких исландцев, которые осмелились ему пе-

речить. После такого «просвещения» язычников он вернулся к Олаву и свалил всю вину за свой провал на упрямство и испорченность жителей острова. Король пришел в ярость и пригрозил смертью всем исландцам, находившимся в этот момент в Нидаросе, однако ж успокоился, когда они незамедлительно приняли крещение.

Вскоре к королю прибыли два знатных исландца-христианина — Гицур Белый и Хьяльги Скеггьясон. Они постарались успокоить конунга и пообещали ему, что Исландия сама будет готова к принятию христианства. Спустя два года в 1000 году священник Тормод, под покровительством принявших крещение исландцев, прибыл из Норвегии на остров.

Христианам удалось уговорить тогдашнего лагмана Торгейра из Льосаватна, чтобы он разрешил их спор с язычниками и вынес дело на тинг. Сначала обе стороны, христианская и языческая, противостояли друг другу с оружием, и едва не завязалась битва. Но на следующий день Торгейр произнес со Скалы Закона речь, в которой говорил о том, как важно, во избежание раздора и разорения страны, всем исландцам держаться одного закона и одних обычаев. В результате решили, что впредь всякий должен быть христианином, и кто еще не крестился, тот обязан принять крещение; но относительно подкидывания детей остается прежний закон, так же как и относительно употребления в пищу лошадиного мяса. В будущем кто захочет, тот может приносить тайные жертвы богам, но, если найдутся свидетели того, виноватый должен оставить страну. Впрочем, «льготы», дарованные язычникам, исчезли, как и можно было предвидеть, через несколько лет после принятия христианства.

Введение христианства в Исландии явилось уникальным историческим событием, потому что произошло мирным путем.

Постепенно христианские священники стали уважаемыми людьми в стране, и к ним перешла часть обязанностей годи. Последние, однако, сохранили свои «правоохранительные» функции.

Особым уважением в стране пользовался епископ Гицур, внук Гицура Белого, пришедшего к конунгу с

предложением крестить Исландию мирным путем. Ари Мудрый так пишет о нем: «Епископ Гицур пользовался таким расположением у своих земляков, как никто из живших на острове. Из любви к нему и по убеждению Сэмунда, с совета лагмана Маркуса, состоялось постановление, чтобы все люди привели в известность и оценили все свое имущество, движимое и недвижимое, присягнули в верной оценке и платили с него десятину». Это случилось в 1096 году. Ари прибавляет: «Великое доказательство преданности жителей этому человеку, что они, по его мысли, под присягой оценили все имущество, какое только было на острове, и самые земли, стали платить десятину и даже издали закон, что это должно продолжаться до тех пор, пока Исландия имеет обитателей».

Гицур (1042—1118) был удивительным человеком, умным политиком и прирожденным лидером. О нем говорили, что он одинаково хорошо справился бы с ролью короля, вождя викингов и епископа. Гицур решил стать епископом — и вошел в историю своей страны как учредитель епископата и церковной десятины. Он объявил свой родной хутор Скальхольг исландской епископией и наделил ее собственными землями и другими богатствами, а также налогом, собираемым с народа.

На тинге было постановлено принять десятину и освободить от нее следующие виды имущества: все имущество, имеющее благочестивое или общепольное назначение для церквей или мосты и паромы; книги священников и церковную утварь (со всякого другого имущества они платят десятину); остатки хозяйственной продукции весной, если употребляют их для домашнего обихода, но не для продажи; доходы с должности годи, «потому что годи — власть, а не деньги».

Свободны от налога, наконец, были все, не платящие денег для путешествия на тинги. После заселения Исландии долгое время всякий, едущий на альтинг, отправлялся туда за собственный счет, но постепенно все, обязанные посещать альтинг, получали некоторое вознаграждение, которое собиралось с оставшихся дома в пользу приехавших на тинг, если они явились в

назначенное время. Бедняки не только не платили ничего, но могли требовать пособия на свои путевые расходы от тяжущихся, имевших в них нужду по суду. Свободные от такого налога не были свободны от десятины, если они по уплате своих долгов владели еще имуществом на 10 эйриров. С десяти эйриров свободного от долгов имения, не считая платя на каждый день, и начиналась обязанность платить десятину.

Зато от нее освобождалось всякое имущество, превышающее сумму 100 эйриров. И, чтобы компенсировать налог, который не брали с богатых, бедняков обложили податью сверх десятины. Всякий, имевший 10 эйриров, помимо каждодневного платя, или 60 аршин сукна, платил один аршин, или овечью шкуру, владец 20 эйриров — два, 40 эйриров — три, 60 эйриров — четыре, 80 эйриров — пять, 100 эйриров — шесть аршин ежегодной десятины.

Кроме десятины, не было никакой поземельной подати, кроме налога на путевые деньги на альтинг. Первоначально назначенный для годи, как подать с каждого дома его участка, он обратился потом в дорожную подать, собираемую, как мы уже сказали, с не посещавших альтинга, но уже самая необходимость присутствия годи в Тингвеллире освобождала его от этой подати.

С принятием христианства в стране произошли изменения не только в лучшую, но и в худшую сторону.

С тех пор как христианская Церковь запретила бросать детей, что было несомненным добром, но в то же время запретило употребление в пищу лошадиного мяса, в Исландии появились нищие. Им старались помочь отчасти милостыней, раздаваемой духовенством (четвертая доля церковной десятины всегда посвящалась бедным), отчасти принуждая родичей кормить таких бедолаг. В случае нужды помогала и община. Попрошайничество было запрещено; только за работу давали что-нибудь чужеземным нищим.

Первоначально для поддержания порядка в округе, сбора десятины, помощи нищим, а также изгнания семейных пар бедняков, родивших ребенка, не имея на то разрешения властей, остров разделен был на небольшие округа, называемые *хрептами*. Каждый хрепп состоял

из 20 соседних бондов, достаточно богатых для уплаты путевых издержек на альтинг. Члены хреппа выбирали старшего — старшину — из пяти землевладельцев своей общины, или по выбору, или по жребию. На него возлагали обязанность подвергать наказанию нарушителей спокойствия, требовать десятины в хреппе и часть налога, принадлежавшую бедным, вместе с подавниями в съестных припасах. Он также следил за раздачей помощи нуждающимся, имевшим право на это пособие, но ни в коем случае ни нищим бродягам и таким бедным, которым могли и обязывались помогать родные.

Здоровый и способный к труду бедняк, просто бродяжничающий из-за лени или иного порока с одного ночлега на другой, через две недели такой жизни призывался на суд. Там же должны были свидетельствовать девять соседей, и по их показаниям нищий подвергался опале. Если такие изгнанные нищие приходили во время обеда и просили есть, хозяин мог ссудить их сапогами и платьем, но, под страхом изгнания, не смел давать им ни пищи, ни ночлега. В случае необходимости таких изгоев могли прогнать со двора силой, и, если они при том получали побои, за то не платилось никакой виры, если на теле не осталось ссадин или ран. Однако помощь, еду и кров изгнаннику могли предоставлять его родичи.

Из отобранного имущества изгоя-нищего, если таковое имелось, часть принадлежала гарду или, если дело разбиралось на альтинге, четверти и назначалась для пособия семейству осужденного и другим семействам, подвергшимся той же участи.

Изгой получал право содержать себя собиранием милостыни в гарде или во всей четверти.

Но если у человека по той или иной причине не было возможности заработать себе на кусок хлеба, его должны были содержать родные. В законе написано: «Всякий должен кормить прежде всего свою мать, также, если станет сил, и отца, потом своих детей, после того сестер и братьев. Если же дозволяют средства, всех отпущенных им на волю, также и тех, после кого получит наследство, или кто поручил ему свое имение с обязанностью кормить его».

На содержание родичей либо платили некий налог, либо, по бедности, должны были занять денег на содержание матери и отца. Если же средств содержать и отца и мать одновременно не было, то сын должен был входить в долги для содержания матери, а отец тогда переходил на содержание к ближайшим родственникам, к которым сын и приводил его.

Если чьи-нибудь сестры и братья имели нужду в содержании, то брат должен был кормить их своими трудами, также и тех, после кого достанется ему наследство, в противном случае выплачивал пеню.

Даже дальних родственников, на наследство которых человек имел право, он был обязан кормить, при достаточных для того средствах и если имущество позволяло ему содержать одновременно еще и жену и детей. Если бедный не имел на острове никакой родни, то содержать его обязывались все жители той четверти, где он обеднел. Предписывалось также, чтобы нищие целой четверти, поставленные судом на содержание отдельным лицам, содержались не хуже домашней прислуги и, кроме пищи и крова, получали еще и платье.

МИФЫ И ЛЕГЕНДЫ ВИКИНГОВ

*Видение Гюльви***

Гюльви звали одного очень мудрого конунга, который правил в свое время той страной, что зовется теперь Швецией.

Раз он решил даровать страннице в награду за то, что занимала она его своими речами, земли столько, сколько утащат четыре быка. А надо сказать, что странницу ту звали Гевьон, и была она из рода асов — верховных богов. И порешила она тогда призвать себе на помощь четырех быков из Страны Великанов — то были ее дети. И столько они утащили земли, что когда сбросили ее в море, то образовался там большой остров, который с тех пор зовут Зеландией.

Гюльви был мужем очень мудрым и знал он толк в чародействе, и очень он дивился могуществу и силе асов. А потому собрался он поехать к асам, чтобы поучиться их мудрости, а чтобы они его не узнали, принял обличье старика. Но асы оказались мудрее его: заранее проведали они о его приезде и приготовились встретить конунга видением.

Подъезжая к Асгарду, жилищу асов, увидел Гюльви высокий чертог, крыша которого была выстлана золотыми щитами. При входе, в дверях, увидел Гюльви чело-

---

* В данное приложение включены пересказы некоторых скандинавских мифов, важных для понимания мировоззрения викингов.

** Пересказ Н. В. Будур.

века, который играл ножами, подбрасывая их в воздух сразу по семи штук. Человек этот спросил приезжего об имени, и Гюльви отвечал, что зовут его Путником и что пришел он сюда дикой тропой. Потом попросился Гюльви переночевать и спросил, кому принадлежит столь красивый чертог.

— Принадлежит он нашему конунгу, — отвечал ему человек, игравший ножами, — и я провожу тебя к нему, чтобы ты сам мог спросить у него, как его звать.

Пошел Гюльви вслед за человеком, игравшим ножами, и входная дверь сейчас же сама собой затворилась за ним. Проходя по чертогу, миновал Гюльви множество палат и видел в них множество людей — одни были поглощены игрой, другие пили, третьи бились оружием между собой. Показалось это подозрительным Гюльви, стал он осматриваться по сторонам и сказал себе:

Прежде чем в дом
войдешь, все входы
ты осмотри,
ты огляди, —
ибо, как знать,
в этом жилище
недругов нет ли*.

Наконец увидел он три престола, расположенных один выше другого, на которых восседали три мужа.

— Как зовут этих хёвдингов? — спросил своего провожатого Гюльви.

— Тот, кто сидит на низшем месте, носит имя Высокий, тот, кто сидит следом за ним, — Равновысокий, тот же, кто сидит на самом высоком месте, носит имя Третий.

В это время сам Высокий обратился к пришельцу и, спросив, какое у того дело, прибавил, что еда и питье готовы в Палатах Высокого для Путника, как и для всякого другого.

---

* Здесь и далее цитаты из «Старшей Эдды» в переводе А. Корсуна даются по изданию: Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах. (Библиотека всемирной литературы. Сер. 1. Т. 9). М.: Художественная литература, 1972.

— Прежде чем сесть за стол, хотелось бы мне узнать, нет ли у вас в доме какого-нибудь мудрого мужа, — сказал Путник.

— Никто еще не выходил отсюда, не найдя здесь человека мудрее себя, — отвечал Высокий. — Спрашивай же нас стоя, как то подобает ученику, а мы будем отвечать тебе сидя, как то подобает учителю.

И Путник стал задавать им вопросы, а они по очереди отвечали ему.

— Скажите мне, кто из асов всех старше? — начал Путник.

— Зовут его Всеотец, но в Асгарде он носит двенадцать имен, — сказал Высокий.

— Где живет он? И чем владеет, и что уже сделал?

— Живет он уже целую вечность, — отвечал Высокий, — и властвует надо всем на свете, большим и малым.

— Он создал небо, землю и воздух, — добавил Равновысокий.

— Всего же важнее, — заговорил Третий, — что создал он человека и дал ему жизнь. И дал ему душу, которая будет жить вечно. И все праведные люди после своей смерти будут жить с ним в «Обители блаженства», что зовется Гимле, а все дурные люди попадут в подземное царство мертвых Хель. Это внизу, в девятом мире.

— Что же делал он до того, как создал небо и землю?

— Он жил тогда с инеистыми великанами, могучими духами мороза и инея.

— Что было сначала, прежде всего другого?

— Задолго до того, как была создана земля, существовал уже Нифльхель, царство мрака и холода. В середине его находился источник Кипящий Котел. На юге же лежал Муспелльсхейм — царство света и жара, окруженное пламенем, никому не доступное; черный великан Сурт, вооруженный огненным мечом, защищает вход в него. В день гибели мира станет он во главе злобных духов и пойдет войной на асов, победит их и мечом своим подожжет мир. И в «Прорицаниях вёльвы» так сказано об этом:

Сурт едет с юга
с губящим ветви, солнце блеснит

на мечях богов;
рушатся горы,
мрут великанши,
в Хель идут люди,
расколото небо*.

Нифльхель отделялся от Муспелльсхейма страшною Мировой бездною Гиннунгагап; в бездну устремилось из источника Хвергельмир двенадцать шумных потоков, и по мере того как потоки эти удалялись от своего источника, они остывали, и ядовитая вода их постепенно превращалась в лед, а яд выступил наружу рососою и превратился в иней. Когда льда накопилось, наконец, так много, что он не мог уже двигаться, он заполнил всю бездну между светлым царством и царством мрака и холода. Над горами льда скапливался туман и, замерзая, тоже превращался в лед, нагромождаясь над бездною слой за слоем. На северном конце эта бездна была вся укрыта снегом и льдом, и царствовали там метели, бури и непогоды; на южном же конце, обращенном к Муспелльсхейму, было светло от искр, залетевших туда из этого жаркого царства. Искры падали на снег и иней: снег и иней таяли, превращались в капли, которые, оживая, соединялись и принимали, наконец, образ великана Имира. Имир заснул, и из пота его произошли мужчина и женщина, а одна нога его с другою зачала сына, отсюда и пошел весь род инеистых великанов, духов мороза и инея.

— Где же жил Имир? И чем он питался? — спросил Путник.

— Вместе с Имиром из инея возникла корова Аудумла, она-то и питала Имира своим молоком. Сама же она лизала соленые ледяные глыбы, и постепенно, пока лизала она лед, на льдине показались в первый день человеческие волосы, на второй день — человеческая голова, а на третий — наконец появился и весь человек по имени Бури. Он был очень красив, высок и силен. Сын его, Бор, женился на дочери одного великана и имел трех сыновей: старшего звали Одином, второго — Вили, а третьего — Ве. Это — асы; они со своими потомками должны были держать в своей власти всю землю.

---

* Пер. А. Корсуна.

Сыновья Бора убили великана Имира, и из ран его вытекло столько крови, что в ней потонули все инеистые великаны, кроме одного, который спасся в лодке со своей женою и всем семейством. Он стал прародителем нового поколения великанов — духов мороза и инея. И имя ему Бергельмир.

Между тем взяли сыновья Бора, ибо были они богами, убитого Имира, бросили его в середину бездны и сотворили из него мир: из крови его явились моря и воды, из тела — земля, из костей — горы, из зубов и разбитых костей — скалы и утесы. Из черепа его создали они небо и, подняв его над землю, подперли с четырех углов высокими вершинами гор; под каждой горой посадили они по карлику, которых так и назвали: Восточный, Западный, Северный и Южный. Мозг великана подбросили они в воздух, и из него явились облака. Потом взяли асы искры, вылетавшие из Муспелльсхейма, и укрепили их по всему небосводу для того, чтобы освещали они землю. Одни из огней укрепили они неподвижно, другим предоставили вечно носиться по небу, определив им путь — для того, чтобы по движению их можно было рассчитывать дни и годы, как о том говорится в «Прорицаниях вёльвы»:

Солнце не ведало,
где его дом,
звезды не ведали,
где им сиять,
месяц не ведал
мощи своей*.

Из крови, струившейся обильным потоком из ран Имира, сделали асы океан, который окружал округлую землю; по берегам его поселились великаны, а чтобы защитить людей от их нападений, возведена была из век великана Имира высокая стена, и крепость эта получила название Мидгард (Срединная Ограда).

Сыновья Бора, выйдя на морской берег, нашли там два дерева; из них создали они мужчину и женщину, и старший, Один, дал им душу и жизнь, второй — разум и

---

* Пер. А. Корсуна.

движение, третий — облик, речь, слух и зрение. Мужчину назвали Аск, что значит «ясень», а женщину Эмбла — «Ива»; от них-то и произошел весь род людской, поселенный асами в Мидгарде.

Для себя в центре мира построили асы прекрасный укрепленный град и назвали его Асгардом, или жилищем асов. Здесь стали жить они со всем своим потомством.

В Асгарде есть почетное место Хлидскьяльв: сидя здесь, Один обзирает все миры, видит все деяния людей и знает все, что делается на свете.

А жену его зовут Фригг, и от них родились все те, кого называем мы асами. Все они боги. И полагается величать Одина Всеотцом, ибо он создал все, что дано нам в мире.

И Земля была ему и дочерью, и женой. И от нее родился у него сын Аса-Тор.

В селении великанов Ётунхейме жил великан по имени Нарви, и была у него дочь, которую звали Ночью. В первый раз была она замужем за Нагльфари, что значит «Лишенный Ногтей», и имела сына, которого звали Ауд — Изобилие; от второго мужа имела она дочь, Землю; наконец в третий раз вышла она замуж за Деллинга из рода асов. Сама она была черна и сумеречна; но родился у нее сын, весь в отца — светлый и прекрасный, и назвали его Днем.

Один, призвав к себе Ночь и День, дал им двух коней и две небесные колесницы для того, чтобы они раз в сутки объезжали по небу всю землю. И с тех пор ездят они так друг за другом: Ночь — впереди на своем темногривом коне Инеистая Грива, который грызет удила и обрызгивает землю пеною, которую называют росой; следом за Ночью несется День, и светящаяся грива его коня, Ясной Гривы, освещает воздух и землю.

— Кто же управляет движением солнца и звезд? — спросил Путник.

— Жил человек по имени Мундильфари, у которого было двое детей, и дети его были так светлы и прекрасны, что он назвал сына Месяц, а дочь — Солнце. Дочь свою выдал он замуж за человека, носившего имя Глен (Сияние). Такое высокомерие рассердило асов, и похи-

тили они с земли брата и сестру и поместили их на небо. Из огненных искр, вылетающих из Муспелльсхейма, сделали асы солнце, чтобы оно освещало их владения, а Солнце правит конями, запряженными в солнечную колесницу, имя которым Ранний и Проворный. Под дугами же у коней повесили асы по кузнечному меху с ветром, чтобы он обвевал скакунов прохладой. Месяц же управляет ходом звезд, новолунием и полнолунием. Он похитил с земли двух детей, когда шли они с коромыслом и ведрами за водой, и дети эти всегда следуют за Месяцем, что каждый может видеть с земли*.

— Быстро несется дева Солнце, — сказал Путник, — так быстро, словно страшится чего-то. Кажется, не могла бы она бежать быстрее, даже если бы настигала ее сама смерть.

— Неудивительно, что она несется так, сломя голову, — заметил Высокий, — и ты почти прав, говоря, что она словно бежит от гибели.

— Что же так пугает ее? — спросил Путник.

— Есть два волка, — отвечал Высокий, — зовут их Обман и Ненавистник. Один из них когда-нибудь настигнет Солнце, а другой — Месяца.

— А кто породил этих волков?

— На восток от Мидгарда есть лес, зовут его Железный лес, и населен он колдунами и ведьмами. В лесу этом жила некогда великанша, все потомки которой носят обличье волка. Эти волки той породы, что и Лунный Пес, который будет сильнейшим из всех волков. Говорят, что пожрет он трупы всех умерших и проглотит месяц и обрызжет кровью воздух и небо. Тогда потухнет солнце, и начнут дуть свирепые ветры, ужасно завывая.

— Какой путь ведет с земли на небо? — спросил Путник.

— Для этого асы построили мост Биврёст. Люди его называют радугой. Он трех цветов и очень прочен и построен искусно — нельзя сделать хитрее. Но как ни прочен он, и он подломится, когда поднимутся войной на асов сыны Муспелля и переплывут их кони великие реки и помчатся дальше.

---

* Имеются в виду пятна, видимые на Луне.

— Почему же асы, которые все совершают согласно своей воле, не построили моста, столь прочного, чтобы не мог он подломиться?

— Нельзя винить в этом асов, — отвечал Высокий, — очень хороший мост Биврёст, но ничто не устоит в мире, когда пойдут войной сыны Муспелля!

— Что сделал Всеотец, когда строился Асгард? — спросил Путник.

— Прежде всего собрал он совет, чтобы решить, как возвести город, и первым делом выстроен был чертог с двенадцатью тронами для асов и престолом для Всеотца. Нет на свете дома больше и лучше построенного: все там внутри и снаружи блестит и сияет, словно сделано из чистого золота, и люди зовут тот чертог Чертогом Радости. Потом был построен другой дом, для богинь, столь же высокий, как тот, что предназначен асам, и зовется он Вингольв. А в третьем доме поставили кузнечный горн, потом сделали молот, щипцы, наковальню и все другие орудия и стали обрабатывать там руду, камни и дерево, и особенно много ковали руды, что зовут золотом; всю домашнюю утварь, всю посуду сделали асы из золота, и наступил век, называемый золотым, и длился он, пока не пришли к асам женщины из страны великанов Ётунхейма. Когда все было готово, асы сели на троны и начали совещаться и прежде всего решили, что карлики, зародившиеся в теле Имира и до тех пор червями кишевшие в недрах земли, должны принять человеческий облик и в таком виде отныне жить в земле и камнях. По воле богов обрели они человеческий разум и обличьем тоже стали походить на людей.

— Где находится место собрания асов? — спросил Путник.

— Оно возле Мирового Древа — ясеня Иггдрасиль — там каждый день собираются асы, вершат суд и возглашают свои решения

— Что можно сказать о том месте?

— Ясень Иггдрасиль больше и лучше всех прочих деревьев: сучья его простираются надо всем миром и поднимаются выше неба; три длинейших корня поддерживают его, один тянется к асам, другой — к инеис-

тым великанам — туда, где некогда была Мировая Бездна, а третий — в Нифльхель: под этим корнем находится источник Кипящий Котел, а дракон Нидхёгг постоянно подгрызает тот корень снизу.

Из-под корня же, протянувшегося к великанам, вытекает источник, где сокрыты знание и мудрость. Владетеля его зовут Мимир. Он исполнен мудрости, оттого что пьет воду из этого источника, черпая ее рогом Гьяллархорн — Громким Рогом. Сам Всеотец приходил к нему раз и просил той воды, но не получил ни капли, пока не отдал в залог своего глаза.

Под третьим корнем — священный источник Урд, место судбища асов, куда каждый день съезжаются они по мосту Биврёст, отчего и называется он также Мостом Асов. Асы приезжают на своих конях, и всех лучше восьминогий конь Одина, Слейпнир; один только Тор приходит пешком, вплавь переправляясь через реки Кёрмт, Эрмт и Керлауг, и в ту пору Мост Асов пылает огнем.

— Разве на Биврёсте горит огонь? — спрашивает Путник.

— Тот красный свет, что видишь ты в радуге, — это пылающее пламя, — отвечал Высокий. — Великаны взобрались бы на небо, если бы путь по Биврёсту был открыт для всякого.

Под ясенем у этого источника стоит прекрасный чертог, и из него выходят три девы; зовут их Урд, Верданди и Скульд; они определяют людям судьбу. Мы называем их норнами. Но есть еще и другие норны — те, что приходят к каждому младенцу, родившемуся на свет, и наделяют его судьбою; некоторые из них из рода асов, другие — альвов, третьи — карлов.

— Почему же норны делят судьбу так неравно? — спросил Путник. — Одним дают они богатство и долгую жизнь, другим — жизнь короткую и бедную, тем почести — а тем позор?

— Норны добрые и хорошего рода наделяют счастливою судьбою; судьба же людей несчастливых — дело злых норн.

— Что еще можно поведать о том ясене?

— Многое еще можно рассказать о нем. В ветвях ясеня живет орел, он обладает великой мудростью. Меж

глаз у него сидит ястреб. Белка Рататоск — Грызозуб — бегаёт взад и вперед по стволу ясеня и переносит брань, которой осыпают друг друга орел и дракон Нидхёгг. Четыре оленя бегают среди ветвей ясеня и объединяют его листву. У источника же Кипящий Котел вместе с Нидхёггом ползает столько змей, что нет им числа. И вот как о том сказано:

Не ведают люди,
какие невзгоды
у ясеня Иггдрасиль:
корни ест Нидхёгг,
макушку олень,
ствол гибнет от гнили*.

Говорят, норны, живущие у источника Урд, каждый день черпают оттуда воду вместе с накопившимся илом и поливают ясень, чтобы сучья его не сохли и не зачахла листва, и вода эта так благотворна, что все, что ни попадает в источник, становится белее молочной пены. Капли росы, что падают при этом на землю, называют люди медвяною росой, и ею питаются пчелы. Две птицы живут в водах Урд; зовут их лебедями, и от них-то и произошла вся та порода птиц, что носит это имя.

— Нет ли на небе еще селений, кроме обиталища норн при источнике Урд?

— Много еще на небе прекрасных чертогов. Есть Альвхейм, там живут светлые альвы; темные же альвы живут в земле. Совсем не похожи они на светлых ни видом своим, ни повадками: светлые альвы прекраснее солнца, темные же альвы — чернее смолы. Есть прекрасный чертог Брейдаблик — Широкий Блеск, и еще чертог Глитнир — Блестящий: все стены его, столбы и колонны из червонного золота, крыша же из серебра. Есть чертог Химинбьёрг (Небесные Горы), он стоит на краю неба, где в небо упирается мост Биврёст. Есть еще большой чертог Валаскьяльв, он принадлежит Одину; в одном из залов его стоит Хлидскьяльв — так называется престол, с которого Один обозревает весь мир. На южном краю неба стоит чертог, прекраснее и светлее

---

* Пер. А. Корсуна.

солнца; зовут его Гимле; он уцелеет и тогда, когда небо и земля погибнут, и будут вечно жить в этом дворце люди хорошие и праведные.

— Что же будет защитой этому прекрасному чертогу, когда пламя Сурта сожжет небеса и землю?

— Говорят, что к югу над нашим небом есть еще одно небо — Беспредельное, а над ним — третье Широко-синее. И, сдается мне, на том-то третьем небе и стоит тот чертог. Но ныне обитают в нем светлые альвы, — отвечал Высокий.

— Отчего происходит ветер? — спросил после этого Путник. — Он так силен, что волнует моря и раздувает пламя, но, как ни силен он, его никто не может увидеть — так удивительно он устроен!

— Я легко могу объяснить тебе это, — отвечал Высокий. — На северном краю неба сидит великан Хресвельг, что значит Пожиратель Трупов; он носит обличье орла, и когда он, собираясь лететь, расправляет крылья, из-под крыльев его вырывается ветер.

— Отчего лето теплое, а зима холодная?

— Мудрый человек не должен бы спрашивать нас об этом, потому что такое каждый может тебе объяснить. Но если ты столь малосведущ, что об этом ничего не слышал, то уж лучше спросить о том, чего не знаешь, чем оставаться невеждою в том, что всякому следует знать. Отец лета, Свасуд — Ласковый, ведет безмятежную жизнь и потому его именем называют все веселое и приятное. Отец же зимы — изменчивый Виндсваль — Холодный Ветер, а его отца зовут — Васад — Неприятный; и весь их род отличается злобою и жестокостью, оттого и у зимы такой нрав.

— Сколько асов, которых обязаны почитать люди? — спросил путник.

— Есть двенадцать божественных асов, — отвечал Высокий.

— Но не следует забывать и богинь, — добавил Равновысокий.

— Один — высший и старший из асов, — заговорил Третий, — он управляет всем в мире, и, как ни могущественны другие асы, все они служат ему как отцу. Желю же его зовут Фригг, и она знает все судьбы людей, хотя

никому не открывает их. Одина зовут также и Всеотец, потому что он отец всем асам; зовут его также и Отцом Павших, потому что все павшие в бою воины — его приемные сыны; для них он построил чертоги Вальгаллы и Вингольв. И зовут их эйнхериями. Много у него есть и других имен; долго объяснять тебе это и короче сказать, что случилось так оттого, что каждый народ, живущий на свете, прославляет его на своем языке и призывает в своих молитвах.

— Как зовут других асов, и что они делают?

— Из них главный — Тор, которого зовут также Аса-Тор или Эку-Тор; он сильнее всех асов и людей. У него есть свои владения — Трудвангар, Поля Силы, — и свой чертог Бильскирнир — Неразрушимый; в нем пятьсот сорок покоев, так что люди не знают большего дома. У Тора есть два козла — Скрежещущий Зубами и Скрипящий Зубами — и колесница, на которой он ездит, и козлы возят эту колесницу; оттого-то и называют его Эку-Тор — едущий на колеснице Тор. Владеет он тремя сокровищами: первое — молот Мьёлльнир, с которым хорошо знакомы инеистые великаны, а также и великаны гор; да и неудивительно, потому что много черепов разбил Тор своим молотом у их родичей. Другое его бесценное сокровище — Пояс Силы: как только опояшется им Тор, сила аса вырастает вдвое. Третье сокровище его, которому нет цены, — железные рукавицы; Тор никогда не забывает надеть их, берясь за свой молот. Нет на свете столь мудрого человека, который бы мог перечесть все подвиги Тора, и мне пришлось бы долго рассказывать тебе о них, чтобы поведать все, что я знаю.

— Расскажи же мне о других асах, — сказал тогда Путник.

— Второй сын Одина — Бальдр. Он всех лучше, и все восхваляют его. Он так прекрасен и светел лицом, что от него исходит сияние, и нет цветка, который мог бы белизною сравниться с белизною ресниц Бальдра, которые белее всех цветов на свете. Он самый кроткий. Живет он на небе во дворце, называемом Брейдаблик, и во дворце этом не может быть ничего нечистого.

Брейдаблик зовется,
Бальдр там себе
построил палаты;
на этой земле
злодейств никаких
не бывало от века*.

Третьего аса зовут Ньёрдом; он живет в Ноатуне, что значит «Корабельный Двор». Ньёрд управляет движением ветров и укрощает огонь и воды; его надо призывать в морских странствиях и на рыбной ловле. Он живет в таком богатстве и изобилии, что может любого наделить золотом, землями и всяким скотом и имуществом; об этом и следует его просить. Ньёрд не принадлежит к роду асов: он родился в Стране Ванов, но потом ваны, враждовавшие с асами, заключили с ними мир, и Ньёрда они уступили асам заложником, а вместо него взяли заложником аса Хёнира. На этом асы и ваны помирились. Жена Ньёрда — великанша Скади. Только она всегда хотела жить там, где исстари жили ее отцы: в горах, а Ньёрд стремился к берегу моря. Наконец решили они, что девять дней будут жить в горах, а девять — на берегу моря. Но Скади осталась недовольна и этим. В конце концов она навсегда переселилась в горы. И часто встает она на лыжи, берет лук и стреляет дичь. Ее еще называют богиней-лыжницей.

У Ньёрда двое детей: сын Фрейр и дочь Фрейя. Оба они прекрасны лицом и могущественны. Фрейр — славнейший из асов: ему подвластны дожди и солнечный свет, а также плоды земные, и к нему хорошо обращаться с мольбою об урожае, мире и всяком достатке. Фрейя — славнейшая из богинь: когда появляется она на поле битвы, половина всех павших воинов принадлежит ей, а половина — Одину. А потому владения ее называются Поле боя — Фолькванг. Фрейя владеет большим и прекрасным дворцом Сессрумнир — Много Сидений, и выезжает она всегда в колеснице, запряженной двумя кошками. Ее нужно призывать на помощь в любви, и ей по душе любовные песни. Она всегда благосклонна к людским мольбам.

---

* Пер. А. Корсуна.

Еще есть ас, зовут его Тюр; он самый отважный, и от него часто зависит победа в бою, поэтому его следует призывать всем отважным мужам. Говорят про человека: он смел, как Тюр, когда превосходит он в битве других людей и не ведает страха. При этом Тюр так умен, что о человеке, превзошедшем других своей мудростью, говорят также: он умен, как Тюр. Тюра зовут Одноруким. Вот пример его отваги. Когда асы обманом пытались надеть на Волка Фенрира путы Глейпнир, тот не поверил, что его отпустят на волю, пока в пасть ему не положил свою руку Тюр. И когда асы не захотели отпустить Фенрира, откусил он Тюру руку. И никогда не зовут Тюра миротворцем.

Есть еще ас, которого зовут Браги. Он славится своей мудростью и красноречием; он большой знаток поэзии. Жену его зовут Идунн; она хранит в ларце яблоки, которые вкушают асы, если чувствуют, что начинают стариться, чтобы снова помолодеть. И так будет до дня гибели мира.

Еще есть ас Хеймдалль, его называют белым асом; он могуч и священен. Он сын девяти дев, и все они сестры. Его зубы из золота, и потому зовут его часто Златозубым. Хеймдалль живет в Химинбьёрге, у самого Биврёста. Он — страж асов и пребывает на краю неба для того, чтобы охранять мост от великанов гор; он нуждается во сне еще менее, чем птица; он равно видит все как днем, так и ночью; он слышит, как растет трава на земле и шерсть на ягненке; у него есть рог Гьяллархорн, звуки которого разносятся по всем мирам.

Хёдом зовут аса, который слеп. Он очень силен, но желали бы асы, чтоб не было нужды даже и упоминать о нем*.

Видаром зовут молчаливого аса; он силен почти так же, как Тор, и асы нередко прибегают к его помощи в нужде. У него есть толстый башмак.

Али, или Вали, зовут одного из сыновей Одина; он отважный воин и необыкновенно меткий стрелок.

Уль — имя одного из сыновей Сив, пасынка Тора; никто не может соперничать с ним в стрельбе из лука и

---

* См. далее миф о гибели Бальдра.

умении бегать на лыжах. Он красив и владеет всяким воинским искусством; его хорошо призывать в единоборстве.

Форсети — сын Бальдра и Нанны, дочери великана Непа. Ему принадлежит чертог Глитнир; к нему обращаются с жалобами обиженные, и он улаживает все споры.

Теперь пойдет речь об одном асе, которого многие зовут зачинщиком свар между асами, сеятелем лжи, позором асов и людей. Зовут его Локи, или Лофт, он сын великана Фарбаути, а мать его звали Лаувейя. Локи красив и пригож собою, но злобен и очень переменчив нравом. Он превосходит всех хитростью и лукавством. Не раз навлекал он на асов разные беды и тут же спасал их каким-нибудь лукавым советом. Жену его зовут Сигюн, а сына — Нарри, или Нарви.

Была у Локи в стране великанов еще и другая жена, великанша Ангрбода, и от нее у Локи трое детей: первый — Фенрир Волк, второй — Ёрмунганд, Мировой Змей, третья — Хель. Когда узнали асы о рождении этих детей в Ётунхейме, стране великанов, и было открыто им, что суждено асам потерпеть от потомства Ангрбоды множество бед, Всеотец приказал взять этих детей и привести к нему. И как только пришли они, взял он Мирового Змея и бросил в глубокое море, и там вырос он до таких размеров, что лежит теперь, плотно обвившись вокруг земли, и грызет свой хвост. Хель низверг Всеотец в Нифльхель и дал ей власть над девятью мирами, чтобы могла она давать приют всем людям, умершим от болезни и старости. Там у нее много палат, и все селение ее окружено высокой и крепкой железной оградой. Мокрая Морось зовутся ее палаты, Голод — ее блюдо, Истощение — ее нож, Лежебока — слуга, Соня — служанка, Напасть — падающая на порог решетка, Одр Болезни — постель, Злая Кручина — полог ее. Сама Хель наполовину синяя, наполовину цвета мяса, и ее можно узнать по ужасному и дикому облику и еще по тому, что она сутулится.

Волка асы оставили у себя, и лишь Тюр был столь отважен, что ходил к нему и носил ему пищу. Когда асы увидели, как быстро растет Волк, с каждым днем стано-

вась все сильнее — между тем как пророчества предвещали им от волка погибель, — они изготовили крепчайшие оковы, принесли их Волку и стали упрашивать его эти оковы примерить. Волк не нашел в этом ничего опасного и разрешил заковать себя. Но едва двинулся Волк, оковы лопнули. Тогда сделали асы другие оковы, вдвое крепче, и опять стали упрашивать Волка примерить их, говоря, как он прославится своей силою, если и эти оковы не выдержат. Подумал Волк о том, как крепки должны быть эти оковы, подумал также о том, что успела еще вырасти за это время его сила, сообразил, какую он славу стяжает, и позволил надеть на себя оковы. Но когда асы сказали, что все готово, Волк отряхнулся, сбросил оковы на землю и изломал их в куски, так что осколки полетели в разные стороны. Стали тогда опасаться асы, что им, пожалуй, не удастся сковать Волка, и Всеотец послал Скирнира, гонца Фрейра, к карликам, в страну черных альвов, и приказал им сделать оковы, носящие с тех пор название Глейпнир. Были они изготовлены из шести сутей: из шума кошачьих шагов, из женских бород, из корней гор, из медвежьих жил, из рыбьего дыхания и из птичьей слюны. И были эти оковы так же гладки и мягки, как шелковая лента, а между тем были они прочны.

Получив оковы, асы отправились на озеро, называемое Амсвартнир, на скалистый остров Люнгни, и взяли с собою Волка. Там показали они Волку шелковую ленту и предложили попробовать разорвать ее, говоря, что она должна быть несколько крепче, чем можно судить по ее виду.

«Не стяжать мне славы, если я порву я такую непрочную ленту, — отвечал Волк. — Если же есть в ней какая-то хитрость, то не удастся мне освободиться из этих оков».

«Не может быть, чтобы ты не мог разорвать такой мягкой ленты, раз тебе удалось разбить железные оковы, — отвечали асы. — А если тебе эту ленту порвать не удастся, значит, нам нечего опасаться тебя, и мы тотчас освободим тебя сами».

«Если свяжете вы меня так, что не сумею я освободиться, то мне поздно будет просить вас о помощи, —

отвечал Волк, — и пусть кто-нибудь из вас положит мне в пасть свою руку, чтобы я знал, что тут не кроется никакого коварства».

Но ни один из асов не решился пожертвовать своей рукой. Наконец Тюр, вытянув правую руку, положил ее в пасть Волку. Пробили асы дыру в плоском камне и, взяв конец ленты, пропустили его через эту дыру, а сам камень закопали глубоко в землю и привалили сверху огромной скалой. Вторым концом ленты асы связали Волка, и так удалось им наконец наложить на него оковы. Волк же, почувствовав себя связанным, принялся рваться, но, чем сильнее он рвался, тем сильнее становились его оковы. Все асы громко смеялись над ним, кроме Тюра, поплатившегося своей рукой. Асы же взяли меч и, просунув его в пасть Волку, вонзили меч ему прямо в небо, так что кровь потоком хлынула из пасти, а рукоять уперлась в язык. И так лежит он и воет с разверстой пастью, извергая слюну и пену, и слюна его, превращаясь в воду, образует реку Вон. Так будет он лежать до дня гибели мира.

— Злая же доля постигла потомков Локи! — сказал Путник. — Но почему асы не убили Волка, если знают они, каких бед нужно от него ждать?

— Асы так чтят святость своего града, — отвечал Высокий, — что не захотели они запятнать его земли даже кровью Волка, хоть и гласят пророчества, что он должен лишиться жизни самого Одина.

— А какие еще есть богини? — спросил Путник.

— Славнейшую зовут Фригг. Жена она Одина, и палаты ее зовутся Фенсалир, и чудной они красоты.

Вторая богиня зовется Сага, третья — Эйр, и лучше нее никто не может излечить раны.

Четвертая — Гевьон, юная дева, которой прислуживают девушки, которые умирают, не познав мужчины.

Пятая — дева Фулла, которая ходит всегда с распущенными волосами и с золотой повязкой. Носит она ларец Фригг и хранит ее обувь, и всегда знает она, что задумала Фригг.

Фрейю почитают наравне с Фригг. Вышла она замуж за человека по имени Одд, от которого есть у нее дочь Хносс. Когда же Одд отправился в странствия, очень

скупала Фрейя и много плакала по нему, а красное золото — это ее слезы.

Седьмую богиню зовут Съёвн, и помогает она в любви.

Богиня Ловн тоже покровительствует влюбленным и часто соединяет тех, кому соединиться раньше было заказано.

Есть еще и другие богини, но о других говорить я не буду.

Прислуживают в Вальгалле — разносят напитки, убирают посуду и сосуды для пива — валькирии. Их посылает Один во все сражения, чтобы выбирать обреченных на смерть людей и решать исход битвы.

Сказал тогда Путник:

— Говоришь ты, что все люди, павшие в битвах за все время от создания мира, собираются у Одина в Вальгалле; что же они там пьют и едят? Думается мне, что людей там, должно быть, великое множество.

— Правду сказал ты, — отвечал ему Высокий, — много воинов там и будет больше, но, сколько бы ни было там людей за столами, никогда не истощатся окорока вепря Сэхримнира. Каждый день варят его снова, и к вечеру он всегда бывает опять цел. Андхримниром зовут повара, который готовит пищу в Вальгалле; котел же, в котором варят ту пищу, зовут Эльдхримниром.

— А что ест сам Один? И ест ли он одну пищу с эйнхериями?

— Не нужна ему никакая еда, а всю еду, что бывает у него на столе, кидает он двум волкам — Гери, что значит «Жадный», и Фреки, что означает «Прожорливый». Вино — вот ему еда и питье.

На плечах же у него сидят два ворона — Хугин, что означает «Думающий», и Мунин, что значит «Помнящий». Рано утром на рассвете улетают они и летают по всему миру, а к завтраку возвращаются и рассказывают обо всем виденном и слышанном Одину. Потому его еще называют Богом Воронов.

И вот как о том говорится:

Гери и Фреки
кормит единственный
Ратей Отец;
но вкушает он сам

только вино,
доспехами блещущий.

Хугин и Мунин
над миром все время
летают без усталы;
мне за Хугина страшно,
страшней за Мунина, —
вернутся ли вороны?!

— А что пьют павшие воины в Вальгалле? Есть ли там какой-нибудь напиток, не уступающий еде изобилием, или пьют они просто воду? — спросил Путник.

— Удивляет меня твой вопрос, — ответил Высокий. — Неужели у Всеотца не найдется ничего, кроме воды, чтобы предложить конунгам и ярлам? Знай же, что там, наверну, в Вальгалле, стоит коза, и вместо молока дает она столько меду, что все воины каждый день упиваются им допьяна. А щиплет она листву с Ясеня.

Есть еще там олень Эйктюрнир — с дубовыми кончиками рогов. Стоит он на крыше Вальгаллы и тоже объедает ветви Иггдрасиля, а с рогов его капает столько влаги, что, стекая вниз, образует она поток, из которого берут начало множество рек.

— Сколь огромны должны быть чертоги Вальгаллы!

— Да, прав ты. Вот как сказано об этом:

Пять сотен дверей
и сорок еще
в Вальгалле верно;
восемьсот воинов
выйдут из каждой
для схватки с Волком**.

— А что можете вы рассказать мне о Слейпнире, коне Одина о восьми ногах?

— Было это, когда асы только начали селиться в мире. И когда возвели они Вальгаллу и устроили Мидгард, явился к ним один мастер и стал предлагать свои услуги: в три полугодия брался он возвести стены такие крепкие, чтобы ничего не могли поделывать с ними ни

---

* Пер. А. Корсуна.

** Пер. А. Корсуна.

великаны гор, ни инеистые великаны. В награду себе просил он у асов в жены Фрейю, а вместе с ней — Солнце и Месяц. Держали асы совет и порешили заключить такой договор с мастером: если построит он стены за одну зиму, тогда асы отдадут ему Фрейю, Солнце и Месяц. Но если к первому летнему дню хоть что-то не готово, он ничего не получит; и при постройке не должен он пользоваться ничьей помощью. Когда передали асы мастеру эти условия, стал он просить только, чтобы ему позволили взять в помощь коня его Свадильфари, и по совету Локи ему это позволили.

С первым же зимним днем принялся мастер за дело: днем строил, а по ночам возил камни на своем коне, и дивились асы, какие каменные глыбы привозил этот конь. Казалось, конь делал вдвое больше каменщика.

Но договор асов с мастером был заключен при свидетелях и скреплен многими клятвами, ибо так мастер-великан думал защитить себя на тот случай, если вернется Тор. А Тор был в то время на востоке и воевал с великанами.

Проходила зима, быстро подвигалась постройка, и скоро стены были почти готовы. И были они так высоки и прочны, что, казалось, никому не взять их приступом. Наконец за три дня до лета осталось только навесить ворота.

Тогда собрались асы на совет и стали спрашивать друг друга, кто посоветовал выдать Фрейю замуж в страну великанов и обезобразить небо, лишив его Солнца и Месяца. И все асы разом припомнили, что дал им этот коварный совет Локи, сын Лаувейи, виновник всяческих бед и разжигатель распрей среди асов, и порешили, что заслуживает он лютой смерти, если не найдет способа помешать мастеру. Испугался Локи и поклялся, что уладит дело, и каменщик не выполнит условия.

В тот же вечер, когда мастер со своим конем Свадильфари отправился за камнями, выбежала из лесу навстречу коню кобыла, а потом опять бросилась в лес. Порвал конь удила, погнался за кобылой, а каменщик за конем, и так гонялись они друг за другом всю ночь. На следующий день оказалось, что урочная работа не

выполнена, и мастер пришел тогда в такую ярость, на какую способны только горные великаны. Асы же поняли, что каменщик их — горный великан, испугались, что приведет он на них великанов войною, и принялись громко звать Тора к себе на помощь. Тор тотчас явился, высоко подняв свой молот Мьёлльнир. И пришлось тут каменщику отказаться от Солнца и Месяца, лишиться владений своих в стране великанов и заплатить своей головою: одним ударом молота Тор вдребезги разнес великану череп, а самого его бросил в царство туманов — Нифльхель.

А со Свадильфари в образе кобылы бегал Локи, и спустя некоторое время принес он жеребенка серой масти о восьми ногах. Нет коня лучше у богов и у людей, а имя тому коню Слейпнир, и это конь Одина.

— А что можете рассказать вы мне о Скидбладнире, лучшем из кораблей?

— Лучший он из кораблей, и хватит в нем места всем асам в доспехах при оружии, но больше его корабль Нагльфари, которым владеет Муспелль. Построили Скидбладнир карлы и отдали его Фрейру. И когда поднимают на нем парус, то всегда сопутствует ему попутный ветер, а когда нет в нем нужды, то можно сложить его как платок и спрятать в кошель.

— Скажите же мне теперь, что делают воины в Вальгалле, когда они не пируют?

— Каждый день утром, одевшись, вооружаются они и, выйдя на открытое место, вступают между собой в ожесточенную битву, поражая друг друга насмерть — в том их забава, — но как только подходит время садиться за пиршественные столы, едут они назад в Вальгаллу, расходятся по залам и принимаются за еду и питье, и так будет до дня гибели мира.

— Что можете вы рассказать мне о дне гибели асов? — спросил Путник.

— Когда наступит время гибели асов, Фенрир Волк освободится от своих оков и Мировой Змей в ярости устремится на землю; все сыны Муспелля во главе с великаном Суртом понесутся на конях своих по Биврёсту, и мост Биврёст подломится под ними. Вигрид зовут то поле, где произойдет Последняя Битва. Хеймдалль

затрубит в свой рог, созывая асов на битву. Один спешит к источнику Мимира, чтобы испросить совет для себя и своего войска. Колеблется ясень Иггдрасиль — гибель грозит всему миру. Асы вооружаются и вместе со своими воинами спешат на поле битвы. Первым выезжает Один в золотом шлеме, блестящей броне и с копьем, что зовется Гунгнир. Он бьется с Фенриром Волком. Рядом с ним бьется Тор, но он не может прийти к Одину на помощь: ему и самому едва по силам бороться с Мировым Змеем. Фрейр бьется с великаном Суртом, и жестока между ними схватка, но вот Фрейр падает на землю. Мировой Змей поражен насмерть, но и Тор падает мертвым, отравленный ядом Змея. Фенрир Волк проглатывает Одина. Но Видар вскакивает на нижнюю челюсть Фенрира Волка, рукою хватается за верхнюю и разрывает ему пасть. Локи бьется с Хеймдаллем, и они убивают друг друга. Наконец, великан Сурт поджигает землю, и весь мир горит... Сгорят тогда небеса, земля, и все боги и люди погибнут.

— Что же будет, когда сгорят небеса, земля и весь мир, погибнут герои и боги? И что будет с людьми, ведь раньше говорили вы, что каждый человек будет жить вечно в одном из миров?

— Есть среди обиталищ хорошие и плохие. Лучше всего жить в Гимле, на небесах. В хороших чертогах будут жить праведные люди. На Берегах же Мертвых есть огромный чертог, что свит из ядовитых змей, дверью на север. Головы змей обращены внутрь палат и изрыгают яд, и потому текут в чертоге ядовитые реки. Те реки обречены переходить вброд клятвопреступники и убийцы.

А в потоке Кипящий Котел дракон Нидхёгг «гложет трупы умерших»...

— Что же будет потом? — спросил Путник. — Останется ли хоть что-нибудь от земли и неба?

— Потом поднимется из моря новая земля, зеленая и прекрасная, — отвечал Высокий. — И вернутся Бальдр с Хёдом, и с ним будут жить в той земле сыновья Одина, Видар и Вали, и сыновья Тора, Моды и Магни. Два человека укроются от пламени Сурта, утренняя роса служила им едою, и дети их заселят весь мир.

И Солнце породит дочь, такую же прекрасную, как мать, и дочь последует путем матери.

Ну а теперь мы сможем лишь удивляться, если ты захочешь расспрашивать нас еще дальше, ибо ни один человек не вел еще с нами такой долгой беседы.

Тут услышал Гюльви со всех сторон громкий звон и стал оглядываться по сторонам, ища выход, и вдруг увидал, что стоит в чистом поле под открытым небом, и нигде нет ни палат, ни чертога!

Пошел он назад своим путем, и пришел домой в свое королевство, и рассказал там все, что слышал и видел, а после него стало это передаваться из рода в род.

*Мед поэзии**

Все началось с вражды ванов и асов, но когда решили они примириться, то встретились, и в знак мира те и другие подошли к чаше и плюнули в нее. Из той слюны сотворен был человек, и имя ему Квасир. Он самый мудрый на земле. И нет вопроса, на который он бы не знал ответа. И много он ходил по свету и всегда учил людей мудрости.

Но карлики Фьялар и Галар заманили обманом его в гости и убили, а кровь его собрали и слили в котел Одрёдир и смешали его с медом. И стал тот напиток зваться «медом поэзии», и каждый, кто напьется из того котла, сможет слагать хорошие стихи. Асам же карлики сказали, что Квасир захлебнулся в своей мудрости.

Некоторое время погода пригласили они к себе великана Гиллинга и жену его, а затем позвали Гиллинга покататься на лодке по морю. И сделали они так, что лодка перевернулась, а великан, не умеющий плавать, утонул.

Тогда вернулись они на берег и сообщили жене великана о гибели мужа. И очень она убивалась. Карлики предложили ей поехать на море и посмотреть на место, где утонул ее муж. Она согласилась, и, когда выходила из дома, Галар бросил ей на голову мельничный жернов, ибо считали карлики, что от нее слишком много шума. И так убили они и великаншу.

---

* Пересказ Н. В. Будур.

Сын Гиллинга великан по имени Суттунг, узнав о проделках карлов, схватил их, отплыл в море и собрался было утопить их, но они предложили ему выкуп — мед поэзии. И согласился Суттунг принять такой выкуп за убитого отца, взял котел Одрёрир и спрятал его в скалах, а сторожить котел приставил дочь свою Гуннлёд.

Один как-то раз пошел на поле, где девять косцов косили луг. А были они все рабами брата Суттунга Бауги. И предложил им наточить косы. И когда справился он с этой работой, нашли косцы, что очень хорошее у него точило, и захотели купить точило. Один отвечивал, что готов продать его. Стали тогда рабы спорить, кто купит точило, и Один тогда бросил точило в воздух и сказал, что тот, кто схватит его, и станет новым владельцем точила. Бросились косцы за брусом и перерезали друг друга косами.

На ночь остался Один, который назвался Бёльверком, что значит «Злодей», у Бауги, который очень сокрушался о гибели своих косцов. И тогда Бёльверк попросился к Бауги в работники, и взялся выполнять работы девятерых, а в качестве платы попросил себе глоток меда поэзии. Бауги отвечал, что не он хозяин меда, но готов посодействовать Бёльверку и сходить с ним к брату.

Проработав у Бауги все лето, стал Бёльверк зимой требовать у него платы. И отправились они тогда к Суттунгу, но великан отказался дать Одину меда.

Тогда Бёльверк и Бауги решили заполучить глоток меда хитростью. Стал Бауги бурить скалу буравом Рати, который дал ему Бёльверк, и сказал скоро, что пробуравил скалу насквозь. Но подул Один в отверстие, и в лицо ему полетела каменная крошка. Понял он, что хочет Бауги его перехитрить, и приказал великану буравить скалу дальше. Наконец пробуравил Бауги скалу, и Один, превратившись в змея, пролез в пещеру к Гуннлёд и провел с нею три ночи, а она в награду разрешила ему отпить три глотка меда.

Выпил за три глотка Один весь мед поэзии, потом превратился в орла и улетел. Увидел Суттунг летящего орла и сразу понял, в чем дело. Принял он также обли-

чье орла и полетел в погоню. Но Один уже долетел до Асгарда и выплюнул часть меда в чашу, которую вынесли ему асы. Другую же часть выпустил через задний проход, ибо Суттунг чуть не настиг его. Тот мед собрали те, кого зовем мы «рифмоплетами».

Мед же из чаши отдал Один асам и людям, которые хорошо умеют слагать стихи.

*Похищение Идунн**

Однажды Один, Локи и Хёнир отправились в путь, шли они долго, через горы и пустыни, и вскоре проголодались. А случилось так, что не было у них с собою еды. Вскоре спустились они в одну долину и увидели там стадо быков, зарезали одного из них и решили поджарить себе мяса между двумя раскаленными камнями. Через какое-то время проверили они мясо, но то еще не прожарилось. Подождали они и вновь посмотрели, готова ли еда, но мясо оставалось сырым. Задумались они, чьи это чары. И услышали тут чей-то голос, раздававшийся прямо у них над головой. Подняли они головы и увидели орла, и был тот орел немаленький.

— Если пообещаете мне разрешить наестся мяса досыта, то я тут же сделаю так, что оно изжарится, — сказал им орел.

Они согласились, и орел накинулся на их еду. Разгневался Локи и ударил орла по спине большой палкой. А палка та пристала к спине орла, когда вздумал он подняться в воздух. И руки Локи тоже пристали к палке, так что поднялся он вместе с орлом в воздух.

Полетел орел прочь от того места, а летел он умышленно так низко, что ноги Локи задевали за верхушки деревьев и гор, и казалось Локи, что оторвутся в тот же миг его руки. Не выдержал Локи, закричал и стал молить орла отпустить его. Пообещал орел освободить коварного аса, если только согласится он выманить из Асгарда Идунн с ее яблоками. А был тот орел великаном Тьяцци и владел он великим множеством золота.

---

* Пересказ Н. В. Будур.

Согласился Локи, и тотчас освободил его орел. Вернулся Локи к своим спутникам, и ничего не случилось с ними больше до самого их возвращения в Асгард.

В условленный день выманил Локи Идунн из Асгарда, сказав ей, что нашел неподалеку в лесу яблоню с чудесными яблоками, которые обладают невиданной силой. И просил он Идунн прихватить с собою ее собственные яблоки, чтобы могли они сравнить их с найденными Локи.

Не успели они дойти до леса, как налетел на них Тьяцци в облике орла и унес Идунн с собою в Ётунхейм.

Как только исчезла Идунн, постарели асы, и очень им пришлось без нее туго. Собрались они тогда на совет и стали вспоминать, когда последний раз видел каждый из них Идунн. И оказалось, что последний раз все видели ее с Локи.

Призвали тогда асы к ответу Локи и стали грозить ему смертными пытками. Испугался Локи и пообещал вернуть Идунн, если только даст ему Фрейя свое соколиное оперение. Дала ему Фрейя оперение, и полетел Локи в Ётунхейм.

Прилетел он в палаты к Тьяцци, а того как раз не оказалось дома. Превратил тогда Локи Идунн в орех и взял в когти, а затем пустился в обратный путь.

Вернулся вскоре домой и Тьяцци и сразу обнаружил, что Идунн пропала. Превратился он в орла и бросился вдогонку за Локи.

Вышли асы на стены Асгарда — поджидают они Локи с Идунн. И вдруг увидели, что летит сокол с орехом в когтях, а его настигает орел. Быстро натаскали асы ворох стружек и, как только сокол залетел в Асгард, развели костер. Не смог орел остановиться и спалил все перья, а затем упал во владения асов. Не стали они мешкать и убили великана Тьяцци. И говорят, что это один из самых славных их подвигов.

Но была у великана дочь по имени Скади. Задумала она отомстить за отца, но асы предложили ей выкуп.

И было в договоре три условия. По первому из них могла себе выбрать Скади любого мужа из асов, но при этом она должна была выбирать его лишь по ногам. Увидела Скади красивые ноги и решила, что это пре-

красный Бальдр. Но ошиблась она — то был Ньёрд. Он-то и стал ее мужем.

По второму условию должны были асы ее рассмешить, что было делом нелегким, но удалось это сделать Локи.

По третьему условию забросил Один глаза Тьяцци на небо и сделал их двумя звездами.

*Ожерелье Брисингов**

Фрейя была богиня любви и красоты, и все асы в ней души не чаяли; она была прекраснее всех в Асгарде, и боги любили смотреть на ее прелестное лицо и слушать ее нежный голос.

Захотела она однажды, чтобы было у нее прекрасное ожерелье, и сказала о том мужу своему Оду.

— Ты и так прекрасна, — ответил Од, но Фрейя этим не удовольствовалась: она надумала отправиться к брату своему Фрейру, богу лета, чтобы тот подарил ей гирлянду цветов. Она вышла из Асгарда и отправилась в жилище Фрейра.

Все дальше и дальше шла она и вдруг очутилась в совершенно незнакомом месте. Солнечный свет уже давно погас, но все-таки было светло от ламп, которые держали в своих руках карлики, которые сновали вокруг, погруженные в кипучую деятельность: одни из них выкапывали из земли золото и драгоценные камни, другие счищали грязь, приставшую к ним, и шлифовали их, пока они не начинали блестеть и сиять; четыре карлика сидели совсем отдельно и составляли из камней великолепное ожерелье.

«Что за прелестная вещь, — подумала Фрейя. — Если бы мне только удалось получить ее!» И чем больше она об этом думала, тем больше хотелось ей получить ожерелье. И она попросила карликов подарить ей украшение.

— Ты получишь ожерелье даром, — отвечали они, но затем добавили со зловещим смехом: — Но именно эти камни и принесут тебе несчастье!

---

* Пересказ Н. В. Будур.

Фрейя не послушала карликов, взяла ожерелье и поспешила с ним прочь из пещеры, ибо была она в горе, в глубине земли, и принадлежала та пещера карликам Брисингам, а украшение их звалось «ожерельем Брисингов».

Оказавшись в Асгарде, она успокоилась, но ее томили тяжелые предчувствия.

Дома же обнаружила, что пропал ее муж Од. С позволения Одина отправилась она на его поиски в своей колеснице, запряженной двумя кошками.

Долго искала она Ода — в Мидгарде, под землей в Нифльхейме и даже в Утгарде, но и там никто не видел и не слышал о ее муже. Много плакала бедная Фрейя, и когда ее слезы падали и проникали в землю, обращались они в сверкающее золото.

В конце концов печальная богиня вернулась одна в свои палаты.

Однажды ночью страж Асгарда Хеймдалль услышал тихие, точно кошачьи, шаги возле чертога Фрейи.

Подойдя к палатам, Хеймдалль увидел, что это был Локи. Он тихо пробрался к ложу Фрейи и хотел снять ожерелье, но, увидев, что богиня лежит на замочке и ожерелье никак нельзя расстегнуть, не разбудив ее, он превратился в комара, пополз по подушке и укусил богиню. Она повернулась, и Локи похитил ее ожерелье и бросился прочь из чертога.

Когда же он обнаружил, что за ним гонится Хеймдалль, Локи обратился в пламя. Но Хеймдалль стал проливным дождем. Тогда быстрый и осторожный Локи превратился в медведя, чтобы проглотить дождь. Хеймдалль тогда тоже превратился в медведя, и начался жестокий бой. Наконец бог дождя победил и заставил злобного Локи отдать ожерелье Фрейи.

Вся земля сочувствовала горю бедной, одинокой Фрейи; листья падали с деревьев, яркие цветы увядали и певчие птицы улетали прочь.

Снова отправилась прекрасная богиня разыскивать Ода. И наконец удалось ей отыскать его, но ожерелье Брисингов принесло еще много несчастий.

*Почему золото называют «волосами Сив»?**

Как-то раз Локи втайне сделал очередную свою пакость: срезал все волосы с головы Сив. Как только Тор увидал это, схватил он Локи и уже готов был переломать ему кости, да тот поклялся, что добьется от черных альвов, чтобы они сделали для Сив волосы из золота, которые росли бы как настоящие. После этого отправился Локи к карликам — сыновьям Ивальди, и они сделали такие волосы, а еще сделали корабль Скидбладнир и копье Одину, что зовется Гунгнир.

После того поспорил Локи с карликом Брокком и даже поставил в заклад свою голову, что брат Брокка, Эйттри, не сделает еще трех столь же драгоценных сокровищ. Пришли они в кузницу, и Эйттри положил в горн свиную шкуру и велел Брокку раздувать огонь, не переставая работать мехами, пока не вынет он из горна того, что туда положил. Вслед за тем Эйттри вышел из кузницы.

Брокк взялся за мехи, и вдруг муха села ему на руку и стала кусать, но он работал по-прежнему и не остановился, пока кузнец не вынул из горна выкованной вещи, и был это вепрь с золотою щетиной.

Потом кузнец положил в горн золото и опять велел брату раздувать огонь, не выпуская мехов из рук, пока он не вернется в кузницу. Вышел он из кузницы, и снова влетела муха, села Брокку на шею и стала кусать его вдвое сильнее, чем прежде; но он по-прежнему продолжал работать мехами, пока кузнец не вынул из горна золотого кольца, которое зовется Драупнир.

В третий раз положил кузнец в горн железо и сказал, что все пропало, если брат его остановится хоть ненадолго. Снова влетела муха, села Брокку между глаз и стала кусать веки, и когда кровь залила Брокку глаза, так что он ничего больше не видел, он, бросив мехи, быстро взмахнул рукой и прогнал муху. Тут вошел кузнец и сказал, что чуть было не пропала даром его работа. И вынул он из горна молот и, отдав брату своему Брокку все выкованные сокровища, просил его отправиться в Асгард, чтобы разыскать заклад.

---

* Пересказ Е. Балабановой и О. Петерсон в редакции Н. В. Будур.

И вот представили Локи и карлик сокровища, и собрались асы на совет и решили, что приговор вынесут Один, Тор и Фрейр. Тогда Локи отдал Одину копье Гунгнир, которое разит, не зная преграды; Тору — волосы для Сив, которые тотчас приросли к ее голове, стоило их только приложить; а Фрейру — корабль Скидбладнир, которому всегда дует попутный ветер, и корабль этот мог складываться, как плат, и помещался в кошеле.

Выложил тогда и Брокк свои сокровища: Одину дал он кольцо и сказал, что в каждую девятую ночь капают из него восемь колец, равных ему по весу; Фрейру дал вепря, который мог бежать по воздуху и по водам, не останавливаясь, день и ночь быстрее любой лошади, и даже ночью не сыскать столь глубокой тьмы в небе, которая не просияла бы от блеска его щетины. Тору дал карлик молот и сказал, что молотом можно бить с какою угодно силой и по любой цели, и молот никогда не даст промаха и всегда вернется обратно в руку; а если Тор пожелает, молот делается так мал, что можно будет носить его за пазухой; один только есть в нем изъян — рукоять его коротка.

И решили асы, что молот — лучшее из всех сокровищ и самое подходящее оружие для борьбы с инеистыми великанами, и рассудили они, что карлики выиграли заклад.

Стал тогда Локи просить, чтобы позволили ему выкупить свою голову, но карлы отвечали, что на это и надеяться нечего. «Тогда ловите меня!» — крикнул Локи. Хотел Брокк схватить его, но Локи был уже далеко: у Локи были башмаки, в которых он мог бегать по воздуху и по водам. Тогда карлик попросил Тора поймать Локи, и Тор исполнил его просьбу, но лишь только собрался Брокк отрубить Локи голову, как Локи заспорил, говоря, что Брокку принадлежит голова, но никак не шея. Взял тогда карлик ремень и нож и хотел проколоть губы Локи, чтобы зашить ему рот, но как ни колол он ножом, нож никак не резал! «Пригоднее было бы тут шило моего брата», — сказал он и не успел помянуть шила, как оно было уже тут, и он без труда зашил рот Локи. Ремень же, что послужил Брокку для этого, зовется Вартари, но Локи вырвал его с мясом.

*Путешествие Тора в Страну Великанов**

Выехал Тор на своей колеснице, запряженной козлами, и поехал с ним Локи. Под вечер завернули они к дому одного человека и остались там ночевать. Вечером взял Тор своих козлов, что были запряжены в колесницу, и обоих зарезал. Потом, освежив их, положил мясо в котлы. Когда же кушанье было готово, Тор и Локи уселись за ужин и пригласили к столу крестьянина со своей семьей: с женой, сыном и дочерью. Мальчика звали Тьяльви, а девочку Рёсква. После ужина расстелил Тор козлиные шкуры по полу и велел крестьянину и его домочадцам кидать кости съеденных козлов в те шкуры. Так они и сделали. Но сын крестьянина Тьяльви взял бедренную кость и, достав свой нож, расколол ее и выковырял мозг.

Переночевав, на рассвете встал Тор и оделся. Захватив свой молот Мьёлльнир, вышел он из дома и, подняв молот, освятил им шкуры с костями, и козлы встали как живые; только один из них хромал на заднюю ногу. Увидел это Тор и начал бранить крестьянина, говоря, что напрасно домочадцы его так неосторожно обошлись с костями козлов: Тор понял, что кто-то сломал берцовую кость.

Нет нужды даже рассказывать, как испугался крестьянин, видя, что Тор грозно сдвинул брови: от одного взгляда аса едва не упал он на землю от ужаса. Схватив молот, Тор так сжал его в руках, что даже пальцы побелели. Тут крестьянин и все его семейство подняли крик и плач и стали просить пощады, предлагая за охромевшего козла все свое достояние.

Увидел Тор их страх, и гнев его поулегся. В знак примирения взял он детей крестьянина — Тьяльви и Рёкву — к себе на службу, и с тех пор они неотлучно сопровождают его.

Оставив там своих козлов, отправился Тор в Ётунхейм — Страну Великанов — и шел до самого моря. Переправившись через море, выбрался он на берег вместе со своими спутниками — Локи, Тьяльви и Рёсквой.

---

* Пересказ Е. Балабановой и О. Петерсон в редакции Н. В. Будур.

Вскоре подошли они к большому лесу и шли этим лесом весь день, до самых сумерек. Никто на земле не мог поспорить в скорости с Тьяльви; он нес мешок Тора, а еды у них было немало.

Когда стемнело, стали они искать себе на ночь пристанище и набрали вдруг на очень просторный дом. С одной стороны был у него вход — шириною во всю стену. И там-то, около входа, под крышей, и устроились они на ночлег. Но среди ночи случилось большое землетрясение, земля задрожала, и весь дом заходил ходуном. Позвал тогда Тор своих спутников, стали они осматриваться и нашли по правую сторону дома еще и пристройку. Когда вошли они туда, Тор встал у входа, а спутники его забились в угол. Все были страшно напуганы, и Тор держал наготове свой молот, чтобы защищаться. Всю ночь слышали они громкий шум. Как только наступил день, вышел Тор из хижины и увидел неподалеку в лесу спящего человека далеко не малого роста; во сне он ужасно храпел. Понял тогда Тор, что за шум слышали они ночью. Подпоясался Тор своим Поясом Силы, и возросла его сила аса. Но тут великан проснулся и поднялся на ноги, и говорят, у Тора на этот раз не хватило-таки духу ударить его молотом. Спросил его Тор об имени, и назвался тот Скрюмиром.

— Мне же — заговорил великан, — нет нужды спрашивать о твоём имени — и так знаю я, что ты ас Тор. Скажи-ка, не ты ли уволок куда-то мою рукавицу?

Протянул Скрюмир руку и поднял свою рукавицу с земли. Увидел тогда Тор, что она-то и послужила им пристанищем на ночь; за пристройку же приняли они палец той рукавицы.

Спросил Скрюмир, не желает ли Тор стать его попутчиком, и Тор согласился. Взял тогда Скрюмир свой дорожный мешок, развязал его и приготовился завтракать; Тор тоже расположился в сторонке со своими спутниками. Позавтракав, предложил Скрюмир сложить всю еду вместе, в один мешок. Тор согласился. Сложил Скрюмир все припасы в свой мешок и взвалил его себе на спину. Весь день шел он впереди огромными шагами. Под вечер он выбрал место для ночлега под большим дубом.

— Я лягу теперь и засну, — сказал Скрюмир Тору, — а вы возьмите мешок с припасами и поужинайте.

Лег Скрюмир под дубом и сейчас же заснул и громко захрапел, а Тор взял его дорожный мешок и принялся развязывать. Однако, хотя это может показаться невероятным, не удалось ему развязать ни одного узла, ни одного ремня ослабить. Видя, наконец, что все труды его тщетны, Тор рассердился, обеими руками схватил свой молот Мьёлльнир и бросил его в голову Скрюмира.

— Что это за листок упал мне на голову? — спросил Скрюмир, просыпаясь. — Что, вы уже поужинали и устроились на ночлег?

Тор отвечал, что они сейчас лягут. Отошли они немного и прилегли под другим дубом, но спать, казалось им, было небезопасно.

В полночь услышал Тор, что Скрюмир храпит так, что гул идет по лесу. Встал он тогда и подошел к великану, изо всех сил замахнулся молотом и ударил Скрюмира прямо в темя: глубоко в голову вошел молот. Скрюмир тут же проснулся.

— Что это еще? Неужели желудь упал мне на голову? А что же ты все не спишь, Тор?

Тор поспешно отбежал от него и сказал, что только проснулся — а было это в полночь — и что можно еще долго спать, а потом лег снова, поджидая, когда Скрюмира опять сморит сон. Незадолго до рассвета услышал Тор, что великан вновь захрапел. Встал тогда Тор, подбежал к великану и что было мочи ударил молотом прямо в висок — так, что молот засел по рукоять.

Проснулся Скрюмир, потер висок и сказал:

— Должно быть, какая-то птица сидит надо мной в ветвях дерева. Мне показалось, что какой-то сучок упал мне на голову. Что же ты не спишь, Тор? Уж не пора ли вставать? Теперь вам уже недалеко до селения, что зовется Утгард. Слышал я, как перешептывались вы о том, что человек я немалого роста, но если попадете вы в Утгард, то увидите там людей еще больше меня. Я дам вам один полезный совет: не держите себя там надменно — стража нашего конунга Утгарда-Локи не потерпит насмешек от мелюзги! Если хотите добраться туда,

не сбиваясь с пути, держите все на восток. Мне же путь лежит на север.

Взял Скрюмир дорожный мешок, вскинул его себе на спину и без дороги зашагал через лес.

Тор со своими спутниками пошли по указанной тропе и шли так до полудня; тут увидали они на поляне большой город. Им пришлось совсем запрокинуть головы, чтобы смерить его взглядом. Подошли они к городу и увидали железные решетчатые ворота, запертые изнутри. Подошел Тор к решетке, но никак не мог сладить с замком, — и поскольку они непременно хотели пробраться в город, пришлось им пролезть между прутьями той решетки.

За воротами увидали они большие палаты; они зашли внутрь и увидали на двух длинных скамьях множество великанов свирепого вида. Тор со спутниками подошли к конунгу Утгарда-Локи и приветствовали его. Недружелюбно посмотрел на них конунг, заскрежетал зубами и сказал так:

— Теперь уже поздно допытываться, как вы попали сюда, разве есть еще какой-нибудь путь, которого я не знаю? Неужели этот коротышка — сам Тор? Думал я раньше, что должен ты быть поболее ростом! И в каком же искусстве берутся показать себя твои спутники? Каждый, кто только приходит сюда к нам, должен владеть искусством или умением, в котором он превосходил бы других.

На это отвечал ему Локи, вошедший последним:

— Я владею одним искусством и готов доказать на деле, что никто из сидящих здесь не съест доли своей быстрее меня!

— И то искусство, — отвечал Утгарда-Локи, — и следует испытать тебя в этом деле.

И крикнул он, чтобы человек, сидевший на дальнем конце скамейки, по имени Логи, что значит «Пламя», вышел вперед и вступил в состязание с Локи.

Принесли корыто, поставили его на пол посреди зала и наполнили мясом. По концам корыта сели Локи и Логи и принялись есть мясо каждый со своей стороны и встретились лицом к лицу как раз посреди корыта. Оказалось, что Локи съел все мясо, оставив одни только ко-

сти, а Логи съел не только мясо, но и кости, а с ними и корыто. И все нашли тут, что Локи проиграл состязание.

— А ты в какой игре мастер? — спросил Утгарда-Локи у Тьяльви.

Тьяльви отвечал, что готов бегать взапуски с каждым, с кем только прикажет Утгард-Локи.

— Хорошее это искусство, — сказал Утгарда-Локи и приказал поскорее начинать состязание.

Вышли они все из зала в открытое поле, вызвал Утгарда-Локи из своей стражи начальника по имени Хуги, что значит «Мысль», и велел ему состязаться в беге с Тьяльви. Побежали они в первый раз, и Хуги, обогнав Тьяльви, повернул назад и побежал ему навстречу.

— Надо тебе еще поднатужиться, Тьяльви, если ты хочешь выиграть игру, — произнес Утгарда-Локи, — но правду сказать, сюда не заходил еще ни один человек, который был бы быстрее тебя на ногу.

Побежали они во второй раз, и, когда Хуги, добежав до конца поля, оглянулся назад, Тьяльви был еще далеко позади.

— Хорошо бегают Тьяльви, как я погляжу, — сказал Утгарда-Локи, — но не думаю, чтобы удалось ему выиграть игру. Пусть же бегут они теперь в третий раз.

Побежали они снова, и на этот раз, когда Хуги, добежав до конца поля, оглянулся, Тьяльви не пробежал еще и половины. И объявили тогда, что состязание окончено.

Спросил, наконец, Утгарда-Локи, каким искусством хочет похвастаться перед ними сам Тор: ведь люди много говорят о его богатырской силе и славных его подвигах.

Тор отвечал, что всего охотнее стал бы он состязаться с кем угодно в питье.

— Устроить это нетрудно, — отвечал Утгарда-Локи и, войдя в зал, приказал подать штрафной рог, из которого обычно пьют его люди. Сейчас же вошел стольник и подал Тору рог.

— Хорошо пьет тот, кто выпивает этот рог с одного глотка, — сказал Утгарда-Локи. — Некоторые у нас выпивают его в два глотка, и нет никого, кто не допил бы его до дна с третьего раза.

Посмотрел Тор на рог, и показался он ему невелик, хоть и длинен изрядно, и почувствовал Тор сильную жажду. Взял он рог и сделал огромный глоток, думая, что никак не придется прикладываться к рогу во второй раз. Но когда перехватило у него дыхание, и поднял он голову, оказалось, что едва только отпил он от краев.

— Хорошо ты пил, — сказал Утгарда-Локи, — но не слишком много. Не поверил бы я, если бы мне сказали, что не в силах Тор выпить больше. Я уверен, что ты пожелаешь попытаться еще раз!

Ничего не ответил Тор, приложился губами к рогу и стал пить, сколько хватит дыхания, надеясь на этот раз выпить больше. Тут он заметил, что конец рога не поднимается так высоко, как он бы желал. Когда же отнял он рог ото рта, стало видно, что теперь только открылись края рога.

— Что ж это, Тор? — сказал Утгарда-Локи. — Неужели не можешь ты выпить больше? Если ты приложишься к рогу еще раз, то постарайся выпить побольше, а то мы здесь не станем считать тебя столь великим героем, каким почитают тебя асы, разве что ты отличишься еще в чем-нибудь.

Рассердился Тор, приложился к рогу и стал пить во всю мочь, и убыло тогда в роге, хоть и ненамного. Тогда отбросил он рог и больше пить не захотел.

— Теперь ясно, что этот ас вовсе не так могуч, как мы думали, — сказал Утгарда-Локи. — Не хочешь ли ты попытаться счастья в какой-нибудь другой игре, Тор?

— Я готов состязаться в любой игре, — отвечал Тор, — но странным показалось бы мне, если бы дома, среди асов, такие глотки назвали бы маленькими. Какую же игру ты мне предложишь теперь?

— Есть здесь у нас мальчишки, — заговорил Утгарда-Локи, — которые сочли бы пустячным делом поднять с пола мою кошку. Я не стал бы об этом и говорить с Тором, если бы не убедился сейчас, что ты не так могуч, как я думал.

Тут появилась в зале серая кошка и ростом немаленькая. Подошел к ней Тор, подхватил его руками поперек туловища и хотел было поднять, но кошка толь-

ко выгнулась дугой; поднатужился Тор, как только мог, и подняла тогда кошка одну только лапу!

— И эта игра окончилась так, как я ожидал, — сказал Утгарда-Локи. — Мой кот очень велик, а Тор мал ростом и слабосилен; не справиться ему с нашими великанами.

— Как ни мал ростом я, по твоим словам, — перебил его Тор, — но пусть любой из вас выходит бороться со мной: теперь я разозлился!

— Не вижу здесь никого, кто счел бы стоящим делом с тобой схватиться, — отвечал Утгарда-Локи, окидывая взглядом скамьи. — Позовите-ка сюда женщину, няньку мою, Элли — Старость, — пусть поборется с нею Тор, если хочет; побеждала она людей, которые казались мне не слабее Тора.

Как только сказал он это, вошла в зал старуха, и приказал ей Утгарда-Локи начать борьбу с Тором. Нет нужды долго рассказывать: чем сильнее напирал Тор, тем тверже держалась старуха; когда же она, в свою очередь, начала напирать на Тора, он едва мог устоять, а скоро упал на одно колено. Тут подошел Утгарда-Локи и велел прекратить борьбу, да сказал еще, что Тору теперь нет нужды вызывать на борьбу кого-нибудь из великанов. К тому времени совсем стемнело, и Утгарда-Локи указал путникам их места для ночлега и обошелся с ними очень радушно.

Наутро, едва рассвело, Тор и его спутники встали, оделись и начали собираться в обратный путь. Тут пришел Утгарда-Локи и усадил их за стол: не было недостатка в еде и напитках. Поевши, пустились они в путь, Утгарда-Локи пошел проводить их до ворот. Заговорил Утгарда-Локи на прощание с Тором и спросил, понравилось ли ему путешествие и удалось ли ему встретить кого-нибудь посильнее себя.

— Не могу я сказать, чтобы не потерпел я у вас большого унижения, — отвечал Тор. — Знаю, что вы будете отныне считать меня слабым, и это мне очень не по душе.

— Ну что же, когда ушел ты из нашего города, скажу тебе правду, — молвил тогда Утгарда-Локи. — И пока я жив, сделаю все, что в моей власти, чтобы никогда ты больше не попал к нам. Да и ныне ты не попал бы к нам, если б только я знал, как велика твоя сила. Ты чуть не

причинил нам великих бед: мне удалось отвратить их лишь с помощью чар. В первый раз встретился я с вами в лесу, и, когда пришлось тебе развязывать мой узел, не знал ты, что он был стянут колдовским железом, а не ремнями, и оттого только ты не мог развязать его. Когда же потом ты нанес мне своим молотом три удара, из которых первый же уложил бы меня на месте, если б настиг, я заслонился невидимой для тебя скалой, той самой, что стоит возле моих палат, и на ней теперь три глубокие четырехугольные впадины, и последняя всех глубже. То же было и в состязаниях ваших с моими людьми: Логи, состязавшийся в еде с Локи, был сам природный огонь, он не поглотил, а спалил пришедшееся на его долю мясо, кости и даже корыто. Хуги, который бегал взапуски с Тьяльви, был моей мыслью, и немудрено, что Тьяльви не мог обогнать ее. Когда же ты принялся пить из рога и думал, что выпил так мало, — то было чудо, которому не мог бы я поверить, коли не случилось бы оно на моих глазах; нижний конец рога уходил в море, и, когда придешь ты на морской берег, сам удивишься, как много ты выпил. Теперь это зовется отливом. Назвал я нетрудным делом поднять мою кошку, а между тем ты всех нас привел в ужас, приподняв с земли одну ее лапку, потому что кошка эта была самым Мировым Змеем, плотным кольцом обвивающим всю землю: а тут туловище его поднялось над землей, и он касался ее лишь головой и хвостом; ты же, приподнимая его, взмахнул рукой чуть не до самого неба. Не меньшим чудом был и твой поединок с Элли, в котором ты не сдавался так долго, да и сдавшись, упал лишь на одно колено: Элли была сама старость, и нет и не будет никого в мире, кто бы не сдался ей, когда придет его время. Теперь же, скажу я, пора нам расстаться, и для нас всех будет лучше, если вы не станете больше искать встречи со мной.

Выслушав эти речи, схватил Тор свой молот и высоко замахнулся им, готовясь нанести удар, но Утгарда-Локи исчез; оглянулся тогда Тор на город, собираясь разгромить его своим молотом, но на месте города увидел только широкое поле. Повернул он тогда назад и пошел своим путем и шел, пока не добрался до Трудвангара, своих владений.

*Смерть Бальдра и казнь Локи**

Бальдру Доброму стал сниться зловещий сон, предрекавший ему смерть. Когда рассказал он свой сон остальным асам, собрались они на совет и решили ограбить Бальдра от всякой опасности. И Фригг взяла клятву со всего сущего — с огня и воды, железа и других руд, с камней, земли, деревьев, болезней, животных, птиц, ядов и змей в том, что они не тронут Бальдра.

И на радостях затеяли асы с Бальдром игру: он стоял посреди поля тинга, а все остальные асы нападали на него — одни стреляли в Бальдра, другие рубили секирами, третьи бросали в него камнями. Но, что ни делали они, ничто не причиняло ему вреда, и все асы радовались, считая это добрым знаком.

Видел все это Локи, сын Лаувеи, и пришлось ему не по нраву, что ничто не вредит Бальдру. Пошел он в Фенсалир, во дворец Фригг, приняв личину женщины. Увидев женщину, Фригг спросила, не знает ли та, что делают асы на тинге. Женщина отвечала, что все они нападают на Бальдра, но ничто не может повредить ему.

— Никакое оружие и ни одно растение не может причинить вреда Бальдру, — сказала Фригг, — со всех взяла я в том клятву.

— Неужели все на свете поклялись щадить Бальдра? — спросила женщина.

— На запад от Вальгаллы, — отвечала Фригг, — растёт молодой побег, который зовут омелой; он ещё слишком молод, чтобы брать с него клятву.

Услыхав это, женщина сейчас же поторопилась уйти.

Локи разыскал кустик омелы, вырвал его с корнем и поспешил на тинг. Там все ещё толпились асы, занятые игрою, и один только Хёд стоял в стороне, потому что был слеп.

— Почему не метнешь ты чем-нибудь в Бальдра? — спросил его Локи.

— Потому что я не вижу, где Бальдр, а также и потому, что нет у меня оружия.

---

* Пересказ Е. Балабановой и О. Петерсон в редакции Н. В. Будур.

— Делай то же, что делают другие, и окажи Бальдру такой же почет, — сказал Локи. — Я покажу тебе, где он стоит, метни в него вместо стрелы этот прут.

Хёд взял ветку омелы и метнул ее в Бальдра, как указывал ему Локи. Стрела попала в цель, и Бальдр мертвым пал на землю, и было это величайшим несчастьем для всех асов и людей.

Когда Бальдр упал, асы онемели, потом бросились к нему, чтобы его поднять, и тут только поняли, что постигла их беда, за которую нельзя даже мстить, ибо то место было для всех священно. Когда же вернулся к асам голос, подняли они великий плач, ибо не в силах были выразить в словах свое горе. Сильнее всех горевал Один: лучше других сознавал он, как много теряли асы со смертью Бальдра.

Наконец стали асы приходить в себя понемногу. Тогда спросила Фригт, кто из асов желал бы снискать ее любовь и расположение и согласился бы поехать в Хель и попытаться выкупить Бальдра. И вызвался исполнить это Хермод, быстрый и отважный сын Одина. Вывели Слейпнира, коня Одина, и Хермод, вскочив на него, пустился в путь.

Тем временем асы подняли тело Бальдра и отнесли его на берег моря. Там стоял корабль Бальдра — величайший из кораблей; приготовив на нем погребальный костер, хотели асы спустить корабль на воду, но не могли сдвинуть его с места. Тогда послали они в страну великанов за одной великаншей по имени Хюрроккин.

Она явилась верхом на волке, взнузданном змеєю. Когда спрыгнула она наземь со своего коня, Один позвал четырех берсерков* и поручил им волка великанши, но даже они были не в силах его удержать, пока не удалось им свалить его. Между тем великанша Хюрроккин подошла к носу корабля Бальдра и с такой силой толкнула его, что корабль сразу сдвинулся с места, искры посыпались из-под его катков, и вся земля содрогнулась. Досадно стало Тору, в гневе схватился он было

---

* Берсерк — свирепый воин, который в битве приходил в иступление и делался нечувствительным к боли.

за свой молот и, наверно, размогзил бы голову великанше, если бы асы не попросили пощадить ее.

После того перенесли на корабль тело Бальдра, и лишь увидела это жена Бальдра, Нанна, дочь великана Непа, разорвалось у нее сердце от горя, и она умерла. Тогда и ее тело перенесли на корабль и разожгли погребальный костер. Когда все было готово, подошел Тор и, подняв в воздух молот, освятил корабль; один карлик по имени Лит пробежал в это время неподалеку, и Тор пихнул его ногою в костер, и он сгорел.

Много разного народу сошлось у костра. Первым пришел Один, а с ним его жена Фригг, его валькирии и его вороны. Фрейр приехал на колеснице, запряженной вепрем Золотая Щетина, или Страшный Клык; Фрейя — на колеснице, запряженной кошками. Хеймдалль ехал верхом на коне Золотая Челка. Пришло множество горных великанов и инеистых великанов. Один положил на костер свое золотое кольцо Драупнир, обладавшее чудесным свойством: на каждую девятую ночь из него выпадало восемь таких же колец. На костер возвели и коня Бальдра в полной сбруе.

Теперь надо рассказать о Хермоде. Ехал он девять ночей такими глубокими ущельями и пропастями, что ничего не видел, пока не выехал к мосту, перекинутому через реку Гьёлль; мост этот был вымощен блестящим золотом. Сторожила мост дева по имени Модгуд. Она спросила, как звать приезжего и какого он рода, и прибавила, что за день до того по этому мосту проехало пять тысяч мертвецов, а между тем мост не меньше гудел под ним одним. Она сказала, что и лицом он не похож на мертвого; спросила, зачем же едет он по дороге в Хель.

— Должен я ехать к Хель, искать у нее Бальдра, — отвечал Хермод, — не видала ли ты его здесь?

Она отвечала, что Бальдр действительно проехал здесь по мосту через реку Гьёлль и что путь к Хель лежит по мосту и все вниз.

Поехал Хермод дальше и добрался до ворот в Хель. Тут он спешился, затянул коню подпругу, снова вскочил на него и так пришпорил, что конь на всем скаку перепрыгнул ворота, да так высоко, что вовсе их не задел.

Подъехал тогда Хермод ко дворцу Хель и сошел с коня. Вошел он в зал и увидел там на почетном месте брата своего, Бальдра, провел с ним весь день и остался во дворце Хель ночевать. Наутро стал он просить Хель отпустить Бальдра домой, рассказывая, какой великий плач подняли по нем асы.

Хель же ответствовала, что нужно проверить, правда ли так любим всеми Бальдр, как говорил Хермод. И если все, что ни есть на земле живого иль мертвого, будет оплакивать Бальдра, то отпустит она его назад к асам, но он останется у нее, если хоть кто-нибудь не будет по нем плакать.

Встал тогда Хермод со своего места, и Бальдр вывел его из дворца и, прощаясь, снял кольцо Драупнир и послал его на память Одину; Нанна же послала Фригт свое покрывало и многие другие подарки, а служанке Фригт, Фулле, золотой перстень.

Поехал Хермод обратно в Асгард и рассказал о том, что видел и что слышал.

Асы сейчас же разослали гонцов по всему свету просить всех оплакивать Бальдра и слезами выкупить его у Хель. И все плакало по нем — люди и звери, земля и камни, деревья и всякие металлы. Но в то время как гонцы, исполняя свое поручение, обходили весь мир, нашли они в глубокой пещере какую-то великаншу; звали ее Тёкк — «Благодарность». Стали они и ее упрашивать оплакивать Бальдра, чтобы выкупить его у Хель, но великанша отвечала: «Сухими слезами согласна я оплакивать Бальдра — пусть Хель удержит у себя то, что ей досталось! Мне он не нужен!»

Думают, что был это сам Локи, сын Лаувейи, причинивший асам величайшее зло.

Когда прознали асы об этих словах, велик был их гнев, и Локи поспешил скрыться в горах. Там построил он себе дом с четырьмя дверями, чтобы было ему видно на все четыре стороны. Днем часто обращался он в лосося и плавал в водопаде, носившем название Франангр. Нередко раздумывал он, сумеют ли асы поймать его в водопаде. Раз, когда сидел он в своем доме перед огнем, взял он льняную бечеву и стал связывать ее петлями, как плетут с тех пор сети, увидел он, что асы уже недалеко: Один разглядел, где укрылся Локи, сидя на

своем престоле Хлидскьяльв. Локи сейчас же бросил в огонь сеть, а сам кинулся в реку.

Когда асы приблизились к дому, первым зашел внутрь мудрейший из спутников, Квасир, и, увидав в огне пепел сгоревшей сети, рассудил он, что это снаряжение для ловли рыбы, и сказал о том асам. Асы достали льняной бечевы и сплели себе сеть так, как видно было по пеплу, а после пошли к реке и закинули сеть перед самым водопадом. Один конец взял Тор, другой — все асы вместе и стали тащить сеть. Но Локи проплыл вперед, бросился вниз и спрятался между двумя камнями. Протащили асы над ним сеть и почувствовали, что там прячется кто-то. Вытащили они сеть, зашли с другой стороны и опять закинули ее. Поплыл Локи перед сетью, но скоро увидал, что уж близко море, и перепрыгнул через сеть и поплыл назад в водопад. На этот раз асы видели, куда он делся; поднялись они опять к водопаду, Тор встал посреди реки, а остальные вновь потащили сеть к морю.

Увидал Локи, что надо ему или прыгнуть в море, а это опасно, или же перескочить через сеть; он перепрыгнул через сеть стремглав. Но Тор схватил его, хотя Локи чуть было не выскользнул у него из рук; Тор успел его удержать лишь у самого хвоста. Оттого-то лосось сзади узкий.

Локи был пойман и не мог надеяться на пощаду. Отнесли его асы в одну пещеру, затем взяли три плоских камня и поставили на ребро, в каждом пробив по отверстию. Потом захватили они сыновей Локи — Вали и Нарви — и превратили Вали в волка. Волк бросился на Нарви и растерзал его. Тогда асы связали Локи кишками сына его Нарви и положили на камни так, чтобы один из них подпирал ему плечи, другой поясницу, а третий колени. И путы эти превратились в железо.

Тогда Скади взяла ядовитую змею и повесила ее над Локи, чтобы змеиный яд капал ему на лицо. Но Сигюн, жена Локи, сидит с тех пор подле него и подставляет под капли яда чашу, и только тогда, когда чаша переполняется и Сигюн отходит, чтобы вылить яд, капли падают на лицо Локи и он так корчится от боли и пытается порвать свои путы, что земля содрогается. Люди зовут это землетрясением. Так будет лежать Локи до дня гибели мира.

ИЗБРАННАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

- Арениус С.* Представление о мироздании на протяжении веков. М., 1911.
- Арнаутова Ю. Е.* Колдуны и святые. М., 2003.
- Берсерки. Из «Очерков Севера». Извлечение из «Саги о Герфорде» // Московский наблюдатель. 1836. Ч. 7. № 7.
- Браун Ф. А.* Лекции по истории всеобщей литературы. СПб., б/г.
- Будур Н. В.* Викинги. Пираты Севера. М., 2005.
- Будур Н. В.* История костюма. М., 2001.
- Будур Н. В.* Руническая магия. М., 2001.
- Булгарин Ф.* Россия в историческом, статистическом, географическом и литературном отношениях. Ч. 1. СПб., 1857.
- Буслаев Ф.* Исторические очерки русской народной словесности и искусства. В 2 т. СПб., 1861.
- Веселовский А. Н.* Русские и вильгинги в саге о Тидреке Бернском (Веронском). СПб., 1906.
- Веселовский А. Н.* Теория поэтических родов в их историческом развитии. Ч. 1. СПб., 1884—1885.
- Викинги. Набеги с Севера. М., 1998.
- Ганзен П.* Мифология Севера и ее влияние на характер, нравы и обычаи древних северян // Русский вестник. СПб., 1896. Т. 245. № 7.
- Гедеонов С.* Варяги и Русь. СПб., 1876.
- Глазырина Г. В.* Исландские викингские саги о северной Руси. М., 1996.
- Горн Ф. Н.* История скандинавской литературы от древнейших времен до наших дней. М., 1894.
- Грановский Т.* Иомсбург и Винета. М., 1845.
- Грановский Т.* Песни Эдды о Нифлунгах. М., 1851.
- Гранстрём Э.* Цари морей. Открытие Америки норманнами в 1000 году. СПб., 1896.
- Грот Я. К.* Труды / Под ред. К. Я. Грота. Т. 1. Из скандинавского и финского мира. Очерки и переводы. СПб., 1898.
- Гуревич А. Я.* Избранные труды в 4 т. М.; СПб., 1999.
- Гуревич А. Я.* История и сага. М., 1972.
- Гуревич А. Я.* Норвежское общество в раннее средневековье. М., 1977.
- Гуревич А. Я.* Походы викингов. М., 1966.
- Гуревич А. Я.* Средневековый мир и культура безмолвствующего большинства. М., 1990.
- Гуревич А. Я.* «Эдда» и сага. М., 1979.
- Гуревич Е. А., Матюшина И. Г.* Поэзия скальдов. М., 2000.
- Далин О.* История шведского государства. СПб., 1805.
- Даниельсен Р., Дюрвик С., Грёнли Т., Хелле К., Ховланн Э.* История Норвегии. От викингов до наших дней. М., 2003.
- Джаксон Т. Н.* Исландские королевские саги о Восточной Европе. М., 1993.
- Джаксон Т. Н.* Четыре норвежских конунга на Руси. М., 2000.
- Древнерусские города в древнескандинавской письменности. М., 1987.

Древнескандинавские письменные источники. Петрозаводск, 1990.

Дюмезиль Ж. Верховные боги индоевропейцев. М., 1986.

Жирмунский В. М. История западноевропейской литературы. Раннее средневековье и Возрождение. М., 1947.

Западноевропейская средневековая словесность. М., 1985.

Зелинский Д. Идея богочеловека в греческой и германской саге // Вестник Европы. СПб., 1910.

Из ранней истории шведского народа и государства: первые описания и законы. М., 1999.

Иловайский Д. Разыскания о начале Руси. Вместо введения в русскую историю. М., 1876.

Ингстад Х. По следам Лейва Счастливого. Л., 1969.

Исландские саги. М., 1956.

Исландские саги. М., 2000.

Исландские саги. В 2 т. Л., 1999.

Исландские саги. Ирландский эпос. М., 1973. (БВЛ)

История боевых искусств. Колыбель цивилизации. М., 1996.

История всемирной литературы. М., 1984. Т. 2.

История всемирной литературы в общих очерках, биографиях, характеристиках и образцах. СПб.; М., 1882. Ч. 4.

История географических знаний и открытий на Севере Европы. Л., 1973.

История Норвегии. М., 1980.

Кан А. С. История скандинавских стран. М., 1971.

Кан А. С. Швеция и Россия в прошлом и настоящем. М., 1999.

Карлейль Т. Герои и героическое в истории. СПб., 1898.

Карпушина С. В. Лингвострановедение Норвегии. М., 2005.

Квеннелъ М. и Ч. Г. Б. Повседневная жизнь в Англии во времена англосаксов, викингов и норманнов. СПб., 2002.

Киртичников А. Очерки из истории средневековой литературы. М., 1869.

Лазурский В. Ф. Курс истории западноевропейской литературы. Одесса, 1913.

Левестам Г. М. Исторический очерк древнескандинавской поэзии скальдов. Варшава, 1872.

Макаев Э. Я. Язык древнейших рунических надписей. М., 1965.

Малле П. А. Введение в историю датскую. В 2 ч. СПб., 1785.

Матюшина И. Г. Древнейшая лирика Европы. В 2 т. М., 1999.

Матюшина И. Г. Магия слова. Скальдические хулительные стихи и любовная поэзия. М., 1994.

Мелетинский Е. М. Введение в историческую поэтику эпоса и романа. М., 1986.

Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. М., 1976.

Мелетинский Е. М. Скандинавская мифология как система. М., 1973.

Мелетинский Е. М. «Эдда» и ранние формы эпоса. М., 1968.

Мелин Я., Юханссон А. В., Хеденборг С. История Швеции. М., 2002.

Мельникова Е. А. Древнескандинавские географические сочинения. М., 1986.

- Мельникова Е. А.* Меч и лира. М., 1987.
- Мельникова Е. А.* Образ мира. М., 1999.
- Мельникова Е. А.* Скандинавские рунические надписи. М., 1970.
- Мифы и легенды народов мира / Сост. Н. Будур и И. Панкеев. В 3 т. М., 2000. Т. 2.
- Мифы и магия индоевропейцев. М., 1995—1998. Вып. 1—6.
- Мифы народов мира. В 2 т. М., 1992.
- Младшая Эдда. М., 1995. (ЛП)
- Моуэт Ф.* От ариев до викингов, или Кто открыл Америку? М., 2004.
- Мюссе Л.* Варварские нашествия на Европу. СПб., 2001.
- Наследие варягов. Диалог культур. М.; Стокгольм, 1996.
- О религии и нравах древних скандинавов. М., 1829.
- Олгейрссон Э.* Из прошлого исландского народа. Родовой строй и государство в Исландии. М., 1957.
- Оливье Ж.* Походы викингов. М., 1963.
- Пенник Н., Джонс П.* История языческой Европы. СПб., 2000.
- Петрухин В.* Мифы древней Скандинавии. М., 2002.
- Петрухин В.* Мифы финно-угров. М., 2003.
- Погодин М.* Исследования, замечания и лекции о русской истории. М., 1846. Т. 1.
- Полевой П.* Опыт сравнительного обозрения древнейших памятников народной поэзии, германской и славянской. СПб., 1864.
- Полевой П.* Под звон мечей. Народные сказания Севера и Запада Европы. СПб., 1898.
- Поэзия скальдов. М., 1987. (ЛП)
- Представления о смерти и локализация иного мира у древних кельтов и германцев. М., 2002.
- Прокопий из Кесарии. Война с готами. М., 1950.
- Путь из варяг в греки. М., 1996.
- Розсдаль Э.* Мир викингов. М., 2001.
- Рыдзевская Е. А.* Древняя Русь и Скандинавия в IX—XIV веках. М., 1978.
- Сага о Волсунгах. М., 1934.
- Сага о Греттире. Новосибирск, 1976.
- Сага о Сверрире. М., 1988.
- Скандинавия. М., 1989. Вып. 1.
- Скандинавская мифология. Энциклопедия. М.; СПб., 2004.
- Славяне и скандинавы. М., 1986.
- Смирницкая О. А.* Стих и язык древнегерманской поэзии. В 2 т. М., 1994.
- Снорри Стурлусон.* Круг Земной. М., 1995.
- Снорри Стурлусон.* Сага об Инглингах // Средние века. 1973. Вып. 36.
- Старшая Эдда. М., 1975. (БВЛ)
- Старшая Эдда / Под ред. А. Н. Чудинова. СПб., 1897.
- Стасюлевич М.* История Средних веков в ее писателях и исследованиях новейших ученых. СПб., 1864.
- Стеблин-Каменский М. И.* Древнеисландская литература. М., 1979.
- Стеблин-Каменский М. И.* Исландская литература. Л., 1947.
- Стеблин-Каменский М. И.* Историческая поэтика. Л., 1978.

Стеблин-Каменский М. И. История древнескандинавской литературы. М., 1987.

Стеблин-Каменский М. И. Культура Исландии. Л., 1967.

Стеблин-Каменский М. И. Мир саги. Становление литературы. М., 1984.

Стеблин-Каменский М. И. Мир саги. Л., 1971.

Стеблин-Каменский М. И. Миф. Л., 1976.

Стрингольм А. М. Государственное устройство, нравы и обычаи древних скандинавов: Изящные искусства и науки, прочие знания, руны, религиозные верования на Севере // Чтения в императорском Обществе истории и древностей российских. М., 1860. Кн. 2. Отд. 4.

Стрингольм А. М. Походы викингов // Чтения в императорском Обществе истории и древностей российских. М., 1859. Кн. 4.

Стрингольм А. М. Походы викингов, государственное устройство, нравы и обычаи древних скандинавов. М., 1861.

Сырамятников С. Н. Сага об Эйрике Красном. СПб., 1890.

Тацит Корнелий. О происхождении германцев // Тацит. Соч. Т. 1. Анналы. Малые произведения. Л., 1969.

Тегнер Э. Сага о Фритьофе. Аксель. М.; Л., 1935.

Тегнер Э. Фритьоф, скандинавский витязь. СПб., 1898.

Тиандер К. Кульговое пьянство и древнейший алкогольный напиток человечества // ЖМНП. СПб., 1908. Ч. 18, декабрь. Отдел наук.

Тиандер К. Поездки норманнов в Белое море. СПб., 1902.

Тулов М. Эпос скандинавский // *Тулов М.* Руководство к познанию родов, видов и форм поэзии. Киев, 1853.

Успенский Ф. Б. Имя и власть. Выбор имени как инструмент династической борьбы в средневековой Скандинавии. М., 2001.

Фиш Г. Здравствуй, Дания! Отшельник Атлантики. Путешествия по Дании и Исландии. М., 1963.

Хойслер А. Германский героический эпос и сказание о Нибелунгах. М., 1960.

Хроника Эрика. Выборг, 1994.

Художественный язык средневековья. М., 1982.

Хьяльмаурссон Й. Р. История Исландии. М., 2003.

Чернышева О. В., Комаров Ю. Д. Церковь в скандинавских странах. М., 1988.

Чеснокова Т. А. Россия — Швеция. Диалог культур. М., 2004.

Шарыткин Д. М. Скандинавская литература в России. Л., 1980.

Шерр И. Всеобщая иллюстрированная история литературы. М., 1905.

Шерр И. Всеобщая история литературы. СПб., 1863.

Широкова Н. С. Культура кельтов и нордическая традиция античности. М., 2000.

Шлегель Ф. История древней и новой литературы. В 2 ч. СПб., 1834.

Щеткин Е. Скандинавский обряд погребения с кораблем в произведениях древнескандинавской литературы // ЖМНП. СПб., 1894. Ч. 295, сентябрь. Отдел наук.

Эдда. Скандинавский эпос / Пер. С. Свириденко. М., 1917.

Элиаде М. Тайные общества. М.; СПб., 1999.

Элиаде М. Шаманизм. Киев, 2000.
Эпос Северной Европы. М., 1989.
Эпоха крестовых походов. М., 2005.
Ярхо Б. Мансанг. М., 1917.

Andersen P. S. Samlingen av Norge og kristningen av landet 800—1130. Oslo, 1977.

Agrell S. Runornas tallmystik och dens antikka förebild. Stockholm, 1927.

Almgren B. The Viking. AB Nordbok, 1975.

Arntz H. Runenkunde. 1935.

Bæksted A. Målruner og trolldruner. Oslo, 1952.

Batey C., Clark Y., Page R. I., Price N. S. Cultural Atlas of the Viking World. Amsterdam, 1994.

Blindheim C. The Viking Age. Oslo, 1974.

Blum R. The Book of Runes. New York, 1982.

Branston B. The Lost Gods of England. New York, 1957.

Bugge S. Norges Innskrifter med de Aeldre Runer. Oslo, 1905—1913.

Bugge S., Olsen M. Norges Innskrifter med de Aeldre Runer, I—III. Oslo, 1891—1924.

Butler E. M. Ritual Magic. Cambridge, 1949.

Byock J. L. Medieval Iceland. Berkley, 1988.

Christensen A. E. Guide to the Viking Ship Museum. Oslo, 1987.

Cobat Y. The Vikings. London, 1987.

Cunnigham S. Earth Power. St. Paul, MN, 1984.

Davidson H. R. Ellis. Pagan Scandinavia. London, 1993.

Donovan F. The Vikings. New York, 1964.

Friesen von O. Om runeskriftens harkomst. Uppsala, 1904.

Friesen von O. Runorna // Nordisk Kultur. Bd. VI. Stockholm, 1933.

Friesen von O. Rökstenen. Stockholm, 1920.

Gadelius B. Tro och öfvertro i gångna tider. Stockholm, 1912.

Gennig H. Glossar zu den Liedern der Edda. Paderborn, 1907.

Graham-Campbell J. The Viking World. London, 1980.

Hasenfrazz H. P. Die religiose Welt der Germanen. Ritual, Magie, Kult, Mythos. Freiburg, Br., 1992.

Howard M. The Runes. Wellingborough, 1980.

Høst G. Runer. Oslo, 1976.

Indrebo G. Norsk maalsoga. Bergen, 1951.

Jakobsen L. Forbandelsesformularer. Oslo, 1935.

Jansson S. B. F. Runeinskrifter i Sverige. Stockholm, 1963.

Jesch J. Women in the Viking Age. Woodbridge, 1991.

Jochens J. Women in Old Norse Society. Y., 1995.

Jones G. A History of the Vikings. Oxford, 1984.

Krause W., Jankuhn H. Runeninschriften im älteren Futhark. 1966.

Kulturhistorisk Leksikon for Nordisk Middelalder 1—22. Oslo, 1956—1978.

Lehman A. Overtro og trolldom. Köbenhavn, 1968.

Lindquist I. Sigtuna-galdern. Stockholm, 1932.

List G. Das Geheimnis der Runen. Wien, 1908.

- Magnusson M.* Viking. London, 1976.
- Marstrander C. J. S.* Om runene og runenevnes oprindelse // Norsk Tidsskrift for Sprogvidenskab, 1. Bd., 1928. 3. Bd., 1929.
- Marstrander S.* De skjulte skipene. Oslo, 1986.
- Moltke E.* Runerne i Danmark og deres oprindelse. København, 1976.
- Nylen E.* Stones, Ships and Symbols. Stockholm, 1988.
- Olsen B.* Runerne i den oldislandske Literatur. København, 1890.
- Olsen M.* Runekammen fra Setre. Oslo, 1933.
- Osborne M., Longland S.* Rune Games. Boston, 1982.
- Page R. I.* Chronicles of the Vikings. London, 1995.
- Pedersen H.* Runernes Oprindelse // Aarb. f. Nord. Oldk., 1923.
- Pencak W.* The Conflict of Law and Justice in the Icelandic Sagas. Amsterdam, 1995.
- Peterzen J.* Magi. Stockholm, 1971.
- Roesdahl E.* Vikingernes Verden. København, 1987.
- Roban M. S., Allan R. S.* The Hammer and the Cross. Oxford, 1980.
- Runorna. Stockholm, 1933.
- Runristningar. Stockholm, 1994.
- Sawyer P. H.* Kings and Vikings. New York, 1994.
- Simpson J.* Everyday Life in the Viking Age. New York, 1971.
- Steinsland G., Sorensen P. M.* Menneske og makter i vikingenes verden. Oslo, 1994.
- Stenton F.* The Bayeux Tapestry. London, 1965.
- Ström F.* Nordisk hedendom. Lund, 1967.
- The Northern World. AD 400—1100. New York, 1980.
- Thorsson E.* Futhark. York Beach, ME, 1984.
- Turville-Petre E. O. G.* Myth and Religion of the North. Connecticut, 1977.
- Turville-Petre E. O. G.* Nine North Studies. London, 1972.
- Turville-Petre E. O. G.* Scaldic Poetry. Oxford, 1976.
- Uelie E.* Nordische-Germanische Mythologie als Mysteriengeschichte. Stuttgart, 1965.
- Willis T.* The Runic Workbook. Wellingborough, 1986.
- Wimmer L.* Runeskriftens Oprindelse og Utvikling i Norden. Oslo, 1847.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	6
<i>Глава первая.</i> Походы викингов и их путешествия по миру	10
<i>Глава вторая.</i> Государственное устройство	47
<i>Глава третья.</i> Мораль и нормы поведения	75
<i>Глава четвертая.</i> Семья и брак	92
<i>Глава пятая.</i> Скандинавская усадьба и ее повседневная жизнь	114
<i>Глава шестая.</i> Пиршества и увеселения	130
<i>Глава седьмая.</i> Врачевание ран и медицинские познания	153
<i>Глава восьмая.</i> Литература и искусство	166
<i>Глава девятая.</i> Одежда и украшения	187
<i>Глава десятая.</i> Хронотоп викингов	197
<i>Глава одиннадцатая.</i> Магия Севера	210
<i>Глава двенадцатая.</i> «Рун не должен резать тот, кто в них не смыслит...»	230
<i>Глава тринадцатая.</i> Скальды, пророчицы и руны	269
<i>Глава четырнадцатая.</i> Военная организация общества	308
<i>Глава пятнадцатая.</i> Способы и средства передвижения	343
<i>Глава шестнадцатая.</i> Язычество и христианство	357
<i>Глава семнадцатая.</i> Погребальные обряды	370
<i>Глава восемнадцатая.</i> Повседневная жизнь в Исландии	388
<i>Приложение.</i> Мифы и легенды викингов	414
Видение Гюльви	414
Мед поэзии	436
Похищение Идунн	438
Ожерелье Брисингов	440
Почему золото называют «Волосами Сив»?	442
Путешествие Тора в Страну Великанов	444
Смерть Бальдра и казнь Локи	452
Избранная библиография	457

Будур Н. В.
Б 90 Повседневная жизнь викингов. IX—XI века / Наталия Будур; предисл. авт. — М.: Молодая гвардия, 2007. — 463 [1] с.: ил. — (Живая история: Повседневная жизнь человечества).

ISBN 978-5-235-03002-2

«Эпохой викингов» в Скандинавских странах (Швеции, Норвегии, Дании) называют период, охватывающий IX, X и первую половину XI столетия — время воинственных и дерзких дружин отважных морских воинов-викингов, первых скандинавских королей-конунгов, древнейших из дошедших до нас средневековых эпических песен и сказаний.

Книга, которую вы держите в руках, — попытка приоткрыть дверь в суровый и величественный мир норманнов, представить себе жизнь, которую вели люди на Севере больше десяти веков назад. Особое место в книге занимают сюжеты, связанные с рунической письменностью и рунической магией.

**УДК 94(368) “520.1”
ББК 63.3(4)4**

Будур Наталия Валентиновна
ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ВИКИНГОВ.
IX—XI ВЕКА

Главный редактор **А. В. Петров**
Редактор **И. В. Черников**
Художественный редактор **А. Ю. Никулин**
Технический редактор **Н. И. Михайлова**
Корректоры **Т. И. Маляренко, Г. В. Платова, Т. В. Рахманина**

Лицензия ЛР № 040224 от 02.06.97 г.

Сдано в набор 11.01.2007. Подписано в печать 13.06.2007. Формат 84x108/32. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Гарнитура «Гарамон». Усл. печ. л. 25,2+1,68 вкл. Тираж 5000 экз. Заказ 73919.

Издательство АО «Молодая гвардия». Адрес издательства: 127994, Москва, Сушевская ул., 21. Internet: <http://mg.gvardiya.ru>. E-mail: dse1@gvardiya.ru

Типография АО «Молодая гвардия». Адрес типографии: 127994, Москва, Сушевская ул., 21.

ISBN 978-5-235-03002-2

СКОРО ВЫЙДУТ В СВЕТ:

Т. Диттрич

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ВИКТОРИАНСКОЙ
АНГЛИИ

Н. Никитина

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ЛЬВА ТОЛСТОГО
В ЯСНОЙ ПОЛЯНЕ

Ж. Сустьель

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
АЦТЕКОВ НАКАНУНЕ
ИСПАНСКОГО
ЗАВОЕВАНИЯ

А. Вульф

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
РОССИЙСКИХ
ЖЕЛЕЗНЫХ
ДОРОГ

П. Фор

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
АРМИИ АЛЕКСАНДРА
МАКЕДОНСКОГО

ISBN 978-5-235-03002-2

9 785235 030022

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ